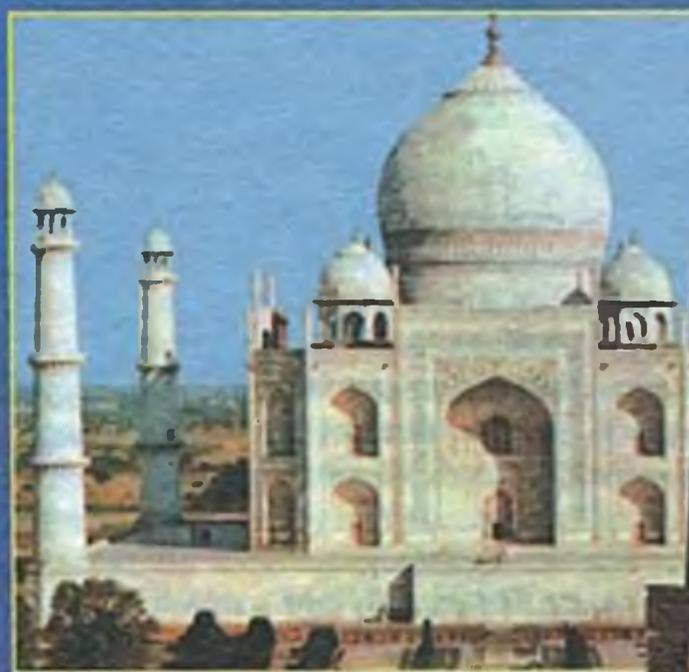

УВ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

Новая история стран Азии и Африки

XVI–XIX века Часть 2

ВЛАДОС

УЧЕБНИК
ДЛЯ ВУЗОВ

Новая история стран Азии и Африки

XVI–XIX века

В 3 частях

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора А.М. Родригеса

Часть 2

*Рекомендовано Министерством образования и науки
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений*

Москва

ГУМАНИТАРНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР

ВЛАДОС

2010

УДК 94(5+6)“654”(075.8)

ББК 63.3(0)5(5+6)я73

Н72

Авторский коллектив:

Ванина Е.Ю., кандидат исторических наук, — гл. I, § 1—8;
Рафалюк С.Ю., кандидат исторических наук — гл. I, § 9—12;

Лосев Ю.И., доктор исторических наук,
профессор — гл. I, § 13—15;

Родригес-Фернандес А.М., доктор исторических наук,
профессор — гл. II, гл. VI;

Ланда Р.Г., доктор исторических наук,
профессор — гл. III, гл. V;

Шахов А.С., кандидат исторических наук — гл. IV;
Джентиев Д.Р., кандидат исторических наук — гл. VII.

Н72 Новая история стран Азии и Африки. XVI—XIX вв. :
учебник для студ. высш. учеб. заведений / [Е.Ю. Ванина и
др.]; под ред. А.М. Родригеса : в 3 ч. — М. : Гуманитар.
изд. центр ВЛАДОС, 2010. — Ч. 2. — 463 с.

ISBN 978-5-691-01237-2.

ISBN 978-5-691-01349-2(Ч.2).

Агентство СІР РГБ.

Авторы учебника в свете новейших достижений исторической науки рассматривают важнейшие события и проблемы истории стран Азии и Африки в Новое время, предлагают оригинальную хронологию Нового времени, анализируют основные тенденции общественного развития стран Азии и Африки в указанный период.

Настоящий учебник издается в трех частях. Во второй части представлена история стран Индии, Афганистана, Средней Азии, Ирана, Кавказа, Османской империи, арабских стран XVI—XIX вв.

УДК 94(5+6)“654”(075.8)

ББК 63.3(0)5(5+6)я73

© Коллектив авторов, 2004

© ООО «Гуманитарный издательский
центр ВЛАДОС», 2004

© Серия «Учебник для вузов» и серийное
оформление. ООО «Гуманитарный
издательский центр ВЛАДОС», 2004

ISBN 978-5-691-01237-2

ISBN 978-5-691-01349-2(Ч.2)

Содержание

Предисловие	7
Глава I. Индия в XVI—XIX вв.	8
§ 1. Индия в XVI в. Политическая история	8
§ 2. Аграрный строй Могольской империи XVI—XVIII вв.	13
§ 3. Город, ремесло, торговля	17
§ 4. Автимогольские движения и распад империи	20
§ 5. Начало европейского проникновения в Индию	37
§ 6. Индия в XVIII в.	39
§ 7. Общественная мысль и наука Индии XVI—XVIII вв. ...	57
§ 8. Литература и искусство Индии XVI—XVIII вв.	67
§ 9. Территориальная экспансия английской Ост-Индской Компании в первой половине XIX в.	75
§ 10. Внутренняя политика англичан в Индии в первой половине XIX в. Экономические факторы колонизации	82
§ 11. Последствия культурной политики англичан в Индии. Рам Мохан Рой	91
§ 12. Сопrotивление народов Индии британскому колониальному гнету. Индийское народное восстание 1857—1859 гг.	95
§ 13. Аграрная политика англичан в Индии во второй половине XIX в.	103
§ 14. Развитие буржуазных отношений в Индии. Новые методы колониальной эксплуатации. Экспорт в Индию английского капитала	109
§ 15. Формирование идеологии национального обновления Индии. Индийский национальный конгресс и Мусульманская лига	115
Глава II. Афганистан в XVI—XIX вв.	121
§ 1. Хозяйство и общественный строй афганского населения в XVI—XVII вв.	121
§ 2. Возникновение первых очагов государственности в Кандагаре и Герате. Завоевание Афганистана Надир-шахом	127

Содержание

§ 3. Образование державы «Дуррани». Общественный строй и завоевательные походы	132
§ 4. Ослабление Дурранийской державы	139
§ 5. Годы феодальной раздробленности. Приход к власти Дост Мухаммеда	144
§ 6. Первая англо-афганская война (1838—1842)	148
§ 7. «Второе правление» Дост Мухаммеда. Последняя попытка вернуть Пешавар. Политика на севере ...	153
§ 8. Вторая англо-афганская война (1878—1880) и восшествие на престол Абдурахмана	158
§ 9. Внутренняя и внешняя политика Абдурахмана	164
§ 10. Борьба Абдурахмана с англичанами за «полосу независимых племен»	173
§ 11. Читральский конфликт и завоевание Кафристана. Афганистан накануне XX в.	178
Глава III. Средняя Азия в XVI—XIX вв.	183
§ 1. Средняя Азия в XVI—XVIII вв.	183
§ 2. Этнические процессы в регионе XVI—XIX вв.	191
§ 3. Средняя Азия в конце XVIII — первой половине XIX в.	198
§ 4. Средняя Азия в составе Российской империи	207
§ 5. Джадиды и подъем национальных движений в Туркестане в конце XIX — начале XX в.	215
Глава IV. Иран в XVI—XIX вв.	223
§ 1. Государство Сефевидов в XVI в.	223
§ 2. Иран в эпоху правления Аббаса I и его преемников ...	230
§ 3. Социально-экономические отношения в Иране в XVIII в. Особенности государственного строя	237
§ 4. Ослабление и распад Сефевидского государства. Иран под властью афганцев и Надир-шаха	242
§ 5. Иран во второй половине XVIII в. и утверждение у власти династии Каджаров. Социально-экономический и политический строй	249
§ 6. Англо-французское соперничество в Иране. Русско-иранские войны. Проблема Герата	254
§ 7. Бабидские восстания. Попытки реформ Амир Незама	259
§ 8. Превращение Ирана в полуколонию	263

Глава V. Кавказ в XVI—XIX вв.	267
§ 1. Кавказ, его история и специфика	267
§ 2. Северный Кавказ. Положение в XVI—XVIII вв.	278
§ 3. Присоединение Северного Кавказа к России в XVIII—XIX вв.	289
§ 4. Азербайджан в XVI—XVII вв.	303
§ 5. Азербайджан в XVIII—XIX вв.	309
§ 6. Армения в XVI—XVIII вв.	320
§ 7. Национальное возрождение Армении	325
§ 8. Грузия в XVI—XVII вв. Феодальная раздробленность	332
§ 9. Движение за воссоединение с Россией в XVIII—XIX вв. Грузия в составе Российской империи	339
Глава VI. Османская империя в XVI—XIX вв.	350
§ 1. Турция в XVI в. Становление империи	350
§ 2. Общественный строй	354
§ 3. Государственно-административная система. Армия. Упадок Османской империи	360
§ 4. Турция и Россия в начале XVIII в. «Генеральные Капитуляции» 1740 г.	365
§ 5. Османская империя в конце XVIII в. Зарождение «Восточного вопроса»	368
§ 6. Реформы Селима III	372
§ 7. Вторжение французских войск в Египет. Свержение Селима III. Греческое восстание и его последствия	375
§ 8. Возникновение «Египетского кризиса». Ункяр-искелесийский договор	380
§ 9. Реформы Махмуда II (1826—1839). Усиление экспансии иностранного капитала	382
§ 10. Второй этап «египетского кризиса». Начало танзимата. Лондонская конвенция 1840 г.	385
§ 11. Крымская война (1853—1856) и ее последствия для Турции. Второй период Танзимата	390
§ 12. Возникновение просветительского и конституционного движения. «Новые османы»	394
§ 13. Переворот «новых османов» и «Конституция Мидхата»	397

§ 14. Русско-турецкая война (1877—1878) и разгон парламента. Сан-Стефанский и Берлинский трактаты 1878 г. Империя накануне XX в.	400
---	-----

Глава VII. Арабские страны Азии в XVI—XIX вв.

Османская Сирия (Сирия, Ливан и Палестина)

в XVI—XIX вв.	404
§ 1. Сирийские провинции Османской империи до начала эпохи реформ (XVI — начало XIX в.)	404
§ 2. Общественно-политическая борьба в провинциях «Османской Сирии» в XVIII — начале XIX в.	416
§ 3. Традиционное общественное сознание в «Османской Сирии» к началу XIX в.	429
§ 4. Османская Сирия в период египетской оккупации и в период Танзимата (30—70-е годы XIX в.)	435
§ 5. Проникновение западных идей и первые ростки сирийского патриотизма. Российское присутствие в Сирии и Палестине в XIX в.	453
§ 6. Сирийские провинции Османской империи в период правления Абдул-Хамида II (1876—1908)	458

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий учебник издается в трех частях. Вторая его часть посвящена истории Индии, Афганистана, Средней Азии, Ирака, Кавказа, Османской империи и арабских стран в XVI—XIX вв. В это время страны Азии и Африки вступали в длительную полосу кризиса своих феодальных (а кое-где и еще дофеодальных) структур, а затем стали сравнительно легкой добычей капиталистических стран Запада. Вместе с тем определяющей чертой этого периода будет непрекращающаяся антиколониальная борьба народов Востока.

В предлагаемом учебнике авторы в качестве рубежа между Средними веками и Новым временем рассматривают эпоху Великих географических открытий, начало которой положили плавания Христофора Колумба (1492 г.) и Васко да Гамы (1498 г.). Именно эти открытия коренным образом реально изменили не только географическую, но и экономическую, социальную, политическую картину всего мира. На Западе началась так называемая «революция цен», ставшая мощнейшим катализатором развития капиталистических отношений и, в конечном итоге, превращения большинства европейских держав и США в метрополии. На Востоке, в свою очередь, тот же процесс вызвал противоположные последствия. Там наблюдались застой, отставание от Запада в сферах экономики и культуры, что в конечном итоге превратило когда-то высокоразвитые восточные страны в колонии и полуколонии. Таким образом, возникли колониальная система и общемировой экономический рынок, где страны Востока играли подчиненную роль. Впервые в истории человечества история стала единой.

Рубежом Новой и Новейшей истории авторы обозначили грань XIX и XX веков. Это мотивировано тем, что меняющиеся реалии того времени также оказали огромное влияние на весь мир — как на Запад, так и на Восток. На Западе в конце XIX в. свободный капитал стал переоформляться в монополистический, что совершенно изменило ситуацию в развитых странах. А на Востоке именно в конце XIX в. начинается развитие капиталистических отношений, что, в свою очередь, породило новые классы и группы общества, буржуазное революционное движение и последующие буржуазные революции («пробуждение Азии»), ставшие прологом к развалу колониальной системы. Кроме того, именно на грани веков произошли первые межимпериалистические конфликты (испано-американская война 1898 г., англо-бурская война 1899—1902 гг. и русско-японская война 1904—1905 гг.), ставшие прообразом будущих мировых войн. Таким образом, хронология Нового времени предлагается в рамках начала XVI — конца XIX веков. Однако это не означает, что авторы отрицают право на другие точки зрения по данному вопросу.

§1

Индия в XVI в.Политическая история

Начало XVI в. Индия встретила в состоянии глубокой раздробленности. Делийский султанат формально продолжал существовать, но на деле его правители владели лишь жалким обломком державы. «Власть Шах Алама — от Дели до Палама», — шутили в то время¹. Возникшие на обломках султаната государства Гуджарат, Малва, Джаунпур, Бенгалия, раджпутские княжества, достигли значительного уровня экономического и культурного развития, но постоянные междоусобицы ослабляли и истощали их. На Декане завоеванные делийскими султанами территории также получили независимость и вошли в состав крупного государства, которым правила мусульманская династия Бахманидов (ее основателем был наместник делийского султана). В конце XV — начале XVI в. это государство также распалось на ряд более мелких, но достаточно сильных в военном и экономическом отношении султанатов: Биджапур, Берар, Ахмаднагар, Бидар и Голконда. И держава Бахманидов, и возникшие на ее обломках султанаты постоянно воевали с могущественным, охватывавшим почти всю Южную Индию государством Виджаянагар, которым правила индусская династия. Свидетелем одной из войн между Бахманидами и Виджаянагаром стал находившийся в то время в Индии тверской купец Афанасий Никитин. Он, в частности, подтвердил, что в этой войне, как и в других конфликтах конца XV в., индийские армии применяли огнестрельное оружие. И Виджаянагар, и мусульманские султанаты были экономически и культурно развитыми

¹ *Шах-Алам* — букв. «Владыка Мира», так титуловали делийских султанов. Палам — местечко на южной окраине Дели, ныне там расположен аэропорт.

государствами, создавшими богатую литературу и оставившими последующим эпохам множество архитектурных шедевров. Но постоянные войны ослабляли их. В 1565 г. деканским султанатам удалось объединиться и нанести Виджаянагару поражение, от которого это мощное государство уже не смогло оправиться: начался необратимый процесс его распада. Часть земель Виджаянагара поделили между собой победители, не предполагавшие, что им осталось недолго торжествовать.

Занимавший делийский престол в 20-е годы XVI в. султан Ибрахим не оставлял надежд вернуть отколовшихся вассалов под свою руку. Но и собственные придворные были недовольны им, в их среде возникла идея пригласить в Индию **Бабур**, правителя Ферганы. Талантливый военачальник и превосходный поэт, он какое-то время правил и Самаркандом, но лишился почти всех своих владений в борьбе с узбекскими ханами и братом-соперником и бежал в Афганистан, где вскоре захватил власть в Кабуле. С 1519 г. он начал набеги на Индию, всякий раз увозя богатую добычу. Бабур давно мечтал о покорении Индии, но смог приступить к осуществлению этого замысла лишь в 1526 г., когда узнал о предстоящем походе своих врагов на Кабул, а также о том, что недовольные делийским султаном Ибрахимом индийские феодалы готовы пригласить его в Индию. Они надеялись на то, что этот среднеазиатский воитель поможет избавиться от султана Ибрахима, а добыча будет ему достаточной платой за труды. Итак, Бабур вторгся в Индию, захватил Панджаб и 21 апреля 1526 г. в битве при Панипате наголову разбил султана Ибрахима, а затем занял Дели. Очень скоро пригласившие его индийские феодалы поняли, что «этот тюрок» не собирается уходить обратно, а рассчитывает утвердиться на делийском престоле. Они объединились против Бабура, но 13 марта 1527 г. были также разбиты. Бабур захватил еще ряд индийских земель и объявил себя их правителем, положив тем самым начало новой династии и новой империи — империи Великих Моголов¹.

¹ «Могол» — искаженное на индийский лад слово «монгол». Бабур возводил свой род к Тимуру, а через него — к Чингисхану, отсюда название династии. «Великими Моголами» ее позже, в XVII в., назвали европейцы, восхищенные богатством и роскошью правителей Дели.

Бабур умер в 1530 г. Он разделил владения между сыновьями, отдал Индию любимцу — Хумаюну и завещал остальным братьям подчиняться ему. Но наследники и не думали выполнять волю отца. Против Хумаюна объединились братья и мусульманские феодалы из Бенгалии и Бихара. Разбитый в двух сражениях, бездарный и безвольный Хумаюн бежал в Синд, а затем в Иран. Власть на целые 15 лет (1540—1555) перешла в руки афганских феодалов из рода Сур. Лишь в 1555 г. Хумаюн смог вернуться на делийский престол, но вскоре умер.

Акбар и его реформы

В 1556 г. тринадцатилетним подростком на трон взошел сын Хумаюна Акбар (1542—1605), ставший подлинным основателем империи и величайшим реформатором в истории средневековой Индии. Унаследовав от отца лишь несколько разоренных войной полунезависимых провинций, Акбар смог, где военной силой, где дипломатическими путями расширить свои владения во много раз, присоединив к ним богатейшие области Гуджарата, Бенгалии, Центральной Индии и Капмира, а также земли деканских султанатов Берара и Ахмаднагара. Гордых и воинственных раджпутских князей, вечных возмутителей спокойствия, он превратил в своих верных союзников, породнившись с наиболее могущественными их кланами, и раджпутская кавалерия стала основой могольской армии.

Акбар осуществил ряд реформ, призванных создать на месте рыхлого, неуправляемого образования, каким была унаследованная им могольская империя, сильное централизованное государство. Административная реформа разделила империю на провинции во главе с наместниками, которым подчинялась четкая структура налогового и судебного аппарата. Была введена единая для всей империи система мер и весов, а также календарь, причем, что крайне важно, этот календарь был основан не на догматах ислама или индуизма, а на последних достижениях астрономической науки, в том числе на трудах великого среднеазиатского астронома Улутбека.

Исключительную важность для экономики страны имела налоговая реформа, в рамках которой поземельный налог,

раньше собиравшийся в натуральной форме и доходивший до одной трети урожая, был переведен в денежную. Чтобы уплатить его, крестьяне должны были продать урожай на рынке, тем самым способствуя развитию товарно-денежных отношений в империи. В конце 70-х годов падишах попытался отменить существовавшую в течение веков военно-ленную систему и жаловать за службу не землями, а деньгами. Ответом на этот шаг стали мятежи в различных провинциях, так что реформу пришлось отменить. Акбару пришлось ограничиться введением системы рангов (*мансабов*), которые присваивались феодалам, находившимся на государственной службе. Каждому чину (*зат*) соответствовала цифровая градация (*савар*), показывавшая, сколько всадников («савар» и означает «всадник») должен был на доходы со своих земель содержать обладатель данного чина. Для борьбы со злоупотреблениями Акбар ввел хорошо зарекомендовавшую себя у афганских феодалов, правивших Дели во время изгнания его отца Хумаюна, практику ежегодных смотров феодалов с их отрядами. Во время этих смотров кони каждого *мансабдара* клеймились, что исключало передачу их от одного военачальника другому.

Акбар активно содействовал развитию ремесла и торговли, отменив ряд наиболее тяжелых пошлин с купцов и ремесленников. Но наибольшую славу принесла ему религиозная реформа, целью которой было консолидировать правящую элиту, вне зависимости от вероисповедания. В рамках этой реформы Акбар, вопреки установлениям исламского права, отменил существовавший на протяжении всей истории Делийского султаната, крайне обременительный и еще более унижительный налог с немусульман — *джизию*. Впервые в истории Индии, да и всего средневекового мира, Акбар отказался делить религии на «истинную» и «ложную», а подданных и вообще людей — на «истинно верующих» и «неверных». Целью политики государства было объявлено не благо мусульман, а «мир для всех». «С самого начала, — писал Акбар иранскому шаху Аббасу I, — мы были настроены не принимать во внимание различия в религиозных доктринах и считать все народы слугами божьими. Следует заметить, что благодатью господней отмечены все религии, и необходимо приложить всевозможные усилия, чтобы достичь вечно цветущих садов мира для всех». Акбар объявил в своих владениях полную свободу вероисповедания, отменил любую дискриминацию

немусульман. При дворе стали отмечаться на равных индусские и мусульманские праздники: Акбар появлялся публично с *тилаком* — индусским священным знаком на лбу, беседовал со священнослужителями различных конфессий. Возможность свободно проповедовать была предоставлена и прибывшим из Рима католическим миссионерам. Они, вместе с муллами, брахманами, служителями иных религий, принимали участие в бурных диспутах, устраивавшихся в специально построенном по приказу Акбара «доме молитв» — своеобразном дискуссионном клубе, где в присутствии самого падишаха представители всех конфессий могли отстаивать свои убеждения. Эти дискуссии, которые нередко перерастали в драку между противниками, навсегда отвратили, по свидетельству современника, сердце падишаха Акбара от религиозного фанатизма.

Религиозная политика Акбара вызывала недовольство мусульманских феодалов и консервативной части духовенства. Они напрямую обвиняли падишаха в ереси, поднимая народ на восстания против него. На их стороне был сын и наследник Акбара **Джахангир** (правил с 1605 по 1627 г.): взойдя на трон, он свел на нет многие начинания отца. Слабовольный и бездарный политик, хотя и не лишенный других талантов (известно, что Джахангир был тонким ценителем искусств, особенно живописи, сам хорошо рисовал), он передал бразды правления своей любимой жене Нур Джахан. Эта энергичная, умная и властолюбивая женщина была фактическим правителем страны. При Джахангире могольские войска окончательно покорили Ахмаднагар, а вот их попытка вторгнуться в княжество Ассам на востоке Индии окончилась поражением.

При сыне Джахангира **Шах Джахане** (правил с 1628 по 1657 г.) империя достигла зенита своего могущества. Европейские путешественники восхищались невиданной роскошью придворного быта. Могольское государство вело активную завоевательную политику, присоединяя богатые земли на Декане, что давало могольскому войску огромную добычу, феодалам — новые земли, но при этом разоряло «старые» провинции империи: так в 30-е годы XVII в. страшный голод поразил Гуджарат. Ряд деканских походов армии Шах Джахана окончился неудачей, но все же Биджапур и Голконда признали себя вассалами и данниками Моголов.

§ 2

Аграрный строй Могольской империи XVI—XVIII вв.

Основой экономики Могольской империи, как и других средневековых государств Индии, было сельское хозяйство. В нем было занято до 80—85% населения, которое, по подсчетам ученых, составляло к 1600 г. около 150 млн чел. Сфера обрабатываемой земли постоянно расширялась, и в ряде регионов (например — Индо-Гангская низменность, Пенджаб, восточная часть Гуджарата, Андхра, страна тамилы) путешественникам, по их словам, приходилось проезжать через сплошное поле, где был обработан каждый клочок земли, и одна деревня почти переходила в другую. Однако, такие территории, отличавшиеся высокой плотностью населения и интенсивностью сельского хозяйства, соседствовали с горами, густыми джунглями, пустынями, где относительно редкое население занималось скотоводством, примитивным земледелием. Многие районы были заселены племенами, сохранявшими первобытный образ жизни. Обилие невозделанных земель позволяло крестьянам, если войны и гнет делали их жизнь невыносимой, забрасывать старые деревни и переселяться на новые земли. Освоение новых земель обычно поощряло и государство, предоставляя налоговые льготы.

Сельское хозяйство Индии XVI—XVIII вв. имело довольно высокий уровень продуктивности, чему способствовало применение крестьянами различных удобрений, техники севооборота. Для орошения полей использовались каналы (их было относительно немного), резервуары и колодцы, от которых по канавам воду отводили на поля. Для подачи воды использовали приводимые в движение быками водяные колеса. Важнейшим «поставщиком» воды для рек, резервуаров, каналов были ежегодные муссоны. Урожайность многих культур превышала аналогичные показатели в других странах, включая европейские. Орудия труда индийских земледельцев были хорошо приспособлены

к условиям почвы того или иного района (легкий плуг, который англичане впоследствии назвали «примитивным», на деле как нельзя лучше соответствовал североиндийским «легким» почвам с неглубоким плодородным слоем). В большинстве районов собирали по два урожая зерновых в год. Широкое распространение получили садоводство и огородничество. Но особенно важным для развития экономики было то, что в сельском хозяйстве неуклонно росла доля технических культур (хлопка, сахарного тростника, тутового дерева, индиго, шафрана, позднее табака). Некоторые регионы, как, например, Гуджарат, целиком специализировались на производстве этих культур и полностью зависели от подвоза зерна из других районов. Рост производства технических культур стимулировал развитие товарно-денежных отношений.

Сельская община — главная ячейка аграрного общества — была сложной структурой, включавшей в себя несколько социальных уровней и целую систему отношений. Верхний слой общины составляла доминировавшая в данном регионе земледельческая каста: *джаты* (Северная Индия), *кунби* (Махараштра и Гуджарат), *оккалига* (Карнатака), *веллала* (Тамилнаду) и т. д. Они пользовались правами свободных земледельцев (в документах их называли *малики* — «хозяева» или *худкашт* — «самостоятельные») и составляли главное податное население деревни. Из их рядов выделялась богатая и влиятельная общинная верхушка, совмещавшая должности деревенских старост и чиновников налогового аппарата. Многие представители этой верхушки превращались в мелких и средних феодалов, отказывались от обработки земли в пользу военного дела, принимали образ жизни феодальной знати и начинали претендовать на более высокий (кшатрийский) кастовый статус. Ниже полноправных общинников находился многочисленный слой безземельных арендаторов и батраков, обрабатывавших земли «хозяев», а самыми бесправными и угнетенными были общинные слуги и ремесленники из низких каст и неприкасаемых (кузнецы, кожевенники, цирюльники, стиральщики, плотники, уборщики и т. д.), которые обслуживали полноправных членов общины и получали за эту ритуально нечистую работу, по индусским представлениям, зафиксированную многолетним обычаем долю урожая.

Все земли в могольском государстве делились на три основные категории. Из государственного домена (*халиса*)

падишах раздавал должностным лицам за службу военные лены (*джагиры*). Ленник (*джагирдар*) получал право сбора с территории своего *джагира* причитающихся казне налогов. *Джагир* предоставлялся за военную службу: на полученные с пожалованных земель доходы *джагирдар* был обязан вооружить и поставить в шахскую армию определенное число воинов в зависимости от своего ранга — *мансаба*. Налоговое ведомство постоянно контролировало расходы *джагирдаров* и боролось, хотя и безуспешно, с их злоупотреблениями. В любой момент *джагир* могли отобрать или предоставить в другом месте. Это делалось для того, чтобы *джагиры* не превращались в наследственные владения, а их держатели — в суверенных правителей. На практике, однако, именно это зачастую и происходило, и в источниках XVII в. часто встречаются «давние» или «наследственные» *джагиры*. *Джагир* постепенно приобретал черты суверенного феодального владения.

Из земель *халиса* государи раздавали свободные от уплаты налогов пожалования (*сюргал*) храмам, мечетям, другим религиозным учреждениям, что считалось богоугодным делом. Значительную прослойку феодального класса составляли *заминдары* — либо мелкие феодалы, выходцы из общинной верхушки, либо индусская знать, сохранившая и при мусульманских владыках свои владельческие права на земли в обмен на покорность и уплату дани. Многие *заминдары* поступали на службу к могольским падишахам и получали свои же земли уже в качестве «наследственного *джагира*». Помимо государственных земель и военных ленов существовали земли, находившиеся в частной собственности (они обозначались специальным термином *милк*). Это были пустоши, освоенные владельцем на собственные средства, земли под домами в городах, участки и целые деревни, подаренные храмам и мечетям, а также сами земли полноправных крестьян-общинников. Эти земли передавались по наследству, могли быть объектом купли-продажи, но кастовые правила и общинные традиции накладывали на эти операции ряд ограничений.

Главной формой налогообложения был *мал* (или *харадж*) — земельная рента-налог, которую полноправные общинники платили либо государству, если земля входила в фонд *халиса*, либо феодальному держателю. Этот налог, который при Акбаре стали взимать в денежной форме, был крайне тяжелым, поскольку в отдельные годы составлял даже половину

урожая. Помимо ренты, с крестьян вaimалось еще множество налогов, включая и «незаконные» (в пользу местных феодалов), с которыми государство безуспешно боролось. Не менее обременительными были для крестьян принудительная работа на строительстве дорог, крепостей, каналов, участие в загонной охоте феодальных владык, постой армии, разорявшей деревни не хуже неприятеля. Формально крестьянин в Могольской Индии был лично свободен, не знал крепостного права и барщины, но, покинув свою общину, он везде становился чужаком и лишался каких-либо прав. Крестьян-недоимщиков, бежавших из деревни, местным властям предписывалось ловить и карать. Для сбора недоимок и борьбы с крестьянским протестом часто применялись жестокие репрессии.

§ 3 Город, ремесло, торговля

Города (в XVII в. в них проживало 15—20% населения) играли роль экономических, административно-политических и культурных центров. Многие из них были весьма многолюдны: население Дели, Лахора, Агры, Ахмадабада в XVII в. превышало полмиллиона человек. Между городом и деревней существовал, пусть и ограниченный, обмен товарами. В городе развивался целый ряд ремесел, которые отсутствовали в сельской местности; для городского ремесла вообще был характерен более высокий уровень техники и разделения труда. Особенно высокого уровня развития достигло городское ткачество. В нем появились новые орудия труда, например — станок для крупноузорных тканей, ленточный станок, новые технические приемы (набойка тканей). Активно развивалось разделение труда: производство некоторых тканей делилось на 12 операций, выполнявшихся отдельными работниками, которые подчас жили в разных городах и были связаны между собой через рынок. Далеко за пределами Индии славилась бенгальские муслины — хлопчатобумажная ткань невероятной тонкости и красоты. Нить, которая шла на их изготовление, была невидима для прядильщицы, которая ставила на солнце тазик с водой и протягивала над ним нить, чтобы видеть хоть тень от нее на поверхности воды. Руки этих женщин и девушек были способны различить на ощупь более 20 степеней тонкости нити! Знамениты были и индийские набивные ситцы: для господина Журдена, героя мольеровской комедии «Мещанин во дворянстве», обзавестись халатом из такого ситца значило приобщиться к аристократии. Высокого уровня достигла обработка металла, особенно в оружейном деле: европейцы хорошо отзывались об индийских пушках, мушкетах и пистолетах. В прибрежных городах, особенно в Сурате, строились корабли европейского типа, и английская Ост-Индская Компания часто заказывала их для себя.

Большинство ремесленников работало в своих мастерских с помощью членов семьи, иногда используя труд наемных помощников или учеников. Бедность, а также необходимость покупать на рынке сырье и материалы, заставляла их брать авансы у купцов под еще не готовую продукцию. Окончательный расчет обычно бывал в пользу купца, так что ремесленник рано или поздно попадал в долговую кабалу. Скупка изделий у ремесленников, авансирование их, раздача им сырья для дальнейшей обработки — таковы были формы проникновения торгового капитала в ремесло, и от индийских купцов эту практику переняли и европейцы. Наиболее опытные и искусные мастера работали по найму в мастерских (*кархана*), принадлежавших падишахам, местным феодалам и богатым купцам. Эти мастерские изготавливали, главным образом, предметы роскоши, но во многих случаях представляли собой крупное производство мануфактурного типа. Основной формой социальной организации городских ремесленников были ремесленные касты, функции которых были во многом аналогичны цеховым. Каста в лице своих старшин вступала в контакты с государством, купцами и прочими кастами, регламентировала производство, поддерживала нуждавшихся и пользовалась некоторой автономией в решении внутренних дел. Известно немало случаев, когда касты выступали организаторами протеста ремесленников.

Для Индии XVI—XVIII вв. был характерен высокий уровень развития торговли. Вся страна была покрыта сетью взаимосвязанных рынков — от небольшого сельского до огромных городских. Сотни кораблей и караванов увозили индийские товары во все концы света. Города являлись центрами торгового обмена, от местного до международного: здесь в позднее Средневековье, развернул активную деятельность торговый и банковский капитал, представленный как индивидуальными предпринимателями, так и крупными ассоциациями, «домами», «фирмами», имевшими отлаженные связи внутри Индии и за ее пределами. Городское купечество отличалось высоким коммерческим профессионализмом, у него была вполне сложившаяся система «бюргерских» ценностей и детально разработанные принципы деловой этики. Первоклассные коммерсанты, индийские купцы поражали европейских путешественников деловой хваткой и уникальной техникой устного счета; хранив коммерческую тайну, они пользовались

в переписке и при переговорах особым шифрованным языком. Огромные доходы приносили банковские операции, кредиты, обмен денег. По выданному в Индии кредитному письму купец мог легко получить деньги в Самарканде и Джедде, Пегу и Маскате, даже в Астрахани, где с XVII в. существовала большая колония индийских купцов, которой русские цари оказывали покровительство. Наиболее богатые купцы нередко кредитовали императорский двор и оказывали заметное влияние на политическую жизнь. Торговые касты играли важную роль в управлении городами, хотя та автономия, которой они пользовались в раннее Средневековье, в Могольской империи у них была отнята.

Городской культуре Индия обязана многими достижениями искусства, литературы, новыми идеями: так, например, наиболее радикальные религиозно-реформаторские течения возникли именно в городах. Горожане первыми знакомились с технологическими, бытовыми и культурными новинками, в их среде была несравненно больше, чем в сельской местности, распространена грамотность (они писали на санскрите, фарси, местных языках). Не случайно на многих индийских языках слово «городской» означает также «изящный», «образованный», «утонченный». В среде горожан, особенно тех, кого называли «людьми базара», сложилось свое мировоззрение, своя система ценностей, весьма отличная от брахманского идеала или менталитета военно-феодалной элиты. Здесь в цене были мастерство, ловкость, предприимчивость, бережливость, расчетливость и ловкость, подчас не брезгающая обманом, — все это отразилось в различных жанрах городской литературы.

§ 4

Антимогольские движения и распад империи

Еще при Шах Джахане, несмотря на всю мощь империи и роскошь двора, исподволь обнаружались признаки кризиса и распада, которые во всю силу проявились в правление следующего падишаха, Аурангзеба (правил с 1658 по 1707 г.). Аурангзев пришел к власти в результате дворцового переворота (его отец Шах Джахан был свергнут с престола и закончил свои дни под домашним арестом) и кровавой войны с тремя своими братьями, среди которых особенно выделялся старший, Дара Шукох. Высокообразованный человек, талантливый ученый, Дара Шукох хотел возобновить реформы Акбара, но оказался плохим политиком и неудачливым полководцем. В отличие от него, Аурангзев был опытным военачальником и мастером политических интриг. Он предпринял множество завоевательных походов на Декан, включив в состав государства почти всю Индию, кроме крайнего Юга. Фанатичный мусульманин, он видел спасение уже разваливавшейся империи в насаждении норм ортодоксального ислама и с этой целью вновь ввел *джизию*, установил для индусов двойные по сравнению с мусульманами ставки всех прочих налогов, запретил индусам отмечать свои праздники, повелел начать разрушение их храмов. Все это подхлестнуло и без того уже тлевшее в разных концах огромной империи недовольство властью Моголов.

Великие Моголы утверждали и укрепляли свою власть в Индии огнем и мечом. Экспансия встречала сопротивление, и даже на завоеванных территориях время от времени вспыхивали сепаратистские выступления, возглавлявшиеся, как правило, местными феодалами, которые не могли смириться с утверждением власти чужеземцев. При этом следует иметь в виду, что сопротивление могольской экспансии оказывали не только индусские княжества, но и те государства, где правили

мусульманские феодалы. Религиозный фактор играл, разумеется, важную, но не единственно определяющую роль.

Антимогольские движения, с которыми приходилось сталкиваться Акбару, представляли собой, главным образом, либо сопротивление завоеванию, либо мятежи феодалов-сепаратистов, как индусов, так и мусульман, в различных районах империи. Крупнейшим из таких движений было вооруженное восстание афганских племен, которыми руководил вероучитель — исмаилит, талантливый поэт Баязид Ансари. Движение было направлено как против Моголов, так и против собственной племенной верхушки. Мятежным афганцам удалось в 1586 г. нанести страшное поражение могольской армии в одном из ущелий Свата. Однако вскоре новая карательная экспедиция осадила повстанцев в горах и принудила к сдаче. После этого восстания продолжались до начала XVII в., хотя постепенно выделявшаяся из массы повстанцев (их называли *роушанитами*) верхушка влилась в могольскую знать, приняла *джагиры* от могольских падишахов.

При Джахангире также не было крупных антимогольских движений, если не считать продолжавшихся восстаний *роушанитов* и начала вооруженных выступлений сикхов (об этом речь пойдет ниже). И лишь при Шах Джахане, а особенно — при Аурангзебе, когда начался кризис империи, перешедший впоследствии в необратимый процесс распада, Моголам пришлось столкнуться с подлинными антимогольскими движениями.

Что отличало эти движения от сепаратистских выступлений, обычных как для Могольской империи, так и для всех крупных феодальных государств на территории Индии? Прежде всего — массовый характер вооруженной борьбы, наличие определенной идеологической основы, в большинстве случаев так или иначе связанной с религиозно-реформаторскими течениями, более или менее заметная роль этнической консолидации и связанные с ней патриотические настроения, наконец — осознание участниками движения необходимости добиться независимости от империи и создать государство на собственной этнической и конфессиональной основе.

Могольская империя была конгломератом народов, находившихся на разных стадиях социально-экономического, политического и этнокультурного развития. В этих условиях, разумеется, не могло быть и речи о едином центре антимогольской борьбы, хотя лидеры различных движений хорошо

знали друг о друге, считали себя союзниками в общей борьбе и в некоторых случаях пытались координировать свои действия. В различных регионах империи антимогольские движения имели целый ряд особенностей с точки зрения движущих сил, идеологического обеспечения, роли этнического фактора и т. д.

Освободительное движение маратхов

Махараштра — регион, где процесс этнической консолидации проявился, пожалуй, с наибольшей силой в доколониальной Индии. Историческая память этого народа сохранила воспоминания о сильных государствах Чалукьев, Раштракутов и Ядавов, основу которых составляли маратхи. Язык маратхи имел длительную историю развития, и уже в раннее Средневековье он заметно потеснил санскрит в сфере официального делопроизводства и даже религии, на нем была создана богатая литература, в которой с большой силой проявили себя патриотические настроения.

Страна маратхов на протяжении всего XVI в., а затем и XVII в. была ареной кровопролитных войн. Армии султанатов Ахмаднагара и Биджапура, войска Моголов неперестанно сталкивались здесь, сея смерть и опустошение. Но если в мусульманском султанате Ахмаднагар маратхи играли значительную роль, а их язык признавался государственным наряду с фарси, то Великими Моголами они воспринимались совсем по-иному. Для маратхов они были дважды чужаками: и мусульманами, и представителями Севера. Когда, начиная со времен Акбара, могольские армии стали совершать набеги на Ахмаднагар и Биджапур, маратхские феодалы, подданные этих двух мусульманских султанатов, храбро воевали против Моголов. Один из них, **Шаху Бхонсле**, возвысился на службе у правителей Ахмаднагара и Биджапура. Войны против Моголов позволили этому выходцу из маратхской общинной верхушки сделать головокружительную карьеру, превратиться в крупного феодала и полководца. Когда в 1636 г. Ахмаднагар был завоеван Моголами, Шаху Бхонсле продолжал борьбу против Моголов при негласной поддержке Биджапура. На службе этому государству он приобрел множество земельных пожалований и стал одним из крупнейших феодалов Биджапура. Сыну

Шаху, Шиваджи (1630—1680), история уготовила почетную роль вождя освободительного движения и национального героя маратхов.

Детство Шиваджи прошло в пунском *джагире* отца, где он поселился со своей матерью, жившей в неофициальном разводе с мужем. С юных лет Шиваджи участвовал в военных походах и междоусобных войнах, которые были обычными явлениями в Махараштре. Не достигнув и двадцатилетнего возраста, Шиваджи уже имел в своем распоряжении испытанное войско, состоявшее из маратхской молодежи, горцев — мавали и воинов из племени рамоши. В 1646 г. Шиваджи внезапным ударом захватил крепость Торну; на деньги, ставшие добычей в этом набеге, он построил в горах близ Пуны мощную крепость Райгарх, ставшую впоследствии опорным пунктом освободительной войны. Действуя где силой, где хитростью (последнее в большей степени), за последующий десяток лет Шиваджи объединил под своей властью княжество, включавшее Пуну, Сатару, Мавал (горную область Западных Гхатов), а также северную и южную часть Конкана, экономически развитой прибрежной территории. На первых порах Шиваджи выступал не в качестве вождя освободительной борьбы, а как один из многочисленных маратхских феодалов, стремившихся расширить свои владения за счет менее удачливых соседей и слабеющего Биджапура. Проявляя незаурядное дипломатическое искусство, он лавировал между Биджапуром и Моголами, нередко подстрекая их к столкновениям, поддерживая то одного, то другого. Когда после смерти Шах Джахана началась война за престолонаследие, и могольский натиск на Декане временно ослаб, Биджапур попытался расправиться с Шиваджи. В 1658—1659 гг. биджапурская армия под командованием Афзал Хана пыталась усмирить маратхского вождя. Здесь и произошел знаменитый, прославленный в маратхских хрониках и балладах эпизод. Афзал Хан пригласил Шиваджи на переговоры в крепость Дзавли, намереваясь убить его во время беседы. Предупрежденный одним из приближенных Афзал Хана о готовящемся предательстве, Шиваджи явился на переговоры, спрятав под одеждой кольчугу; руки его были в железных перчатках, из которых выпускались при необходимости «тигриные когти» (*багнакха*). Когда Афзал Хан, обняв Шиваджи, нанес ему удар кинжалом, тот вонзил в живот *багнакху* и кликнул своих воинов, скрытно

приведенных к месту свидания. Афзал Хан был убит, его армия разгромлена, но через год самому Шиваджи пришлось спасаться бегством из крепости Панхала, осажденной биджапурскими войсками под командованием сына Афзал Хана, жаждавшего отомстить за отца.

Война с Биджапуром продолжалась с переменным успехом до 1661 г. Вскоре, однако, ситуация осложнилась: маратхам пришлось вести битву на два фронта. Усиление Шиваджи должно было рано или поздно привести к конфликту с Моголами, которые на первых порах стремились поддерживать хорошие отношения с маратхским вождем, особенно пока он досаждал Ахмаднагару и Биджапуру, но нисколько не сомневались в том, что столкновение с Шиваджи неизбежно. Утвердившись на престоле и покончив с братьями-соперниками, Аурангзеб обрушил на маратхские земли всю мощь своих завоевательных армий. На первых порах Моголы попытались заключить союз с Биджапуром против Шиваджи, но маратхский вождь удачным дипломатическим маневром добился того, что Биджапур вышел из коалиции и заключил в 1661 г. мир с маратхами. Тем временем Моголы развивали наступление, сея смерть и разрушение. Маратхские крестьяне, как свидетельствует очевидец-хронист, были на стороне Шиваджи; Аурангзеб приказал конфисковать все найденное в деревнях оружие и всех лошадей, но в результате народное сопротивление вспыхнуло с еще большей силой.

Теперь Шиваджи был уже не просто одним из амбициозных феодальных правителей, он стал народным вождем. Освободительная война против Моголов осознавалась как противостояние не только завоеванию, но и всей политике Аурангзеба, которая несла обнищание, разорение и оскорбление религиозных святынь, причем не только для маратхов или индусов в целом. Среди воинов и приближенных Шиваджи было немало мусульман. Сам Шиваджи неоднократно подчеркивал, что воюет не против приверженцев ислама, а против тирании Моголов и, как вынужден был признать враждебно настроенный к нему могольский хронист, старался не оскорблять религиозных чувств мусульман: его солдатам было приказано падать мечети, а попадавшие в их руки экземпляры Корана надлежало с почтением передавать мусульманам.

Особый характер антимогольской войны повлиял на формирование и действия армии Шиваджи. Основу маратхского

войска составляла легкая кавалерия, набранная из крестьян: эта конница не была наемной, как у Моголов, а пополнялась за счет рекрутской повинности с каждой общины, да и в добровольцах не было недостатка. Конями (обычно три лошади на двоих) и оружием всадников снабжала сама община, и лишь свою личную гвардию Шиваджи вооружал за счет казны. В отличие от тяжелой, неповоротливой, обремененной обозами могольской армии, где военачальники не отказывали себе в удобствах и развлечениях и даже везли с собой гаремы, маратхская конница была исключительно подвижной и как нельзя лучше подходила для ведения полупартизанской войны в условиях гористой местности. Никаких обозов, прислуги и даже палаток, воины и их командиры спали под открытым небом, фураж и пропитание добывали у крестьян, причем за деньги. За грабежи на маратхской территории Шиваджи наказывал с исключительной суровостью, подчеркивая при этом, что если его солдаты начнут грабить маратхских крестьян, то те «решат, что вы хуже Моголов». Что касается немаратхских земель, то там грабить разрешалось, но насилия над брахманами, женщинами и убийство коров запрещалось. Все источники того времени отмечали, что армия Шиваджи была дисциплинированной и спаянной духом освободительной борьбы. Излюбленной тактикой маратхов были внезапные атаки, ложные отступления с целью заманить врага в ловушку, перехват обозов и почты неприятеля. С помощью крестьян Шиваджи наладил великолепную разведку; деревенские жители сообщали ему обо всех передвижениях врага, заваливали или отравляли колодцы, сжигали все, что могло быть полезно могольской армии.

Моголы вторглись в самое сердце Махараштры, опустошили Пуну, и главнокомандующий падишахской армии, дядя Аурангзеба Шаиста Хан устроил свой штаб в доме, где прошло детство Шиваджи, дабы унижить маратхского вождя. Но Шаиста Хан торжествовал недолго, Шиваджи с тысячью воинов ночью напал на его лагерь и едва не захватил могольского полководца спящим. В 1664 г. Шиваджи дерзким налетом захватил Сурат, важнейший коммерческий центр Могольской империи. Город подвергся страшному разграблению, маратхам досталась колоссальная добыча, причем воинам было приказано не брать ничего, кроме золота, серебра, драгоценных камней. Для Моголов это был не просто экономический урон,

а вызов, оскорбление. Стремясь разделаться с «горными крысами», как при могольском дворе презрительно называли маратхов, Аурангзеб собрал огромную армию и подчинил ее раджпуту Джай Сингху, что имело важный политический подтекст: Джай Сингх был индусом из знатнейшего раджпутского рода, восходившего своими корнями якобы к самому Раме.

Джай Сингх возглавлял армию, втрое превосходящую силы маратхов; к тому же, он привлек на свою сторону недовольных усилением Шиваджи маратхских феодалов. В 1665 г. Шиваджи был вынужден подписать с Джай Сингхом унижительный Пурандхарский договор, по которому маратхское государство теряло около 80% территории, сын Шиваджи Самбхаджи поступал на службу Моголам, а сам Шиваджи обязался выставить 10-тысячное войско в помощь могольскому походу на Биджапур. Но поход этот кончился неудачей, посланные Шиваджи войска перешли на сторону Биджапура, а последний заключил союз с Голкондой. Опасаясь, как бы Шиваджи не присоединился к этой коалиции, Аурангзеб пригласил Шиваджи в Агру, соблазняя маратхского вождя различными уступками и щедрыми обещаниями. Видимо, надеясь добиться мира для измученной страны, Шиваджи с сыном и небольшой свитой прибыл в Агру. Но здесь его подвергли публичному унижению, а когда он заявил протест, то по приказу Аурангзеба маратхский вождь был арестован и вместе с сыном заключен под стражу. Оттуда Шиваджи с сыном осуществили дерзкий побег и, несмотря на погоню, вернулись в Махараштру.

Через три года Шиваджи возобновил войну и отнял у Моголов земли, захваченные ими по Пурандхарскому договору. Он вновь ограбил Сураат, и город уже никогда не оправился от разорения. Война продолжалась с переменным успехом, Шиваджи осуществлял дерзкие набеги на территории Моголов, на земли Биджапура и Голконды, разоряя местных жителей так же, как Моголы разоряли Махараштру. Со всех окрестных территорий маратхи вимали *чаутх* (четверть всей собираемой с данной местности податей; уплата *чаутха* спасала от маратхского набега). В 1674 г. Шиваджи торжественно короновался по всем предписанным древними обычаями церемониям как правитель независимого маратхского государства. После коронации он продолжал завоевания, распространившие государство Шиваджи за пределы Махараштры, в области Тамилнаду и Карнатаки.

Маратхи создали свою независимую державу, но радоваться победам было рано. Когда Шиваджи умер в 1680 г., между его сыновьями Самбхаджи и Раджарамом вспыхнула борьба за престол, закончившаяся кровопролитием. В 1682 г. в Махараштру вновь вторглась огромная могольская армия под руководством самого Аурангзеба. В этой войне, несмотря на свое численное превосходство, Аурангзев не сразу начал активные действия. В течение почти двух лет он играл с маратхами, точно кошка с мышью, дожидаясь, пока тыл его укрепится. Лишь в 1684—1685 гг. он по-настоящему вступил в войну, прошел огнем и мечом по Махараштре, захватывая важные крепости, истребляя пленных и местное население. Затем, неожиданно для всех, Аурангзев увел войска из Махараштры и бросил их сначала против Биджапура, потом Голконды. К 1687 г. оба эти государства перестали существовать. Включив их в свои владения, Аурангзев теперь мог беспрепятственно обрушиться на маратхов, что и было сделано в 1688 г. А Самбхаджи тем временем проявлял абсолютную беспечность, то развлекаясь пирами и охотой, то участвуя в мелких и бесполезных стычках с враждебными маратхскими феодалами. Вскоре последовал вполне заслуженный финал: беспечно пировавший в одном из своих дворцов Самбхаджи был захвачен Моголами и в марте 1689 г. казнен.

Моголы захватили столицу Махараштры Райгарх, все стратегически важные крепости. Страна была залита кровью. Убежденный, что война с «горными крысами» закончилась, и независимое государство маратхов перестало существовать, Аурангзев увел войска из Махараштры, оставив лишь гарнизоны. Но торжество падишаха было преждевременным. Маратхи оправившись от страшного потрясения, и вскоре вся страна была охвачена пламенем народной партизанской войны. Младшему сыну Шиваджи, Раджараму, удалось бежать из осажденного Райгарха в Джинджи, горную крепость в Карнатаке, и укрепиться там. И хотя у него не было ни талантов, ни возможностей возглавить освободительное движение, само известие о том, что маратхский государь жив, что сын национального героя не погиб, воодушевляло сердца маратхов, которые под руководством своих полевых командиров отважно сражались против могольских захватчиков. Аурангзев попытался захватить Джинджи, но потерпел неудачу. С 1692 г. маратхи перехватили инициативу, а обострившийся в то время кризис империи подорвал силы Аурангзеба.

Сами могольские военачальники тайно поддерживали сношения с маратхами, охотно получали от них взятки, а Зульфикар Хан, осаждавший Джинджи, тайно помог Раджараму покинуть крепость, и лишь потом взял ее. Раджарам вернулся в Махараштру. После его смерти в 1700 г. к власти пришла его жена **Тара Баи**, регентша при малолетнем сыне. Эта умная, энергичная и талантливая женщина сыграла важную роль в восстановлении маратхского государства, хотя о единстве времен Шиваджи уже не приходилось и мечтать: каждый маратхский феодал, каждый полевой командир действовал на свой страх и риск. Попытка Аурангзеба вновь привести Махараштру к покорности кончилась полной катастрофой. Падишах, по сути дела, потерял на Декане свою армию; маратхи в союзе с мятежными феодалами Бунделкханда и Южной Индии начали вновь совершать набеги на территорию Моголов. Смерть Аурангзеба ускорила агонию империи, и вскоре маратхи и Моголы поменялись ролями: уже правителям Дели пришлось отбивать нападения «горных крыс», с честью отстоявших свою свободу и восстановивших к началу XVIII в. независимое государство маратхов.

Движение сикхов

Совсем по-другому обстояли дела в далеком от Махараштры **Панджабе**, где главной движущей силой мощного антимогольского движения стали *сикхи*. Вооруженному выступлению сикхов предшествовал длительный период, в течение которого сикхизм существовал как мирная секта, к которой могольские правители относились вполне терпимо. Акбар даже встречался с гуру Амардасом в 1571 г., милостиво беседовал с ним и впоследствии покровительствовал сикхам, защищая их даже от ортодоксальных брахманов.

При первых наследниках гуру Нанак — Ангаде, Амардасе, Рамдасе, Арджуне — сикхизм сохранял подчеркнута мирный характер религиозно-реформаторского движения, главными участниками которого были ремесленники и торговцы. Идеалом сикхизма в то время считался скромный, смиренный труженик-домохозяин, не помышлявший о каком-либо вооруженном сопротивлении. Во главе общины стояли *гуру* — наследственные вероучители, живые боги для рядовых сикхов. Община делилась

на округа, возглавляемые агентами гуру — *масандами*, собиравшими с каждого сикха налог в пользу гуру. Постепенно гуру, не брезговавшие торговлей, сосредоточили в своих руках огромные денежные средства. *Масанды* превращались в настоящих феодалов, державших в полном подчинении рядовых сикхов. Уже к концу XVI в. во главе общины стояли не скромные проповедники, каким всю жизнь оставался Нанак, а настоящие государи, быт которых был мало отличим от быта могольских вельмож или индусских раджей. Построенный сикхами на пожалованной Акбаром земле город Амритсар превратился в столицу полунезависимого государства в государстве. Столкновение с Моголами было неизбежно. И когда в 1605—1606 гг. гуру Арджун оказал помощь принцу Хусро, поднявшему мятеж против своего отца Джахангира, это переполнило чашу терпения падишаха. Арджун был казнен в Дели, и сикхи взяли за оружие.

При этом развитие сикхского освободительного движения, равно как и эволюция его идеологии, обладали целым рядом особенностей. Сикхи начали вооруженную борьбу тогда, когда их община из сообщества равных трансформировалась в теократическое государство, и процесс разложения общины зашел уже далеко. Внутри сикхского теократического государства даже стала развиваться феодальная анархия, поскольку *масанды*, превратившиеся в настоящих феодалов, стали всячески подчеркивать, что не они зависят от гуру, а гуру находится целиком в их власти. И хотя гуру Харговинд, преемник казненного Арджуна, принял титул «Истинный падишах», власть гуру все более и более слабела. Харговинд одержал ряд побед над Моголами, но среди его приближенных было немало предателей, активно помогавших неприятелю. Ни Харговинд, ни его преемник Тег Бахадур, также активно боровшийся против Моголов, не могли ничего противопоставить растущей власти *масандов*. Кроме того, антимогольская борьба, которую начали сикхи, была несовместима с проповедью смирения, пронизывавшей священное писание сикхов «Ади грантх». И сама община, и ее идеология нуждались в реформировании.

В 1675 г. гуру Тег Бахадур, поддержавший во время войны наследников Шах Джахана и активно выступавший против Моголов, был казнен в Дели. Общину возглавил его 15-летний сын гуру Гобинд (1660—1708), талантливый политик, полководец и поэт, человек разносторонне образованный,

беззаветно храбрый и одаренный. В его лице сикхское движение получило и военачальника, и реформатора.

Свою ставку Гобинд устроил не в Амритсаре, а в горных крепостях Анандпуре и Паонте. Сначала он попытался заключить союз с индусскими правителями, но те видели в сикхах лишь толпу плебеев. Главной опорой Гобинда стали крестьяне — джаты, ремесленники и торговцы Панджаба и других регионов Северной, Западной и даже Центральной Индии.

Свою реформу сикхского вероучения Гобинд начал с того, что отверг идею смирения. «Я не буду молча взирать на угнетение и насилие, царящие в мире, — писал он, — не уйду в аскетическое созерцание, закрыв глаза на мир... Пусть в одной руке будет пища для бедных, в другой — меч для тиранов!». Популярнейшим афоризмом, лозунгом восстания стали стихи Гобинда:

Когда все мирные средства исчерпаны и выхода нет,
Дозволено взять в руки меч!

Гобинд начал с реформы самой общины. Прежде всего, он считал необходимым избавиться от *масандов*, давно уже вызывавших гнев у сикхских масс. С этой целью гуру поручил труппе бродячих актеров разыграть перед собранием сикхов пьесу, видимо, написанную самим Гобиндом. Пьеса эта, живописавшая злоупотребления *масандов*, затронула нужную струну, и вооруженные зрители бросились на *масандов*. Гобинд вообще вскоре отменил эту должность; мало того, он осмелился ликвидировать сам пост гуру. Если гуру Арджун заявлял, что «бог и гуру — одно и то же», то Гобинд объявил, что гуру — это сама *халса*, т. е. сикхская община. Себя он считал лишь военным вождем сикхов и настаивал, что «те, кто назовут меня богом, отправятся прямо в ад. Знайте, что я лишь слуга божий». По свидетельству современников, Гобинд неоднократно нарушал сикхские установления и требовал предусмотренного сикхскими обычаями наказания: он делал это нарочно, чтобы подчеркнуть равенство всех членов *халсы*, обязательность ее законов для всех, включая себя самого.

Решающие изменения в судьбе сикхского движения произошли в 1699 г. во время многотысячного собрания по случаю праздника весны. В этот день Гобинд объявил о реформе общины. Отныне все вступающие в нее должны были проходить обряд посвящения: их окропляли водой, взболтанной кинжалом.

Были введены и другие отличия, призванные подчеркнуть, что сикхизм становился не одной из индусских сект, каковым его считали раньше, а отдельной религией. Каждому сикху вменялось в обязанность не стричься и не брить бороды, носить железный гребень, кинжал и металлический браслет, а также — особого покроя штаны; все мужчины — члены *халсы* получали в качестве прибавления к собственному имени титул «Сингх» («лев»), ранее встречавшийся лишь у раджпутской знати (таким образом Гобинд как бы «посвятил в рыцари» своих воинов — крестьян, ремесленников, торговцев). Девочкам стали давать при рождении мужские имена с добавлением слова Каур — «львица».

В тот же исторический день Гобинд обратился к сикхам с проповедью, которую записал могольский согладатель: «Пусть все примут одну веру и отбросят религиозную рознь. Пусть все четыре варны индусов, имеющие различные обычаи, отринут их все и станут братьями. Пусть никто не считает себя выше других». В сикхской общине произошел раскол: часть представителей высших каст покинула Гобинда, но остальные с восторгом приняли реформу. При этом следует отметить, что среди активных последователей Гобинда было немало и мусульман.

Гобинду удалось превратить общину, члены которой были в большинстве своем мирными, даже робкими и приниженными людьми, в сильную и дисциплинированную армию, отличавшуюся беззаветной отвагой и преданностью. Сикхи смогли разбить несколько крупных карательных экспедиций могольской армии, но в 1705 г. объединенные силы Моголов, раджпутов и пригималайских раджей нанесли повстанцам страшное поражение. Анандпур был взят штурмом, все его защитники погибли. Двое старших сыновей Гобинда пали в бою, а двое младших вместе с престарелой матерью гуру были захвачены в плен и замурованы живыми в стену. Сам Гобинд скрылся, его долго прятали, рискуя жизнью, торговцы-мусульмане, у которых карателям не пришлось в голову искать сикхского вождя.

Поражение не сломило Гобинда и его уцелевших соратников. Они продолжили партизанскую войну. Именно в это время Гобинд обратился к Аурангзебу со знаменитым посланием «Слово победы». Потерпевший страшное поражение, потерявший семью, вождь сикхов бросил в лицо победителю новый вызов. Он обвинил ревностного мусульманина Аурангзеба в неверии и неуважении к собственной религии, что было

вполне логично: ведь для Гобинда ислам и индуизм были едины, и жестокость к немусульманам означала оскорбление ислама. Сикхское движение Гобинд связал в этом письме с другими антимогольскими восстаниями и дерзко напомнил Аурангзебу о понесенном империей уроне: «С Юга (т. е. из Махараштры) ты вернулся несолоно хлебавши, в Меваре раджпуты проучили тебя, теперь ты обратил взор на Панджаб, но я разожгу огонь под твоими ногами!». Напомнив Аурангзебу о гибели своих детей, он советовал не обольщаться этим, ибо «тысячи сильных — мои дети».

Чувствуя, что сил его хватит ненадолго, Гобинд еще при жизни подыскал себе преемника в лице бродячего аскета из крестьян Банды Бахадура. В 1708 г. десятый и последний гуру сикхов, один из интереснейших исторических деятелей и поэтов Индии XVII в., пал от руки наемного убийцы. Несмотря на страшные репрессии, обрушившиеся на сикхов, и гибель Гобинда, подавить движение не удалось. Банда собрал армию из уцелевших сикхов и индусов низших каст (по словам могольского хрониста — 70 или 80 тыс.), взял Сирхинд, казнил сидевшего там наместником убийцу детей Гобинда и двинулся дальше, в сторону Дели. По дороге его воины изгоняли местных феодалов — раджпутов, захватывали фураж и зерно, но брали только необходимое, остальное же раздавали крестьянам. Подойти к столице, однако, повстанцы не рискнули; они повернули в Панджаб, прошли его огнем и мечом, захватили ряд городов, подошли к Лахору, но были отбиты. В Дели были настолько встревожены восстанием, что огромную карательную армию возглавил сам император Бахадур Шах. В кровопролитной битве близ Садхаура (декабрь 1710 г.) сикхи потерпели поражение. Банда с горсткой соратников бежал в крепость Лохгарх, но когда стало ясно, что Моголы неизбежно возьмут эту крепость, прорвался из окружения.

Банда укрылся в горах, а в 1711 г. снова появился в Панджабе, собрал армию, и борьба продолжилась с новой силой. Сикхи сражались с превосходящими силами Моголов до весны 1715 г., когда Банда был окружен могольскими войсками в крепости Гурдаспур. Осажденные в течение 9 месяцев мужественно отбивали атаки и боролись с голодом. И все же Гурдаспур был взят, большинство его защитников перебито, а Банда с группой сподвижников был приведен в Дели и подвергнут чудовищной казни, которую он принял с невероятным мужеством.

Могольские наместники Панджаба развернули против сикхов войну на уничтожение. Была назначена награда за голову каждого убитого сикха, а тот, кто сообщал о местонахождении мятежника, получал половину имущества последнего. Уцелевшие сикхи обрезали волосы и попытались смешаться с остальными крестьянами, но часть повстанцев, укрывшись в горах и в джунглях, продолжала партизанскую войну. Эти мелкие, разрозненные отряды, возглавляемые выборными командирами, к концу 30-х годов стали объединяться в войско, известное как *дал халса* (букв. отряд *халсы*). Именно сикхские отряды оказали героическое сопротивление войскам Надир Шаха и афганцев, перед которыми зачастую капитулировали могольские наместники.

Восстания в других районах империи

Помимо маратхов и сикхов, другие народы Индии также внесли свою лепту в разрушение империи. Особенно опасными для могольских властей явились восстания *джатов* — ведущей земледельческой касты столичного района Агра — Дели. В отличие от своих панджабских братьев, джаты этой области остались индусами, но различные реформаторские секты активно проповедовали в их среде.

Первое джатское восстание, руководимое Гоклой, началось в 1669 г. После того, как повстанцы одержали ряд побед, могольские власти предложили Гокле *джагир*, но подкупить джатского вождя не удалось. Среди джатов было немало людей, знакомый с военным делом; подобно своим панджабским братьям, они были и земледельцами, и воинами, нередко принимавшимися в могольскую пехоту. После долгих и кровопролитных боев Моголам удалось подавить восстание. Гокла взят в плен и казнен.

Новая вспышка восстания произошла в 1671—1672 гг. в округе Нарнаул на западе джатских земель. Здесь важную роль сыграла религиозно-реформаторская секта *сатнами* (букв. «носящие истинное имя»), об идейно-религиозных основах которой известно очень мало. Большинство членов секты было земледельцами и мелкими торговцами; они носили одежду аскетов, имели право приобретать богатство «только законным путем». Члены секты отличались гордым и независимым нравом, никому

не спуская обиду. Восстание началось с того, что солдат, охранявший урожай, проломил голову крестьянину — *сатнами*, а собратья пострадавшего набросились на обидчика. Вскоре огромная армия повстанцев штурмом взяла город Нарнаул. Джаты сражались так храбро, что распространился слух об их неуязвимости, недостижимости для пуль и мечей. Повстанцы двинулись на Дели, но, одержав ряд побед, все же потерпели поражение близ столицы.

Третье джатское восстание началось в 1686 г., когда могольская армия осаждала Биджапур, а в столичном округе оставалось сравнительно немного войск. На этот раз во главе восстания стояли выходцы из общинной верхушки джатов; главным среди них был староста деревни Сансани Раджа Рам. Восстание началось с дерзкого, но отвратительного и кощунственного поступка, оттолкнувшего от джатов не только мусульман, но и многих индусов. Повстанцы захватили Сикандру, пригород Агры, разграбили мавзолей Акбара и надругались над его прахом. Аурангзеб бросил против джатов карательную армию во главе со своим молочным братом Бахадур Ханом, которому лишь в 1688 г. удалось взять Сансани, но восстание продолжалось, и на правом берегу Джамны повстанцы создали «освобожденный район», где могольские чиновники боялись появляться. После гибели Раджа Рама восстание возглавил его брат Чураман. Чтобы справиться с джатами, Моголам пришлось призвать на помощь раджпутских раджей, владениям которых восстание угрожало непосредственно. В 1691 г. джаты потерпели поражение, но Чураман спасся, и в 1705 г. вновь поднял народ на моголов. Положение повстанцев на этот раз облегчалось начавшимся распадом империи и необходимостью для Моголов вести кровопролитную войну с сикхами. Из крепости Тхун, где Чураман устроил свою базу, джаты совершали дерзкие налеты на могольские гарнизоны. Богатая добыча досталась им после смерти Аурангзеба, когда в июне 1707 г. принц Азам потерпел поражение в войне за престол, и джаты напали на его отступающие войска.

Лишь в 1723 г. утвердившийся у власти Мухаммад Шах смог послать против джатов сильную карательную армию во главе с Савай Джай Сингхом, правителем Джайпура, ученым и дипломатом. Джай Сингх сумел подкупить обещанием наград, земельных пожалований и высокой должности Бадан Сингха, брата Чурамана. С его помощью крепость Тхун была

взята, ее защитники перебиты. Чураман покончил жизнь самоубийством. При содействии Джай Сингха Бадан Сингх установил свою власть над джатскими территориями и постепенно сам превратился в полунезависимого раджу. Но и это «замирение» джатов было недолгим: восстание вспыхнуло вновь, и возглавил его двоюродный брат Чурамаца, Сурадж Мал. Ему и его сподвижникам удалось превратить «освобожденный район» в маленькое независимое княжество.

Кризис империи, ослабление центральной власти, развитие антимогольских движений в различных регионах не могли не оказать влияния на Раджпутану. Одним из признанных вождей антимогольского восстания раджпутов стал правитель Мевара Радж Сингх (1623—1680).

Восстание началось в 1678 г., когда умер воевавший в Афганистане на стороне Моголов раджа соседней с Меваром области Марвар, известный полководец Джасвант Сингх. Через несколько дней одна из его жен родила сына Аджит Сингха. Аурангзеб решил посадить на престол Марвара своего ставленника, а маленького Аджит Сингха с матерью приказал отвезти в Дели. Сопровождавшие вдову с ребенком раджпуты заподозрили, что наследника в Дели могут убить. Тогда они организовали побег Аджит Сингха с матерью из Дели; Аурангзеб выслал за беглецами погоню, но раджпуты ценой жизни задержали могольский отряд. Аджит Сингха и его мать укрыл у себя Радж Сингх. Аурангзеб послал правителю Мевара несколько писем с приказом немедленно выдать Аджит Сингха, но ответа не дождался. И вот в 1679 г. огромное могольское войско во главе с самим Аурангзебом вторглось в Мевар. Радж Сингху пришлось покинуть свою столицу Удайпур и уйти с отрядом в горы.

Моголы разграбили Удайпур и Читор, разрушили индуские храмы. Радж Сингх ответил партизанской войной, в которой ему активно помогали местные крестьяне. Оставив в Раджпутане войско под началом сына, принца Акбара, Аурангзеб покинул Раджпутану, ибо мощные антимогольские движения в других частях империи не давали падишаху покоя. Воспользовавшись удобным случаем, Радж Сингх окружил могольские войска в ущелье, а спешившие им на помощь части разбил поодиночке. Принц Акбар вступил в переговоры с Радж Сингхом и вскоре заключил с ним тайный союз. Радж Сингх обещал Акбару в обмен на прекращение могольской экспансии в Раджпутане помощь в мятеже против отца.

В 1680 г. Радж Сингх умер; по некоторым сведениям, он был отравлен. После смерти Радж Сингха его сын и наследник Джай Сингх продолжил политику отца, и под его руководством раджпуты продолжали партизанскую войну. В 1709 г. Аджит Сингх был признан махараджей, а могольские войска покинули Раджпутану.

Еще одним центром антимогольской борьбы стал Бунделкханд. Его холмы, густые джунгли, скрывавшие неприступные крепости местных феодалов, никогда до конца не были покорены Моголами: словно сама природа предназначила этот дикий лесной край для партизанской войны. Вождем ее стал махараджа Чхатрасал из Панны, до сих пор почитаемый в Бунделкханде как народный герой.

В 1670 г. Чхатрасал встретился с Шиваджи, который благословил бунделкхандского вождя на борьбу с Моголами и подарил ему свой меч. В дальнейшем Чхатрасал неоднократно выступал в союзе с маратхами, а когда в 1727 г. могольский наместник в Аллахабаде Мухаммад Хан Бангаш вторгся с огромными силами в Бунделкханд, и Чхатрасал, преданный союзниками-раджами, был окружен, маратхи пришли к нему на помощь. Чхатрасал вырвался из окружения. Массовое сопротивление Моголам, в результате которого карательная армия двигалась по выжженной земле, и помощь маратхов привела к полному изгнанию Моголов из Бунделкханда и укреплению там маратхского влияния.

По сути дела, на территории Могольской Индии почти одновременно разворачивались различные по типологии народные движения. В Махараштре, Раджпутане и Бунделкханде — типичная освободительная война под руководством местных феодалов, а движение сикхов отличалось сочетанием религиозной реформации и освободительной войны. Обширная литература и фольклор, отразившие идеи антимогольских восстаний, четко фиксирует освободительный характер борьбы и отличается ярким патриотическим настроением. Именно антимогольские движения подарили Индии слово *сварадж* — «своя власть», ставшее впоследствии лозунгом национально-освободительного движения в XIX и XX вв. Имена Шиваджи, Гобинда, Радж Сингха, Чхатрасала были и остаются для индийцев свидетельством высокой нравственности и патриотизма, предметом национальной гордости, на которой воспитываются поколения.

§ 5

Начало европейского проникновения в Индию

Морской путь вокруг Индии португальцы открыли в 1498 г. В результате военных экспедиций под руководством Кабрала (1500), Васко да Гамы (1502 г.) и д'Албужерки (1510—1511 гг.) ими была захвачена сначала территория Гоа на Западном побережье Индии; затем Даман и Диу. Пользуясь рабощенностью южноиндийских правителей и своим превосходством в мореходной технике, португальцы пиратствовали на Аравийском море, грабили корабли, скупали пряности и ткани, которые потом вывозили в Европу, различные районы Азии и Африки. В своих владениях они жестоко эксплуатировали население, силой распространяя христианство. В 1560 г. португальцы познакомили население Гоа с таким «достижением» европейской цивилизации, как инквизиция. На кострах погибали тысячи индусов и мусульман, не желавших изменить своей вере, португальцы разрушали мечети и храмы. С закатом португальской империи их влияние в Индии сошло на нет, уступив место для новых «искателей счастья» — англичан и французов.

В 1600 г. была основана английская Ост-Индская компания, получившая в 1657 г. специальную хартию Кромвеля. Эта и последующие хартии дали Компании право объявлять войну и заключать мир, чеканить монету и содержать собственные вооруженные силы. Центрами коммерческой и политической деятельности английской Ост-Индской компании стали города Бомбей, Калькутта и Мадрас. В 1664 г. аналогичную компанию основали французы; их основные фактории находились в Пондишери и Чандранагаре. Активную деятельность в Индии вели также голландцы и датчане.

Главной сферой деятельности европейских торговых компаний в Индии была скупка товаров, пользовавшихся спросом в Европе и на азиатских рынках. Часто, следуя практике

индийских торговцев, европейские купцы выступали в роли организаторов производства, раздавая ремесленникам сырье или полуфабрикаты для дальнейшей обработки. За великолепные ткани, пряности, бруски металла, хлопок, пряжу, красители, опиум, сахар, рис, шелк-сырец Европа рассчитывалась только звонкой монетой — ей нечего было предложить Индии в обмен на ее товары. Английские авторы того времени постоянно называли Индию «пропастью, в которой исчезает наше золото», жаловались, что «индийские ткани разоряют английских ткачей».

И английская, и французская компании не были чисто коммерческими предприятиями: они действовали под контролем своих правительств, содержали контингенты войск, набранных как из уроженцев метрополии, так и из индийцев, спасавшихся от нищеты. Такие солдаты из местных жителей, служившие европейским компаниям, стали называться *сипаи* (от тюркского *сипахи* — воин). Обе крупнейшие компании активно вмешивались во взаимоотношения индийских правителей и играли все возрастающую роль в качестве самостоятельной политической силы.

§ 6

Индия в XVIII в.

В начале XVIII в. империя Великих Моголов рухнула под ударами мощных народных движений. Наследники Аурангзеба обладали только номинальной властью, им подчинялась, да и то скорее номинально, область между двумя столицами империи — Дели и Агрой. Завершающий удар по Моголам нанесло нашествие на Индию в 1739 г. иранского правителя Надир Шаха, разбившего могольскую армию и подвергнувшего Дели чудовищному разграблению. Все провинции объявили себя независимыми. За вторжением Надир Шаха во второй половине 50-х — начале 60-х годов последовали походы на Индию афганского правителя Ахмад Шаха Дуррани, также разграбившего Дели и многие окрестные территории.

Государства, возникшие на обломках империи Моголов, находились на разных уровнях социально-экономического, политического и культурного развития. Это был зрелый феодализм, еще не исчерпавший возможностей своей эволюции. Некоторые из новых государств по территории и населению были сравнимы с европейскими странами. В строительстве своей независимой государственности «наследники Моголов» опирались на различные модели. Одни являлись почти точными копиями с распавшейся империи, другие, не отказываясь от могольского наследия, пытались найти для себя и какие-то иные пути. В целом ситуация в Индии XVIII в. оценивалась современниками как тяжелая, кризисная, экономика и торговля переживали не лучшие времена, войны между новыми суверенными государствами разоряли города и селения. Но при этом упадок имперского центра сопровождался подъемом некоторых регионов и их столиц. В то время, когда делийские поэты оплакивали гибель империи и сравнивали некогда великолепную столицу с «засохшим садом», во многих бывших провинциальных центрах активно развивались ремесла

и торговля, бурлила культурная жизнь, возводились замечательные архитектурные сооружения. Правители новых государств наслаждались неограниченной властью, непрестанно воевали между собой, не осознавая, что главная угроза их благополучию исходила не от соседей, а от европейских колонизаторов, прежде всего англичан, перешедших в Индии от коммерческой деятельности к территориальным захватам.

Английские завоевания в Северной Индии и англо-французское соперничество

«Благородная английская Ост-Индская Компания», как она именовалась в официальных документах, к середине XVIII в. уже сохраняла немного сходства с Компанией времен ее основания — мирным сообществом торговцев, стремившихся получить как можно больше прибылей от торговли индийскими товарами. Основной целью ее политики было теперь не получение торговых привилегий от индийских государей, а установление непосредственного контроля над различными районами Индии. И в условиях, когда, по выражению К. Маркса, в Индии «все воевали против всех», наметились все предпосылки для осуществления этой задачи. Однако для того, чтобы политика территориальных захватов увенчалась успехом, Англии необходимо было одержать победу над другой европейской державой, претендовавшей на абсолютное влияние в Индии — Францией. Соперничество в Индии было лишь одной из сторон военного противоборства между двумя державами, ареной которого стала, без преувеличения, большая часть земного шара, от Канады до Индии. И если в войнах на индийской территории успеха сначала добились французы, которым в 1746 г. удалось взять главный опорный пункт англичан на Юге — Мадрас, то в последующих войнах, которые велись, в основном, на территории Хайдарабада и Карнатика, французы потерпели сокрушительное поражение. В результате Семилетней войны (1756—1763 гг.) Франция лишилась своих владений в Карнатике и Хайдарабаде. В ее распоряжении осталось лишь пять городов, укрепления которых, согласно договору, предстояло разрушить. Причины поражения Франции заключались в том, что во время Семилетней войны французское правительство было поглощено военными

действиями в Европе, в то время как англичане вели активные действия в колониях. Англия имела значительно более сильный флот, обеспечивший ей господство на море. Хорошо известен целый ряд тактических и стратегических ошибок французских военачальников в Индии, отсутствие слаженности и нередкие конфликты между ними. Однако главная причина поражения Франции состояла в том, что оно явилось прямым следствием того глубокого социально-экономического и политического кризиса, который охватил французское общество в период, предшествующий революции. Английское и французское правительства по-разному воспринимали роль своих Ост-Индских компаний в Индии. Для французского короля и его министров Индия была лишь поставщиком экзотических товаров, что обогащало купцов и казну, но без чего вполне можно было обойтись. Для Англии, передовой капиталистической державы того времени, колониальные захваты в Индии и других частях света входили в сферу жизненных интересов. В период первоначального накопления торговля индийскими товарами Англии также была необходима для обогащения купцов и казны, но в капиталистической Англии, «мастерской мира», дальнейшее развитие и особенно промышленная революция требовали не только дохода от торговли, но все в большей степени миллионов налоговых поступлений из захваченных районов Индии, а позже — рынка сбыта промышленных товаров. Таким образом, Франция, «засидевшаяся» в своей индийской политике на уровне первоначального накопления, была вытеснена с юга Индии английской Ост-Индской компанией.

В том, что Англия одержала полную победу над Францией в Семилетней войне, далеко не последнюю роль сыграл тот факт, что в 50—60-е годы XVIII в. Англии удалось захватить Бенгалию — богатейшую область высокоразвитого сельского хозяйства и всемирно известного ткачества. Еще во второй половине XVII в. английские купцы получали баснословные прибыли от вывоза бенгальских товаров, строили в различных городах фактории, на которых трудились ремесленники. Но в середине XVIII в. англичанам были нужны не торговые привилегии, даруемые могольскими наместниками, а полный контроль над Бенгалией, тем более что вступивший на престол правитель (наваб) Сирадж уд-даула был настроен враждебно к англичанам, которые открыто поддерживали других

претендентов на его престол. Известия об английских захватах на Юге подстегнули *наваба*, и в июне 1756 г. он начал войну с английской Компанией, захватил Касимбазар и Калькутту. Эти действия встревожили англичан, которые направили в Бенгалию из Мадраса отряд полковника Роберта Клайва и эскадру адмирала Уотсона. Клайву удалось, путем подкупа коменданта, взять Калькутту и овладеть Хугли. В это время в Индию вновь вторгся Ахмад Шах Дуррани, и *наваб* Бенгалии счел за лучшее заключить мир, согласно которому англичанам возвращались все привилегии, дарованные Моголами, в обмен на военный союз против Ахмад Шаха Дуррани. Однако, несмотря на мирный договор, Клайв твердо решил разделаться с *навабом*, а для этого «войти в союз с любыми силами в Бенгалии, которые недовольны навабом или претендуют на его престол». Такой силой оказался главнокомандующий армией *наваба*, его зять Мир Джафар. Обвинив *наваба* в нарушении мирного договора, Клайв с трехтысячным отрядом наголову разбил его многотысячное войско 23 июня 1757 г. при Плесси, чему в немалой степени способствовал Мир Джафар, который вывел из боя подчиненные ему войска. Вскоре после битвы Сирадж уд-даула был захвачен сыном Мир Джафара и казнен. Мир Джафар вззошел на престол, но истинным правителем Бенгалии стал Роберт Клайв, присвоивший за время своего правления (до 1767 г.) астрономические суммы денег.

Возведенный на бенгальский трон англичанами, Мир Джафар оказался в тяжелом положении, поскольку Клайв не только сам грабил страну, но и не препятствовал маратхам взимать традиционную дань с Бенгалии. В 1760 г. Г. Ванситтарт, сменивший Клайва на посту губернатора Бенгалии, возвел на престол зятя нового *наваба* Мир Касима, которому в результате ряда административных реформ удалось поправить финансовые дела и укрепить экономику, но его попытки с помощью французских и других европейских специалистов реорганизовать армию возбудили подозрения англичан. В 1763 г. Мир Касим поднял восстание при поддержке бенгальского и бихарского населения, доведенного до отчаяния притеснениями англичан. Он заключил союз с навабом области Ауд и могольским императором Шах Аламом II. Соединенная армия союзников была в 1764 г. наголову разбита при Буксаре. Вновь назначенный губернатором Бенгалии Клайв вынудил императора даровать Компании права

дивани. Согласно этой системе, получившей название Двойственного управления, судебная власть и полицейские функции оставались за местной администрацией, а сбор налогов взяла на себя Компания. Впрочем, такое управление вскоре стало двойственным лишь по названию: после смерти Мир Джафара, которого англичане вновь возвели на престол, трон *наваба* занимали его малолетние родственники, не способные влиять на состояние дел.

Так был открыт путь к ограблению Бенгалии, а также соседних с ней районов Бихара и Ориссы. Торговля постепенно отодвигалась на второй и даже третий план, главный интерес англичан состоял теперь в присвоении всех налоговых поступлений с городов и сел Бенгалии. При Клайве налоговый аппарат оставался таким же, как при могольских наместниках. Но Уоррен Хейстингс, ставший в 1772 г. губернатором Бенгалии, а впоследствии — генерал-губернатором (этот пост был введен парламентским актом 1773 г.), стал отдавать сбор земельного налога в бессрочный откуп. Это позволило удвоить налоговые поступления, но одновременно привело к массовому голоду, который в Бенгалии, Бихаре и Ориссе стоил жизни около миллиону крестьян. Из сферы торговли постепенно вытеснялись местные купцы. Нещадной эксплуатации подвергались ремесленники, которых силой принуждали заключать контракты с Компанией. Гибли ремесла, которыми Бенгалия некогда славилась на всем Востоке. Лицемерно осуждая «восточных деспотов», английские администраторы устанавливали в своих владениях режим такой феодальной эксплуатации, что ее не знала даже и Средневековая Индия. Например, согласно установлению 1766 г. все ремесленники, особенно строительных специальностей, подлежали регистрации, и никто не имел права нанимать их без специального разрешения Компании, которая устанавливала плату за труд, превысить ее не мог ни один частный наниматель. Законодательно закреплялась кастовая организация в городах. Для занятия ремеслом и торговлей требовалось приобретать особую лицензию, стоившую до 1/4 месячного дохода. Принудительный труд использовался с размахом не меньшим, чем при Моголах: только на строительство укреплений в Калькутте было силой согнано 8 тыс. работников.

Овладение Бенгалией открыло англичанам дорогу к захвату священного города индусов Варанаси и богатой области

Ауд (Авадх). Варанаси отошел к англичанам по договору с *навабом* Ауда, подписанному в 1775 г. В 1781 г. в Варанаси и окрестных районах вспыхнуло восстание, которое было жестоко подавлено. *Навабу* Ауда был навязан субсидиарный договор, согласно которому *наваб* был обязан субсидировать английские войска, расквартированные на его территории. Именно этим войскам, а не собственной армии *наваба*, надлежало собирать налоги, и защищать в случае войны. Вся внутренняя и внешняя политика *наваба* должна была осуществляться через Компанию. Такие договоры стали основой взаимоотношений англичан с индийскими государями там, где по тем или иным соображениям колонизаторы считали необходимым сохранить номинально власть князей. По субсидиарному договору индийский правитель был обязан выделять ряд областей, налог с которых шел на содержание английских войск. В результате эти области приходили в запустение, тогда правитель должен был выделять новые. Под двойным гнетом англичан и купавшегося в роскоши князя местное население обычно терпело неисчислимые бедствия и нередко восставало. Это часто бывало поводом для того, чтобы «ради сохранения закона и порядка» окончательно присоединить ту или иную область к владениям Компании. Так, несмотря на договор, к концу XVIII в. половина территории Ауда была отторгнута англичанами.

Начатое Хейстингсом ограбление Ауда и других североиндийских территорий продолжили его преемники, особенно Джон Шор (1793—1798), который после смерти *наваба* Асаф-уд-доула вмешался в спор между приемным сыном покойного Вазиром Али (его *наваб* перед смертью объявил наследником) и братом *наваба* Саадатом Али. Несмотря на волю покойного государя, Джон Шор возвел на престол Саадата Али, а Вазир Али сослал в Варанаси, где тот предпринял безуспешную попытку поднять восстание. Это послужило поводом для отторжения новых земель от Ауда.

Маратхская конфедерация

Одним из наиболее влиятельных государств XVIII в. была маратхская конфедерация со столицей в Пуне. В этот период маратхское государство уже имело весьма немного общего

с державой, основанной Шиваджи в 1674 г. С 1714 г. власть оказалась сосредоточенной в руках *пешвы*, бывших главных министров маратхского государства. Однако власть *пешвы* не была всеобъемлющей, поскольку государство маратхов представляло собой конфедерацию пяти крупных (Нагпур, Гвалиор, Индор, Барода и собственно Махараштра) и ряда мелких государств. Каждый из правителей признавал власть *пешвы* лишь постольку, поскольку это было ему выгодно. От созданной Шиваджи единой, спаянной освободительной идеей и этнически однородной державы практически ничего не оставалось. «К счастью, — отмечал в 1798 г. председатель контрольного совета английской Ост-Индской компании лорд Дандас, — ни глава (маратхской) империи, ни кто-либо из состава конфедерации не приобрел достаточно средств для того, чтобы спаять все силы маратхов в единое целое».

В середине XVIII в. маратхи совместно с сикхами боролись против афганского вторжения на север Индии. Однако, несмотря на афганское наступление, союз между сикхами, маратхами, а также помогавшими им вначале раджпутскими князьями не сложился, чем не преминул воспользоваться Ахмад Шах Дуррани. Он нанес маратхам сокрушительное поражение при Панипате в 1761 г., от которого маратхская конфедерация не была в состоянии оправиться в течение почти десятилетия. С этого времени маратхи уже не могли претендовать на главенство в Северной Индии, хотя их позиции там оставались довольно сильными. В 1770—1771 гг. маратхское войско, возглавляемое князем Гвалиора Махададжи Синдхия и властителем Индора Тукоджи Холкаром, захватило Дели. Маратхские вожди пригласили могольского императора Шах Алама II, жившего в то время в Аллахабаде под защитой англичан, вернуться в Дели и занять престол. Согласившись на это приглашение, падишах вернулся в Дели, где стал по существу почетным пленником Синдхия и Холкара, которые попытались от его имени взять под контроль Дели и тем самым претендовать на верховную власть в Северной Индии. Однако после смерти в 1772 г. *пешвы* Мадхао Рао I оба маратхских вождя спешно покинули Дели, чтобы принять участие в дележе власти в Пуне. Впоследствии, в конце 80-х годов маратхи снова попытались установить контроль над столицей. Удобным предлогом для них стал мятеж, поднятый афганским феодалом Гулам Кадиром, которому удалось захватить

в плен самого императора и овладеть обеими столицами — Дели и Агрой. Благодаря вмешательству маратхов, император был освобожден, мятежники казнены, а Махададжи Синдхиа стал фактическим правителем Дели при слабом, безвольном императоре, посвящавшем все время сочинению стихов и развлечениям. Укрепив таким образом свою власть в Северной Индии, Синдхиа подавил мятежи раджпутских князей, плативших дань маратхам, и вернулся в Пуну, где вступил в борьбу за власть, но вскоре, в феврале 1794 г., умер или, по версии некоторых современных ему историков, был убит по наущению своего основного соперника в борьбе за власть — главного министра пешвы Наны Пхадниса (Фарнависа) (1741—1800). В течение десятилетий этот талантливый, беспринципный и жестокий политик, выходец из семьи наследственных чиновников, был фактическим главой конфедерации и держал под своим полным контролем юного *пешву* Мадхао Рао II. Однако, сам характер конфедерации, предполагавший полную зависимость центра от правителей княжеств, не позволял Нане Пхаднису проводить самостоятельную политику. В стремлении сохранить свою власть он все больше опирался на англичан.

Ситуация в Южной Индии

На юге Индии главными соперниками маратхской конфедерации были Хайдарабад и Майсур. Хайдарабад, находившийся под властью *низамов* — потомков могольского наместника, отложившего Хайдарабад от империи, претендовал на гегемонию в Южной Индии. *Низамы* Хайдарабада утверждали, что, поскольку основатель династии был могольским наместником на всем Декане, то и его наследникам по праву должно принадлежать главенство во всех южноиндийских делах, а все прочие государи обязаны признать свой вассалитет. Разумеется, эти претензии не были признаны никем из властителей Декана, для которых власть Моголов и права их наместников давно уже были пустым звуком. В течение долгого времени низам Хайдарабада вел с маратхами борьбу за стратегически важную и богатую область Карнатик. В результате упорной борьбы *низаму* удалось утвердиться в Карнатике и овладеть стратегически важным городом Тричинополи,

столицей вассального княжества Мадур. Однако впоследствии в борьбу за Карнатик и за влияние в Южной Индии включились две мощные противодействующие силы — английская и французская Ост-Индские компании.

Пользуясь разгромом при Панипате, *низам* попытался нанести *пешве* еще один удар. Однако, несмотря на то, что силы маратхов были подорваны неудачной борьбой с афганским вторжением, *пешва* смог отбить эту атаку и нанести поражение *низаму*, навязать в 1763 г. ему Аурангабадский договор, предусматривавший возвращение оккупированных ранее *низамом* земель и другие территориальные уступки маратхам. Это поражение еще более ослабило *низам* и лишило сколько-нибудь серьезных оснований его претензии на главенство в Декане, хотя он по-прежнему оставался силой, с которой нельзя было не считаться.

Главные внешнеполитические усилия *низамов* были направлены на борьбу с маратхами, и в этой борьбе Хайдарабад все более и более опирался на поддержку англичан, превратившись постепенно в главного союзника Компании на Декане. Чтобы заручиться английской помощью против маратхов и других соседей, Хайдарабад заключил с Компанией субсидиарный договор. Такой же договор был заключен с правителем Карнатика. Индийские государи постепенно теряли власть, однако предпочитали подписывать субсидиарные договоры и сохранять видимость былого величия в качестве английских марионеток под охраной войск «благородной Компании». Среди немногих, кто отверг такую жалкую участь и предпочел борьбу, были правители Майсура Хайдар Али и его сын Типу Султан.

Майсур: антиколониальная борьба и реформы

Небольшое государство Майсур, занимавшее труднодоступные плато между Западными и Восточными Гхатами, управлялось индусской династией **Водеяров**. Однако к середине XVIII в. власть Водеяров значительно ослабла, майсурская армия потерпела ряд поражений от французов и маратхов, которые захватили несколько плодородных округов. Казна Майсура была пуста, так что в армии, которой не платили жалование, начались недовольство и массовое дезертирство.

В этих условиях один из майсурских полководцев, **Хайдар Али**, смог захватить власть, в результате чего махараджа оказался почетным пленником, не имевшим никакого влияния вне стен своего дворца. Начав службу простым *наиком* (унтер-офицером), Хайдар Али проявил храбрость, снискавшую ему всеобщее уважение в армии, настойчивость, дипломатический талант и умение с помощью интриг устранить противника. Благодаря всем этим качествам и в условиях острого политического кризиса этот выходец из простонародья, до конца жизни не постигший грамоту, смог захватить власть в Майсуре и успешно править им с 1760 по 1782 г. Реорганизовав армию и резко повысив ее боеспособность, Хайдар Али начал целую серию завоеваний, позволивших ему присоединить к Майсуру ряд стратегически важных и плодородных областей, среди которых — Кург, Каннара и ряд районов Малабара с их портами (Мангалур, Хонавар, Каликут и др.). Это обеспечило Хайдару Али значительные поступления в казну, но и одновременно создало целый ряд проблем, поскольку покоренные им области тайли в себе опасность сепаратистских выступлений, и во время последующих войн правителю Майсура постоянно приходилось отражать попытки удара в спину.

Усиление Майсура и завоевания Хайдара Али не могли не вызвать противодействия маратхов и *низама* Хайдарабада. В первом столкновении с маратхами в 1764 г. Хайдар Али потерпел поражение, однако впоследствии, когда его армия окрепла и набралась боевого опыта, он смог наносить чувствительные удары и маратхам, и *низаму*. В борьбе против Хайдара Али маратхи и *низам* пытались объединиться, но Хайдару Али почти всегда удавалось расколоть враждебную коалицию то с помощью подкупа, то путем политических интриг. Однако постепенно Хайдар Али почувствовал, что главным его врагом являются не маратхи и низам, а англичане. С увеличением майсурского государства и укреплением его влияния на Декане столкновение с англичанами было неминуемым.

К тому времени, когда в 1767 г. Хайдар Али впервые столкнулся с англичанами, он успел значительно расширить территорию Майсура, а англичане были уже хозяевами Бенгалии, диктовали свою волю Ауду, держали в плену могольского императора. Во время первой англо-майсурской войны против Майсура на стороне англичан сражались маратхи, которых Хайдар Али по традиции считал самыми опасными своими

врагами. Первая англо-майсурская война (1767—1769) окончилась победой Хайдара Али, который со своей армией подошел к воротам Мадраса. Англичане подписали с Хайдаром Али договор о мире и взаимопомощи, но как только в 1770 г. на Майсур напали маратхи, англичане предали Хайдара Али. В течение 1770—1780 гг. Хайдар Али вел войны то с маратхами, то с *низамом*, то с соседними княжествами. Когда в 1772 г. умер *пешва* Мадхао Рао I, Хайдар Али поддержал претензии на престол его двоюродного брата Рагхунатха Рао. Обращение последнего за помощью в Бомбей вызвало в 1776 г. англо-маратхскую войну, в которой англичане потерпели поражение и заключили с новым *пешвой* (а вернее, с Наной Пхаднисом) договор, согласно которому Компания отказалась от поддержки Рагхунатха Рао, а *пешва* отдал англичанам ряд районов. Но руководство Компании не признало договор, и в 1779 г. война с маратхами возобновилась. Тем временем Хайдар Али нанес ряд поражений соединенным силам маратхов и *низаму*, отобрав у *пешвы* богатую область в междуречье Кришны и Тунгабхадры, ставшую житницей Майсура.

Продолжение войны с маратхами вновь не принесло англичанам успеха, и они заключили с Синдхией договор, известный как «конвенция в Варгаоне». Свои обязательства по этому договору Синдхия выполнил, позволив разбитой английской армии уйти в Бомбей, но Совет Бомбейского президентства, как только армия вернулась, вероломно возобновил войну. В ответ на это маратхи заключили союз против англичан с Хайдаром Али и *низамом*. Так в 1780 г. началась вторая англо-майсурская война, в которой маратхи и низам оказались весьма ненадежными союзниками. Англичане вначале терпели поражения, и Хайдару Али удалось овладеть всем Карнатиком. Но англичане вскоре раскололи союз, возвратив *низаму* часть его земель, а вслед за *низамом* к 1782 г. вышли из борьбы маратхи, которым присланные из Бенгалии части нанесли ряд поражений, что заставило маратхов заключить сепаратный мир. Оставленный союзниками, Хайдар Али стал терпеть неудачу за неудачей, к тому же ему приходилось одновременно подавлять восстания в своем тылу. Хайдар Али заключил союз с французами, которые одержали победу над английским флотом. Базой французской эскадры стал отбитый Хайдаром Али у англичан Куддалур.

В декабре 1782 г. Хайдар Али умер от рака, передав престол своему тридцатидвухлетнему сыну Типу Султану. Храбрость, неукротимо гордый нрав и ненависть к английским захватчикам снискали Типу Султану в народе прозвище **Лев Майсура**; при этом, в отличие от отца, он получил хорошее образование и был страстным библиофилом. В результате удачных маневров Типу удалось окружить в Беднуре бомбейскую армию генерала Мэттьюза, которая из-за плохого снабжения и низкой дисциплины потеряла боеспособность. Типу принял почетную капитуляцию Мэттьюза и согласился выпустить поверженного противника из крепости, но когда тот, в нарушение условий перемирия, оставил город разрушенным и разграбил всю казну, Типу подверг разоруженную армию всеобщему обыску и отправил ее закованную в цепи в Майсур. Это «варварство майсурского тирана», как писали английские газеты, придало войне еще большую ожесточенность.

После Беднура Типу продолжал развивать успех, но ему мешала полная бездеятельность французских союзников. К тому же, в 1783 г. между Англией и Францией был подписан мир, и французы покинули Типу. Одновременно над Майсуром нависла угроза нападения со стороны маратхов и *низама*. В этих условиях Типу был вынужден в 1784 г. подписать с англичанами Мангалурский мир, по которому его войска покинули Карнатик, а англичане — Малабар. В 1786—1787 гг. Типу нанес сокрушительное поражение объединенным силам маратхов и *низама*, что продемонстрировало возросшую боеспособность майсурской армии. Однако при заключении мирного договора с маратхами Типу, несмотря на свои победы, удовлетворил ряд их территориальных претензий, рассчитывая, что это поможет Нане Пхаднису осознать необходимость совместных действий против англичан.

Типу Султан отлично понимал, что заключенный с ним Мангалурский договор для англичан всего лишь только передышка, поэтому он неоднократно обращался к *низаму* и Нане Пхаднису с предложением союза. Однако *низам* не мог согласиться на союз с Майсуром и из-за своей зависимости от англичан, и, в не меньшей степени, из-за «низкого» происхождения самого Типу. «Вы не можете не знать, — писал низам в 1787 г. Коссиньи, губернатору французского владения Пондишери, — что я — представитель Великого государя (Могольского падишаха), а этот негодяй — всего лишь мой вассал.

Могу ли я унижить себя союзом с моим же вассалом?» Что же до маратхов, то, как отмечал английский генерал-губернатор лорд Корнуоллис, «вряд ли они способны поддержать своего заклятого врага, которого имеют столько причин бояться и ненавидеть». Все письма Типу маратхи и *низам* любезно пересылали англичанам.

Типу Султан был не только отважным полководцем и дальновидным политиком. В своем государстве он осуществил целый ряд реформ. Продолжая начатую еще его отцом политику, он реорганизовал войско, превратив его из феодального ополчения в регулярную, обученную на европейский лад французскими инструкторами армию. Эта армия имела четкую структуру (от бригады до взвода) и боевой устав, в преамбуле которого прямо говорилось о необходимости перенимать европейский опыт для борьбы с колонизаторами. Богатая майсурская казна платила хорошее жалование офицерам и солдатам, пенсии раненым и семьям погибших, содержала медицинскую службу и школы для солдат. Для офицеров были введены четкие критерии продвижения по службе и суды чести.

Реформы в Майсуре не ограничились реорганизацией армии. Типу Султан ликвидировал владельческие права местных феодалов, прекратил раздачу служебных земельных пожалований. Теперь за службу жалование платили только деньгами, а налоги со всех земель Майсура поступали исключительно в казну. На организованных по приказу Типу Султана «опытных станциях» разводили новые сельскохозяйственные культуры, распространявшиеся затем по всей стране. Впервые в истории Индии в Майсуре произошло разделение военной, гражданской и судебной властей. Каждое министерство в центральном правительстве представляло собой коллегию, где вопросы решались большинством голосов. Типу Султан активно покровительствовал развитию промышленности и торговли, устанавливая льготные ставки налогов для ремесленников, расширявших свое дело. На казенных мануфактурах под руководством французских инженеров изготавливались пушки и мушкеты высокого качества. Майсурская казна имела собственные торговые фактории в различных районах Индии, а также в Пегу (Бирма), Маскате и Джедде. Понимая, в отличие от многих индийских правителей, значение флота, Типу Султан учредил казенные верфи, где

строились боевые фрегаты и яхты. Первым заданием для молодого майсурского флота стало сопровождение китайского торгового каравана, прибывшего в Майсур. Известно о намерении (увы, не осуществленном) Типу Султана учредить навигационные школы, где местных моряков обучали бы европейские офицеры. Ненависть к англичанам не мешала Типу Султану живо интересоваться достижениями европейской науки. Посольство, отправленное им ко двору Людовика XVI, обсуждало возможность обучения во французском университете одного из сыновей Типу и отправки в Майсур французского специалиста для налаживания книгопечатного дела.

Поводом для третьей англо-майсурской войны послужил конфликт Типу с верным вассалом англичан, раджей Траванкура, который, отгородившись от Майсура многокилометровыми оборонительными линиями, укрывал мятежных феодалов, преследуемых Типу. Предыдущие войны с Майсуром нанесли Компании большой моральный и материальный ущерб, поэтому был принят парламентский акт, запрещающий начинать войны с индийскими государями, кроме случаев необходимой обороны. И Корнуоллису, и английскому правительству было ясно, что Типу превратился в главное препятствие английскому господству в Индии, поэтому англичане поспешили вмешаться в конфликт Майсура и Траванкура. Залогом своей победы Корнуоллис считал союз с маратхами и *низамам*, и 4 июля 1790 г. заключил с ними Тройственный договор, целью которого было «наказать его (Типу), насколько будет возможно, и лишить его средств для нарушения мира и покоя в дальнейшем».

Союзники напали на Майсур с трех сторон. На первых порах Типу удавалось наносить им чувствительные удары, а вездесущая майсурская кавалерия разорвала все коммуникации между союзными армиями. На помощь с огромными силами поспешил из Бенгалии лорд Корнуоллис, которому не без помощи оппозиционно настроенных майсурских вельмож удалось подступить к стенам столицы Типу Шрирангапаттинама. Героическое сопротивление гарнизона и трудности со снабжением заставили Корнуоллиса отступить, но, соединившись с войсками маратхов и *низама*, он вновь осадил столицу. Типу был вынужден в марте 1792 г. подписать с англичанами мирный договор, по которому он лишился половины своих земель, должен был выплатить союзникам 33 млн рупий

контрибуции, на время уплаты которой двое малолетних сыновей Типу стали заложниками англичан.

Разбитый и униженный, Лев Майсура не был сломлен. Он реорганизовал армию, укрепил экономику Майсура и вскоре обрел прежние силы. Типу помогла и вспыхнувшая между *низамом* и маратхами война, завершившаяся сокрушительным поражением *низам* при Кхарде в 1795 г. Эта война причинила много беспокойства англичанам, которые стремились сохранить антимайсурскую коалицию любой ценой. «Легко понять, — писал в 1796 г. один из очевидцев-французов, — что, как бы огромна ни была в настоящем момент власть англичан в Индостане, она всегда находится в весьма опасном положении и много слабее объединенных сил маратхов, Низама Али и Типу Султана». Типу прекрасно понимал это и неустанно пытался добиться союза с *низамом* и маратхами. Он обращался к правителям Ирана, Афганистана, Непала, всем индийским князьям, султану Турции с предложением объединиться и «очистить Индию от этих негодяев». С победой во Франции революции у Типу вновь воскресла надежда на союз с новым правительством. Типу импонировал деятельный характер политики, осуществлявшейся Директорией, особую симпатию вызывал у него Наполеон.

Англичане чувствовали смертельную опасность как в укреплении французского влияния на Декане, так и в распространении якобинских идей, проводниками которых в Индии были французские офицеры и солдаты, открывшие в Шрирангапаттине якобинский клуб под покровительством самого «гражданина Султана», как теперь обращались к Типу служившие в его армии французы. Когда же в 1797 г. Типу Султан прямо обратился к Наполеону с предложением военного союза и отправил посольство на французский остров Иль-де-Франс (Маврикий), в Лондоне забили настоящую тревогу: «наш закоренелый враг Типу, укрывший в своей столице якобинский клуб французских республиканцев, открыто вступил в сговор с Францией с целью нашего уничтожения!». Как предлагал Типу, войска Наполеона, находившиеся в Египте, должны были высадиться в одном из майсурских портов и вместе с армией Типу Султана выступить против англичан. Однако французский флот был разбит адмиралом Нельсоном при Абукире, Наполеон потерпел поражение в Египте и был вынужден отказаться от планов вторжения в Индию, а губернатор

Маврикия прислал Типу лишь несколько десятков солдат. Несмотря на все это, англичане решили использовать контакты Типу с французами как предлог для агрессии. В 1799 г. началась четвертая и последняя англо-майсурская война, которую Компания вела силами бомбейской и мадрасской армий, а также войск маратхов и *низам*. Целью войны он считал не отторжение от Майсура части земель и его ослабление, а уничтожение Типу. Англичане опирались на активную помощь многих министров и военачальников Майсура. Представители феодальной знати были недовольны политикой Типу Султана, лишившего их власти над крестьянами и жестоко преследовавшего коррупцию; к тому же, они втайне презирали Типу как плебея. Стоило английскому командованию пообещать многим майсурским министрам и военачальникам возвращение прежних земель и щедрую награду, как вполне боеспособные крепости сдавались без выстрела. Особенно усердствовал министр Мир Садык, которого Типу некогда посадил в тюрьму за злоупотребления, но потом, совершив непоправимую ошибку, простил. Стремясь отомстить Типу Султану, Мир Садык полностью расстроил оборону Шрирангапаттинама, осажденного англичанами и их союзниками. Народ Майсура поддерживал Типу, а его войска, по признанию самих английских военных, проявляли исключительное мужество. Силы, однако, были слишком неравны, и столица Майсура пала. Типу Султан бился вместе со своими солдатами на стенах; тяжело раненный, он отказался сдаться и был убит английским солдатом-мародером. Свою смерть в этом бою нашел и предатель Мир Садык, убитый кем-то из осажденных. Так пало Майсурское государство, оказавшее наиболее сильное и упорное сопротивление английским колонизаторам.

Образование сикхского государства

Казалось, что в конце XVII — начале XVIII в. Моголам удалось справиться с мощным освободительным движением, развернувшимся под знаменем *сикхизма*. Гибель наиболее талантливых и преданных делу вождей, таких, как гуру Гобинд Сингх и Банда, массовое истребление объявленных вне закона сикхов могольскими армиями нанесли тяжелый удар движению, но не свели его на нет. Слабеющая держава Моголов

не смогла довести борьбу против сикхов до конца. Поддерживаемое широкими массами крестьян, городских жителей, частью мелких и средних феодалов, движение выстояло и окрепло. Сикхское войско (*дал халса*) не только продолжало борьбу против войск могольских наместников, но и противостояло афганским вторжениям. В условиях, когда могольская администрация практически перестала существовать, сикхское войско оказалось единственной силой, способной оказать сопротивление афганцам особенно после того, как была наголову разбита при Панипате маратхская армия.

Сикхское войско в то время сохраняло почти все черты, свойственные ополчению. Руководил им совет верховных командиров. Наиболее часто применяемой тактикой была партизанская война. Сикхи осуществляли дерзкие набеги на соседние с Панджабом территории Сирхинда, Харианы, даже раджпутские владения. Сикхское войско делилось на 12 крупных формирований (*мисалов*), командиры которых лишь номинально признавали верховную власть командующего одним из *мисалов* — Ахлувалиа. С изгнанием из Панджаба афганских войск почти вся территория была разделена между *мисалами*, которые присвоили себе право взимать с местного населения *ракхи* (букв. «защита») — особую подать, рассматриваемую в качестве платы за защиту от афганцев. Постепенно *мисалы* превратились в княжества, возглавляемые *сардарами* — бывшими командирами. Княжества эти приобрели полную независимость от Амритсара, где находился формальный центр движения. «Правительство их (сикхов) — аристократическое, но весьма несовершенное, — свидетельствовал в 1785 г. англичанин Дж. Браун, — люди разделены между отдельными вождями, которые пользуются неограниченной властью». Стремясь расширить свои владения, *сардары* воевали друг с другом: так, в 1774—1782 гг. *мисалы* вели кровопролитную войну за право контроля над княжеством Джамму, где сикхи вмешались в раздор между князем и его сыном. В результате этой войны наибольшая удача выпала Маха Сингху, возглавлявшему *мисал* Сукерчакиа: он не только овладел богатой добычей, но и занял ведущие позиции среди остальных сикхских княжеств.

В 90-е годы XVIII в. над Панджабом вновь нависла угроза афганского вторжения. Заман Шах, внук Ахмад Шаха Дуррани, четыре раза пересекал границы Панджаба. В намерении

покончить с господством сикхов он опирался на помощь части мусульманских феодалов и индусских князей, например, правителя Кангры. Однако всякий раз Заман Шах был вынужден возвращаться в Афганистан, так как опасался удара в спину со стороны своих родственников и других афганских эмиров, претендовавших на его престол. В борьбе с захватчиками выдвинулся молодой правитель *мисала* Сукерчакиа, сын Маха Сингха Ранджит Сингх. В январе 1797 г. он нанес афганским войскам сокрушительное поражение на берегу р. Джелам. Однако вскоре Заман Шах вновь вторгся в Панджаб, захватил Лахор и другие важные крепости, но был остановлен на подступах к Амритсару войсками Ранджит Сингха. Вскоре после этого известия о мятеже в Кабуле и недовольство армии принудили Заман Шаха покинуть Панджаб. Этим немедленно воспользовался Ранджит Сингх, заключивший к тому времени союз с тремя другими *мисалами* — Канайя, Наккай и Ахлувалиа. При поддержке богатых горожан Ранджит Сингх изгнал из Лахора правивших там *сардаров* и занял город. Захват Лахора восстановил против Ранджит Сингха правителей ряда других *мисалов*, но враждебная коалиция вскоре была разбита. «В настоящее время, — доносил английский резидент в Дели Коллинс, — этот вождь (Ранджит Сингх) почитается во всем Хиндустане защитником сикхов; все убеждены, что если бы не мужество и великолепные действия Ранджит Сингха, весь Панджаб давно превратился бы в пустыню, ибо эти северные дикари (афганцы) хвастают, что даже трава не растет там, где прошли их кони». В 1799 г. Ранджит Сингх принял титул махараджи Панджаба и повел решительную борьбу за объединение всех территорий, ранее подвластных *мисалам*.

§ 7

**Общественная мысль
и наука Индии XVI—XVIII вв.**

В этот период активно продолжали свою деятельность общины последователей *бхакти* и *суфизма*. Среди проповедников *бхакти* на севере Индии наиболее крупными фигурами были Даду Даял (1544—1603), происходивший из семьи чесальщиков хлопка, и торговец Малукдас (умер в 1684 г.). Даду, будучи по рождению мусульманином, как говорится в его жизнеописании, «игнорировал веру мусульман и обычаи индусов, не имел ничего общего с шестью системами (индийской философии), отрицал поклонение богу в храмах, паломничества к святым местам и посты», подвергался преследованиям как со стороны мулл, так и со стороны брахманов. Даду странствовал по Раджпутане и Гуджарату, проповедуя равенство людей перед богом. Малукдас выступал в своих стихах то суфием, то бхактом: для него Рама, Хари, Аллах были только именами единого бога. Он обличал суеверие и пороки священнослужителей, проповедовал «истинный путь» к богу, заключавшийся в милосердии, помощи ближнему.

Бога познает тот, в ком нет алчности...

Кто напоит жаждущего, того признает Пророк.

Кто накормит голодного, мгновенно обретет Бога.

Среди последователей кришнаитского *бхакти* славилась община, основанная Валлабхой, брахманом из Телинганы (1478—1530) близ Матхуры, в Гокуле, там, где, согласно индусской мифологии, прошли детство и юность Кришны. Здесь, на этой священной земле, Валлабха основал храмовый комплекс и явился не только проповедником *бхакти*, но и философом. Путь *бхакти*, предложенный Валлабхой своим последователям, назывался *пушти* (букв. «поддержка») и был изначально рассчитан на «несчастных и беспомощных».

Ученик Валлабхи, один из величайших поэтов того времени Сурдас, говорил: «Господь ничьей касты не ведает. Ему безразлично, нищий ты или раджа». В храм, основанный Валлабхой, был открыт доступ всем, без различия каст, полов, состояний. Сам обряд почитания Кришны в этом храме был крайне прост и включал в себя лишь исполнение гимнов (*киртан*) на обыкновенном, понятном народу языке, а также подношение статуе бога цветов. Среди членов общины были люди самых разных каст и имущественных состояний, женщины пользовались такими же правами, как и мужчины; не было строгого требования аскетизма, ухода от мира, и многие последователи Валлабхи продолжали семейную жизнь и обычные занятия, хотя были и такие, кто целиком посвятил себя Богу.

Прежнюю популярность сохраняли и суфийские ордена. Одни следовали заветам прославленных шейхов времен Делийского султаната, жили в бедности, отказывались от царских милостей, сосредоточивая внимание лишь на служении богу и помощи бедным. Другие предпочитали роскошную жизнь под покровительством двора, участие в политических интригах.

Наконец, именно XVI—XVIII вв. стали периодом становления в Индии новой религии — *сикхизма*. От ортодоксального индуизма и даже многочисленных общин *бхакти* сикхизм отличался проповедью строгого единобожия и крайне негативным отношением к аскетизму, «уходу от мира». Социальные и духовные идеалы сикхов выражает триединая формула: «молиться, трудиться, делиться». «Молиться» означало постоянно помнить о боге — едином, лишенном зримого облика Абсолюте, мысленно повторять его имя, читать и петь гимны, написанные гуру. Сикхизм отрицает храмовый культ и изображения бога, в молитвенных домах — *гурудварах* — сикхи собираются для совместного исполнения гимнов из своей священной книги «Ади Грантх» («Изначальная книга»). Ее текст сложился к 1661 г.: он представляет собой антологию, включающую, помимо произведений гуру Нанак и его наследников Амардаса, Рамдаса и Арджуна, стихотворения и гимны Кабира, Даду и других поэтов *бхакти*. «Трудиться» для сикхов и по сей день означает единственно достойный человека образ жизни, причем сикхизм не признавал кастовых различий, «чистого» и «нечистого» труда,

а вот просить милостыню, жить на чужой счет для сикха и в наше время — тягчайший грех. «Делиться» каждый член сикхской общины должен с бедными, больными, сиротами и вдовами, отдавая на помощь им либо часть дохода (обычно десятину), либо бесплатно работая на общественное благо.

Важнейшей проблемой, находившейся в центре внимания мыслителей XVI—XVIII вв., оставались взаимоотношения индусов и мусульман. Процесс индо-мусульманского взаимодействия в позднее Средневековье стал одним из главных факторов развития общественной мысли и культуры. Этот процесс в XVI—XVIII вв. развивался как бы с двух сторон: снизу и сверху. Снизу, т. е. в среде простонародья, идеи индо-мусульманского единства проповедовали идеологи суфизма и *бхакти*. Так, в Кашмире был весьма популярен суфийский орден, носивший чисто индусское название *риши* (мудрец). Его глава, шейх Нур уд-дин (XVI в.), говорил:

*Между детьми одних родителей
Зачем вы возвели преграду?
Мусульмане и индусы — одно.
Когда господь будет милостив к своим рабам?*

«Неверный — тот, кто лжив речами и нечист сердцем», — говорил Даду, а его сын и духовный наследник Гарибдас в небольшой поэме перечислил все имена и эпитеты бога, принятые у индусов и мусульман, как равно истинные и сделал следующий вывод:

*Много у господи разных имен.
У индусов и мусульман один творец.*

Эти идеи, распространявшиеся снизу, не могли не оказывать влияние на тех, кто находился на верху социальной лестницы, в частности, на окружение падишаха Акбара: в жизнеописаниях многих *бхактов* XVI — начала XVII в. включены сведения об их встречах и беседах с Акбаром. Трудно сказать, насколько эти сведения точны, но важно, что традиция отразила воздействие идей суфизма и *бхакти*, особенно в отношении индо-мусульманского взаимодействия, на Акбара и его религиозную политику.

В разработке религиозной реформы Акбара важнейшую роль играли его сподвижники, получившие среди современников общее наименование «просвещенные философы». К этому

кругу принадлежали главный министр и друг падишаха, блистательный ученый и писатель Абу-л Фазл Аллами, его отец Шейх Мубарак и брат Файзи, другие мыслители, поэты, государственные деятели. Они самым решительным образом выступили против религиозной розни и фанатизма. «Лишь та вера истинна, которую одобряет разум», — эти слова Акбара стали главным принципом «просвещенных философов», которые строили свои выводы на трех основных постулатах. Во-первых, они подвергали научному исследованию догматы индуизма, ислама, других религий и обнаруживали, что различные вероучения имеют много общего, прежде всего с точки зрения этики, морали и т. д. Во-вторых, рационалистический подход к различным религиям выявлял, что ни одна из них не свободна от неразумных обычаев и устаревших догм. Так в своеобразной энциклопедии религий, написанной в середине XVII в., доводы одного из «просвещенных философов» выглядят так: «Вероучитель дает людям указания, которые для низов непонятны, а для образованных — противоречат разуму, поэтому он распространяет религию с помощью меча. Во всех священных книгах есть много противоречий». Отсюда следовал третий постулат, звучавший в устах Абу-л Фазла следующим образом: «Из-за апатии власть имущих каждая секта фанатически предана своей вере, каждый считает свою религию единственно правильной, и преследование тех, кто чтит бога на собственный лад, пролитие их крови и унижение их достоинства стали символами благочестия. Но если чуждая доктрина хороша, то за что же проливать кровь ее последователей? А если, наоборот, дурна, то люди, ставшие жертвой обмана, заслуживают сострадания, а не вражды и истребления». Такие и подобные речи часто звучали в «Доме молитв», построенном в 1575 г. и превращенном в своеобразный дискуссионный клуб, где в присутствии самого Акбара ученые, священнослужители, поэты различных стран и вероучений обсуждали проблемы бытия и религии. При этом Акбар и его единомышленники посягали и на неизбежную в любом средневековом обществе власть традиций. «Не нуждается в доказательствах то, что следовать законам разума похвально, а рабски подражать другим — дурно, — говорил сам Акбар. — Если бы подражание было достоинством, то все пророки следовали бы своим предшественникам (т. е. ни один не смог бы основать новую религию)... Многие глупцы,

поклонники традиций, принимают обычаи древних за указания разума и тем самым обрекают себя на вечный позор». В 1582 г. от имени Акбара Абу-л Фазл написал и отправил с миссионерами-иезуитами «Письмо мудрецам Запада» — один из интереснейших документов в истории культуры Индии. Исходя из необходимости противостоять «слепому подражанию традиции» и «вере, лишенной духа исследования — лучшего из сокровищ разума», автор письма призывал к «общению мудрецов различных религий» и просил прислать в Индию священные книги христианства с переводом и комментариями, что должно служить «строительству зданий согласия и державы просвещения».

Разумеется, духовные искания Акбара, его религиозная политика не могли не восприниматься враждебно фанатиками обеих религий, особенно высшим мусульманским духовенством. Его представители активно участвовали в антиакбаровских восстаниях, они публично обвиняли падишаха в предательстве ислама, в отступничестве от «истинной веры». Духовный глава оппозиции, известный богослов Шейх Ахмад Сирхинди, заявлял: «Неверие (т. е. неислам) и истинная вера противоположны друг другу... Кто уважает кафилов (неверных), унижает мусульман». Шейх Ахмад требовал восстановить *джизию*, отменить запрет на убой коров, вернуть мусульманам привилегированное положение. Противники религиозных реформ Акбара, при прямом участии наследного принца Салима, организовали в 1603 г. убийство Абу-л Фазла Аллами.

Полемика между сторонниками и противниками индо-мусульманского культурного сближения продолжалась и после смерти Акбара. При этом если во времена Акбара «просвещенные философы» и их единомышленники опирались на мощную поддержку самого падишаха, и это оказывало сдерживающее воздействие на фанатиков, то после Акбара, особенно при Аурангзебе, сторонники «мира для всех» оказались в роли преследуемой оппозиции, «крамольников», «еретиков».

Одним из наиболее ярких и талантливых продолжателей идей Акбара был принц Дара Шукох (1615—1659), старший брат Аурангзеба и его соперник в борьбе за делийский трон. Великолепно образованный, знаток арабского, фарси, санскрита и хинди, Дара поддерживал дружеские отношения со многими радикальными суфиями и *бхактами*, общался

с иезуитами-миссионерами, изучая религиозно-философскую мысль различных народов. Под заглавием «Секрет секретов» Дара перевел на персидский язык упанишады¹. Ему же принадлежит и сочинение «Слияние океанов» — сравнительное исследование основных религиозно-философских категорий индуизма и ислама. Вывод, к которому пришел Дара, таков: «Индуизм и ислам одинаково стремятся к познанию Всевышнего, (обе эти религии) суть локоны, украшающие бесподобный лик господ». Воззрения Дары Шукоха были неприемлемы как для мусульманских ортодоксов, так и для Аурангзеба, которому старший брат был ненавистен вдвойне: и как «еретик», и как соперник. В 1659 г. Дара потерпел поражение в борьбе за трон и был казнен Аурангзебом. Казнь вызвала в Дели массовые протесты и даже восстание горожан, в основном ремесленников и торговцев.

Развитие общественной мысли в средневековой Индии никогда не было бесконфликтным, но, пожалуй, XVI—XVIII вв. явились периодом наиболее острых противоречий, дискуссий, споров и настоящих столкновений между сторонниками различных течений. С одной стороны — ревнители священных законов, кастового неравенства, с другой — те, кто осмелился усомниться в законах кастовой чистоты. С одной стороны — религиозные фанатики, те, кто делил людей на «истинно верующих» и «неверных», с другой — сторонники «мира для всех». С одной стороны — те, кто был готов отстаивать священные традиции и заветы предков, с другой — те, кто пытался критически отнестись к священной традиции, подвергнуть опыт предшествующих поколений рационалистическому анализу. Как это было и бывает везде, прогрессивные воззрения далеко не всегда одерживали верх; в большинстве случаев их носители разделяли судьбу Абу-л Фазла, Дары Шукоха, Гуру Гобинда. Но все же можно отметить, что к концу периода в общественной мысли Индии утвердилась традиция, комплекс идей, способствовавших выработке более прогрессивного, свободного от фанатизма и ограниченности взгляда на мир и человека.

Для развития науки в XVI—XVII вв. были характерны процессы, уже отмеченные ранее. Данные, которыми в настоящее

¹ Этот перевод был осуществлен на высочайшем научном уровне. Именно с него позднее французский ученый Дюперрон сделал латинский перевод, впервые познакомивший Европу с индийской философской мыслью.

время располагают индологи, свидетельствуют о том, что в исследуемый период наука в целом сохраняла средневековый характер и не переживала тех революционных перемен, которые происходили в западноевропейской науке конца средневековья и начала нового времени. Это не означает, вместе с тем, что XVI—XVII вв. были, как полагают некоторые исследователи, «темным периодом для науки», что людей не интересовал окружающий мир, а невежество и суеверия господствовали безраздельно.

Среди научных достижений этого периода следует отметить развитие математических знаний. Выдающийся математик Нилаканта в своем труде «Собрание нитей» (1501—1502) открыл разложение тангенса дуги в бесконечный степенной ряд. Это открытие было обосновано и развито в «Речении о доказательствах» (1608) — сочинении неизвестного автора, отличающемся от других математических трактатов того времени тем, что оно написано на одном из южноиндийских языков — малайялам, а не на санскрите, как требовал обычай. Таким образом, индийские математики опередили аналогичные работы Грегори и Лейбница. Число «пи» — отношение длины окружности к диаметру — Нилаканта определил с десятью верными цифрами, опередив европейские достижения той эпохи. Множество научных трактатов по арифметике, алгебре, геометрии (планиметрии и стереометрии) на фарси и санскрите было создано в XVI—XVII вв. и ждет своих исследователей.

Астрономия, которой традиционно придавалось большое значение, продолжала свое нераздельное сосуществование с астрологией, популярной во всех слоях населения. Без советов астролога не обходилось ни одно дело как в царской семье, так и в доме бедняка. Вместе с тем, в установлениях Акбара, касающихся программ обучения в медресе, астрономия впервые четко отделена от астрологии, и подчеркивается, что изучение последней должно осуществляться по желанию студента, а первой — обязательно.

В XVI—XVIII вв. ученые продолжали комментировать и развивать достижения индийских и арабских астрономов предшествующего периода. Настольной книгой любого астронома были таблицы Улугбека. Геоцентрическая идея, по-видимому, господствовала; вместе с тем, астрономические вычисления, звездные карты и глобусы, составленные

учеными XVI—XVII вв., отличались большой точностью, равно как и предсказания солнечных и лунных затмений.

В рассматриваемый период наблюдения над явлениями живой и неживой природы, а также производственный опыт давали обширный материал для физических и химических исследований. В XVI—XVII вв. было написано множество трактатов по различным областям практической химии: таков, например, трактат «Собрание ремесел» (1624 г.), содержащий наставления по изготовлению красителей, искусственных драгоценных камней, симпатических чернил. В объяснении физических и химических явлений господствовали разработанные еще в раннее Средневековье атомистические теории. Алхимия была популярна, но не господствовала безусловно и не являлась единственной сферой физико-химических и натурфилософских исследований. Обобщая производственный опыт, и прежде всего те навыки, что были связаны с производством текстильных красителей, огнестрельного оружия, стекла и т. д., химические трактаты XVI—XVII вв. подробно описывают такие процессы и реакции, как анализ и синтез, возгонка, испарение, дистилляция спиртов, «убиение металлов» (т. е. получение на их основе окисей, хлоридов, солей, кислот и т. п.).

Среди естественных наук особенно высокое положение занимала медицина, делившаяся традиционно на две школы — *аюрведа* (индусская) и *юнани* (мусульманская). В XVI—XVII вв. было создано множество трактатов о природе и способах лечения различных болезней, о диетике, акушерстве, гигиене; несколько иллюстрированных сочинений посвящено анатомии. Индийские медики умели лечить многие опасные болезни, с которыми не справлялись их европейские коллеги, правильно объясняли многие процессы жизнедеятельности организма, например, пищеварение, высказали ряд догадок относительно кровообращения. Довольно высокой степени развития достигла хирургия, особенно пластическая, значительно опережавшая европейскую. Фармакологические трактаты и популярные лечебники насчитывали многие сотни лекарств минерального, растительного, животного происхождения.

XVI—XVIII вв. были важным периодом в развитии механики и инженерного дела. Архитектурные сооружения этого периода являются ярким, но не единственным свидетельством

высокого уровня инженерной мысли. Крупнейшим инженером того времени был придворный Акбара Фатхулла Ширази. Его энциклопедические познания высоко ценились современниками. Под руководством Фатхуллы была создана мощная система водоподъемных сооружений в Агре и Фатехпуре-Сикри. Среди его изобретений известны 17-ствольное орудие, стрелявшее с одного запала (чертеж не сохранился), пушка, которую при необходимости можно было разобрать на пять частей, а потом собрать (например, при подъеме в горы), а также установка для оружейных мастерских, позволявшая одновременно полировать по 8 мушкетных стволов; эта установка является одним из немногих известных примеров применения зубчатой передачи и трансмиссии в средневековой Индии. Дворцовые мастерские (*кархана*) Акбара стали и лабораторией ученого, и местом, где он обучал физике, механике, инженерному делу. Известен, но до сих пор не опубликован, рукописный труд Фатхуллы «Ключ к познанию», где речь идет о различных водоподъемных устройствах, насосах и механических часах.

Отмечая, что развитие науки в XVI—XVII вв. сохраняло средневековый характер, мы должны отметить одну важную черту. Литература этого периода содержит немало свидетельств того, что в мировосприятии определенной части образованной элиты происходили важные изменения. В среде «просвещенных философов» двора Акбара и их последователей — вольнодумцев XVII в. — значительное распространение получил рационализм, что не могло не сказаться на отношении к наукам особенно к точным и естественным. Не случайно, что, согласно установлению Акбара, большинство предметов, которые надлежало включить в программу обучения в медресе, составляют светские дисциплины, точные и естественные науки, при этом Абу-л Фазл, приводя это установление, многозначительно заключил: «Никто не должен пренебрегать требованиями сегодняшнего дня».

«Просвещенные философы» отвергали авторитет священной традиции, причем не делали исключения ни для одной религии. Излагая фантастические представления древних индусов об окружающей природе, Абу-л Фазл критиковал их не потому, что они противоречили исламу, а потому, что опровергались доводами разума и достижениями науки; точно такой же критике мыслитель подвергал и мусульманские

мифологические представления. «Просвещенные философы» скептически относились к вере в сверхъестественные силы и чудеса, хотя и не изжили эту веру окончательно, считали, что «дух исследования — лучшее из сокровищ разума», призывали соотечественников учиться, осваивать достижения других народов. При этом важно, что они подвергали критике многие традиционные воззрения и подходы, препятствовавшие развитию научных знаний: «С незапамятных времен любознательность ограничивалась, а дух исследования воспринимался как предтеча неверия. Все, что воспринято от отца, начальника, родича, друга или соседа считается полученным с божьего соизволения, а нарушителя обвиняют в аморальности и ереси», — писал Абу-л Фазл и с горечью сетовал: «Хотя у нас есть просвещенные люди, многие из них предпочитают молчать из страха перед фанатиками, жаждущими крови...». Свободомыслие, скептическое отношение к вековым традициям и религиозным догмам, интерес к естественным наукам, гневные инвективы в адрес религиозных фанатиков и распространяемые ими суеверий — все это играло важную роль в наследии «просвещенных философов» и не могло не оказывать влияния на общественную мысль того времени.

§ 8

**Литература и искусство
Индии XVI—XVIII вв.**

Если в предшествующую эпоху индусы и мусульмане начали *узнавать* и *изучать* друг друга, то во времена Моголов они стали уже *понимать* друг друга и, что еще важнее осознавать принадлежность к единой стране, к общей культуре, что в наибольшей степени отразила литература. При дворе Акбара была учреждена специальная палата переводов, где на понятный всем образованным мусульманам персидский язык лучшие ученые и поэты того времени переводили священные книги и литературные памятники индуизма («Махабхарату», «Рамаяну», «Атхарваведу»), а также трактаты по астрономии, математике и медицине. Многие из этих переводов отличались не просто высоким научным качеством, но и большими литературными достоинствами. Если хронисты времен Делийского султаната излагали историю Индии лишь начиная с прихода ислама, а все, что было до этого, описывали как «темный период неверия», то историки могольской эпохи, и прежде всего Абу-л Фазл в своих сочинениях «Книга Акбара» и «Зерцало Акбара» повествовал об истории Индии с самых древних времен, соединяя домусульманский период с последующими временами в единый исторический поток. Он с глубоким уважением рассказывал о культуре и научных достижениях индусов, критикуя и в их наследии, и у мусульман то, что не соответствовало разуму и позднейшим научным данным.

Вообще с эпохой Акбара был связан небывалый культурный взлет. Император окружил себя высокообразованными и талантливыми людьми. Уже упоминавшийся брат Абу-л Фазла Файзи, возглавлявший работу по переводу «Махабхараты», был автором и великолепной поэмы «Наль и Даман» на один из вставных сюжетов этого эпоса, а также множества лирических стихотворений. Выдающимся персоязычным

поэтом послеакбаровского времени был Бедиль (1644—1721). Философ-рационалист, высказавший много блестящих догадок о развитии человека и общества, он был автором и поэмы «Модан и Комде» о любви танцовщицы и странствующего музыканта, которым пришлось претерпеть много испытаний из-за тирании царя. В лирических стихотворениях поэт воспевал «просветляющую разум науку» и свободу творчества:

Бедиль, не будем подражать мы нраву барабана
И воспевать ему под стать эмира иль султана.
Мы соберем друзей опять вдали дворцов богатых,
И станем песни распевать, в которых нет обмана.

(Перевод Л. Пеньковского)

Литература на персидском языке дала Индии немало блестящих образцов поэзии и прозы, но читать ее могли лишь представители знати и образованных кругов. Среди простонародья особой популярностью пользовались произведения на местных языках, и прежде всего — созданные крупнейшими поэтами — проповедниками *бхакти*. XVI в. дал литературе хинди два великих имени — Тулсидас и Сурдас. Тулсидас создал грандиозную поэму «Море подвигов Рамы» на сюжет «Рамаяны»; ее до сих пор исполняют в храмах как священный текст. Сурдас, как гласит легенда, был слеп, но это не помешало ему создать «Океан Сура» — удивительно яркое произведение о жизни Кришны. События священной истории, связанные с детством и юностью Кришны, разворачиваются на красочном фоне обычной индийской деревни с ее трудовыми буднями и праздниками. Это подлинный океан народной поэзии — любовные песни, частушки, плачи, заговоры; все насыщено искренним чувством и мягким юмором.

Столь же яркую картину народной жизни рисует живший в XVI в. бенгальский поэт Мукундорам в поэме «Песнь о благодарении Чанди», где рассказывается, в частности, о том, как бедный охотник Калокету с помощью богини Чанди нашел клад, построил город и стал в нем справедливым правителем. В этом произведении с удивительной достоверностью описана жизнь горожан, крестьян и лесных охотников, а боги в изображении Мукундорама ничем не отличаются от простых смертных.

До сих пор любимы в Индии лирические песни на стихи раджпутской поэтессы Миры Баи (1498—1547). Вдова князя,

она отказалась сжечь себя на погребальном костре мужа, как того требовал обычай, бежала из дворца и начала странствовать, сочиняя удивительно трепетные песни о любви и разлуке. Мира Баи стала известнейшей проповедницей *бхакти* и, если верить легенде, пала жертвой мести своей родни, не простившей ей побега.

Литература *бхакти* дала в то время блестящую плеяду поэтов в разных частях Индии. Таковы, например, писавшие на маратхи *Экнатх* (1548—1599) и *Тукарам* (1608—1649) — их произведения и поныне играют важнейшую роль в формировании культуры и самосознания маратхов. Богатейшую литературу создали сикхи: все их гуру были поэтами, особенно многогранным талантом отличался *Гобинд*, автор и религиозной лирики, и философских сочинений, и прозы, и интереснейшей историко-биографической поэмы «*Пестрая драма*». До сих пор в *гурудварах* — молитвенных домах сикхов — звучат произведения *Гобинда* и других гуру; их поют на прекрасные народные мелодии. Было создано немало ярких произведений и на светские сюжеты — любовные поэмы, басни, истории о приключениях умных и ловких людей. И сегодня индийцы любят пересказывать анекдоты о *Бирбале* — хитроумном министре *Акбара*, острословие и защитнике бедных, осмеливавшемся подшучивать и над самим императором.

Литература XVIII в. отразила чувства тревоги и горечи, столь характерные для сложного, переломного времени. В этот период господствующее положение занимает поэзия на урду¹. Крупнейшими литераторами этой волны стали *Мир Таки Мир* (1725—1810), *Мир Хасан* (1727—1787) и *Мухаммад Рафи Сауда* (1713—1781). *Мир Таки Мир* был тонким и проникновенным лириком, снискавшим себе почетное прозвище *Шаха Газелей*. *Мир Хасана* прославила поэма «*Волшебство красноречия*» о приключениях двух влюбленных пар. *Сауда* был блестящим сатириком, от него крепко доставалось сильным мира сего, «деятельность которых дала единственный результат:

¹ Слово «урду» тюркского корня и родственно знакомому нам слову «орда». Первоначально это был язык военного лагеря, в котором смешались элементы хинди, персидского, тюркского языков, по сути дела — язык общения между индусами и мусульманами. Литературный урду стал развиваться сначала на Декане, а затем и на Севере, полностью потеснив персидский.

кто раньше жил в хорошем доме, живет нынче в хижине». В поэме «Несчастный город» Назир Акбарабади (1740—1830) с исключительным драматизмом описал разорение некогда богатой могольской столицы, обнищание ее жителей, гибель искусств и ремесел, а в стихотворении «Книга о человеке» создал образ человека, во всей сложности и противоречивости:

В этом мире падишах — человек,
И ничтожный нищий равно — человек.
В мечети молитву читает человек,
И туфли у него крадет человек.
Жизнь за человека отдает человек,
И мечом человека убивает человек...

(Перевод Е.Ю. Ваниной)

Искусство

Архитектура и искусство эпохи Моголов отразили новые веяния в культуре и общественной мысли эпохи. Многие крупные строительные проекты времен Акбара явились воплощением в камне его религиозной политики. Ярким примером является новая столица империи — Фатехпур Сикри¹. Духовным центром города является мавзолеем особо чтимого Акбаром суфия Салима Чишти, созданный из беломраморного кружева. Через величественные триумфальные ворота Буланд Дарваза можно выйти в главную часть города, где располагались дворцы императора и его приближенных — «каменная симфония», в которой органично слились элементы мусульманского зодчества и индусской храмовой и дворцовой архитектуры различных местных традиций — северной, западной, южной. Колоннады, широкие террасы, парки, где когда-то били каскады мощных фонтанов (сложная система добычи воды из глубоких скважин была разработана талантливым придворным инженером Фатхуллой Ширази), игра яркого тропического солнца на ярко-голубых глазурированных плитах

¹ Свою новую столицу Акбар задумал возвести близ старо Агры, и это, а также недостаток воды, привело к тому, что Фатехпур Сикри был заброшен после смерти императора.

куполов — все это и поныне завораживает зрителя. Мощью и энергией пронизана другая знаменитая постройка времен Акбара — Красный форт в Агре.

Своего зенита могольское зодчество достигает при Шах Джахане. Он вернул столицу в Дели, где на берегу реки Джамны возвел величественный Красный форт с его мощными бастionsами, за которыми расположены беломраморные дворцы и павильоны, стены которых то украшены кружевом резьбы, то богато инкрустированы драгоценными камнями. Великолепные сады и цветники, каскады фонтанов, чаши которых были выложены самоцветами, витые решетки... Правду говорит надпись в тронном зале: «Если есть на земле рай, то он здесь, он здесь».

Подлинным шедевром мирового значения стал мавзолей Тадж Махал, который Шах Джахан построил в память о своей любимой жене. Ослепительная белизна мрамора создает даже в жаркий день физическое ощущение прохлады и подчеркивается двумя рядами кипарисов. Тонкие, устремленные ввысь минареты и поднятое на высокую платформу главное здание с куполом, словно парящим в небе, отражаются в глади водоема. Стены мавзолея были украшены тончайшим орнаментом из драгоценных камней¹. При ярком солнце, в пасмурную погоду и при полной луне — каждый раз Тадж Махал выглядит иным, всегда по-новому прекрасным и волнующим. Известно, что напротив Тадж Махала Шах Джахан планировал сделать его точную копию из черного мрамора — для себя, но этот замысел не был осуществлен.

Этот период был богат на архитектурные достижения не только в центре Могольской империи. Известны дворцы и крепости в раджпутских городах, особенно в основанном в начале XVIII в. Джайпуре. Там особенно интересен Дворец Ветров, фасад которого расчленен на выпуклые балкончики-эркеры. Они обеспечивают сквозную вентиляцию помещений, так что при сильном ветре дворец слегка гудит. Яркостью, оригинальностью стилей отмечены дворцы и крепости южноиндийских государств, особенно знаменитая крепость Голконда с ее тремя ярусами стен и уникальной акустикой: если хлопнуть

¹ Увы, эти камни, как и инкрустация стен красного форта в Дели, были вырезаны штыками английских солдат. Следы этого до сих пор видны на стенах. В наше время камни заменены искусственными.

в ладони у подножия, то звук отчетливо слышен за много сотен метров в верхней цитадели.

XVIII в., столь трагический для Индии, дал ей архитектурные сооружения, которые по роскоши и яркому декору даже превосходили могольские. Правители независимых государств, возникших на обломках империи, словно пытались затмить прежних владык. Дворцы, павильоны, культовые сооружения, особенно в Лакхнау и Хайдарабаде, поражают несколько тяжеловесной пышностью, яркостью и роскошью декора, иногда на грани безвкусицы. Возможно, дело было не только в амбициях правителей: известно, что в тяжелые времена людям особенно нужна волшебная сказка, и они воплощали ее в камне и мраморе. Напротив, строгим и величественным стилем отличались постройки маратхов, особенно цитадель Шанивар Вада, резиденция правителей конфедерации. Сооружения времен Хайдара Али и Типу Султана в Майсуре просты, динамичны, великолепно вписаны в ландшафт и почти чужды роскоши, что прекрасно отражало энергичный и мужественный характер майсурских правителей — воинов и реформаторов.

XVI—XVIII вв. стали эпохой расцвета миниатюрной живописи. При могольском дворе основателями школы стали мастера, приглашенные из Ирана. У них учились индийские художники, индусы и мусульмане, создавшие самостоятельную, во многом отличную от иранской, школу миниатюры, опирающуюся на индийские традиции.

На первых порах миниатюра лишь играла роль книжной иллюстрации, затем художники стали воплощать и не связанные с содержанием книг сюжеты. Такие миниатюры собирали в альбомы и переплетали. Сюжетами для художников служили придворные сцены, эпизоды сражений, исторические события, эпизоды из книг; нередко изображались бытовые сценки, животные, птицы, растения. Над каждой миниатюрой работали по несколько мастеров, каждый отвечал за определенные детали, наиболее умелым доверяли прорисовку лиц. В отличие от иранской миниатюры изображения людей были не условными, а весьма реалистическими; художники добивались портретного сходства, отражения особенностей возраста и характера человека. Большой интерес вызывали работы западных мастеров, привозимые европейскими купцами. Не изменяя своей творческой манере,

могольские художники заимствовали у европейцев технику перспективы.

Наряду с могольской, развиваются и местные школы миниатюрной живописи. Например, раджпутская школа была ближе к народному лубку и стенной росписи, изображения в ней более условны и поэтичны. В XVIII в. под ее влиянием возникает ряд школ миниатюрной живописи в пригималайских княжествах Кангре, Бунди и Басоли (они известны под собирательным названием *пахари* — горные). Яркой декоративностью отличаются деканские школы миниатюры, распространенные в южноиндийских государствах Биджапуре, Голконде, Тханджавуре.

Могольская эпоха создала неповторимые стили и в декоративно-прикладном искусстве, особенно в ювелирном деле, которое опиралось на соединение индийских и мусульманских традиций, и в музыке. Последняя имела особое значение и во многом определила дальнейшее развитие музыкального и вокального искусства Индии. Бесконечное разнообразие народных песен, духовная музыка (особое внимание уделяли ей проповедники *бхакти* и *суфизма*, многие из них сами писали песни на свои стихи), скромные музыкальные вечера в домах горожан и великолепные концерты во дворцах вельмож и государей — таков был музыкальный фон эпохи. В этот период разделение на индусскую и мусульманскую музыку исчезает, возникает единый поток, разделявшийся на различные региональные стили (*хиндустани* — северный и *каннада* — южный) и художественные направления.

Подлинный взлет переживает и танцевальное искусство. Наряду с древним классическим стилем храмового танца *бхаратнатьям* возникают местные, связанные с традициями поэзии *бхакти* — *манипури* (Восточная Индия), *кучипуди* (Юг), *одисси* (Орисса), *катхак* (Северная Индия). Стиль *катхак* возник из храмовых представлений на темы историй из жизни Кришны и приобрел популярность при дворе Моголов. Здесь он обогатился среднеазиатскими элементами и практически покинул храм, став чисто светским, концертным.

Любой правитель или знатный вельможа считал своим долгом покровительствовать поэтам, музыкантам, танцовщицам. В аристократических домах и при дворе устраивались поэтические состязания, музыкальные и танцевальные выступления, иногда ночи напролет. Многие поэты, музыканты,

танцовщицы под покровительством двора или вельмож становились богатыми и влиятельными (некоторые, впрочем, предпочитали оставаться бедными, но не зависеть от капризов знатных меценатов). Музицировать, петь или читать стихи в компании друзей было любимым развлечением горожан. Победнее, музыкой и танцами были пронизаны и деревенские праздники. Таким образом, по сути вся жизнь человека была музыкально оформлена и обрамлена.

Трагические события XVIII в. не привели к упадку искусств. Многие выдающиеся художники и музыканты продолжали творить, бережно сохраняли культурное наследие прошлых эпох и одновременно развивали его, осваивая новые формы и выразительные средства.

§ 9

Территориальная экспансия английской Ост-Индской компании в первой половине XIX в.

После потери англичанами североамериканских колоний Индия стала для них главным объектом колониальной активности. Проводником британской колониальной политики здесь на протяжении первой половины XIX в. по-прежнему являлась **Ост-Индская компания**, содержавшая свой штат гражданских и военных служащих, до реформ 30-х гг. XIX в. целиком состоявший из европейцев. В этот период все территории, находившиеся в орбите влияния англичан, делились на две категории — зависимые княжества и непосредственные владения Компании. Последние были разделены колониальными властями на три президентства — **Бенгальское, Мадрасское и Бомбейское**, в каждом из которых имелось свое правительство, армия и штат чиновников. Назначение на все должности в колониально-административном аппарате осуществлялись под непосредственным контролем Совета Директоров Ост-Индской компании, заседавшем в Лондоне.

Столицей Британской Индии являлась Калькутта, там же располагалась и резиденция генерал-губернатора. Система управления индийскими территориями долгое время не имела четкой централизованной структуры, и губернаторы Бомбея и Мадраса обладали известной долей самостоятельности в принятии решений. Только в 1833 г. они были окончательно подчинены генерал-губернатору. Военно-бюрократический аппарат, созданный англичанами на индийских территориях, был призван решать две важнейшие задачи — служить целям обогащения своих создателей и обеспечивать проведение в жизнь политики, осуществлявшейся, возможно, и без четко осознаваемого плана, но по хорошо усвоенному и успешно

применявшемуся англичанами принципу «разделяй и властвуй». Использование ими методов подкупа, лести и шантажа местных индийских властителей, практики субсидиарных¹ договоров, а также политики прямых военных захватов быстро превратили англичан в подлинных хозяев Индии.

Первая половина XIX столетия была весьма важным этапом становления на Индостане британского колониального господства. К этому времени Франция перестала играть видную роль в данном регионе, и англичане фактически оказались один на один с разобитыми индийскими государствами, многие из которых уже находилось в зависимом от них положении. На пути окончательного укрепления британского могущества в Индии стояли воинственные маратхские княжества, объединенные в конфедерацию, и Панджаб.

Внешняя политика Компании 1800—1845 гг. Англо-маратхские войны

Прологом второй англо-маратхской войны (1803—1805) послужил субсидиарный Бассейнский договор 1802 г. между седьмым пешвой Баджи Рао II (1795—1817) и английской Ост-Индской компанией, заключенный пешвой из страха перед чрезмерным усилением северной части Маратхской конфедерации — княжества Индор (династия Холкар). Согласно договору маратхи отказался от всех прав на г. Сурат, пешва пустил на свою территорию английские войска и выделил на их содержание 2,6 млн рупий. Споры между маратхскими князьями должны были разрешаться при посредничестве англичан, в результате чего вся внешняя политика пешвы подчинялась интересам компании. Правители Гвалиора, Наглур и Индра, забыв о распрях,

¹ Подобный договор подразумевал ввод на территорию княжества ограниченного контингента британских колониальных войск (отряда сипаев), содержание которого оплачивал местный правитель. Англичане обязывались охранять его владения взамен на отказ княжества от внешнеполитической самостоятельности в пользу Компании.

Как правило для содержания таких отрядов выделялись целые округа, налог с которых собирали сами военные, что вело к постепенному разорению этих территорий и всего княжества, переходившего во владение Компании под предлогом ликвидации «дурного управления».

немедленно воспротивились указанному договору, и началась очередная англо-маратхская война.

На борьбу с маратхами англичане направили южную армию под командованием Артура Уэллесли — будущего герцога Веллингтона, брата генерал-губернатора английских владений в Индии Ричарда Уэллесли. Под его началом было 24 тыс. солдат. Уэллесли удалось взять Ахмаднагар и выиграть тяжелое сражение при Асаи (на границе Хайдарабада) с намного превышающими силами противника. Окончательно армия Нагпура была разгромлена в битве под Аргаоном (1803).

Северной армией англичан, насчитывавшей ок. 10 тыс. чел., командовал генерал Дж. Лейк. Выиграв сражение под Дели, он занял столицу Великих Моголов и посадил на трон представителя некогда свергнутой династии Шах-Алама II. Но никакой реальной властью новый падишах наделен не был. В апреле 1804 г. была официально объявлена война Индору, окончившаяся после взятия ряда городов и крепостей победой английского оружия.

Результатом этой войны стало подписание выгодных англичанам субсидиарных договоров с Гвалиором и Нагпуром, которые уступили Компании часть своей территории, лежащей между Пенджабом и Бенгалией, в частности, долину Ганга с г. Дели и приморский округ Ориссы (Каттак).

Войны, которые велись в правление генерал-губернатора лорда Мойра, маркиза Хейстингса (1814—1818), за исключением борьбы с Непалом, имели целью разрешение ранее начатых споров. В англо-непальской войне (1814—1816) сила и удача были на стороне англичан. В феврале 1816 г. непальская армия потерпела окончательное поражение в районе Макванпур, вблизи своей столицы — города Катманду. По Сегаульскому договору 1816 г. Непал уступил Ост-Индской компании Сикким, Кумаон, Гархвал и ряд других территорий, а важнейшим политическим условием этого соглашения явился допуск в Катманду английского резидента. Таким образом вся внешняя политика Непала ставилась под контроль англичан.

Преддверием третьей англо-маратхской войны (1817—1818 гг.) послужила борьба Компании с бандами *пиндари*¹,

¹ Эти отряды сформировались еще в XVIII в. как банды уголовного сброды, нищих крестьян и т. д. Они существенно пополнились после роспуска

которые разбойничали преимущественно в маратхских и раджпутских землях, находившихся под властью англичан. Правитель Индора использовал их в качестве наемников. Все это вызывало постоянное беспокойство колониальных властей, снарядивших под предлогом борьбы с пиндари 120-тысячное войско, включавшее 13 000 европейцев. Англичане очень быстро заняли княжество Гвалиор. Пешва, вместе с правителями Индора и Нагпура попытался оказать им вооруженное сопротивление, но силы противников были неравными. В крупных сражениях под Ситабалди, у Нагпура (декабрь 1817 г.) и Коригаона (январь 1818 г.), а также в ходе последующих более мелких столкновений маратхи потерпели серию поражений.

Третья англо-маратхская война закончилась полным разгромом маратхских князей. Пешва Баджи Рао II лишился престола, став пенсионером компании, а его домен Махараштра превратился в часть Бомбейской провинции. Нагпурский князь вынужден был подписать очередной субсидиарный договор с англичанами, по которому у него были отторгнуты северные округа, а правитель Индора лишился большей части своих территорий и вынужден был признать сюзеренитет компании.

В результате войн с англичанами маратхская конфедерация фактически прекратила свое существование. В подчинении Ост-Индской компании оказалась значительная часть Западной Индии: области Махараштра, Гуджарат, частично Раджастан и Хиндустан.

В 1818—1820 гг. англичане продвинули границу своих владений и в северо-западном направлении, заставив раджпутов признать их суверенитет и аннексировав территорию Аджмера на склонах Арафаллийских гор. А в 1826 г. в результате продолжительной и дорого стоившей англичанам экспедиции в Бирму был присоединен Ассам, Манипур и другие районы на севере государства.

В период генерал-губернаторства Уильяма Бентинка (1828—1835) англичане без применения вооруженной силы в 1831 г. аннексировали государство Майсур, окончательно

феодалного войска подчиненных англичанами в ходе второй англо-маратхской войны областей. На награбленные ими деньги маратхские начальники содержали свои отряды.

превратив эти территории во владение Компании. В 1834 г. сосед Майсура раджа Курга поднял оружие против британских колонизаторов и был захвачен в своей столице отрядом в 2500 человек, а его государство также было присоединено к непосредственным владениям Компании.

В результате очередной серии войн периода правления лорда Окленда (1836—1842) англичане вмешивались во внутренние дела соседних Афганистана и Ирана, где их интересы столкнулись с геополитическими притязаниями России. Англо-индийское правительство организовало крупный поход в Афганистан с целью низвергнуть Дост Мухаммеда, желавшего отнять Пешавар у сикхов и Герат у брата низложенного им эмира. Экспедиция была удачной. Помимо восстановления Шах Шуджи на афганском престоле, англичане на два года добились контроля над регионом. Английский генерал Кин вернулся в Индию, оставив в Кабуле английского резидента с оккупационным отрядом, однако, в начале зимы 1841 г. афганцы не только освободились от присутствия англичан в результате восстания, но и почти всех их перебили. Уцелело всего 95 человек заложников и врач, сумевший бежать из Кабула.

Эти события повлекли за собой снятие Окленда с поста генерал-губернатора; на его место был назначен лорд Элленборо (1842—1844), столь же воинственный, но более удачливый. Кабул вновь был взят и разграблен, после чего англичане ушли оттуда, ограничившись аннексией Синда (1843 г.). Впервые английское владычество достигло Инда и вплотную подошло к Ирану.

Англо-сикхские войны. Присоединение Панджаба и Ауда к владениям Компании

Держава сикхов была последним независимым от англичан государством на территории Индии. Ее основатель махараджа Ранджит Сингх (1799—1839) ликвидировал старую сикхскую знать, упорядочил внутреннее управление государством и провел реорганизацию армии. В ходе столкновений с Афганистаном Ранджит Сингх увеличил территорию своего государства, присоединив к нему Пешавар и Кашмир. Эти мероприятия способствовали усилению военной мощи Панджаба и подготовили сикхов к войне с Ост-Индской компанией.

Однако политика Ранджит Сингха имела и ряд внутренних противоречий. *Сикхи-сардары* (военачальники) мечтали сделать свои земли наследственными и тяготились единоличной властью махараджи, а сикхское крестьянство, являвшееся ядром армии, страдало от военных лишений и возрастающего налогового гнета. Поэтому сразу после смерти Ранджит Сингха в Панджабе началась жестокая борьба за власть, которая привела к ослаблению государства. Над страной нависла угроза английского вторжения. В 1844 г. бразды правления государством фактически оказались в руках армии, которая жестоко расправилась с местным сепаратизмом в лице сикхской знати. Крупные панджабские феодалы, опасаясь расправы и в надежде вернуть утраченные позиции, вступили в тайное соглашение с англичанами.

Первая англо-сикхская война (1845—1846 гг.) была спровоцирована пограничным конфликтом на реке Сатледж. Отряд майора Бродфута напал на сикхский отряд, прибывший для сбора налогов в левобережные владения Лахора. В ответ на это сикхи отправили туда свои войска, что дало повод англичанам для развертывания военных действий в Панджабе.

В ходе войны сикхская армия храбро сражалась в битвах при Мудки (18 декабря 1845 г.), Фирузшахе (21 декабря 1845 г.) и Собраоне (1846 г.). Однако благодаря предательской тактике своих военачальников, в решительный момент уводивших свои войска, она постоянно терпела поражения от войск Компании. 20 февраля 1846 г. англо-индийские войска вступили в столицу сикхского государства, однако, англичане не решились сразу произвести аннексию Панджаба, опасаясь ее многотысячной армии, готовой продолжать борьбу.

В результате этой войны сикхское государство лишилось ряда важных областей и было значительно ослаблено. Засатледжские владения и территории между реками Биас и Сатледж перешли в собственность компании. Княжества Джамму и Кашмир, захваченные Панджабом у Афганистана в эпоху Ранджит Сингха, были переданы за 75 лакхов рупий крупному джагирдару и военачальнику Гулаб Сингху в обмен на его нейтралитет. Кроме того, английский резидент в Лахоре получил право размещать воинские части внутри Панджаба и заменять сикхские отряды английскими.

Вторая англо-сикхская война (1848—1849 гг.) была вызвана попыткой англичан сместить наместника панджабской

провинции Мултан Мулраджа и ввести туда английский отряд. 19 апреля 1848 г. в Мултани началось восстание, перекинувшееся на северо-западную окраину Панджаба. Англичане предприняли две осады Мултана, однако исход войны решался не там. Сикхам удалось договориться с афганским правителем Дост Мухаммедом о помощи в обмен на возвращение Пешавара. В сражении при Чилианвале (13 января 1849 г.) англичане потерпели сокрушительное поражение и потеряли около двух с половиной тысяч человек. Однако уже в следующей битве при Гуджрате (21 февраля 1849 г.) им удалось одержать окончательную победу над сикхами. Последние сдались на милость победителя, передав все оружие, в том числе мощную артиллерию, англичанам. Затем войска компании отняли у афганцев Пешавар. Панджаб был аннексирован, а для его управления создан специальный административный совет, подчинявшийся непосредственно генерал-губернатору английских владений в Индии. Для поддержания политической стабильности на захваченных сикхских территориях англичане сохранили ряд мелких феодальных княжеств. Так, Гулаб Сингх был признан махараджей княжества Джамму-Кашмир, ставшего вассалом компании.

К середине XIX в. на территории Британской Индии сохранялось лишь одно большое формально суверенное княжество — Ауд. Его территория уже была урезана Компанией еще во времена генерал-губернатора Хейстингса, когда у наваба Ауда были отобраны города Бенарес и Аллахабад с прилегающими к ним районами. Новый генерал-губернатор Британской Индии Дальхаузи решил окончательно покорить Ауд. Он ввел туда английские войска, сосредоточенные в Канпуре и, арестовав наваба Ваджид Али, не желавшего распускать свою армию, срывать замки феодалов и запрещать населению носить оружие, как того требовали англичане, аннексировал княжество в 1856 г.

Присоединение Панджаба (1849 г.) и Ауда (1856 г.) венчали заключительный этап английского завоевания Индии.

Так в результате серии прямых захватов первой половины XIX в. Индия стала центром и оплотом британской внешней политики в Азии. Англо-индийское правительство продолжало вмешиваться в качестве важного и вполне самостоятельного субъекта в политику соседних с Индией территорий.

§ 10

Внутренняя политика англичан в Индии в первой половине XIX в. Экономические факторы колонизации

Принятие новых Хартий. Изменение статуса Ост-Индской компании

Экономический фактор играл не менее значимую роль в колониальном подчинении Индии, чем военный. Использование индийских ресурсов являлось одним из важных источников первоначального накопления капитала для английской экономики. Средства, получаемые от эксплуатации Индии, играли значительную роль и в период промышленной революции в Англии. Механизмы извлечения прибыли, изначально использовавшиеся колонизаторами — налоги с крестьянства, монопольная торговля, ростовщические займы, навязываемые Ост-Индской компанией индийским князьям, военная добыча, дань с вассальных территорий — не потеряли своей значимости в первой половине XIX в. Однако к ним прибавились и новые возможности извлечения доходов.

В 1813 г. истекал очередной срок действия Хартии Ост-Индской Компании. Окрепшая к тому времени английская буржуазия начала наступление на монопольные права Компании и потребовала введения свободы торговли с Индией. В результате активных прений в парламенте и при поддержке общественного мнения индийские территории были провозглашены зоной свободной торговли. За Компанией сохранялось право монопольной торговли с Китаем и возможность иметь в Индии свои торговые конторы. Ее Хартия продлевалась до 1833 г. На подвластных Компании территориях была сохранена система «двойственного управления», введенная парламентским актом 1784 г., и существующий административный аппарат. Несмотря на провозглашение «свободы»

торговых операций, в Индию по-прежнему не допускались не имевшие отношения к службе в Компании лица иначе, как по письменному разрешению Совета Директоров. Исключение составили лишь англиканские священники и христианские миссионеры различных конфессий.

Совет Директоров сумел сохранить за собой право патронажа, зачастую за деньги распределяя вакансии в англо-индийской администрации. Продажа должностей приносила директорам немалые доходы (до 14 тысяч фунтов стерлингов в год), однако она причиняла и немалый вред английским интересам в Индии, являясь тормозом для улучшения эффективности работы колониального аппарата. Она способствовала росту коррупции на всех уровнях и произволу в отношении местного населения.

Несмотря на половинчатый характер, Хартия 1813 г. сыграла существенную роль в расширении колониальной эксплуатации Индии. Она прежде всего способствовала ближайшим интересам британских промышленников, стремившихся к овладению индийскими рынками, и правящей верхушки Англии, желавшей де-факто управлять Индией на средства Компании.

В первой половине XIX в. шел процесс превращения индийских территорий в сырьевой придаток метрополии. Хартия 1833 г. была очередным шагом на этом пути. Она окончательно открыла двери в Индию широким слоям населения Англии, пополнивших армию предпринимателей, рассчитывавших обогатиться на индийской земле. Основные рычаги власти Британской Индии отныне были сконцентрированы в руках генерал-губернатора, подчинявшегося строгому контролю из Лондона. Состав его советников, который формировался из английских чиновников, участвовавших в разработке законопроектов, был увеличен до 12 человек. Полномочия генерал-губернатора значительно расширились.

В момент принятия Хартии этот пост занимал либерально настроенный и имевший значительный опыт работы в Индии Уильям Бентинк (1828—1835). Под его руководством проводились реформы, одним из главных итогов которых стало активное привлечение местных жителей к работе на низших должностях в англо-индийской администрации¹. В результате

¹ Принятие новой Хартии дало толчок целой серии преобразований. Почти сразу же были внесены некоторые изменения в территориально-административное деление Британской Индии. Особый статус в составе

образовательной реформы 1835 г. началась подготовка необходимых для этой цели кадров. Англичане в подавляющем большинстве, типичным представителем которого был и автор проекта указанной реформы известный британский историк Маколей, с пренебрежением относились к современным обычаям Индии и к ее самобытной культуре. Лишь единицы всерьез занимались изучением древнейшей индийской истории и культуры. Желание либеральных реформаторов дать молодежи Индии европейское образование было продиктовано не только рационализмом, но и высокомерным стремлением продемонстрировать ей превосходство западной цивилизации над восточной, сделать из нее опору колониального режима. В период правления Бенгтинка англичане запретили старинный обычай самосожжения вдов (*sati*) и фактически уничтожили секту тхагов (душителей), поклонявшихся богине Кали и совершавших ритуальные убийства по религиозным мотивам. Важным экономическим мероприятием этого времени являлась отмена внутренних таможен на территории Индии. Определенные изменения претерпела также судебная система и организация колониальной полиции. Все эти меры способствовали укреплению стабильности британского колониального правления и сокращению средств на содержание англо-индийского административного аппарата.

Хартия 1833 г. лишила Компанию права монопольной торговли с Китаем и запретила ей вести торговые операции на территории Индии. Впрочем, акционеры продолжали получать дивиденды от средств, поступавших в казну Компании. О слагаемых той «дани», которую приходилось нести Индии, позволяют судить следующие цифры. За пять лет (1834—1839) в Англию из индийских источников только по официальным каналам поступило 15 408 тысяч фунтов стерлингов. Из этой суммы дивиденды акционеров составили 3 160 тысяч, пенсии отставных военных англо-индийской армии — 2 495 тысяч, проценты по «индийскому долгу» Компании — 1 828 тысяч фунтов стерлингов, остальное шло на оплату пенсий служащих колониального аппарата и т. п. К колониальной дани относились и деньги,

Бенгальского президентства получили Северо-Западные провинции. Вся территория непосредственных английских владений, наряду с президентствами, делилась на округа, в состав которых вошло по несколько дистриктов, возникших как административная единица намного ранее.

выручаемые в Китае при сбыте индийского опиума и хлопка, а затем расходуемые там на закупку чая и шелка.

Налоговые системы Британской Индии в первой половине XIX в.

Однако основная масса поступлений из Индии осуществлялась благодаря налоговой системе, которая по сути и раньше являлась главным источником доходов британских колонизаторов. В первой половине XIX в. в Индии были распространены четыре основные земельно-налоговые системы: «*постоянного заминдари*» в Бенгалии, «*временного заминдари*» в Северной Индии, «*райятвари*» в части Мадрасской провинции, Бомбейском президентстве и Ассаме, а также система «*маузавар*» («*махалвари*» или «*малгузари*») в Центральные провинциях, Панджабе, Агре и некоторых других районах.

Система «*заминдари*» была введена генерал-губернатором английских владений Ч. Корнуоллисом в 1793 г. Она устанавливала налог на землю, передаваемую в наследственную собственность заминдара, которые являлись не только откупщиками налогов, но и местной феодальной элитой. Его размер соответствовал сумме налога, полученного в момент издания закона и фиксировался навечно, вне зависимости от урожая и иных условий. Часть собираемых средств владельцы земли оставляли себе, однако, в случае недоимок государство имело право изъять поместье заминдара и продать его с аукциона. Последнее происходило достаточно часто, благодаря чему эти земли оказывались в руках налоговых чиновников и ростовщиков. Заминдари имели возможность извлекать дополнительные доходы, отдавая часть пустующих земель в аренду, предоставляя право сбора налога субарендаторам или увеличивая размер запашки и т. п. В результате введения нового налогообложения англичанами был создан класс неопомещиков, ставший социальной опорой британского колониального режима.

Система «*временного заминдари*» называлась так потому, что земельные налоги не были фиксированы на вечные времена, а подлежали пересмотру через определенные сроки. Она отличалась от бенгальской тем, что право на землю предоставлялось не отдельному помещику, а семье, общинам или группе семей. В северо-западных провинциях размер земельного налога

менялся властями каждые 3—5 лет, а его ставка составляла 85% ренты, уплачиваемой заминдару его крестьянами. Размер налога устанавливался окружным коллектором (служащим налогового аппарата Ост-Индской компании) после тщательного анализа объема запашки и стоимости полученного урожая.

Наделение заминдаров земельной собственностью неизбежно вызывало наступление на наследственные права райятов, у которых после уплаты феодальной ренты сохранялось право лишь на долю собственного урожая.

При системе *«райятвари»*¹ верховным собственником земли становилось государство, а владельческие права на нее закреплялись за крестьянами и мелкими феодалами в бессрочную и наследственную аренду на условиях оплаты земельного налога, равного половине стоимости урожая с суходольных и трех пятых — с орошаемых земель. Эта система была введена колониальными властями в ответ на сопротивление райятов введению *«заминдари»* в Мадраасской провинции, а позднее она была распространена и на Бомбейское президентство.

Необходимо отметить, что в районах *«райятвари»*, как и в районах *«постоянного заминдари»*, господствующей формой получения доходов в аграрном секторе в XIX в. по-прежнему оставалось взимание феодальной ренты. Кроме того, из общинных земель исключались дуга, пастбища, пустоши, реки — все, чем пользовались общца.

Система *«маузавар»* в общих чертах напоминала систему *«райятвари»*. Здесь налог собирался с отдельных земледельцев, но за его своевременный взнос отвечала вся община по принципу круговой поруки. В данном случае община являлась и фискальной единицей, и формальным владельцем земли. В районах распространения *«маузавар»*, так же как и в других регионах, подвергнутых той или иной форме налогообложения в пользу англичан, шел процесс обезземеливания индийского крестьянства. Земли общинников обычно скупались судейскими или налоговыми чиновниками, которые превращались таким образом в заминдаров, отличавшихся от бенгальских лишь тем, что их взносы в казну периодически увеличивались. Таким образом, земельно-налоговые системы англичан привели к укреплению феодальной и полуфеодальной эксплуатации крестьянства.

¹ Райятами назывались индийские крестьяне. Слово происходит от арабского «райя» — стадо, т. е. паства.

Еще в конце XVIII в. Ост-Индская компания добилась монополии на производство селитры в Бенгалии, добычу соли, опиумной монополии. Все это приносило в ее казну огромные средства. Возросшая потребность метрополии в колониальных продуктах привела к тому, что в первой половине XIX в. в Индии появились первые плантации по разведению кофе и чая, на которых использовался полурабский труд законтрактованных рабочих. Колониальные власти предпринимали различные, в том числе внеэкономические, меры и для расширения посевов технических культур индиго и опиума, пользовавшихся большим спросом в Европе. Однако наибольшей эффективности в этом удалось достичь только снизив ставку поземельного налога и удлинив срок его взимания до 30 лет. Отныне он исчислялся не от размера полученного урожая, а с количества земли в зависимости от качества облагаемого участка. Кроме того, колониальная администрация обложила пустующие земли специальным налогом, что создавало предпосылки для расширения посевных площадей.

Указанные мероприятия стимулировали рост товарного производства на селе. Увеличение срока взимания налогов позволило части крестьянства несколько интенсифицировать способы ведения хозяйства — использовать более качественный посевной материал, обустраивать системы орошения, поднимать целину. В результате экспорт сельскохозяйственной продукции из Индии с середины 30-х до середины 50-х годов XIX в. вырос в два раза.

Однако в целом производительность труда на селе была низкой в сравнении с XVII в. Производство сельскохозяйственного сырья на экспорт подрывало натуральную замкнутость индийской сельской общины, что нашло отражение прежде всего в социальной сфере. Ускорился процесс имущественной дифференциации крестьянства, зачастую отдававшего свою землю либо налоговым органам за долги, либо закладывавшего ее местным ростовщикам под большие проценты, что в конце концов вело к ее потере. В Индии появился новый слой мелких арендаторов, получавших землю на условиях издольщины у колониальных властей. Крестьянство стремительно разорялось. Это приводило к голоду и гибели миллионов людей и делало фактически невозможным сбор налогов в размерах, установленных англичанами. Чтобы обеспечить процесс поступлений средств в казну, сборщики налогов применяли жесточайшие пытки, не щадя

даже женщин: райатов били палками, оставляли связанных без воды и пищи умирать под лучами палящего солнца и т. п. Однако и это не приносило необходимых результатов. Тогда власти вынуждены были пойти на введение новых налогов, в частности, с инамов.

Становление капиталистических отношений в Индии в первой половине XIX в.

Существенные изменения претерпела в этот период индийская торговля. В первой половине XIX столетия местные купцы фактически были вытеснены из крупной торговли. Однако мелкая торговля в Южной Индии даже в 40-х годах XIX в. еще сохранялась в руках индийцев. Шло также закабаление ткачей, им запрещалось работать на частного купца или на рынок. Происходил общий упадок ремесла. Родина хлопка фактически перестала экспортировать готовые ткани из этого сырья. Снизился вывоз и других высококачественных тканей ручной выделки. Сырье постепенно становилось основной статьей экспорта из Индии. Кроме этого английские торговцы стремились наполнить внутрииндийский рынок готовой продукцией ланкаширских фабрик, хотя она по-прежнему мало покупалась местным населением. Можно сказать, что индийский рынок был открыт, но англичанам многое еще предстояло сделать для его окончательного освоения.

Постепенное превращение Индии из поставщика тканей для Европы в их покупателя объяснялось не только техническим превосходством фабричной системы, но и таможенной политикой британского правительства, установившего грабительские 75% пошлины на ввозимые в Англию индийские ткани. В период 1836—1844 гг. пошлины на хлопок были отменены, и его стали ввозить в Англию в более значительных размерах, но (что немаловажно) преимущественно в качестве сырья или пряжи. Администрация Ост-Индской компании тоже внесла свою лепту в таможенную дискриминацию индийских ремесленников. В 30-е годы XIX в. был введен 5% налог на потребляемое сырье, 7,5% — на пряжу, по 2,5% — на ткани и на их окраску вне мастерской. Все это удорожало стоимость индийских ручных тканей на 15—17% и, в конечном итоге, приводило к их проигрышу на рынке при конкуренции с дешевой английской

продукцией. В 50-е годы XIX в. хлопчатобумажные ткани составили 2/3 английского экспорта в Индию и свыше 1/4 всего экспорта товаров из Великобритании. Дискриминационная политика в отношении ткачей вела к упадку городов. Значительно снизилась численность населения таких известных в прошлом традиционных центров ремесла и торговли, как Масулипатам, Муршидабад, Дакка.

Денежная система Индии также постепенно оказалась в руках англичан. В 1805 г. был создан Мадрасский правительственный банк (объединивший несколько более мелких банков), который выдавал кредиты и выпускал банкноты. Развитию национально-банковской системы Индии препятствовало господство торгово-ростовщического капитала, который по существу превратился в агентуру британского капитала. Местные ростовщики нередко кредитовали торговые фирмы англичан, активно участвуя в вывозе сырья и сбыте английской продукции.

Становление капиталистических отношений шло в Индии крайне медленно и неравномерно. Ведущими регионами стали подвластные англичанам провинции. Особую роль в этом процессе играло развитие здесь текстильной промышленности, преимущественно в области производства пряжи. Первую хлопчатобумажную фабрику в 1854 г. построил в Бомбее гуджаратец Давар. Это была, пожалуй, единственная отрасль, в которой превалировал индийский капитал, в то же время ряд других отраслей, в частности, чайная и джутовая промышленность, возникли и развивались как монополии английского капитала.

Как и в других странах мира, генезис капитализма в Индии был невозможен без создания транспортной системы и других средств коммуникации. В этом английская инициатива сыграла безусловно прогрессивную роль для Индии несмотря на то, что упомянутые нововведения имели своей целью удовлетворение прежде всего колониальных нужд. Изначально строительство железных дорог осуществлялось частными британскими компаниями, наживавшими на этом большие капиталы. Первая железнодорожная линия была пущена на территории Бомбея в 1853 г., а к 1856 г. было построено уже более 600 км железных дорог. В 1855 г. первая телеграфная линия связала столицы президентств, а также Калькутту с Агрой и Аттоком. Более быстрыми темпами пошло развитие

коммуникационных систем на территории Индии уже во второй половине XIX в.

В целом экономическая политика англичан в Индии не только нарушила равновесие традиционных укладов, но и уничтожила зачатки тех рыночных отношений, которые начали складываться здесь еще до рокового вмешательства Запада. Колонизаторы стремились приспособить индийскую экономику к нуждам индустриального общества метрополии. После разрушения сельской общины при их непосредственном участии в Индии началось развитие капиталистических отношений, но уже на новой основе.

§ 11

Последствия культурной политики англичан в Индии. Рам Мохан Рой

К началу XIX столетия сказались первые последствия британского влияния на общественную жизнь Индии. Результаты этого воздействия были весьма противоречивыми. С одной стороны, был нанесен непоправимый ущерб не только индийскому традиционному земледелию и ремеслу, но наметился и общий упадок в сфере национальной культуры. Англичане с самого начала своего проникновения не представляли себе Индию в качестве единого целого ни в экономическом, ни в этническом, ни в социокультурном отношениях. Она таковой и не являлась. Однако британцы всячески поддерживали исторически сложившуюся пестроту индийского субконтинента, консервируя кастовую систему и ряд других традиционных установлений.

В колониальной администрации были люди, начинавшие смутно осознавать опасность сложившейся ситуации и попытавшиеся исправить положение, исходя из патерналистских настроений и европоцентристских представлений о прогрессе. Свое идеологическое оружие англичане направили в первую очередь на старейшее приобретение Ост-Индской компании — Бенгалию. Сюда в первую очередь и отправлялись европейские миссионеры, надеявшиеся «спасти» несчастных туземцев, «погрязших во грехе и невежестве». Помимо проповедей и надежды на обращение в христианство они несли с собой сведения о европейской науке, культуре и просвещении. Именно миссионеры открыли в Индии первые школы, в которых преподавание осуществлялось на английском языке и по европейскому образцу, они основали и первую газету на бенгальском языке (1818 г.).

Постепенно образовательная политика в Индии стала проводиться англичанами более целенаправленно. В 30-е годы ими были открыты десятки средних школ с европейской программой обучения, а в 1857 г. появились и три университета

в столицах президентств. В результате этих мероприятий сложилась вначале немногочисленная, но продолжавшаяся увеличиваться, прослойка индийской интеллигенции, воспитанная в европейском духе и на средства колонизаторов. Последние рассматривали ее в качестве будущей интеллектуальной опоры режима. Индийцы получили возможность познакомиться с новейшими естественно-научными открытиями и достижениями европейской культуры, литературными произведениями таких авторов, как Мольер, Байрон, Мильтон и др. Это открыло им новый мир европейских ценностей, с его рационализмом и критическим подходом к анализу окружающей действительности. Стало возможным и знакомство с книгами многих восточных авторов, и с произведениями древности в английских переводах. Наконец, английский язык по существу стал средством общения для европейски образованных выходцев из различных регионов Индии.

Однако проанглийская направленность образовательной системы имела для колонизаторов и нежелательные последствия. Политика так называемого «языкового колониализма», проводимая ими как на гражданской службе, так и в армии (где команды отдавались на английском языке), в конце концов обернулась против британцев. Она дала миру такой феномен, как англоязычная литература Индии, благодаря которой проблема развития родного языка и родной литературы в XIX в. приобрела для индийских писателей социальную остроту и политическую окраску. Получаемое индийцами европейское образование порождало у них критическое отношение к иноземным хозяевам и способствовало пониманию необходимости изменений в общественной жизни. Новая интеллигенция стала резервом и питательной средой бенгальского Просвещения и буржуазного национализма в Индии.

Предпосылки индийского национального возрождения. Рам Мохан Рой

Ярким представителем новой интеллигенции был религиозный реформатор и общественный деятель Индии Рам Мохан Рой (1772—1833). Выходец из семьи брахмана, юные годы он провел при дворе Могольских императоров. Получив образование в мусульманской школе в Патне, он не только

изучил догматику ислама, но овладел персидским и арабским языками, был знаком с геометрией Евклида и читал Аристотеля в арабских переводах. Позднее к ранее изученным им языкам прибавились английский, греческий, латинский, древнееврейский и санскрит. Знание последнего позволило Рам Мохан Рою углубиться в изучение индусской философии и заняться переводами Веданты.

Рам Мохан Рой 10 лет провел на службе в административном аппарате английской Ост-Индской компании и только, выйдя в отставку, получил возможность, наконец, заняться общественной деятельностью. Цель своей жизни он видел в преодолении отсталости родины и приобщении индийского общества к культуре и знаниям буржуазной Европы. Эта задача нашла у него религиозное воплощение. Рам Мохан Рой известен нам как один из реформаторов индуизма, противник кастовой системы и ряда индийских кровавых обычаев — сати, убийства девочек в раджпутских кастах и т. п. На рационалистической основе он разработал универсальную религиозную систему, признававшую бога в качестве первопричины вселенной и утверждавшую равенство между людьми, в том числе — между мужчинами и женщинами. Критикуя основы индуизма и феодального строя, Рам Мохан Рой опирался на взгляды индийских средневековых религиозных реформаторов — *бхактов*, — и развивал их идеи в естественно-правовом ключе, говоря о природном и гражданском равенстве. К 1815 г. вокруг него сплотился кружок единомышленников, на основе которого в 1828 г. в Калькутте было основано общество монотеистов «Брахмо Самадж», что в переводе означает «Общество Брахмы». Члены этого кружка занимались пропагандой новой религии, пытаясь предложить ее в качестве основы для объединения разобщенных народов Индии. Однако сам Рам Мохан Рой не был последовательным противником индуизма: до конца жизни он так и не снял брахманского пинюра и повсюду возил с собой слугу, готовившего ему «чистую» пищу. В 1831 г., нарушив традиции своей касты о запрете морских путешествий, он посетил Англию, где нашел покровителя в лице лорда Бенгтама и был принят при дворе. Однако попытки Рам Мохан Рою обратить внимание британской общественности на реальные проблемы индийской жизни не увенчались успехом. В 1833 г. он умер вдали от родины, и был похоронен в г. Бристоле.

Вслед за «Брахмо Самаджем» в Калькутте в 30—50-е годы XIX в. начали возникать и другие общественно-политические

и литературные организации просветительского толка: «Литературное общество», «Общество познания истины», «Бенгальское общество Британской Индии», «Общество поощрения бенгальского языка», «Общество Бетюна», «Собрание, стимулирующее изучение наук». Среди крупнейших просветителей того времени выделяются имена соратников Рам Мохан Роя — Дварканатха Тагора (1794—1846), его сына Дебендронатха Тагора (1817—1905), пропагандиста народного образования Ишшорчондро Биддегишагора (1820—1891), редактора журнала «Познание истины» (печатного органа общества «Брахмо Самадж») Окхойкумара Дотто. Сторонником и пропагандистом взглядов французских просветителей был современник Рам Мохан Роя и организатор группы «Молодая Бенгалия» Генри Вивьен Дерозио (1809—1831). Все они видели в науке двигатель общественного прогресса и выступали за развитие народного образования в Индии.

С именем Рам Мохан Роя связано также появление *национальной публицистики* — нового для Индии жанра. Его считают реформатором бенгальского литературного языка. В 1821—1823 гг. при активном участии Рам Мохан Роя в Бенгалии было открыто две газеты — «Луна новостей» («Шомбад коумуди») на бенгали и «Зеркало новостей» («Мират-ул-ахбар») на персидском языке, — которые он редактировал и в которых публиковал собственные статьи на религиозные и острые социальные темы.

Рам Мохан Рой являлся поборником просвещения и отстаивал необходимость преподавания естественных наук. При его содействии в 1817 г. в Калькутте была открыта первая светская школа — Индусский колледж. Он также написал ряд учебников по геометрии, географии и астрономии, а в 1833 г. опубликовал «Граматику бенгальского языка». Большой поклонник европейского образования, Рам Мохан Рой считал необходимым не только повсеместно ввести его в Индии, но и сделать доступным для женщин.

Несмотря на передовые взгляды ни Рам Мохан Рой, ни члены его кружка, ни другие представители молодой индийской интеллигенции никогда не выступали против английского колониального режима, однако их просветительская деятельность, прежде всего, благодаря яркой антифеодалной направленности способствовала делу индийского национального возрождения.

§ 12

Сопrotивление народов Индии британскому колониальному гнету. Индийское народное восстание 1857—1859 гг.

Народные движения первой половины XIX в.

Наиболее существенным негативным последствием укрепления британского колониального могущества в Индии стало ухудшение уровня жизни коренного населения. Обнищание крестьянства приводило к голоду, который периодически охватывал то одну, то другую провинцию и приводил к многомиллионным смертям. В 1806 г. произошло первое вооруженное выступление сипаев в Веллуре, подавленное с помощью специально вызванных из Арката английских войск. В 1816 г. вспыхнуло кровопролитное восстание в Рохилканде, в котором участвовало не менее 10 тысяч человек, также жестоко подавленное властями. В 1817 г. началось крестьянское движение в Ориссе, вызванное усилением английского налогового гнета и длившееся более 7 лет. Волнения охватили также юг Деканского полуострова, где основными выразителями недовольства стали феодалы, чьи частнособственнические права на землю были ущемлены колониальными налогами.

В 20-е годы XIX в. в Северной Индии развернулось движение так называемых *индийских ваххабитов*, призывавших к джихаду против «неверных». Также они выступали за очищение ислама и требовали равноправия членов мусульманской общины. Вождем ваххабитов стал *Сейид Ахмед*, ранее служивший в войсках князя Индора. Под его знамена стекались тысячи крестьян-мусульман, из которых он сумел сколотить военизированную организацию. В 1831 г. Сейид Ахмед погиб в стычке с сикхами на границе Панджаба, и центр движения переместился в г. Патну. Однако выступление ваххабитов также, как и все прежние антианглийские восстания, было обречено на поражение, поскольку их организация носила изолированный, сектантский характер. Это оттолкнуло от них

не только других мусульман, но и адептов индуизма. Но деятельность ваххабитов продолжалась, и их проповедники сыграли определенную роль накануне и в ходе Индийского народного восстания.

В 30—50-е годы XIX в. по стране прокатилась новая волна антиколониальных выступлений. В 1838 г. вспыхнуло восстание в Колхапуре, в 1839—1846 гг. антианглийские движения охватили также север Бомбейской провинции. В 30—40-х годах значительные волнения были зарегистрированы и на территории Мадрасского президентства. Крупные выступления, среди которых одним из самых массовых было восстание мусульман-фараизитов, охватили старейшее владение англичан — Бенгалию. Накануне индийского народного восстания самым крупным проявлением недовольства местного населения колониальным режимом стали волнения племени санталов в Бихаре в 1855—1857 гг.

Индийское народное восстание 1857—1859 гг.

Крупнейшим движением против колониального режима в Британской Индии стало народное восстание 1857—1859 гг. Его основной причиной была жестокая и грабительская политика Ост-Индской компании, восстановившая против себя не только народные низы, но и многих представителей местной феодальной знати, вынужденной отказываться от власти и части доходов в пользу англичан.

При генерал-губернаторе английских владений Дальхаузи (1848—1857 гг.) обстановка в Индии накалилась. Помимо присоединения Ауда, Панджаба и Пегу (в 1852 г.), владениями Компании в этот период стал ряд вассальных государств, правители которых умерли, не оставив прямых наследников. Следующим шагом стал отказ Дальхаузи в 1851 г. платить приемным сыновьям пенсии, которые получали их знатные родители — наваб Карнатика, раджа Танджора и пешва. Колониальные власти значительно урезали и привилегии духовных феодалов. Часть их земель была конфискована, а остальная обложена налогом на общих основаниях. Таким образом, число врагов английского колониального режима значительно увеличилось. В 1853 г. в очередной раз была продлена Хартия Ост-Индской компании, лишившая директоров права

патронажа и вводившая конкурсные экзамены при занятии вакантных должностей. Она улучшала колониальный аппарат, но ничем не ограничивала его политического и экономического произвола. Несмотря на ряд положительных преобразований — снижение податей в присоединенных территориях, проведение телеграфных линий, начало прокладки железных дорог, завершение в 1854 г. строительства Большого Гангского канала, упорядочение пароходного сообщения между Англией и Индией — недовольство индийцев нарастало. Антибританские настроения подогревались горячими проповедями ваххабитов, призывавших мусульманское население к войне против «неверных». Центром организованного сопротивления британскому колониальному режиму стали сипайские отряды.

В середине 50-х годов XIX в. в индийской английской армии насчитывалось около 45 тыс. европейцев и более 230 тыс. туземцев разных каст и различного вероисповедания. *Сипаи* занимали приниженное положение по сравнению с белыми офицерами: они получали гораздо меньшее жалование (порядка 8 рупий в месяц), доступ к офицерским должностям был закрыт для них. Англичане высокомерно, а подчас и презрительно относились к сипаям, в обиходе используя оскорбительное обращение «нигтер». Кроме того, колониальная политика Дальхаузи и религиозная пропаганда британских миссионеров породили в сипайских частях страх насильственного обращения в христианство. Индийские правители, пострадавшие от английских властей, подстрекали сипаев к бунту.

Бенгальская армия, ставшая ядром восстания, формировалась из мусульман и представителей высших каст брахманов, раджпутов и джатов, относившихся к числу мелких феодальных землевладельцев и верхушки крестьянства. В процессе обезземеливания, вызванного налоговым гнетом, интересы этих слоев населения сильно пострадали. Накануне восстания в армии были отменены надбавки к жалованию за службу за пределами Бенгальской провинции и введен новый воинский устав, предписывавший использовать эти части не только в Бенгалии, но и за пределами Индии. Последнее было недопустимо для индусов высших каст, которым запрещалось пересекать море.

Непосредственным поводом к восстанию послужила раздача в сипайских частях патронов к новым ружьям Энфилда,

смазанных коровьим салом. Этим грубо оскорблялись религиозные чувства индусов. Вера предписывала им изгонять из касты всякого, чьи губы коснутся вещества, взятого от животного, в особенности, от коровы, считавшейся в Индии священной. Сипаи отказывались не только надкусывать патроны, но и прикасаться к ним руками. Недовольство росло также и в рядах сипаев-мусульман, которые надеялись на восстановление исламского государства с центром в Дели.

В апреле—мае 1857 г. колониальная администрация приняла решение распустить два полка, отказавшихся использовать новые патроны. 9 мая суд в Мируте (ключевая крепость в северо-западных провинциях) приговорил к каторжным работам 80 сипаев, не подчинившихся решению английских властей. 10 мая вспыхнуло вооруженное восстание. Сипайская конница освободила арестованных и двинулась на Дели. Присоединившееся к повстанцам мусульманское население города уничтожило около 500 европейцев и провозгласило падишахом потомка Великого Могола Бахадур-шаха, бывшего до этого времени пенсионером Компании. Созданное падишахом правительство оказалось неспособным грамотно организовать сопротивление англичанам, и в конце концов реальная власть в Дели перешла в руки нового повстанческого органа — административной палаты, состоявшей из 10 человек, 6 из которых избирались сипаями. Палату возглавил прибывший из Рохилканда некто Бахт-хан. Однако и этому органу, несмотря на все усилия, не удалось обеспечить ни должной организации движения, ни существенно улучшить жизнь местного населения. По городу поползли небезосновательные слухи о предательстве среди членов военного руководства, и часть повстанческого войска к сентябрю 1857 г. покинула Дели.

Почти одновременно, начиная с июня 1857 г., восстание охватило и такие важные центры, как Канпур и Лакхнау (столица Ауда). Движение в Канпуре возглавил Нана Сахиб (настоящее имя Данду Пант), приемный сын пешвы, лишенный английской администрацией наследственных привилегий. Восставшие окружили находившихся в городе европейцев и их семьи; после 19-дневной осады гарнизон сдался на милость победителя. Правительство Нана Сахиба попыталось установить порядок в Канпуре, по мере сил организуя доставку продовольствия и пренебрегая стычками между мусульманами и индусами. Стремясь обеспечить себе опору среди

состоятельных слоев населения, оно активно наделяло новой землей местных заминдаров, чем вызвало недовольство крестьянства, отказывавшегося платить земельные налоги, громившего поместья феодалов и сжигавшего долговые расписки. В результате к концу месяца в городе начала ощущаться острая нехватка продовольствия. Купеческая верхушка, используя факт коронации Нана Сахиба на престоле пешв, выпускала слухи о том, что он мечтает только о безграничной власти. Тем временем англичане концентрировали свои силы по подавлению восстания. Из Ирана была отозвана армия, переброшенная туда для участия в англо-иранской войне, а английская флотилия, направлявшаяся в Китай, взяла курс на индийские берега.

Движение в Ауде, подогреваемое проповедями Маулави Ахмадуллы (Ахмад Шаха), призывавшего к джихаду против неверных, началось еще в январе 1857 г. В начале июня в Лакхнау восстал сипайский гарнизон, и было создано правительство во главе с Хазрат Махал, регентшей юного наваба, возведенного на престол. Сипайские части, расквартированные в большинстве городов Ауда и Бенгалии, присоединились к восставшим, однако мадрасские и бомбейские полки остались верными англичанам и в дальнейшем использовались колониальными властями для подавления мятежа. Таким образом, восстание охватило территорию, находившуюся преимущественно в долине Ганга. Такие индийские государства, как Хайдарабад и маратхские княжества не поддержали повстанцев. Англичанам также удалось склонить на свою сторону сикхов только что присоединенного Панджаба, используя их антимусульманские настроения. В Центральной Индии к движению примкнуло лишь несколько местных князей.

Британская администрация попыталась подавить восстание, направив для этой цели отряды на Дели, Канпур и Лакхнау. 14 августа начался штурм делийских укреплений, длившийся целую неделю и закончившийся успешно для англичан. Против 30 тыс. сипаев сражалось 8 тыс. английских солдат и отряд панджабских сикхов; половина наличного состава европейского отряда при этом погибла. После взятия Дели все туземное население на некоторое время было изгнано из города. Англичане жестоко расправились с мятежниками, многие из которых были казнены, после чего город еще целый год оставался на осадном положении. Бахт-хан отошел

к Ауду, а Бахадур-шах был сослан колониальными властями в Бирму, где и умер в 1862 г.

Операция по подавлению восстания в Канпуре и Лакхнау затянулась. В июне-июле 1857 г. англичане под командованием генерала Нила и сменившего его затем Хэвлока, двигаясь на Канпур, жестоко расправились с повстанцами Бенареса и Аллахабада, устроив там чудовищную резню мирного населения. Высланное вперед войско Нана Сахиба потерпело поражение у Фахитпура и вынуждено было отступить. После длительного перехода английский отряд в составе приблизительно 1 тысячи человек заняли Канпур, покинутый накануне Нана Сахибом, который отошел к Битхуру, а затем в Ауд. Часть повстанческих войск отделилась и во главе с Тантия Топе отправилась в Калпи. Отступая, повстанцы уничтожили находившихся в их руках европейских заложников — детей и женщин. Английский гарнизон в Лакхнау выручили английские части под командованием Хэвлока, в конце сентября с трудом пробившиеся к городу. Столица Ауда осталась в руках восставших, однако осажденных в крепости европейцев удалось спасти.

Весной 1858 г. началась полномасштабная операция по подавлению восстания, возглавляемая приехавшим для этой цели из Англии главнокомандующим генералом Колином Кэмпбеллом. Его 30-тысячная армия, состоявшая из прибывших на помощь из метрополии регулярных войск, в которую влились и освободившиеся после разгрома дельийского очага восстания английские части, непальские гуркхи и сикхинеяемники, захватила Ауд. Аудская княгиня вместе с Маулави Ахмадуллой и остатками войска отступили в Рохилканд, куда стекались и поредевшие части отрядов других вождей. Последняя вспышка возмущения в Ауде была связана с решением генерал-губернатора Каннинга о конфискации адуских земельных владений. Однако местные феодалы прекратили сопротивление после того, как это решение было отменено.

Героями национально-освободительной борьбы народов Индии против колониального гнета стали участники партизанской войны, которая развернулась уже после подавления основных очагов восстания. Ахмад Шах (Ахмадулла) дрался с англичанами в Рохилканде и погиб в результате предательства одного из аудских *тулукдаров* (землевладельцев).

Тантия Топе (1814—1859) — бывший военачальник Нана Сахиба — возглавил большой отряд, действовавший в Центральной Индии. Вместе с ним сражалась юная Лакшми Баи — вдова князя Джханси, командовавшая кавалерийским отрядом и павшая 18 июня 1858 г. в бою под стенами Гвалиора. Тантия Топе совершил ряд удачных рейдов в Бунделкханд и Раджпутану, а в начале 1859 г. безуспешно пытался поднять антианглийское восстание в Махаращтре, откуда его измученный боями отряд вновь отступил на север. Как и Ахмадулла, он был схвачен в результате предательства одного из заминдаров 7 апреля 1859 г. и повешен колониальными властями.

Весной 1859 г. сопротивление мятежников было окончательно сломлено. Нана Сахиб погиб на границе с Непалом при невыясненных обстоятельствах. Отдельные очаги восстания в центральных областях Индии были уничтожены бомбейскими войсками в течение 1858—1859 гг.

Одной из причин поражения народного движения в Индии 1857—1859 гг. было отсутствие у повстанцев четкого плана действий. Большинство офицерских должностей в англо-индийской армии занимали англичане, не принимавшие участия в востании. Лишившись их руководства, сипайские полки потеряли ряд военных преимуществ. Их новые командиры, за исключением редких эпизодов, в частности, захвата Гвалиорской крепости отрядами Тантия Топе и Лакшми Баи, ничего не смогли противопоставить хорошо организованным британским регулярным войскам. Среди восставших не было и идейного единства. Лидеры движения в различных частях Индии выдвигали противоречивые требования и лозунги, облеченные преимущественно в религиозную форму. Если мусульмане хотели восстановления государства Великих Моголов, то у индусов были совершенно иные чаяния. Многие индийские государства (прежде всего, *маратхов* и *сикхов*), обладавшие наиболее организованной армией и воинскими традициями, вообще оказались в этом противостоянии на стороне англичан.

Не поддержала народных требований и новая индийская интеллигенция. Ассоциируя англичан с «прогрессом», ее представители полагали, что победа восставших приведет к возрождению в Индии «мрачного феодализма». Достаточно частыми были и случаи предательства в повстанческой среде,

а позиция крестьянства и феодалов в ходе восстания являлась крайне непоследовательной. В этот период экономическая мощь Англии и ее военно-стратегическое преимущество были неоспоримыми в сравнении с тем, что могла предложить раздробленная и ослабленная вторжением британцев Индия. Все это обрекло народное восстание на поражение.

Его прямым последствием стало упразднение в 1858 г. **Ост-Индской компании**. «Актом об улучшении управления Индией» от 2 августа 1858 г. устанавливалось непосредственное коронное управление страной. Функции упраздненных Контрольного Совета и Совета директоров были переданы назначенному члену английского кабинета — **статс-секретарю (министру) по делам Индии**, при котором был создан совещательный орган — **Индийский совет**, состоявший из крупных военных и гражданских чиновников англо-индийской службы. Вместо должности генерал-губернатора был введен пост **Вице-короля** с аналогичными полномочиями. Манифестом королевы Виктории от 1 ноября 1858 г. была объявлена амнистия участникам мятежа, не замешанным в убийстве английских подданных. 8 июля 1859 г. был провозглашен мир на территории теперь уже в полном смысле слова «Британской» Индии, а индийские правители вынуждены были присягнуть на верность англичанам.

§ 13

Аграрная политика англичан в Индии во второй половине XIX в.

Начиная со второй половины XIX в. в социальном, экономическом и политическом развитии Англии все явственнее начинают проявляться характерные черты империалистического развития, свидетельствующие о ее переходе к империализму. Это повлияло на новые формы и методы колониального управления в Индии. В первую очередь это отразилось на земельно-налоговых мероприятиях, проведенных англичанами в Индии в 50—70-х годах XIX в. В этот период завершается проведение *земельного кадастра* и *земельно-налоговой системы*. Это было особенно важно для стабильности земельных отношений в регионах недавнего восстания. Права на земельную собственность были юридически подтверждены законами, изданными в 1869 и 1870 гг.

Сохраняя известное дробление владельческих прав между различными группами феодальных землевладельцев, англичане имели в виду расширение и укрепление социальной базы колониальной администрации.

Аграрная политика колониальных властей была внутренне весьма противоречивой. С одной стороны, земельно-налоговые преобразования, проведенные англичанами с конца XVIII в., способствовали завершению процесса становления частной феодальной и парцеллярной крестьянской собственности (в районах *райянварии*), разрушив систему общинного землевладения и землепользования. С другой стороны, сохранение в системе сбора земельного налога пережитков государственной земельной собственности и ограничение в законодательном порядке возможностей хозяйственного использования земли (на это было объективно направлено, в частности, арендное законодательство 50—80-х годов XIX в.) обусловили консервацию аграрного строя Индии на стадии, предшествовавшей конечному этапу разложения феодальной собственности.

Укрепляя феодально-помещичье землевладение заминдарского типа, колониальные власти оказались также вынужденными учитывать интересы верхней прослойки прежней сельской общины в Панджабе. Поэтому верхние группы панджабских феодальных землевладельцев (например, *талукдары* и *ала-малки*) превратились в пенсионеров казны. При оформлении владельческих прав привилегированных в налоговом отношении групп феодальных землевладельцев (*джагирдаров* и *инамдаров*) их собственность была даже урезана.

Джагирдары в некоторых провинциях превратились в землевладельцев привилегированного типа, уплачивавших земельный налог, как и *инамдары*, по пониженным ставкам (например, в Бомбее и Бераре). В Синде *джагирдары* (ранее держатели условных пожалований) были утверждены англичанами в правах собственности на сохраненные за ними земельные владения. Однако большинство *джагирдаров*, а также некоторые другие группы феодалов были постепенно отстранены от участия в сборе земельного налога. Более того, в процессе работы комиссий по *инамам* и *джагирам* часть *инамдаров* и *джагирдаров* лишилась своих земельных и денежных пожалований. Это было характерно для тех районов, где колониальный режим подвергся наименьшему испытанию во время восстания 1857—1859 гг. и где поэтому англичане чувствовали себя относительно более прочно (Панджаб, Синд, Западная и Южная Индия). Особенно уменьшилось число *инамов* и *джагиров* в Бомбейском президентстве. Сокращение земельных держаний *инамдаров* и *джагирдаров* явилось одной из причин недовольства и оппозиционных настроений среди части маратхских мелких и средних помещиков и помещичьей интеллигенции в последней трети XIX в.

Английская аграрная политика была обусловлена не только необходимостью экономически укрепить феодально-помещичье сословие Индии, опору колонизаторов, но и изменениями в системе колониальной политики в стране. Усиление эксплуатации страны, как аграрно-сырьевого придатка капиталистической Англии, потребовало создания более благоприятных условий для роста сельскохозяйственного производства и особенно повышения его товарности, что в свою очередь предполагало закрепление частновладельческих прав на землю.

Во второй половине XIX в. в основном было завершено превращение Индии в аграрно-сырьевой придаток Англии.

В результате постепенной утраты Англией роли «мастерской мира», а также усиления германской и французской экспансии в Африке, Юго-Восточной Азии и Океании, ограничивавшей позиции Англии как крупнейшей колониальной державы, повысилось значение Индии в деле развития британской экономики. Этому процессу способствовал хлопковый бум 1860-х годов, когда английские капиталисты резко увеличили вывоз из Индии сырья, в первую очередь хлопка. Гражданская война в Соединенных Штатах (1862—1865 гг.) вызвала сокращение экспорта американского хлопка на европейский рынок, что сразу подняло спрос на индийский хлопок. Удельный вес его по отношению ко всему ввозимому в Англию хлопку увеличился в 1860—1868 гг. втрое. Индия становилась главным поставщиком хлопка для Англии.

Рост производства хлопка в стране был вызван в первую очередь потребностями экспорта. В 1860-е годы Центральная и Западная Индия (Бомбей, Синд, Раджпутана, княжества Центральной Индии, Берар, Центральные провинции и Хайдарабад) превратились в районы производства товарного хлопка на экспорт.

Завершение гражданской войны в США обусловило окончание хлопкового бума и падение цен на индийский хлопок, однако рост производства хлопка в стране продолжался. В 1870—1890-е годы новая хлопковая база стала создаваться в Пенджабе и Синде, особенно на орошаемых землях. Развитие торговли между Индией и Англией углубляло процесс дальнейшего разделения труда между английской обрабатывающей промышленностью и индийским сельским хозяйством, между английским городом и индийской деревней.

Начиная с 60-х годов XIX в. английская буржуазия увеличила вывоз из Индии сельскохозяйственного сырья. Главными статьями индийского экспорта были хлопок, шерсть, джут, пальмовое волокно, рис, пшеница, маслосемена, пряности, индиго, опиум. Основная часть всего экспорта (например, 80% хлопка) шла в Англию. Индия становится главным поставщиком продовольствия в Англию. Общая стоимость товаров, вывозимых ежегодно из Индии, увеличилась в 1860—1890-е годы втрое. За этот период ввоз английских товаров в Индию увеличился в 5 раз. Основную часть ввоза составляли ткани, металлическая посуда и утварь, а также другие виды потребительских товаров.

Колониальный характер внешнеторгового оборота Индии виден из следующих данных: в 1879 г. готовые изделия составляли только 8% всего индийского экспорта, но зато 65% импорта. Вместе с тем в системе колониальной эксплуатации Индии значительную роль продолжало играть налоговое ограбление трудящегося населения страны, в первую очередь крестьянства.

С середины 60-х годов были введены новые налоги на сельское население, начали повышаться ставки земельного налога. При этом, как признавали сами чиновники колониального аппарата, «земельный налог пунктуально взимался с держателей земли как в урожайные, так и в неурожайные годы».

Доходы английского колониального государства, основным источником которых было прямое и косвенное налогообложение, увеличились с 361 млн рупий в 1859 г. до 851 млн рупий в 1890 г. Рост налогового бремени свидетельствовал о превращении страны в аграрно-сырьевой придаток. Налоги заставляли индийского крестьянина выносить на рынок значительную часть продукции своего хозяйства. Так создавались условия, облегчавшие англичанам выкачку из страны сельскохозяйственного сырья.

Таким образом, старые методы колониальной эксплуатации с наступлением новой исторической эпохи стали служить и новым целям — выкачке сырья для нужд метрополии.

Усиление эксплуатации Индии как источника сырья и рынка сбыта промышленных товаров вело к дальнейшему развитию товарно-денежных отношений как в индийском городе, так и в деревне. Рост простого товарного производства в период, когда капиталистический уклад находился в процессе формирования, обусловил дальнейшее внедрение в сельскохозяйственное и ремесленное производство торгового и ростовщического капитала.

Представители торгово-ростовщических каст, еще в феодальной Индии монополизировавших торговые и кредитные операции в стране (*банья*, *марвари* и др.), устремились в новые районы экспортных монокультур, в особенности в Панджаб, Западную и Центральную Индию. Индийский торгово-ростовщический капитал образовал нижние и средние звенья индийской товаропроводящей системы — от крупного английского или индийского оптовика, ведущего экспортно-

импортные операции, до потребителя и товаропроизводителя — индийского крестьянина и ремесленника.

Накопление денежного капитала индийскими торговцами и ростовщиками имело два важных социально-экономических последствия: внедрение торгово-ростовщических каст в землевладение, с одной стороны, и образование предпосылок для формирования национальной промышленности — с другой.

В 1860—1870-х годах в районах *райянвар* были завершены начатые еще до восстания 1857—1859 гг. пересмотр и изменение ставок земельного налогообложения. В процессе проведения нового земельного кадастра были окончательно юридически оформлены частновладельческие права райятов.

Укрепление частновладельческих прав на землю в условиях усилившегося развития товарно-денежных отношений привело к тому, что земля приобрела ценность и стала интенсивно вовлекаться в рыночный товарооборот. Цены на нее росли довольно быстро, опережая общий рост цен на сельскохозяйственную продукцию. Покупка земли в условиях неразвитого капиталистического предпринимательства в стране представляла наиболее выгодную форму вложения денежных накоплений торгово-ростовщических и феодальных элементов.

Поскольку земля стала рассматриваться как наилучший вид обеспечения ростовщического кредита, выдача ссуд под заклад земли стала основным каналом захвата торговцами, ростовщиками и феодалами крестьянской земельной собственности.

Так, в Северо-Западных провинциях в 1840-х — начале 1870-х годов к «неземлевладельцам» перешло около 1 млн акров земли и их доля в землевладении увеличилась с 10 до 27% в Панджабе; в 1860-х — начале 1870-х годов торговцы и ростовщики владели 45% всей проданной земли. Особенно интенсивно процесс обезземеливания шел в Махараштре, где, например, в округе Сатара к концу 1870-х годов к ростовщикам перешло около одной трети всей обрабатываемой земли.

Таким образом, в районах *райянвар* и Панджабе помимо помещиков-феодалов появились помещики — выходцы из торгово-ростовщической среды.

Переход земли в руки ростовщиков, торговцев, помещиков не приводил к изменению экономического базиса индийского земледелия. Крестьянин, лишившийся прав собственности на свой участок, продолжал его обрабатывать на худших

условиях мелкокрестьянской кабальной аренды. Площадь земли под арендой у крестьян-арендаторов увеличилась. В то же время возросло число лиц, основным доходом которых была земельная рента; увеличилась численность феодально-помещичьего сословия (в 1881—1891 гг., по данным переписи, с 2,5 млн до 4 млн человек).

Нараставшее в 40—60-х годах XIX в. недовольство крестьянства, и особенно восстание 1857—1859 гг., заставило представителей колониальной администрации издать в 1860—1880-х годах законы об аренде в Бенгальском президентстве, Северо-Западных провинциях, Панджабе, Центральных провинциях. Эти законы формально ограничивали феодальную эксплуатацию помещиками-заминдарами привилегированных групп арендаторов. Однако на деле помещики повсеместно взимали с крестьян арендную плату, равную половине и более урожая. Кроме того, крестьяне несли многочисленные феодальные повинности.

Колониальное арендное законодательство, направленное на ослабление недовольства индийского крестьянства, фактически закрепляло феодально-помещичьи методы эксплуатации крестьян. Вместе с тем укрепление прав наследственной аренды у верхних прослоек арендаторов, превращение этих прав в объект купли-продажи, некоторое ограничение роста арендной платы и стимулирование ее перевода из натуральной формы в денежную способствовали выделению прослойки зажиточных крестьян.

Имущественная дифференциация крестьянства, начавшаяся еще в недрах феодальной сельской общины, происходила теперь на новой социально-экономической основе, когда переход земли в руки крестьянской верхушки и владельцев денежного капитала создавал предпосылки будущего развития в сельском хозяйстве Индии капиталистических отношений. Это являлось важным элементом дальнейшего обострения внутренних противоречий в феодальном обществе.

§ 14

Развитие буржуазных отношений в Индии. Новые методы колониальной эксплуатации. Экспорт в Индию английского капитала

Развитию капиталистического уклада в экономике Индии способствовал переход представителей английской буржуазии к новым методам эксплуатации с помощью вывоза капитала.

С середины XIX в. Индия становится сферой приложения английского капитала. Первым крупным объектом английских капиталовложений в Индии были железные дороги. Освоение Индии как источника сырья и рынка сбыта потребовало современных средств связи и сообщения. В 1860—1890-е годы протяженность железнодорожных линий возросла с 1300 до 25 600 км. Направленность железнодорожной сети, веером расходившейся от главных портов в глубь страны и связывавшей основные опорные пункты англичан в Индии, была обусловлена, прежде всего, задачами военно-стратегического характера.

Железнодорожное строительство было подчинено целям эксплуатации страны английским капиталом. Это особенно ярко проявилось в установлении тарифов на грузовые перевозки. На линиях, соединявших внутренние районы страны, тарифы были выше, а на ведущих из глубинных районов к портам — ниже. Этим стимулировались экспортно-торговые перевозки и затруднялось развитие товарооборота внутри страны. Железные дороги строились в трех различных колеях — широкой, метровой и узкой, что также значительно удорожало внутренние перевозки, поскольку приходилось перегружать товары на узловых перевалочных станциях.

Железнодорожное строительство оказалось настоящим «золотым дном» для английских дельцов, так как колониальные власти гарантировали компаниям максимальную прибыль

независимо от фактических расходов. Расточительство английских подрядчиков оплачивалось кровью за счет индийских налогоплательщиков.

Вторым важнейшим объектом английских капиталовложений было ирригационное строительство. Ирригационные сооружения строились в тех районах, где выращивались экспортные культуры (например, в Синде и Панджабе, где была создана главная база экспортного хлопка и пшеницы). Используя водный налог, англичане не только покрывали за счет крестьян все затраты на ирригационное строительство, но и получали громадные прибыли. Оросительные сооружения и железные дороги являлись, как правило, собственностью метрополии.

Важнейшей сферой приложения частного капитала с середины XIX в. становится плантационное хозяйство. Английское колониальное государство в Индии поддерживало развитие плантаций чая, кофе, каучука, продавая пригодные для возделывания этих культур земли в полную собственность или сдавая их в аренду плантаторам на льготных условиях.

Британские капиталы стали также вкладываться в строительство предприятий фабрично-заводской и горнодобывающей промышленности. (Английские капиталисты владели джутовыми фабриками в Калькутте, хлопчатобумажными в Канпуре.) Толчком к этому послужило железнодорожное строительство: для рельс требовался металл, для паровозов — уголь. К концу XIX в. в Калькутте действовал принадлежащий англичанам небольшой металлургический завод; уголь, сжигавшийся в топках паровозов, стал добываться в самой Индии. Эксплуатация открытых железнодорожных линий потребовала создания ремонтных мастерских и небольших чугунолитейных и механических предприятий. Английские колониальные власти использовали все методы эксплуатации региона — налоги, ввоз промышленных товаров, вывоз сырья, экспорт капитала. Появление в стране крупных капиталистических предприятий (фабрики, железные дороги, плантации и пр.) стимулировало развитие национального капитализма. Расширение сферы деятельности торговцев и ростовщиков способствовало накоплению денежных капиталов в стране. Крупные денежные накопления были сделаны индийским купечеством в посреднической (коммерческой) торговле.

В этот же период начал складываться и рынок рабочей силы. Разорвавшиеся ремесленники и пауперизировавшиеся

крестьяне стали источником пополнения первых отрядов рабочего класса (на плантациях, строительстве, первых фабричных и мануфактурных предприятиях).

Таким образом, во второй половине XIX в. в Индии имели место два главных условия для развития капиталистического уклада: появились «свободные» от средств производства работники и было произведено первоначальное накопление капитала (индийскими купцами-компрадорами).

Развитие капитализма в Индии шло двумя параллельными путями. На базе ремесленного производства стала развиваться капиталистическая мануфактура, которая могла противостоять конкуренции фабричного производства благодаря, во-первых, сверхэксплуатации рабочих, где капиталистические методы сочетались с ростовщической кабалой и кастовым гнетом, и, во-вторых, использованию дешевых импортных или местных полуфабрикатов. Именно на базе использования фабричной пряжи в этот период началось быстрое возрождение ручного ткачества в рамках мануфактурного производства. В различных районах Индии (особенно в Махаращтре, Мадраसे, Северо-Западных провинциях) сложились крупные центры специализированного кустарного производства. По переписи 1891 г., в кустарной промышленности было занято (с членами семей) 45 млн человек. В конце 90-х годов в кустарном ткачестве перерабатывалось в 2,5 раза больше хлопчатобумажной пряжи, чем на хлопкоткацких фабриках. Гнет колонизаторов особенно ощущался ремесленниками, а также владельцами и рабочими мануфактур. Они страдали от конкуренции английских товаров, налогообложения, насилий колониальной администрации. Массы городских и сельских ремесленников, рабочие мастерских и мануфактур, мелкие предприниматели и торговцы были крупнейшей после крестьянства силой в национально-освободительном движении Индии.

Наряду с ручным производством в середине XIX в. возникли первые фабрично-заводские предприятия. Важнейшим центром индийской фабрично-заводской промышленности стал Бомбей. У бомбейских купцов-компрадоров (главным образом из общины парсов и торгово-ростовщической касты марьяри) в результате торговли появились крупные денежные накопления. Они вели операции с большим размахом и, участвуя в посреднической торговле опиумом, неплохо знали как китайский, так и дальневосточный рынок вообще.

В 40—60-е годы XIX в. крупные бомбейские торговые фирмы имели своих представителей в Англии и могли ознакомиться с развитием фабрично-заводской промышленности.

В этих условиях бомбейские купцы приступили к строительству хлопчатобумажных фабрик, которые вплоть до начала XX в. ориентировались в основном на производство пряжи для Китая и других дальневосточных рынков.

В 1854 г. была построена первая текстильная фабрика в Бомбее, а в 1861 г. — в городе Ахмадабаде, который стал вторым по значению текстильным центром страны.

В последней трети XIX в. были открыты и хлопчатобумажные фабрики, принадлежавшие английским предпринимателям в Бомбее, Канпуре. Однако цитаделью английского частного капитала оставались джутовые предприятия, сосредоточенные в Калькутте и ее окрестностях. Кроме того, английскому капиталу принадлежали многочисленные предприятия по первичной обработке сельскохозяйственного сырья.

К концу XIX в. в крупном производстве (фабрично-заводские предприятия и плантации) $\frac{2}{3}$ всего акционерного капитала принадлежало англичанам и только $\frac{1}{3}$ — индийцам, что свидетельствует о господстве англичан в крупнокапиталистическом предпринимательстве в Индии.

Развитие капитализма в стране положило начало формированию наемного труда. Неравномерное развитие крупной промышленности определило концентрацию основной ее части в наиболее развитых провинциях страны: Бомбее и Бенгалии. Общая абсолютная численность рабочих, занятых на фабрично-заводских предприятиях, железных дорогах и шахтах, составляла к концу XIX в. около 800 тыс. человек. Среди рабочих преобладали текстильщики.

Условия жизни и труда индийских рабочих были ужасными. Заработная плата рабочих на фабриках была настолько низка, что они, как правило, не могли содержать на нее членов семьи. Поэтому в первые десятилетия развития фабрично-заводской промышленности среди рабочих преобладали выходцы из крестьян-собственников или арендаторов мелких клочков земли. Именно этим объясняется также широкое внедрение на фабриках и шахтах женского и детского труда.

Капиталистическая эксплуатация дополнялась различными формами внеэкономического принуждения и ростовщической кабалой.

В последней трети XIX в. рабочая неделя на индийской фабрике составляла 80 часов (на английской — 56 часов). Рабочий день достигал 16 часов: он начинался обычно за 15 минут до восхода и кончался через 15 минут после захода солнца, так как в цехах не было электрического освещения.

Сверхэксплуатация индийских рабочих была основой конкурентоспособности индийских фабрикантов в их борьбе за рынок с английскими промышленниками. Английские фабриканты-текстильщики, стремясь ослабить конкурентоспособность индийских промышленников путем повышения издержек производства, через своих представителей в парламенте Англии стали требовать введения в Индии рабочего законодательства. Однако этому противились не только фабриканты-индийцы, но и англичане-владельцы фабрично-заводских предприятий в Индии. Принятие законодательства существенно не повлияло на степень эксплуатации индийских наемных рабочих. Законы 1881 и 1891 гг. вводили возрастной ценз для найма — сначала семь, а затем девять лет. Ограничивался также рабочий день для детей и подростков. Это законодательство, кстати очень плохо выполнявшееся, само по себе свидетельствовало о тяжелом положении рабочих в Индии.

Английские предприниматели взимали с развивающейся национальной промышленности в Индии тяжелую дань, поставляя оборудование и материалы по монопольно высоким ценам. Значительно выше, чем в Англии, была также оплата инженерно-технического персонала. Источником для покрытия этих дополнительных затрат была сверхэксплуатация индийских рабочих, которые, таким образом, подвергались двойному гнету — со стороны своей и иностранной буржуазии.

Английская буржуазия, используя свое политическое господство в Индии, всемерно тормозила самостоятельное экономическое развитие страны. В 1879 г. фабриканты Ланкашира добились отмены пошлин на импортные хлопчатобумажные ткани в Индии, что ставило в неравное положение молодую индийскую и самую мощную в мире английскую текстильную промышленность. В 1882 г. отменены пошлины и на другие товары. В 1894 г. по фискальным соображениям пошлина на ввозимые ткани была восстановлена, но одновременно введен акцизный сбор на индийские фабричные ткани.

Серьезным тормозом было также отсутствие организованного капиталистического кредита. Английские банки

в Индии кредитовали лишь колониальный аппарат, английские торговые и промышленные предприятия и занимались главным образом внешнеторговыми операциями. В этих условиях индийские фабриканты попадали в зависимость от так называемых управляющих агентств — дочерних компаний крупных английских монополий. Управляющие агентства предоставляли необходимый кредит, поставляли промышленное оборудование, а после пуска предприятия нередко руководили его работой, обеспечивая снабжение сырьем и сбыт готовой продукции. В пользу управляющих агентств производились значительные отчисления от прибылей индийских фабрикантов.

Господство в сельском хозяйстве феодальных пережитков, преобладание в деревне и мелком промышленном производстве торгово-ростовщического капитала весьма ограничивали возможности капиталистического развития страны.

Молодая индийская буржуазия с самого начала своего формирования как класса столкнулась с экономическим и политическим гнетом англичан. Однако в наибольшей степени этот гнет в сочетании с феодальной и торгово-ростовщической эксплуатацией ощущался в мелкотоварном секторе, в сельскохозяйственном и ремесленном производстве.

Колониальная, феодальная и торгово-ростовщическая эксплуатация вызвали массовое разорение крестьян и ремесленников, обнищание трудящихся масс, в неурожайные годы сопровождавшееся массовым голодом. Если в 1825—1850 гг. голод дважды поражал страну и унес 0,4 млн человеческих жизней, то в 1850—1875 гг. — 6 раз, а в 1875—1900 гг. — 18 раз, причем смертность увеличилась соответственно до 5 млн и 26 млн человек.

Усиление колониальной эксплуатации, сопровождавшееся утяжелением феодального и ростовщического гнета, развитие капитализма в стране, вызванное формированием буржуазного общества, привели к обострению социальных противоречий внутри страны, к столкновениям с английскими колониальными властями.

Капиталистический сектор являлся островком среди моря полунатуральных хозяйств крестьян и ремесленников, представлявших докапиталистические уклады. Этим определялись особенности социально-классовой структуры колониально-феодального общества.

§ 15

Формирование идеологии национального обновления Индии. Индийский национальный конгресс и Мусульманская лига

Образованию антиколониальных политических организаций в Индии предшествовала своеобразная «революция идей». Очагами распространения новых веяний становились религиозно-реформаторские центры в наиболее развитых провинциях Индостана.

Первые идеологи национального движения

Наибольшую известность в качестве распространителей идей национального обновления в Индии и за рубежом получают Рамакришна Парамахаза и его ученик Свами Вивекананда.

Важнейшим положением моральной проповеди Парамахаза был не уход от мира, а моральное обновление через разумное самоограничение жизненных потребностей, участие в общественной жизни. В своих «беседах» он осуждал власть англичан над Индией, критиковал деятельность слуг чужеземцев индийцев, пособников англичан, тех, кто подражал колонизаторам и предавал национальные традиции.

Вивекананда пошел дальше своего учителя, очистившись от неприятия западных культурных и идейных заимствований. В нем органически сочеталось европейская образованность и глубокое знание древнеиндийской религиозной традиции. Вивекананду отличала поистине подвижническая деятельность по разъяснению идей национального обновления индийского общества. Роль Вивекананды в развитии идеологии индийского освободительного движения не раз подчеркивали

его признанные лидеры. По оценке Махатмы Ганди, Вивекананда был одним из основателей современного национального движения в Индии.

Развитие буржуазно-демократического, политического движения современного типа в Индии во многом было обусловлено социальной политикой британского колониального правительства в этой стране на протяжении XIX в. Видный британский колониальный чиновник Маколей призывал соотечественников через приобщение определенной части индийского традиционного общества к морально-политическим ценностям западной культуры, через англоязычное образование, нормы быта, политическую идеологию сформировать «прослойку, состоящую из людей, способных быть посредниками между нами и миллионами индийцев, которыми мы управляем, прослойку, состоящую из людей с индийской кровью и темным цветом кожи, но с британскими вкусами, убеждениями, моральными нормами и методом мышления». Такая политика вскоре дает заметные результаты. С середины XIX в. формируется *англоязычное сословие интеллигенции и чиновничества*. Однако британская корона не получила в полной мере того, что хотела. В новой социальной среде под влиянием британского либерализма и прагматизма, идейного заимствования других западных систем политической философии начинает развиваться идеология и политическая организация индийского национально-освободительного движения.

В 70—80-е годы XIX в. в Индии начинается движение по возрождению древних индийских этических и духовных ценностей на основе синтеза культур Востока и Запада. Формируются центры этой идеологии в Бенгалии, Махараштре, на Северо-Западе Индостана. Появляются и страстные проповедники нового понимания культурного взаимодействия разных народов. Это Рамакришна Парамахаса, Даянанда Сарасвати и бенгальский брахман Свами Вивекананда, который вынес новые идеи за пределы своей родины во время длительного лекционного турне по США и Западной Европе во второй половине 1890-х годов. Проблема социально-политического положения Британской Индии, ее национального освобождения становится одной из международных проблем того времени. Идеи индийских религиозных возрожденцев, пропагандистская и культурно-просветительская деятельность таких

общественных организаций, как «Брахмо Самадж» (Общество Брахмы) и «Арья Самадж» (Общество ариев), способствовали формированию первого поколения индийских политиков и общественных деятелей.

Индийский национальный конгресс¹ и Мусульманская лига

В 80-е годы XIX в. социально-политическая обстановка в Индии и вокруг нее в британских правящих кругах поставила вопрос о создании политической организации индийских патриотов. Либеральный вице-король Индии лорд Рипон (1880—1884) поддержал в этом деле инициативу группы индийских общественных деятелей. В своем меморандуме (25 декабря 1882 г.) он призвал провести сверху политические преобразования в Индии в конституционных рамках. «Эти мероприятия не только будут иметь сегодняшний результат, — заявил глава британской администрации, — выразившийся в постепенном и безопасном внедрении политического образования среди населения, которое само по себе есть объект политики, но и проложат пути дальнейшему прогрессу в этой сфере по мере того, как это образование станет более полным и распространенным».

По добромому согласию индийской и британской сторон в декабре 1885 г. в Бомбее состоялся учредительный съезд **Индийского национального конгресса (ИНК)**, первой в истории древней страны нерелигиозной, по существу, парламентской, общенациональной организации. В своем обращении к участникам этой сессии ее председатель Б. Ч. Банерджи по вопросу главных задач новой партии высказал следующую мысль: «Искоренение всех расовых, религиозных и национальных предрассудков среди патриотов нашей страны через прямое дружественное, личное общение друг с другом, а также развитие и консолидацию настроений национального единства, которые берут свое направление во времена незабвенного правления лорда Рипона». В постановлениях форума индийских патриотов были сформулированы основные требования конгрессистов к британскому правительству и парламенту: ликвидация действующего Совета по делам Индии в Лондоне, расширение состава действующего в Индии Центрального

законодательного совета при вице-короле за счет индийцев, необходимость провести те же самые нововведения в провинциальных советах. Такие частично выбранные органы должны получить право обращаться с запросами и протестами в британскую палату общин, где необходимо сформировать постоянный комитет для рассмотрения проблем Индии. Кроме того, делегаты бомбейской сессии ИНК предложили, чтобы индийские соискатели получили право на замещение должностей на индийской гражданской службе в Индии не только в Лондоне, но и у себя на родине. Можно увидеть, что в этих претензиях лидеров ИНК к британскому правительству конгрессисты были весьма скромны и не выходили за рамки действующих в их стране законов.

Основатели Конгресса — Г.К. Гокхале, Ф. Мехта, С. Банерджи, Д. Наороджи — были отнюдь не против сохранения колониального господства. Они преклонялись перед идеологами британского либерализма Берком, Маклеем, Гладстоном, а также перед столпами английского утилитаризма Бентамом и Миллем. Руководство ИНК развернуло бурную политическую деятельность в Индии, а также в Объединенном королевстве, добиваясь конституционных уступок. Использовались различные формы парламентской легальной деятельности, личные связи. В 1892 г. британская палата общин утвердила новый избирательный закон, расширявший права индийцев на участие в выборах на куриальной основе в центральный и местные законодательные органы Британской Индии. Теперь индийская оппозиция требовала права ввести своих представителей в состав нижней палаты британского парламента и добиваться через этот представительный орган для Индии статуса, близкого к статусу британского доминиона, через серию политических реформ в течение длительного периода времени. От либеральной партии Британии баллотировался на депутатское место Д. Наороджи. Во время избирательной кампании 1893 г. в Англии ему удалось войти в состав палаты общин. Его страстное осуждение действующей системы управления Индией не раз слышали британские парламентарии. Представитель бомбейской торговой общины парсов выступал за установление равноправных и гармоничных индийско-британских отношений.

Несмотря на определенные политические успехи Национального конгресса в конце XIX — начале XX в., стала

очевидной недостаточность одного только политического диалога партии с британской политической системой для дальнейшего продвижения по пути конституционных реформ Индии. В такой ситуации в конгрессистских рядах происходит определенное идейно-политическое размежевание. На политической арене Индии появляется группировка радикалов, которых современники называли «крайними». Это были Б.Г. Тилак, Б.Ч. Пал, Л. Рай и др. Они не отказывались от парламентских конституционных целей и методов политической деятельности, но считали их недостаточными, предлагая опереться на массовое движение индийского народа. Активизировать и политизировать крестьян и жителей городов радикалы собирались через апелляцию к национальной религиозно-этической традиции индийцев. Это были близкие индусскому большинству древние методы «ненасильственной борьбы» против власти. Выдвигались лозунги «сварадж» (самоуправление), «свадеш» (собственное производство) и бойкот иностранных товаров населением, главным образом английских. «Крайние» добивались утверждения своих основополагающих принципов в программе и политике ИНК. В период подъема антиколониального движения в Индии в 1904—1908 гг. такие методы применялись конгрессистами-радикалами. Однако умеренное руководство партии не решилось пойти на развертывание массового движения в масштабах всей страны. Бойкот британских товаров осуществлялся только на территории Бенгалии. В дальнейшем идейно-политический конфликт между двумя фракциями достиг фазы острого противостояния, и на годичном съезде ИНК 1907 г. в Сурате произошел окончательный раскол. Радикалы во главе с Тилаком вышли из партии. Параллельно британские колониальные власти развернули политические репрессии против патриотов. На шестилетний срок тюремного заключения в 1908 г. в Бомбее был осужден Тилак. Были вынуждены эмигрировать Л. Рай и Б.Ч. Пал. У руля ИНК остались либералы, сторонники исключительно парламентско-политических методов политической борьбы.

Одновременно британское колониальное правительство поддерживало политическую консолидацию мусульманской общины Индии, надеясь в будущем использовать в своих политических интересах индусско-мусульманские противоречия. В 1906—1907 гг. была образована легальная партия

индийских мусульман — Мусульманская лига. Но в начале XX в. она не имела серьезных расхождений по вопросу парламентских реформ и будущего политического статуса Индии с Национальным конгрессом.

После событий политической забастовки в Бомбее (1908 г.) сложились благоприятные условия для достижения ИНК целей углубления конституционных реформ системы колониального управления в Индии. Развивались международные противоречия Лондона с его военно-политическими соперниками. В таких условиях возрастала экономическая и военная роль Индии как надежного тыла Британской империи. Под влиянием просьб и петиций конгрессистов колониальное правительство решило продолжить политику реформирования системы управления Индией. Вице-король Индии Минто и министр по делам Индии Морли прекрасно осознавали, что промедление с конституционными уступками растущей индийской политической элите может привести к радикализации позиции ИНК и других политических организаций индийской националистической оппозиции.

Бабур и история афганцев

Афганцы изначально занимали лишь незначительную часть территории современного Афганистана. Родиной афганцев является район Сулеймановых гор. Это суровая и бедная страна. В древности и Средневековье через нее проходили важные пути караванной торговли, соединявшие Индию с Ираном и Средней Азией, а через них с более отдаленными странами Запада и Востока. Не менее велико было и военно-стратегическое значение района Сулеймановых гор. Это был единственный участок сухопутной индийской границы, доступный вторжению чужеземных завоевателей. Три важнейших горных прохода — Боланский, Гомальский и Хайбарский — служили своеобразными воротами, через которые в Индию неоднократно проникали орды кочевников и других завоевателей.

Постепенно распространяясь по юго-восточным скатам Сулеймановых гор, афганцы смешивались со многими индийскими народностями и племенами. Тот же процесс шел и к северо-западу от Сулейманова хребта, и в его южном предгорном районе, где основным населением древних земледельческих оазисов Кабула, Кандагара и Герата были таджики. Распространение афганских племен за пределы их первоначальной родины — района Сулеймановых гор — было длительным и отнюдь не мирным процессом. Афганские кочевники завоевывали соседнее земледельческое население (таджиков на севере и западе, различное индийское население на востоке); они подчиняли его и сами начинали постепенно переходить к оседлому образу жизни.

История Афганистана начала XVI в. связана с именем и деятельностью **Захир ад-Дина Мухаммеда Бабура**, потомка завоевателя Тимура, уроженца Ферганы, основателя государства Великих Моголов в Индии, воина и полководца, поэта и автора заслуживших всемирную известность мемуаров «Бабур-наме».

В 1503 г. Бабур захватил Кабул и стал самостоятельным правителем обширного владения. С этих пор начинаются тесные связи правителя с афганскими племенами, то перераставшие в военные действия, то определявшиеся рамками союзных договоров.

Афганские племена признали верховную власть Бабура, но ни он сам, ни его преемники не смогли полностью покорить воинственных и свободолюбивых афганских горцев. В результате нескольких военных экспедиций (1505—1507 гг.) верховная власть Тимуридов и впоследствии Великих Моголов, по-видимому, в большинстве случаев ограничилась взиманием сравнительно небольшого числа скота в качестве налога или дани. А вскоре после того, как Бабур начал подготовку для вторжения в Индию, его взаимоотношения с афганскими племенами практически перестали быть враждебными. Для того чтобы обезопасить тыл своих войск в будущих походах, Бабур предпочел заключить союз с могущественными афганскими племенами: *дилазаками* и *юсуфзаями*, занимавшими территории от Биджаура и Хайбарского ущелья до реки Инд. Впоследствии этот союз был распространен на большинство других афганских племен, усиливших своими воинами военную мощь завоевателя Индии.

Расселение афганских племен

Свидетельства Бабура, оставленные им в замечательном источнике «Бабур-наме», а также сопоставление генеалогических сведений об афганских племенах в их легендарной традиции дает возможность установить расселение значительной части этих племен в XVI—XVII вв. Это территории между долиной Свата на севере и Дераджатом на юге. Часть Пешаварской долины и Свата населяли *юсуфзайи*, к югу от них Бабур упоминает ряд хорошо известных впоследствии племен, населявших уже тогда те местности, где они в основном оставались

и позднее, вплоть до наших дней: это *мухаммедзаи* (в районе Хаштнагара), *афридии* (в районе Хайбарского прохода), *бангаши* (вокруг Хангу), *киви-хель баннучей* (в Банну), *гильзаи* (вокруг Газни и в районе Мукура).

Только относительно *момандов* и *дилазаков* можно утверждать, что из тех мест, где их застал Бабур, эти племена впоследствии ушли. Первые — из района Мукура, а вторые — из Пешаварской долины потеснили и стали соседствовать с крупными племенами *абдали* и *хаттаки*, проживавшими в районах Кандагара и Заминдавара.

Картина расселения афганских племен, восстановленная по данным Бабура и фольклорной афганской традиции, несмотря на некоторые имеющиеся в ней пробелы, дает возможность утверждать, что в общих чертах она была примерно такой же, как и во второй половине XVIII — начале XIX в.

Роль и соотношение кочевого скотоводства и земледелия у различных племен

В истории афганцев в начале нового времени до сих пор остается невыясненным вопрос о роли кочевого скотоводства и земледелия у различных племен. Если в современном Афганистане в последней трети XX в. насчитывалось около 2 млн кочевников, то несомненно (и об этом свидетельствуют данные письменных источников), что в новое время в хозяйстве ряда афганских племен преобладало кочевое скотоводство. Однако есть многочисленные свидетельства и о распространении земледелия у афганцев в рассматриваемое время.

Прежде всего, это свидетельства Бабура. При описании своих походов он неоднократно упоминает о земледельчестве различных афганских племен. О жителях Хаштнагара ему доложили, что у них много зерна и есть засеянные поля. Об афридиях Бабуру сообщили, что у них посеяно много риса. Жителей Зурмата (племя афганшили) Бабур характеризует как людей, сеющих хлеб и занимающихся земледелием, но не имеющих садов и огородов.

Сведения о налогах, взимаемых монгольскими властями с районов, населенных афганскими племенами, свидетельствует о распространении земледелия в Дуки, Мастунге и других районах Кандагарской области. Среди племен, населявших

эту территорию, указаны каси, какары, тарины и др., живущие в этих местах и поныне.

Одной из спорных проблем социально-экономической истории афганцев в средние века и в начале нового времени остается проблема, связанная с тем, что предшествовало у афганских племен феодализму, от каких конкретных форм общественных отношений происходил переход этих племен к феодализму. В целом при значительных различиях между племенами и отдельными ветвями и подразделениями общественный строй афганцев в XVI—XVII вв. характеризовался, с одной стороны, сохранением весьма значительных патриархальных пережитков, а с другой, развитием феодальных отношений. Вместе с тем, поскольку источники последующего времени дают основание относить окончательное оформление феодальных отношений у таких крупных племен, как абдали, ко второй половине XVIII — началу XIX в., в рассматриваемый период естественно было бы предположить наличие у них более резко выраженных патриархальных черт.

По-видимому, уже задолго до рассматриваемого периода у афганских племен выделилась родоплеменная знать, хотя ее власть и влияние у различных племен не были одинаково сильны. У многих племен (в частности у таких крупных, как абдали и гильзаи) существовали ханские роды, из состава которых исключительно или преимущественно выдвигались ханы племен и их крупных подразделений, однако должность вождя далеко не всегда передавалась по наследству.

Взаимоотношения афганских племен. Рабовладельческий уклад

Между афганскими племенами существовали вассальные и вассально-союзнические отношения. В возникавших на время военных действий союзах племен одно племя выступало в качестве руководящего. Некоторые слабые племена находились в зависимости от более сильных племен, оказывая им поддержку и пользуясь их покровительством. Такие зависимые племена назывались *хамсая*.

Занимая новые земли, афганские племена вытесняли часть местных жителей, а часть подчиняли, превращая их в зависимое население. Это покоренное, чаще всего неафганское

население, лишавшееся прав на землю и состоявшее на юге из индийских племен и народностей, а на севере из иранских, главным образом таджиков, также называлось у афганцев «хамсая».

По более поздним сведениям, в разряд хамсая стали переходить и обедневшие афганцы, вынужденные покинуть свой род, переходя под покровительство другого рода или отдельных лиц.

Кроме зависимого населения (*хамсая*, *райяты*, у юсуфзаев — *факиры*) у афганцев были и рабы. О сохранении рабства у афганцев в начале нового времени есть немало свидетельств в источниках того времени. Упоминания о рабах есть в генеалогических преданиях афганцев. Так, в одном из них рассказывается, что «Каджин усыновил трех рожденных в доме рабов: Тана, Бадара и Кана». В другом предании упоминается о том, что племя юсуфзаев в результате победы, одержанной над племенами гория-хель в битве при Шейх-Тапуре (середина XVI в.), продало многих племенных воинов в рабство, и сообщается об этом как о деле обычном.

Свидетельства источников о распространении у афганцев рабства в позднем Средневековье и начале Нового времени служат веским доводом в пользу предположения о том, что феодализации афганских племен могли предшествовать, если не у всех, то у многих из них патриархально-рабовладельческие отношения. Но в XVI—XVII вв., насколько можно судить по имеющимся источникам, рабовладение не играло сколько-нибудь определяющей роли в жизни афганцев.

Значение периодического передела земли в формировании социальной структуры афганских племен

У многих афганских племен еще в XVIII—XIX вв. прочно удерживалась родоплеменная организация, вассально-союзнические отношения между племенами, сохранялась роль совета старейшин (*джирга*), а также обычного (родового) права, общинных «домов гостеприимства» и т. д.

Большую роль в сохранении родоплеменных пережитков играл обычай периодического передела земли — *вэш*. Он заключался в регулярном переделе земли по жребию между

ветвями и подразделениями, родами и отдельными семьями племени, причем обмену подлежали не только пахотные земли, но также и усадьбы с жилищами. В таком виде обычай, обеспечивая очередность пользования землями различного качества, способствовал сохранению племенной структуры и организации, поскольку земля обменивалась по родовому признаку.

Знатные семьи также не были освобождены от переделов, что вызвало в XVI—XVII вв. острую борьбу между усиливавшейся знатью, стремившейся захватить более плодородные земли, увеличить свои наделы и изъять их из действия обычного *вэши* и рядовыми членами племен, отстаивавшими прежние уравнивательные порядки землепользования.

Сохранение обычая *вэши* в той форме, в какой он удерживался у некоторых племен даже в XIX в., способствовало консервации родовой общины. При завоевании Пешаварской долины, Бунера, Свата и Пенджкоры местные жители были лишены земли и превращены в зависимых земледельцев и пастухов. При распределении земель родоплеменные вожди получали такие же наделы (по числу душ в своих семьях), как и рядовые члены племени. Такое распределение земли свидетельствует о том, что в XVI—XVII вв. у афганцев сохранялась еще родовая община, во всяком случае, она еще не успела разложиться до конца, не превратилась лишь в пережиточную форму.

Однако даже в тех племенах, где сохранялся *вэши*, уже существовали и развивались элементы феодальных отношений, соседствующие с пережитками работорговли и рабовладения. Поэтому отождествлять медленно разлагавшиеся в этих племенах родоплеменные структуры с какой-либо разновидностью первобытнообщинного строя, конечно, нельзя. У других афганских племен, в зависимости от конкретных исторических условий и географической среды, социально-экономическое развитие шло быстрее.

§ 2

Возникновение первых очагов государственности в Кандагаре и Герате. Завоевание Афганистана Надир-шахом

Завоевание независимости гильзаями в Кандагаре и абдали в Герате

В XVI в. сефевидские шахи, правившие в Иране, отвоевали Герат у узбеков, а затем захватили земли афганских племен в Кандагарской области. Тогда же восточные области Афганистана (Газни, Кабул и Пешавар) вошли в состав державы Великих Моголов Индии. Что касается Кандагара, то он длительное время оставался предметом спора и вражды между Ираном и Могольской державой. Этот важнейший перевалочный пункт индийской сухопутной торговли много раз переходил из рук в руки, но с 1649 г. по 1709 г. оставался в составе государства Сефевидов.

Важнейшей внутренней предпосылкой создания афганского государства было развитие феодальных отношений в афганских племенах. Почва для объединения их в одно государство была подготовлена длительной вооруженной борьбой за независимость против Великих Моголов и иранских шахов.

Внешнеполитическая обстановка в начале XVIII в. благоприятствовала образованию самостоятельного афганского государства. Иран находился в состоянии раздробленности и был вынужден отстаивать свое существование в войнах с могущественными противниками. Со стороны ослабевшей империи Великих Моголов опасности для независимости афганцев также больше не существовало. После смерти Аурангзеба (1707) Могольское государство стало распадаться. Делийские правители не располагали силами для активной политики на северо-западе, и афганские племена оказались по

существо предоставлены самим себе. Могольские отряды не рисковали проникать в отдаленные от городов районы.

Однако афганские племена, проживавшие вдоль течения р. Инд, оставались раздробленными. В силу главным образом внутренних причин образование государства произошло не в восточных, а в западных областях расселения афганских племен, где к началу XVIII в. значительно усилились гильзаи и абдали. В начале XVIII в. численность гильзаев по имеющимся сведениям составляла 50 тысяч семей или 250 тысяч человек, а абдали доходила до 60 тысяч семей.

В конце XVII — начале XVIII в. обширное сефевидское государство быстро клонилось к экономическому и политическому упадку. Недовольство различных слоев населения нашло выход в волнениях и крупных восстаниях народных масс. Серьезные удары государству Сефевидов нанесли восстания покоренных народов и племен на окраинах государства, где гнет иранских феодалов принимал особенно жесткие формы.

Один из сильнейших ударов Сефевидам был нанесен гильзаями. Волнения среди гильзайских и других афганских племен происходили уже в первые годы царствования шаха Хусейна (1694—1722) и приобрели угрожающий для Ирана характер в связи с недовольством, вызванным вымогательством и притеснениями шахских наместников.

Афганские племена отвечали восстаниями. Борьба племени гильзаев против сефевидов связана с именем хана **Мир Вайса**. Именно он стал организатором восстания, начавшегося в апреле 1709 г.

Повстанцы напали на отряд шахского наместника Гургенхана в селении Дех и Шейх (около 60 км от Кандагара). Застигнутые врасплох воины Гургенхана были перебиты и сам он погиб. Разгромив еще один отряд, восставшие овладели Кандагаром, где и образовали независимое гильзайское государство под управлением Мир Вайса. Под его руководством гильзаи отстаивали самостоятельность этого государства, отразив наступление сильного войска, посланного в ноябре 1709 г. из Исфагана.

В этой войне гильзаи применяли партизанскую тактику, характерную для народных войн. Они нападали на караваны и опустошали местность, препятствуя доставке продовольствия и т. д. В этой борьбе приняли участие отряды белуджей, откликнувшихся на призыв Мир Вайса о помощи.

Осенью 1711 г. положение шахских войск под Кандагаром настолько ухудшилось, что командующий Хосров Мирза вынужден был отдать приказ об отступлении, превратившемся в катастрофу.

Вскоре после этого разгрома Сефевиды окончательно отказались от попыток восстановить свою власть над Кандагаром. Мир Вайс правил Кандагарской областью еще несколько лет в качестве независимого государя вплоть до своей смерти в 1715 г.

В истории афганского народа значение восстания 1709 г. и образование независимого государства Мир Вайса в Кандагаре очень велико. Эти события, а также возникновение независимого абдалийского ханства в Герате можно считать прологом к созданию Афганского государства.

Вслед за гильзаями добились независимости и абдали, поднявшие в 1716 г. восстание в Герате. Руководили восстанием Абдулла-хан и Асадулла. Разбив в нескольких сражениях иранские войска, повстанцы в конце 1717 г. овладели Гератом и распространили свою власть на районы Мургаба, Бадшса, Кусувийе и Гуриана.

В результате этих событий Герат стал центром самостоятельного владения абдалийских ханов из рода садозаев. Первым абдалийским правителем Герата был Абдулла-хан. В 1719 г. он успешно отразил последнюю экспедицию сефевидов, но потерпел неудачу в войне с гильзаями. После этой братоубийственной войны к Кандагарскому государству отошли Фарах и Заминдавар. Асадулла пал в бою. Усилилось могущество гильзайского полководца, молодого и энергичного Махмуда, старшего сына Мир Вайса, пришедшего к власти в Кандагаре в 1717 г.

Афганские завоевания в Иране

Обезопасив свои владения со стороны Герата, Махмуд после нескольких набегов на пограничные провинции Ирана организовал в 1721 г. большой поход на Исфаган. Главную роль в этом походе играли гильзайские племена, но в нем участвовали также воины других афганских и неафганских племен, не только Кандагарской, но и соседних областей.

Разбив персидское войско, афганцы осадили Исфаган. После семимесячной осады столица капитулировала и 22 октября

1722 г. шах Хусейн явился в лагерь к Махмуду и передал ему корону. Афганские завоеватели покорили затем значительную часть Ирана, но власть их была непрочной. Они не имели опоры среди населения страны, относившегося к ним враждебно, крестьяне и горожане Ирана поднимались на освободительную борьбу, в ходе которой афганское войско начало терпеть серьезные неудачи.

В 1725 г. в результате дворцового переворота шахский престол захватил двоюродный брат Махмуда **Ашраф**. Кровавым террором ему удалось удержать власть над центральной частью Ирана. Он сумел справиться с большими внешнеполитическими трудностями: разбил вторгшееся в Иран турецкое войско и заключил соглашение с Турцией, а затем с Россией.

Однако, несмотря на некоторые военные и политические успехи, позиции Ашрафа, как правителя завоеванной афганцами части Ирана, становились все более шаткими. Сопротивление персидского народа усиливалось, а афганское войско Ашрафа слабело, поскольку приток подкреплений из Кандагара совершенно прекратился. Правивший тогда в Кандагаре хан Хусейн выступал соперником Ашрафа и проводил политику укрепления своего княжества, отказываясь от участия в иранских делах. Все больше афганских воинов гибли вдали от родины в боях с повстанцами, турками, в междоусобицах.

Вот в этих условиях и взошла звезда **Надира Афшара** (1688—1747) — будущего шаха Ирана. Он происходил из воинственного туркменского племени Афшар. Выдвинувшись, как талантливый военачальник в ходе кровавых усобиц, он в 1726 г. присоединился с двухтысячным отрядом к шаху Тахмаспу — сыну Хусейна. Подчинив этого слабовольного шаха своему влиянию и действуя от его имени, Надир организовал дисциплинированное и боеспособное войско, объединил северо-восточный Иран и повел борьбу с афганцами, пользуясь поддержкой широких масс народа, видевшего в нем избавителя от чужеземцев.

Завоевание Афганистана Надир-шахом

Перед тем как решиться на столкновение с главными силами гильзаев и Ашрафа, Надир в 1729 г. предпринял поход против Герата и в четырех кровопролитных сражениях разбил

афганцев племени абдали, в руках которых находилось гератское княжество. Надир милостиво обошелся с побежденными, многих абдали принял на службу, рассчитывая использовать давнее соперничество между афганскими племенами абдали и гильзаев. Уже тогда воинственные кочевые племена Хоросана составляли ядро надировских войск. Теперь Надир мог двинуться против шаха Ашрафа.

Возглавив борьбу против чужеземцев (турок и афганцев), Надир завоевал авторитет и власть. В 1729 г. начались решающие столкновения войск Надира с гильзаями в Иране. Ашраф, не дожидаясь, когда Надир пойдет на Исфаган, двинул свою армию на Хоросан, однако потерпел поражение у р. Михмандост 30 сентября 1729 г. Затем Ашраф был еще несколько раз разбит, оставил Исфахан, пытался спастись бегством после последнего поражения в Фарсе, но был опознан и убит.

В 1736 г. Надир короновался шахом, а в 1737 г. предпринял большой поход через Афганистан на Индию. После годичной осады иранские войска овладели Кандагаром и разрушили его, а затем подчинили Газни и Кабул. За исключением Кандагара, Надир-шах, вопреки своему обыкновению, не разрушал города, не истреблял население. На то были веские причины. Афганцы были нужны Надир-шаху как пополнение его войск, к тому же от состояния афганского тыла в значительной мере зависел успех задуманного им похода на Индию. Вместе с тем этот завоеватель использовал вражду абдали и гильзаев для того, чтобы возвысить первых и превратить их в свою опору. Гильзаев же, как главных врагов Ирана, он ослабил и расселил.

Своих губернаторов в завоеванных областях Афганистана Надир-шах назначал главным образом из числа афганских ханов. Он сформировал из афганцев сильный отряд войск (около 16 тысяч человек) и включил его в состав своей армии. Таджикские земли Кандагарского оазиса Надир объявил шахской собственностью и значительную часть раздал равными участками в джагир членам племени абдали, обязав это племя выставлять определенное количество конного войска. В городах были размещены иранские гарнизоны. В ходе завоеваний Надир-шаха сложились конкретные условия, при которых возникло афганская верхушка, будущее руководство страны. На дальнейшем ходе событий сказалось усиление абдалийских племен за счет гильзаев.

§ 3

Образование державы «Дуррани». Общественный строй и завоевательные походы

Афганское государство возникло на развалинах державы Надир-шаха, распавшейся сразу же после его смерти. Афганские племена оказались фактически независимыми, и их стремление к политической консолидации привело к созданию государственного объединения, возглавляемого знатью абдалийских племен.

События развивались следующим образом. Надир-шах Афшар был убит в ночь с 19 на 20 июня 1747 г. проникшими в его шатер заговорщиками. Это случилось в его военном лагере в Хабушане. В собранном там разноплеменном войске началось смятение. Войско разделилось на враждующие между собой отряды. Афганские воины армии Надира оказались в опасном положении. Однако им удалось не только выйти из лагеря, но и захватить часть казны и артиллерию. Своей удачей афганцы во многом были обязаны распорядительности и находчивости Ахмед-хана из рода Садозаев. К осени 1747 г. испытанный в боях отряд, ставший впоследствии ядром войска нового афганского государства, подошел к Кандагару.

В это время в районе Кандагара находились основные силы абдалийских племен, и там же в октябре 1747 г. собралась джирга для избрания шаха Афганистана. Она состояла, главным образом, из наиболее влиятельных абдалийских ханов. Многие из них выступали в качестве претендентов на шахский трон. Восемь раз заседала джирга, но без всяких результатов.

Согласно афганской исторической традиции, когда джирга собралась в девятый раз, авторитетный суфий Сабир предложил избрать Ахмед-хана и был поддержан ханами и, что еще важнее, войском. Есть основания полагать, что в избрании Ахмед-хана на царство большую роль сыграла поддержка мусульманского духовенства, возглавляемого упомянутым

Сабиром. Что касается абдалийских ханов, то они в конечном итоге изъявили согласие на избрание Ахмед-шаха, потому что его род садозаев был хоть и знатен, но не велик. Хань полагают, что Ахмед-шаху придется считаться с ними, опасаясь раскола и внутренней смуты.

Общая характеристика афганского государства

В государстве Ахмед-шаха абдалийские ханы прочно заняли привилегированное положение. Власть шаха с самого начала подвергалась ограничениям со стороны племенной верхушки. За ханами были наследственно закреплены земли и все высшие должности в государстве. Последовавшее вскоре принятие Ахмед-шахом титула «дурр-и-Дурран» («жемчужина среди жемчужин») и одновременное переименование абдали в *дуррани* (жемчужный) не было простой прихотью, а имело политический смысл. Этим, с одной стороны, подчеркивалось, что дуррани, а вернее их ханы, занимают первенствующее положение в новообразованном государстве, а с другой, что сам шах является лишь «жемчужиной среди жемчужин» между дурранийскими ханами, что в известной степени соответствует формуле европейского феодализма: «первый среди равных».

Роль дурранийских ханов в политической жизни и привилегированное положение дурранийских племен, на которые они опирались, дали основание историкам именовать государство Ахмед-шаха и его преемников Дурранийской державой.

Ахмед-шах уже в первый год своего правления присоединил к своим владениям многие области, населенные афганцами. Персидские гарнизоны, оставленные Надиром в Кабуле, Газне, Пешаваре, удалось путем переговоров склонить к сдаче этих городов афганскому шаху. Вслед за тем Ахмед-шах признали своим государем многие ханы афганских племен правобережья Инда. Этому способствовало то, что Ахмед-шах, за редкими исключениями, не вмешивался во внутренние порядки управления афганских племен. Только с давних пор враждовавших с абдали гильзаев Ахмед-шах подчинил оружием.

Создание афганского государства не было лишь результатом благоприятной международной обстановки. Оно было вызвано глубокими внутренними процессами общественно-

хозяйственного развития и явилось закономерным следствием роста феодальных отношений у афганцев и результатом обострения между рядовыми членами племен и феодально-родовой знатью. Афганская аристократия нуждалась в государстве с его органами насилия и принуждения как в орудии господства над своими соплеменниками и над покоренными народами и племенами. По своему классовому характеру афганское государство было феодальным, но при этом на некоторых важных сторонах его устройства лежал явственный отпечаток родоплеменных отношений, сохранявших родоплеменную организацию и патриархально-родовые пережитки.

Области афганских племен в значительной мере сохраняли внутреннюю самостоятельность и управлялись по своим обычаям. В большинстве своем афганские племена были освобождены от податей, за что должны были поставлять шаху воинов.

В административном отношении особое положение афганских племен в государстве выражалось в том, что они управлялись своими наследственными или выборными ханами и джиргами.

Система управления и военная организация

Крупнейшими административными единицами афганского государства были *вилайеты* (провинции). В правление Ахмед-шаха (1747—1773) государственное устройство и военная организация были совмещены с афганским племенным началом в таких формах, которые всецело отвечали интересам ханства. Формально держава была разделена на административные единицы — *вилайеты*, которые в свою очередь делились на *махали* (округа). Правители махалов и вилайетов назывались «*хакимами*» и «*субадарами*», назначавшимися шахом. Однако административное деление территории было проведено так, что территория каждого племени, рода или крупного племенного подразделения была выделена в отдельную административную единицу, во главе которой уже в качестве правителя и представителя государственной власти был поставлен соответственный племенной вождь. Выступая в тройном качестве — племенного вождя, военачальника и гражданского правителя, местный хан был полным хозяином своей округи. Все это открывало

афганским ханам широкие возможности внеэкономического принуждения, прежде всего неафганского (в первую очередь таджикского) населения. Они захватывали земли, превращая завоеванное население в подневольных арендаторов — *хамсия*. В зависимости от ханов попадало и афганское население, перешедшее к оседлости. С афганских племен Ахмед-шах взимал необременительные налоги, либо не брал их вовсе, обязывая вождей в последнем случае выставлять отряд воинов для несения службы в шахских войсках.

В другом положении находилась часть земель с неафганским населением, вошедшая в состав государства в качестве вассальных ханств и эмиратов. Это Белуджистан, Синд, Хоросан и другие, правители которых, признав верховную власть шахов Афганистана, считались их «наместниками», но не смещались и не заменялись центральными властями. Взаимоотношения их с шахом Афганистана обычно регулировались особыми договорами.

Формально власть афганских шахов была неограниченной, но фактически они вынуждены были постоянно считаться с вождями афганских племен, запрашивая их мнение по важнейшим государственным вопросам. Наиболее влиятельные афганские сардары входили в состав совета (*джирги*), без одобрения которых Ахмед-шах не принимал серьезных решений. Вопрос о престолонаследии решался в основном верхушкой афганской знати.

Вторым после шаха лицом в государстве был везир. Являясь ближайшим помощником шаха в делах управления, он осуществлял контроль над всеми ведомствами и высшими чиновниками, отвечал за безопасность на дорогах и вообще за охрану внутренней безопасности и порядка.

Важнейшими ведомствами в государстве были: «высокий диван» — руководство финансами, сбором налогов и важнейшими хозяйственными делами (земледелие, орошение и т. п.); «шахская канцелярия» занималась оформлением государственных документов, шахских указов, грамот и дипломатической корреспонденции; охраной дворца шаха и его лагеря в дни походов распоряжался «орду-баши» — он руководил всем персоналом, отвечал за подбор стражей и т. п.

Очень важным было «ведомство осведомления», во главе которого стоял «*харкара-баши*». Он не только руководил сетью осведомителей, но и отвечал за работу шахской почты.

Дурранийское государство унаследовало от Сефевидов и Моголов феодальный административный аппарат и систему судопроизводства, основанную на шариате. Господствующей религией афганского государства был ислам суннитского толка, которого придерживалось большинство афганских племен и таджикского населения страны. Мусульманское духовенство, верхушка которого являлась влиятельной частью феодального класса, играло большую роль в жизни страны и помогало упрочению шахской власти, закрепившей за духовным сословием его права и привилегии.

Вооруженные силы Ахмед-шаха состояли из регулярных и нерегулярных войск. Ополчения племен и конница афганских ханов составляли наиболее многочисленную часть нерегулярного войска. Кроме того, в армию входили контингенты, формируемые из жителей специальных военных зон, а по мере расширения государства Ахмед-шаха в результате завоевательных походов включались также отряды вассальных ханств и эмиратов. Все эти нерегулярные войска составляли не менее 70% общей численности вооруженных сил.

Создавая регулярное войско, Ахмед-шах во многом следовал образцу военной организации Надир-шаха. Ядром его постоянного войска была личная гвардия. В состав регулярных вооруженных сил входили также корпус иранских мушкетеров, отряды полевой жандармерии и шахские телохранители.

Ахмед-шах придавал большое значение артиллерии. Кроме артиллерийских орудий в его войске имелись ракеты, выпускаемые со специальных станков. Весьма эффективными были и фальконеты, перевозимые на верблюдах.

Руководство вооруженными силами Ахмед-шах осуществлял через главнокомандующего (*сипахсалар*). Сипахсалару непосредственно подчинялись войсковая канцелярия и арсенал. Через канцелярию велся учет личного состава войска, выдавалось жалованье, продовольствие, амуниция. Складами оружия (арсенал) ведал «*курчи баша*», который отвечал за изготовление пороха, ядер и пуль, за боеприпасы и оружие и за доставку их войскам.

Контроль над выполнением воинами религиозных обрядов и других требований шариата осуществляли блюстители нравов — «*мухтасибы*». Для суда над лицами военного сословия имелись специальные войсковые судьи.

Завоевания Ахмед-шаха

Высокое военное мастерство афганцев и система организации армии обуславливали военную силу афганцев. Однако в не меньшей степени успехи завоевательных походов Ахмед-шаха объяснялись слабостью соседних государств, переживавших время упадка и феодальной раздробленности. Ахмед-шах с первых лет своего царствования начал предпринимать походы в соседние страны.

Подчинив Газни, Кабул и Пешавар, Ахмед-шах уже в 1748 г. вторгся в Панджаб. Он переправился через Инд во главе войска, насчитывавшего несколько десятков тысяч всадников, занял город Шикапур. Ему удалось захватить также Лахор, на который была наложена большая контрибуция. Но в битве с главными силами могольской армии в Сирхинде 11 марта 1748 г. афганцы были разбиты. Причиной этого, по словам афганских историков, был взрыв запасов пороха, от которого погибло около тысячи человек. Однако могольская армия не сумела использовать успех, и Ахмед-шах благополучно отступил.

В 1750 г. Ахмед-шах предпринял второй поход в Панджаб, в 1756 г. — третий и в 1757 г. — четвертый. В результате этих походов был подчинен Кашмир; Великий Могол вынужден был официально отказаться от своих прав на власть в Панджабе и Мультаке в пользу афганского шаха. Кроме того, афганцы захватили огромную добычу, оценивавшуюся в 12 млн рупий.

С 1758 г. началась длительная война с маратхами за раздел империи Великих Моголов. В 1760 г. маратхи двинули на Ахмед-шаха огромную армию (200 тысяч воинов). Апогеем военной компании стала решающая битва 13 января 1761 г. Грандиозное сражение шло с переменным успехом, однако в конце Ахмед-шаху удалось добиться решающей победы.

Самому сильному индийскому государству был нанесен сокрушительный удар, что объективно облегчило покорение Индии британскими колонизаторами. Но и для афганских феодалов успех в войне против маратхов не принес новых территориальных приобретений. Захватив большую добычу, Ахмед-шах вскоре после Панилатской битвы вынужден был вернуться в Афганистан, не пытаясь удержать за собой разграбленную столицу Моголов Дели.

Понимание обстановки и трезвый учет соотношения сил и собственных возможностей, отличавшие Ахмед-шаха как государственного деятеля, сказались на его последующей политике в отношении Индии. Он не пытался создать большую империю в Индии со столицей в Дели, что неизбежно привело бы к отрыву династии от афганского ядра государства. Он не ставил перед собой неосуществимых завоевательных целей, что отличало его от Надир-шаха. Завоевания Ахмед-шаха в Северной Индии были утеряны вскоре после его смерти. В частности, Пенджаб уже с 1764 г. перешел к сикхам.

Более прочными завоеваниями стали покоренные области Хорасана и узбекские ханства левобережья Амударьи. Кроме афганцев на территории основных областей государства Ахмед-шаха (до р. Инд на востоке и юго-востоке) жили таджики, хазарейцы, белуджи и многие другие народности и племена. Таджикское крестьянское население не только занимало ряд горных районов Гиндукуша — Панджшер, Бимиан и др., но также оазисы Герата, Кандагара, Кабула. Городское ремесленное и торговое население в областях к северу от Сулеймановых гор, состояло в большинстве своем также из таджиков. Крупным городом со значительным афганским населением был Кандагар. В афганских областях правобережья Инда значительную часть жителей городов составляли индийцы. В этих областях крупнейшим городом с афганским населением был Пешавар.

В состав государства Ахмед-шаха вошли области, значительно отличавшиеся друг от друга по характеру хозяйства и уровню социально-экономического развития. Рядом с земледельческими оазисами и феодальными городами с развитым ремеслом и торговлей лежали обширные территории, занятые кочевниками с их примитивным скотоводческим хозяйством.

Обширная Дурранийская держава, созданная завоеваниями Ахмед-шаха, оказалась недолговечной, но объединение им областей, населенных афганскими племенами, составлявшими ядро его государства, имело очень важное историческое значение. Впоследствии, после падения Дурранийской державы, именно эти области стали основой развития независимого афганского национального государства.

§ 4

Ослабление Дурранийской державы

Одна из важных причин неустойчивого положения садозайских шахов заключалась в том, что не все афганские племена были подчинены центральной власти. Показательны некоторые факты, характеризовавшие взаимоотношения садозайских шахов с племенами, занимавшими земли Хайбарского прохода. Чтобы держать Хайбарский проход открытым, садозайские шахи, подобно правителям ранее существовавших государств, предпочитали откупаться от этих племен выплатой крупных денежных сумм. При Садозаях эти племена получали до 130 тысяч рупий в год. И все же контроль над ущельем не был прочным.

Развитие феодализма, ускорившееся в государстве Ахмед-шаха, приводило к быстрому росту сепаратистских сил, вызывавших децентрализацию Дурранийской державы. В землях некоторых афганских племен (например, у момандов) создались мелкие феодальные владения. В землях других племен (в первую очередь дуррани) наблюдался переход значительной части государственных шахских земель в руки местных феодалов, что также ослабляло экономическую базу государства Садозаев.

Признаки неустойчивости шахской власти появились еще в годы правления Ахмед-шаха, успешная завоевательная политика которого соответствовала интересам афганских ханов; уже при Ахмед-шахе в Афганистане неоднократно вспыхивали феодальные мятежи. В 1773 г. Ахмед-шах умер и на престол вззошел его сын Тимур-шах, правивший в течение 20 лет. Начало его правления было отмечено жестокой междоусобной войной с восставшими дурранийскими ханами.

В связи с трудностями управления государством из Кандagara, где новый шах постоянно находился под угрозой со стороны этих ханов, Тимур-шах перенес свою столицу в Кабул.

Избрание именно этого города столицей объясняется, прежде всего, выгодным его стратегическим положением в центре страны и на перекрестке важных торговых путей.

Перенесение столицы в Кабул было важным звеном в ряду мероприятий Тимур-шаха, направленных на укрепление центральной власти. Прежде всего, именно там он мог всегда иметь под рукой покорное его воле войско, состоявшее в значительной своей части из кызылбашей, проживавших в Кабуле со времен Надир-шаха, т. е. важнейшей опорой его власти стали наемное войско из неафганских (в основном тюркских) народностей, которое постоянно находилось при нем, как личная гвардия. Он стремился править единолично и только в редких случаях допускал ханов племен к участию в решении государственных вопросов. Политика его вызывала постоянное противодействие, часто открытое, со стороны этих ханов.

Неоднократно возникали опасные заговоры и восстания. Тимур-шаху удавалось подавлять их силами наемной гвардии, однако не раз он оказывался на волосок от гибели. Как полагают, Тимур-шах умер не своей смертью — он был отравлен. Время его правления (далеко не безмятежное для самого Тимур-шаха) осталось в памяти потомков эпохой если не благоденствия, то, во всяком случае, относительного спокойствия, особенно по сравнению с последовавшими вскоре смутами и феодальными междоусобиями.

При Тимур-шахе держава Дуррани была еще весьма обширным и довольно могущественным государством, хотя уже имелись признаки упадка и ослабления. Попытки Тимур-шаха усилить центральную власть в государстве оканчивались неудачей из-за отсутствия объективных условий: при слабом экономическом развитии разобщенность завоеванных Ахмед-шахом территорий крайне затрудняла сколь-нибудь прочное их объединение.

К концу XVIII в. по сравнению со временем правления Ахмед-шаха значительно изменилась внешнеполитическая обстановка. Соседи Дурраннийской державы стали сильнее. В Пенджабе сикхи становились все более серьезной преградой для афганских феодалов на пути их продвижения вглубь Северной Индии. Бухарское ханство обрело относительно устойчивую власть и окрепло в экономическом и военном отношении. В Иране длительная полоса междоусобиц и раздробленности заканчивалась

в связи с объединением страны под властью Мухаммад-хана Каджара.

После смерти Тимур-шаха трон занял его пятый сын **Земан-шах** (1793—1801), который при жизни отца управлял Кабулом в качестве наместника. Ему приходилось вести упорную борьбу за трон со своими братьями. Борьба за престолонаследие была внешним выражением противоречий между различными группами афганских феодалов, соперничавших за господствующее положение в государстве. Земан-шах показал себя государем энергичным и воинственным. Он проводил, подобно своему отцу, политику укрепления шахской власти и централизации государства, но действовал гораздо более крутыми мерами с ханами дурранийских племен. Пытаясь сломить своеволие этих ханов, Земан-шах лишал некоторых из них земельных владений, отбирал землю и имущество, беспощадно карал выступавших против него. Однако укрепить шахскую власть он не смог и лишь восстановил против себя значительную часть дурранийской знати.

Так, после подавления одного из заговоров, Земан-шах казнил 14 сардаров и сановников. Среди казненных был Пайинда-хан — глава могущественного рода Баракзаев. Его сыну Фатх-хану, на арест которого также был отдан приказ, удалось спастись и бежать в Гиршик, где собрались его братья. Они решили поднять восстание против Земан-шаха и отомстить ему за гибель отца.

Последние Садозаи и возвышение Фатх-хана Баракзае

Фатх-хан примкнул к Махмуду, одному из мятежных братьев Земан-шаха, склонил не только свой род Баракзаев, но и ханов других дурранийских племен выступить на стороне этого царевича и взял Кандагар. Узнав о падении Кандагара, Земан-шах послал против Махмуда большое войско, но Фатх-хану удалось внести разлад в это войско и переманить большую его часть на сторону Махмуда. Положение Земан-шаха стало безнадежным, и он бежал из Кабула в Пешавар, но был схвачен по приказу Махмуда, ослеплен и посажен в крепость. Махмуд стал шахом, а завоевавший ему трон Фатх-хан — великим везирем.

Сравнительно прочная власть Земан-шаха сменилась длительным периодом ожесточенной борьбы за шахский престол

между последними правителями Садозайской династии и войнами многочисленных враждовавших между собой феодальных кланов. Столицу потрясали народные восстания. Гильзайские племена выступали с оружием против привилегированного положения дуррани в стране.

Махмуд-шах (1801—1803) был изгнан, и его сменил Шуджа аль-Мульк (1803—1809). К концу кратковременного правления Шуджа аль-Мулька относится первая попытка англичан проникнуть в Афганистан и включить его в сферу своего влияния. В сложившейся в то время обстановке эта попытка осуществлялась еще только средствами дипломатии. В феврале 1809 г. в Пешавар прибыл посол Ост-Индской компании (ОИК) Эльфинстон во главе многочисленной миссии.

Эльфинстону удалось заключить договор с Шуджи аль-Мульком. По-видимому, сам афганский шах стремился опереться на помощь могущественных и богатых иноземцев в борьбе за престол. Первый англо-афганский договор предусматривал участие Афганистана на стороне Англии против Франции и Ирана в случае нападения последних на территорию ОИК. В случае же возникновения войны только между Ираном и Афганистаном, ОИК не обязывалась оказывать Афганистану какой-либо помощи. Таким образом, договор был для Афганистана неравноправным.

Он оказался недолговечным, так как в том же 1809 г. в результате нового феодального мятежа шах Шуджа аль-Мульк был свергнут с престола. Афганский трон снова занял Махмуд (1809—1818), а Фатх-хан, который помог ему вернуть трон, вновь стал великим везирем. Фатх-хан упорно боролся против своеволия афганской знати, стараясь положить конец феодальным усобицам и добиваясь упорядочения поступления налогов в шахскую казну. Энергичным и надежным помощником проявил себя его младший брат сердар Дост Мухаммед.

За короткий срок великий везирь и сердар подчинили себе важнейшие области Афганистана и поставили во главе их своих братьев и других родственников. Исключение составляли Кандагар, где наместником был Камран, один из сыновей шаха Махмуда, и Герат, где правил брат шаха Фируз уд-Дин.

В 1814 г. к Герату подступили иранские войска. Не полагаясь на собственные силы, царевич Фируз уд-Дин просил о помощи шаха Махмуда. По приказу шаха Фатх-хан двинулся

к Герату с войском, разбил и прогнал иранцев, а заодно лишил Фируз уд-Дина власти над этим городом. Тогда царевич Камран, опасаясь чрезмерного усиления Фатх-хана, заманил его во время похода в свою палатку и приказал ослепить (1815 г.), а позже подверг мучительной казни. Эта расправа вызвала восстание баракзайских ханов. Братья и родственники убитого Фатх-хана двинулись против Махмуда и свергли его с престола. После долгих мытарств Махмуду и Камрану удалось добраться до Герата. Что же касается собственно Афганистана, то он распался на отдельные уделы, где как самостоятельные государи стали править братья и сыновья Фатх-хана.

§ 5

Годы феодальной раздробленности. Приход к власти Дост Мухаммеда

В эти годы отдельные уделы ханства (Кабул, Кандагар, Пешавар и др.) представляли фактически самостоятельные владения во главе с ханами, обладавшими деспотической властью. Во главе большинства уделов стояли ханы из рода Баракзиев — близкие родственники казенного Фатх-хана. Практически сразу и в этом узком кругу родственников разгорелась ожесточенная борьба за власть. Феодальные мятежи, крестьянские восстания и взаимная борьба ослабляли эти ханства, подрывали их обороноспособность перед лицом внешнего врага. Самым слабым из афганских княжеств был Пешавар, самым сильным — Кабул. Баракзайские ханы, владыки Пешавара, господствовали лишь над крестьянством ближайшей округи этого города, но еще не имели власти над соседними афганскими племенами и самым многочисленным из них юсуфзаями.

Слабость садозайских ханов Герата была обусловлена тем, что они опирались на афганскую военно-феодальную верхушку, составляющую численно ничтожную господствующую группу среди массы коренного неафганского населения (таджики, хазарейцы и др.). Всего афганцев, включая кочевников, было в Гератском ханстве не более 10—15% от общего числа его жителей. Что же касается кабульского ханства, то оно было более этнически однородным. Кроме того, оно занимало выгодное центральное положение между Кандагарским и Пешаварским княжествами, было лучше защищено от внешних врагов и располагалось на основной торговой дороге между Индией и Средней Азией.

После ожесточенной борьбы (1818—1826) с братьями правителем Кабула окончательно утвердился сердар Дост Мухаммедхан. Вскоре он объединил под своей властью Кабул, Газни, Джелалабад, завоевал расположенные к северу от Кабула земли таджиков Кухистана и стал сильнейшим из афганских ханов.

Жестоко расправляясь с мятежниками-ханами и безжалостно подавляя крестьянство, Дост Мухаммед вместе с тем покровительствовал торговле и обеспечил безопасность в стране.

В 1826 г. он принял титул эмира, положив тем начало новой баракзайской династии афганских государей. Эмир Дост Мухаммед стремился объединить Афганистан и сделать его сильным государством. Между тем соседние страны не преминули воспользоваться междоусобицами и ослаблением Афганистана, чтобы расширить собственные границы.

Еще в 1819 г. Камран, правитель Герата, признал себя вассалом персидского шаха, но это не удовлетворяло Каджаров: в 1823 г. и 1833 г. они предпринимают, правда неудачные, попытки завоевать это ханство. Решительнее и удачнее действовал владыка Панджаба, сикхский махараджа Ранджит Синг. Он завоевал ранее подчинявшиеся дурранийской державе области северо-западной Индии — Мульган (1818 г.) и Кашмир (1819 г.). Затем сикхи приступили к захвату афганских земель на правом берегу Инда и, прежде всего в Пешаваре.

Отторжение Пешавара. Афганистан в международных отношениях

В 1823 г. Ранджит Синг направил свои войска на окончательное покорение Пешавара. В битве под Пешаваром сикхи победили благодаря предательству афганского правителя этой провинции Мухаммеда Назима. После установления своей власти они стали управлять здесь с помощью баракзайских сердаров-изменников, используя их как своих вассалов.

Ключевое положение Афганистана на пересечении важнейших стратегических и торговых путей между Индией, Ираном и Средней Азией неминуемо делало эту страну объектом политического и торгового соперничества Англии и России. Англия к этому времени подчинила себе всю Индию, кроме Синда и Панджаба. Англичане считались союзниками сикхского махараджи. Отвлекая Ранджит Синга, повелителя Панджаба, от вмешательства в дела подвластных им индийских земель, англичане всячески разжигали афгано-сикхскую вражду. Оружием сикхов англичане стремились завоевать восточные области Афганистана, одновременно ослабляя этим сикхов и подготавливая поглощение их державы (вместе

с Пешаваром и другими афганскими завоеваниями сикхов). Не без влияния английской дипломатии сикхи возвели крепость Джамруд в Хайбарском проходе и предприняли поход во внутренние области Афганистана, но были в 1836 г. отбиты войсками эмира Дост Мухаммеда.

В то же время англичане стремились использовать нашедшего у них убежище бывшего афганского шаха. В 1834 г. они дали Шудже сильный отряд сипаев и отправили его на завоевание потерянного царства. Это была как бы репетиция будущей англо-афганской войны. Шуджа добрался до Кандагара, но под этим городом его отряд был наголову разбит (1835 г.) подоспевшим из Кабула эмиром Дост Мухаммедом. Шудже вновь пришлось спасаться в индийских владениях англичан.

Захватнические планы англичан касались не только Пешавара, Кабула и Кандагара, они распространялись на Герат и среднеазиатские ханства. Герат имел первостепенное стратегическое значение — плодородный гератский оазис был исходным пунктом торговой караванной дороги из Ирана через Кандагар к границам Индии в обход трудно проходимых гор Гиндукуша. Англичане стремились сохранить Герат в слабых руках уцелевших садозайских шахов, находившихся под британской «защитой», а главное не допустить захвата Герата афганским эмиром или иранским шахом. Дальнейшие планы англичан по подчинению Средней Азии зависели от того, удастся ли им завоевать Афганистан и превратить Герат в свой плацдарм.

Что же касается России, то она, чтобы не допустить утверждения англичан на подступах к Средней Азии, поощряла иранцев к захвату Герата: Российская империя предпочитала видеть этот «ключ Индии» в руках зависимых от нее Каджаров. Кроме того, русское правительство было заинтересовано в сохранении и расширении взаимно выгодных торговых связей с Ираном. В этом отношении Герат, как крупный торговый центр, также имел большое значение.

Осада Герата. Миссии Бернса и Виткевича в Афганистане

Эмир Дост Мухаммед ясно понимал, что за агрессивными действиями Шуджи и сикхов стоят англичане. Рассчитывая на поддержку России, он отправил к Николаю I посольство во

главе с Хусейном Али-ханом. В Петербург посольство добралось через Оренбург, и оттуда его сопровождал адъютант губернатора поручик Виткевич. Он же был отправлен в Афганистан с ответным письмом Николая I. Он имел поручение обещать эмиру помощь в размере 2 млн наличными и на 2 млн руб. русскими товарами.

Между тем в октябре 1837 г. иранский шах Махмуд приступил к осаде Герата. Осада затянулась, но на исходе девятого месяца горожане готовы были капитулировать. Но тут подоспела английская помощь. В Персидском заливе появился английский флот и был высажен десант на остров Харак. Подкрепленное таким образом ультимативное требование англичан заставило шаха снять осаду Герата (август 1838 г.).

Еще до исхода Гератской войны Ост-Индская компания направила в Кабул своего представителя Александра Бернса. Бернс имел поручение привлечь эмира Дост Мухаммеда на английскую сторону, заключить с ним союз против Ирана и России. В то же время англичане отвергли требование вернуть Дост Мухаммеду Пешавар и другие земли, захваченные сикхами. Поэтому эмир прервал переговоры с Бернсом и радушно принял Виткевича, прибывшего в Кабул в 1837 г. Миссия Виткевича начиналась очень успешно. Дост Мухаммед и его брат правитель Кандагара Кохендиль-хан, под гарантию России, заключили союзный договор с Ираном, направленный против Ост-Индской компании и ее союзника, садозайского шаха Герата. Однако затем все усилия Виткевича были сведены на нет из-за давления английской дипломатии. Правительство Николая I круто изменило свою афганскую политику. Оно отозвало своего посланника Симонича из Тегерана и отреклось от своего дипломатического представителя Виткевича, так успешно начавшего переговоры в Кабуле. Причина уступчивости России вытекала из навязанных англичанами «совместных действий» в период борьбы с Мухаммедом Али.

Военное отступничество Ирана и дипломатическое России сослужили службы английским захватническим планам в Афганистане. Англия решила немедленно начать войну. Одновременно в Хиву, Бухару и Коканд были направлены многочисленные английские агенты. Подчинение Афганистана должно было стать прологом к подчинению богатых и разрозненных ханств Средней Азии.

§ 6

Первая англо-афганская война (1838—1842)

Афганистан не имел в то время общей границы с английскими владениями в Индии. Их разделяли два независимых княжества — Синд и государство Сикхов. В то время как английские войска должны были вторгнуться в Афганистан через Синд, сикхи обязались наступать от Пешавара к Кабулу. Бывший садозайский шах Шуджа должен был сопровождать английскую армию в качестве «законного афганского государя». Ему набрали в Индии 6-тысячный отряд сипаев под командованием английских офицеров и снабдили деньгами.

Осенью 1838 г. началась война. 22-тысячная армия, состоящая из английских и сипайских частей, двинулась на Кандагар. В качестве английского посла при шахе Шудже находился высокопоставленный чиновник Макнотен, его помощником был назначен Александр Бернс. Кандагар не оказал сопротивления. Правители баракзай бежали, а остальные высшие сановники этого княжества, подкупленные англичанами, перешли на сторону Шуджи. Сам Шуджа в Кандагаре был коронован, после того как подписал с англичанами неравноправный договор. Затем английские войска взяли штурмом Газни и открыли себе дорогу на Кабул. Накануне решающей битвы подкупленные Макнотеном афганские ханы перешли на сторону англичан. 7 августа 1839 г. англичане без боя вошли в столицу. Дост Мухаммед отступил за Гиндукуш, откуда с помощью узбеков кундузского ханства продолжал партизанскую войну против англичан. Он все еще надеялся на помощь России.

После занятия Кабула начались реальные трудности у англичан. К этому времени в Афганистане возрастало недовольство народа, и усиливался отпор иноземным завоевателям и их ставленнику — Шудже. Гильзай, которые с самого начала не признавали власти Шуджи, поднимали одно восстание за

другим, нарушая пути сообщения между Кабулом, Газни и Кандагаром. Волнения и восстания происходили во многих других частях Афганистана.

Дост Мухаммед также не сложил оружия и направился в Кохистан, где возглавил народное ополчение и создал серьезную угрозу власти Шуджи и англичан над столицей. В конце сентября — октябре 1840 г. в ущельях Кохистана произошло несколько ожесточенных сражений, а 2 ноября у Парвана разгорелась решающая битва. Дост Мухаммед возглавил успешную атаку на переправившуюся через реку конницу англичан. Обратившаяся в паническое бегство конница увлекла за собой и пехоту. Англичане понесли большие потери убитыми и ранеными.

Капитуляция эмира и борьба народа

На следующий день был отдан приказ об отступлении англичан. Они опасались восстания в тылу и окружения. Командование оценивало сложившееся положение как весьма критическое, и гарнизон Кабула готовился к обороне города. Однако в этот момент при оставшихся не вполне ясными обстоятельствах (во всяком случае, совсем неожиданных для англичан) Дост Мухаммед сдался в плен. В ночь на 3 ноября, сразу же после одержанной победы, оставив тайно свои войска, он ускакал в сопровождении одного слуги. Прибыв в Кабул, он отправился к Макнотену и заявил ему о своей капитуляции. Желая поскорее удалить из Афганистана популярного в стране эмира, англичане срочно отправили его в Индию со всей семьей, кроме его сына, талантливого военачальника Акбар-хана, брошенного в тюрьму эмиром Бухары.

В первый момент после капитуляции эмира волна восстаний, охватившая Афганистан во многих местах, спала и, как казалось англичанам, наступила полоса затишья. Однако вскоре обнаружилось, как глубоко они ошибались. На борьбу поднялся народ, и его выступление оказало решающее влияние на исход событий.

Весной и летом 1841 г. в стране разгорелось пламя народной войны. Волнениями были охвачены районы Джелалабада, Зурмата, Калати и др. Вскоре же после отправки Дост Мухаммеда в Индию возобновили вооруженную борьбу племена гильзаев. Активные выступления против англичан происходили

и во многих других местностях Афганистана, недовольство против англичан стало быстро усиливаться и среди афганской аристократии, ханов, вождей племен. Многие из тех, кто перешел на сторону Шуджи, были обижены, не получив обещанных вознаграждений. Денежные подачки ханам и вождям отменялись из-за требования английского правительства уменьшить расходы на оккупацию Афганистана.

Англичане восстановили против себя все слои населения Афганистана. При этом ни возраставшее недовольство народа, ни усиливавшаяся волна восстаний не поколебали уверенности таких английских руководителей, как Макнотен, в прочности их положения в оккупированной стране. В августе 1841 г. Макнотен сообщил, что страна совершенно спокойна.

Восстание в Кабуле 2 ноября 1841 г.

Признаки роковых для англичан событий в Афганистане начали с особой силой проявляться с сентября 1841 г. Кабульскому восстанию непосредственно предшествовало крупное вооруженное выступление гильзаев, вожди которых, по-видимому, были тесно связаны с руководителями заговора в столице. В конце сентября гильзаи заняли горные проходы на пути из Кабула к Джелалабаду и прервали сообщение кабульского гарнизона с Индией.

В ночь на 2 ноября 1841 г. повстанцы окружили дом британского резидента в Кабуле А. Бернса и жилища других английских офицеров. Дома были сожжены, а сами они и стража перебиты.

Начавшееся в Кабуле восстание было массовым: в нем приняли участие городская беднота, ремесленники, торговцы и крестьяне оседлых сел. Вскоре к ним присоединились подошедшие к столице отряды афганских племен.

Узнав о восстании в столице, Шуджа направил из Бала-Хисара, своей ставки, для его подавления гвардейский полк. Командующий английским гарнизоном тоже выслал из Шерпурского лагеря войска. Но они даже не осмелились приблизиться к столице. Город оказался в руках восставших.

Вести об успехе восставших всколыхнули всю страну. Связь английских гарнизонов с Индией была прервана. К Кабулу продолжали стекаться отряды из окрестных районов, спеша

на помощь повстанцам. Были осаждены английский лагерь и гарнизон в крепости Бала-Хисар.

В ноябре в Кабул прибыл из Бухары Акбар-хан, вскоре выдвинувшийся на первое место среди вождей освободительной борьбы афганского народа, оставив о себе память, как о неустрашимом и неподкупном руководителе, умевшем не только героически сражаться с врагами на поле боя, но разрушать их планы и козни.

Вскоре Макнотену пришлось пойти на переговоры с повстанцами. 12 декабря 1841 г. он подписал с ними соглашение, где содержалось обязательство вывести английские войска из Афганистана, вернуть пленных и возратить на родину Дост Мухаммеда.

Но подписание соглашения было со стороны Макнотена только маневром. Он рассчитывал захватить Акбар-хана в плен или убить во время переговоров, для чего приказал стянуть к месту их встречи два батальона с артиллерией. Однако Акбар-хан разгадал его планы и во время стычки убил его, так что войска даже не успели вмешаться.

Эти события вызвали панику среди англичан, и 1 января 1842 г. между английским руководством и афганскими вождями было заключено новое соглашение, условиями которого предусматривались немедленный вывод английских войск из Афганистана, а также оставление заложников до возвращения эмира Дост Мухаммеда.

Отступление англичан из Кабула

В январе 1842 г. началось отступление английского гарнизона. Из Кабула вышло около 5 тысяч солдат и офицеров и 12 тысяч лагерной прислуги. Увидев, что англичане, нарушив соглашение, взяли с собой пушки, афганские вожди заявили об отказе от прежнего своего обещания охранять в пути отступления гарнизон.

При отступлении английские войска были уничтожены горными племенами. Из всего Кабульского гарнизона, не считая попавших в плен, спасся лишь один человек, добравшийся до Джелалабада.

Начало 1842 г. ознаменовалось нападениями афганских отрядов на английские гарнизоны, еще остававшиеся в некоторых

городах и пунктах страны. Повстанцы очистили от чужеземцев всю страну, кроме осажденных гарнизонов в Джелалабаде и Канджаре. Успехом закончилась осада крепости Газни, которую повстанцы освободили 7 марта 1842 г., уничтожив английский гарнизон.

Разрушение Кабула и вывод английских войск из Афганистана

После ухода иноземных войск из Кабула Шуджа пошел на компромисс с главами нескольких враждующих между собой феодальных группировок, среди которых были и руководители восстания Мухаммед Земан и Аманулла Логари. Под давлением народных масс он вынужден был объявить священную войну англичанам и даже предпринять поход на Джелалабад. По пути он был убит и Логари с помощью влиятельных дурранийских вождей, которые возвели на трон Фатх Джанга, второго сына Шуджи.

Акбару не удалось справиться с сепаратизмом феодалов. На путь предательства встал и Фатх Джанг. Ему удалось бежать к англичанам, и, используя его имя, английские войска предприняли карательную экспедицию, в результате которой им снова удалось захватить Кабул. Кабул был разрушен, но руководители английской колониальной политики теперь понимали, что удержать под своей властью Афганистан они уже не смогут. Непрерывающаяся народная война вскоре вынудила англичан полностью очистить территорию страны. Возвращение английских войск из Кабула в Индию более походило на паническое бегство, чем на добровольный уход.

В конце 1843 г. английские власти разрешили Дост Мухаммеду вернуться на родину, признав тем, что их завоевательные планы в отношении Афганистана потерпели полный крах. Вскоре Дост Мухаммед вновь стал эмиром. Так закончилась война 1838—1842 гг.

§ 7

«Второе правление»

Дост Мухаммеда.

Последняя попытка вернуть Пешавар. Политика на севере

Возвратившись на престол, Дост Мухаммед настойчиво проводил политику объединения страны. Многие ему приходилось начинать заново. Положение в Афганистане было очень тяжелым. Особенно сильно пострадало население непосредственно затронутых военными действиями районов и городов. Проводя политику объединения страны, Дост Мухаммед опирался на восстановленное им войско. Он реорганизовал его, улучшил вооружение и подготовку. Большую часть войска составляла конница, в которой насчитывалось 12 тысяч всадников. Опираясь на воссозданное войско, Дост Мухаммед и Акбар-хан в 1847 г. подавили опасные выступления гильзайских ханов. В дальнейшем эмирские полки сыграли большую роль в завоевании узбекских и таджикских ханств левобережья Амударьи.

В 1843 г. Ост-Индская компания захватила Синд, эмиры которого до этого времени признавали верховную власть афганских государей. В результате I англо-сикхской войны 1845—1846 гг. англичане установили свой контроль над Панджабом. В апреле 1848 г. части сикхской армии подняли восстание. К восстанию присоединились отряды в Хазаре, Пешаваре, Банну. Началась Вторая англо-сикхская война.

Дост Мухаммеду было ясно, сколь большую угрозу создает новое британское наступление на северо-западе Индии. Поэтому афганский эмир решил сменить давнюю вражду с сикхами на союз с ними. В конце 1848 г. он заключил с сикхами соглашение, по которому посылал им на помощь войска взамен на обещание вернуть Пешавар. Войска Дост Мухаммеда оккупировали Пешаварскую область, и на помощь сикхам был отправлен отряд конницы. Но эта незначительная

поддержка не могла изменить неблагоприятного для сикхов соотношения сил. В феврале 1849 г. войска англичан нанесли сикхам решающее поражение. В марте 1849 г. было объявлено о включении Панджаба в состав Британских колониальных владений.

Дальнейшая борьба за Пешаварскую область грозила привести к войне с англичанами. Дост Мухаммед решил отступить, и афганское население захваченных прежде сикхами Пешаварской и других областей попало под власть англичан. Таким образом, возникла до сих пор нерешенная политическая и территориальная проблема «полосы независимых племен».

Потеряв надежду на возможность успешных действий на востоке и юго-востоке, Дост Мухаммед перешел к активной политике на севере. Он направил туда военную экспедицию с целью завоевать «Малый Туркестан» — так называли тогда в Кабуле нынешний Афганский Туркестан. Посланное войско преодолело сопротивление туркменских и узбекских ханов и овладело Балхом. Местные феодальные правители выразили свою готовность покориться, за что были возвращены в свои владения, их земли были обложены данью.

Так началось растянувшееся затем на долгие годы завоевание левобережья Амударьи войсками афганских эмиров. Завоевание облегчалось феодальной раздробленностью и взаимной враждой правителей мелких ханств. Эта наступательная политика Дост Мухаммеда на севере привела к конфликтам с Бухарским эмиратом, в вассальной зависимости от которого в прошлом находились правители ханств. Возникли также конфликты между Дост Мухаммедом и Ираном.

Это целиком соответствовало целям англичан, заинтересованных в отвлечении внимания Дост Мухаммеда от Панджаба и судеб отторгнутого афганского населения, а также соответствовало английским планам на будущее. Несмотря на суровый урок, полученный в 1839—1842 гг., они не отказались от намерений подчинить Афганистан. Чем больше расширял Дост Мухаммед пределы своих владений на севере, тем заманчивее для англичан становилась перспектива захвата афганского плацдарма для дальнейших завоеваний на Среднем Востоке.

В первые годы после аннексии Панджаба руководство Британской колониальной власти в Индии было занято упрочением

своего влияния над только что оккупированными территориями, населенными воинственными народностями.

Все это сделало возможным заключение в 1855 г. в Пешаваре англо-афганского договора о дружбе, направленного против России и Ирана. В этом же году Дост Мухаммед присоединил Кандагар. Через год иранский шах Наср эд-Дин захватил Герат. Тогда англичане заключили с Дост Мухаммедом договор о военном союзе против Ирана, назначили афганскому эмиру крупную денежную субсидию на время войны и дали ему оружие (1857 г.). Дост Мухаммед пошел на урегулирование взаимоотношений с англичанами из-за насущной необходимости в мирной передышке, без которой нельзя было укрепить центральную власть в объединенном Афганистане и на завоеванных территориях. Но за это пришлось идти на значительные уступки. В частности, эмир обещал «быть другом друзей и врагом врагов Англии». Уже в этом выразилась несправедливость договора, потому что на английскую сторону такого обязательства не возлагалось. Фактически признавалось право англичан на Пешавар и другие афганские области, захваченные в 1849 г. Кроме того, англичане получали некоторый контроль над внешней политикой афганского правительства. Такова была цена, заплаченная за английские деньги, оружие и обещание не вмешиваться во внутренние дела афганского государства.

Впрочем, использовать своего нового союзника Ост-Индская компания не успела. В результате кратковременной англо-иранской войны 1856—1857 гг. шах Наср эд-Дин был вынужден отозвать свои войска из Герата. Но союзный договор с Дост Мухаммедом оставался полезным для англичан и продолжал действовать.

В 1863 г., за несколько дней до своей смерти, Дост Мухаммед подчинил Герат и таким образом объединил под своей властью не только афганские Кандагар и Кабул, но и Герат с его преобладающим таджикским населением.

Междоусобная борьба в Афганистане. Завоевание левобережья Амударьи

После смерти Дост Мухаммеда на афганский престол вступил его сын Шер Али-хан. Однако его право на власть стали

оспаривать другие сыновья покойного эмира. Довольно скоро сложились две основные соперничающие феодальные группировки. Одна из них возглавлялась собственно эмиром Шер Али и представляла интересы помещиков коренных афганских областей. Другая поддерживала притязания его старшего брата Афзаль-хана и была связана с крупными афганскими землевладельцами и чиновниками новозавоеванных земель левобережья Амударьи. Эта междоусобная война разоряла страну и затянулась на шесть лет из-за вмешательства англичан, попеременно оказывающих помощь деньгами и оружием обеим сторонам.

Когда же Шер Али окончательно расправился со своими врагами (1868 г.), англичане стали подстрекать к восстанию против эмира его сына Якуб-хана. В конце концов эмир после очередного бунта заточил Якуб-хана в кабульском замке Бала-Хиссар.

Правление Шер Али было жестоким. При нем численность войск достигала 40 батальонов пехоты и 16 полков регулярной кавалерии. На оплату войск и чиновников тратилась большая часть государственного бюджета, но все-таки средств не хватало. Кроме того, командный состав расхищал деньги, отпущенные на содержание войска. Полуголодные, плохо экипированные солдаты были вынуждены искать дополнительный заработок, занимались ремеслом, мелкой торговлей, а то и мародерствовали.

Такое войско еще годилось для подавления феодальных мятежей и крестьянских восстаний внутри страны, но, конечно, было гораздо слабее англо-индийской армии, которая снова угрожала независимости Афганистана.

Шер Али возобновил политику завоеваний за Гиндукушем и подчинил своей власти часть Меймене, Балх, Ахчу и некоторые другие узбекские ханства. В 1869 г. подчинился и Кундуз. В том же году афганцы начали наступление на Бадахшан и после упорного сопротивления местного населения завоевали его в 1873 г. В 1874 г. началось окончательное завоевание ханства Меймене, через которое проходил торговый путь из Бухары в Герат. После шестимесячной осады Меймене был взят и разрушен. При этом афганцы вырезали 15 тысяч его защитников. Левобережье Амударьи стало афганской колонией.

Возрастание военной угрозы. Миссия Столетова

Все эти события вновь изменили региональную ситуацию. Россия, стремясь снизить накал англо-русских противоречий на Среднем Востоке, пошла на соглашение с Англией по вопросу о северной границе Афганистана. Таковой была признана р. Амударья, и одновременно русское правительство дало англичанам официальное заверение, «что рассматривает Афганистан вне сферы русского влияния».

Обезопасив себя со стороны России, англичане перешли в наступление на Афганистан. Новая волна английской агрессии 1870—1880-х годов была связана с перерастанием британского капитализма в монополистическую стадию. Вместе с тем англичане пытались использовать войну в Афганистане для того, чтобы разрядить чрезвычайно напряженное положение, складывающееся для них в Индии.

С приходом в Англии к власти консервативного кабинета Дизраэли (1874 г.) начались непосредственные приготовления к войне с Афганистаном. В 1876 г. англичане добились у хана Келата права держать свои войска на Кветто-Пишинском нагорье, в непосредственной близости от афганского Кандагара. Построенная англичанами крепость Кветта стала базой предстоящего вторжения в Афганистан. Подчинив афганцев, они надеялись затем овладеть Средней Азией, отторгнув ее от России.

По указанию Дизраэли вице-король Индии Литтон обратился к Шер Али с требованием допустить в Афганистан британского резидента и поручить британским офицерам постройку и инспекцию укреплений и дорог на Афганской территории. Эмир отверг эти требования и стал готовиться к неизбежному военному столкновению. Но при этом Шер Али обложил население добавочным подушным налогом, что вызвало серьезное недовольство в стране. Боевые действия не начались в 1877 г. лишь потому, что разразившийся ближневосточный кризис англо-русских отношений отвлек внимание Великобритании. Но это смогло лишь на год отсрочить начало войны.

§ 8

Вторая англо-афганская война (1878—1880) и восшествие на престол Абдуррахмана

В ноябре 1878 г. английская армия тремя колоннами вторглась в Афганистан. Мужественное сопротивление регулярных войск эмира Шер Али было сломлено превосходящими силами англичан. Они заняли Кандагар, Желалабад и приближались к афганской столице.

Шер Али передал власть своему сыну Якуб-хану и отправился на север в Мазар-и-Шериф, где тяжело заболел. Тем не менее, он еще надеялся на русскую помощь, на обещания посетившего Афганистан в августе 1878 г. посольства генерала Столетова и хотел поехать в Петербург к царю. Но царский министр иностранных дел не дал согласия на эту поездку. В феврале 1879 г. Шер Али скончался.

Эмир Якуб-хан, сын и преемник Шер Али, недаром считался другом англичан и еще до вступления на престол пользовался их покровительством. Весной 1879 г. он прекратил сопротивление и заключил в местечке Гандамак кабальный мир с уполномоченным английской колониальной администрации майором Каваньяри. Так окончился первый этап англо-афганской войны.

По условиям Гандамакского договора Афганистан становился вассальным, зависимым от англичан государством. Внешняя политика страны попадала под полный контроль английской колониальной администрации. К английским владениям отходила часть афганской территории с тремя важнейшими горными проходами (Хайбар, Гомал и Болан), соединявшими Индию и Афганистан. Афганскому эмиру назначалась ежегодная субсидия в размере 600 тысяч рупий. Для контроля над деятельностью эмира и расходованием субсидии в Кабул назначался английский резидент со своей

вооруженной охраной. Проведенная англичанами телеграфная линия связала афганскую столицу с Индией.

Первым английским резидентом был назначен автор Гандамакского договора Каваньяри. Он контролировал все дела государства, назначал и смещал чиновников по своему усмотрению, сажал под арест офицеров и солдат кабульского гарнизона. 3 сентября 1879 г. от Каваньяри в адрес вице-короля Индии поступила последняя телеграмма с лаконичным сообщением: «Все в порядке». Затем телеграфная связь с Кабулом оборвалась. Причиной тому было народное восстание, вспыхнувшее в Афганистане.

Солдаты и горожане осадили английское представительство, размещавшееся в крепости Бала-Хиссар, и перебили всех англичан. К столице отовсюду подходили ополчения племен и восставшее земледельческое население (в большинстве своем таджикское). Среди повстанческих вождей руководящее место занимали афганец Нур Мухаммед Джин и таджик Мир Бача.

Повстанцы требовали от эмира Якуб-хана объявления «священной войны» (джихада). Из крупных афганских городов в руках англичан оставался один Кандагар. Их командованию, которое после заключения Гандамакского мира отвело свои главные силы в Индию, пришлось готовить новое вторжение в Афганистан.

Завершение англо-афганской войны. Распространение власти Абдурахмана на весь Афганистан

11 сентября 1879 г. к Кабулу подошла первая военная часть под командованием генерала Робертса. Еще до того, как он достиг столицы, в его лагерь явился эмир Якуб-хан и попросил английской защиты и покровительства. Эмир отдал приказ гарнизону Кабула сложить оружие, но солдаты отказались его выполнять. Англичанам Якуб-хан тоже не был нужен, они переправили его в Индию.

После упорных боев Робертсу удалось взять Кабул, после чего в городе началась резня. Робертс приказал не считать афганцев воюющей стороной и казнить всех пленных. Однако свирепый террор лишь вызвал еще более ожесточенное

сопротивление. В декабре 1979 г. 60-тысячное войско повстанцев прорвалось в столицу и осадило англичан в расположенном в ее предместьях укрепленном лагере Шерпуре, а также в нескольких укрепленных городах, которые они удерживали. В Герате повстанческие действия возглавлял Аюб-хан, второй сын эмира Шер Али.

Афганская война стоила англичанам крупных потерь, но любые успехи оказывались кратковременными. Колониальные власти, отдавая себе отчет в необходимости эвакуации экспедиционного корпуса, попытались осуществить новый план, который сводился к расчленению Афганистана на ряд мелких и бессильных эмиратов, зависимых от Великобритании. «Мы уйдем, — писал в 1880 г. вице-король Индии Литтон, — после того, как страна будет предоставлена небольшим, отдельным местным правительствам, подчиненным нашей власти; уйдем после того, как Кабул перестанет быть столицей Афганистана, и его население будет разоружено, а укрепления разрушены». Что касается Герата, то его предполагалось передать Ирану, но лишь формально, с тем, чтобы фактически он стал подвластен Англии.

Однако и этот план осуществить не удалось. Основным препятствием по-прежнему являлось успешное сопротивление афганского народа, а также противодействие России. Российская империя была заинтересована в том, чтобы на протяженной и слабоохраняемой среднеазиатской границе иметь соседом Афганистан, а не своих колониальных соперников англичан. Превращение Афганистана в английскую колонию и плацдарм для новых завоеваний Англии представляло серьезную угрозу среднеазиатским владениям России.

В 1880 г. русская дипломатия сорвала заключение подготовленного англичанами договора о передаче Герата Ирану. В начале того же 1880 г. в северном Афганистане появился мятежный племянник покойного эмира Шер Али Абдуррахман-хан. Еще в 1869 г. он был одним из вождей междинастической борьбы на стороне противников Шер Али-хана, затем бежал из Афганистана в Среднюю Азию, где в качестве почетного пленника получал содержание (25 тысяч рублей в год) от русского правительства. Теперь при тайном содействии русских властей Абдуррахман «сбежал» в Афганистан. Снабдив беглеца оружием и деньгами, русские власти (в частности, генерал-губернатор Туркестана Кауфман) рассчитывали

на то, что если Абдуррахман сумеет утвердиться на афганском троне, то они приобретут в его лице дружественного соседа.

В Афганистане Абдуррахману пришлось встретить множество опасностей, которые он сумел преодолеть, благодаря своей энергии и изобретательности. Под его знамена собирались войска, которые часто переходили к нему от его соперников, а в марте 1880 г. он уже овладел Тальканом и Кундузом. Вскоре его власть была признана во всем Афганистане. Его войско росло, чему немало способствовали призывы к «священной войне» за освобождение от «неверных». Но при этом он вел осторожную и выжидательную политику; старался избегать открытых столкновений и даже вступал в переговоры, рассчитывая использовать англичан для утверждения на престоле.

Весной 1880 г. английское командование больше всего опасалось наступления на Кабул армии Абдуррахмана с севера и газнийского ополчения правителя Герата Аюб-хана с юга. Соглашение с Абдуррахманом стало казаться наименьшим из зол: англичанам надо было заканчивать тяжелую, затянувшуюся и явно неудачную войну. Весной 1880 г. англичане признали Абдуррахмана эмиром, передали ему столицу, крупные денежные средства и запасы оружия, назначили субсидию в размере 1800 тысяч рупий в год.

Новый эмир обязался соблюдать важнейшие условия Гандамакского договора. Правда, по настоянию Абдуррахмана англичане отказались от назначения резидента в Кабул, но вместе с тем эмир пока не протестовал против сохранения английского гарнизона в Кандагаре. Таким образом, к лету 1880 г. Афганистан был раздроблен на три части Абдуррахман-хан правил в Кабуле и на севере страны. Аюб-хан сохранял под своей властью Герат. Англичане занимали Кандагар и его область. Такое расчленение Афганистана было в интересах англичан. Они надеялись втравить Аюба и Абдуррахмана в междоусобную войну, чтобы затем Герат и Кабул разделили участь Кандагара.

Аюб-хан не признал Абдуррахмана эмиром и продолжал борьбу против англичан. Летом 1880 г. его войска разгромили бригаду регулярных английских войск под Майвандом, неподалеку от Кандагара, а затем осадили этот город. В английских сообщениях этого времени разгром бригады характеризовался

не иначе как «катастрофа в Южном Афганистане». Сформированные англичанами афганские войска полностью перешли на сторону Аюба. Тогда против Аюба была переброшена из Кабула армия генерала Робертса, освободившаяся после заключения мира с Абдуррахманом. Несмотря на неблагоприятное соотношение сил, афганцы не уклонились от боя. Они сражались с большим мужеством, однако потерпели поражение и отступили. Сохранив большую часть живой силы, Аюб-хан привел свои полки в Герат.

Попытки англичан утвердить свою власть над Кандагаром закончились неудачей. В апреле 1881 г., убедившись в непрочности положения оккупационных войск, англичане вывели их из этого города и передали его Абдуррахману.

К середине 1881 г. все находившиеся в Афганистане войска англичан были выведены в Индию. Вторая англо-афганская война закончилась. Английские власти должны были признать, что все их усилия, направленные на превращение Афганистана в колонию, к цели не привели. Только соглашение с Абдуррахманом дало им возможность более или менее сохранить лицо. Впрочем, завершая урегулирование своих отношений с Абдуррахманом, англичане оказались вынуждены пойти на некоторые уступки, в частности они отказались от контрибуции, наложенной на Кабул за убийство резидента. От англичан эмир получил то, в чем он более всего нуждался для укрепления своей власти в борьбе с Аюб-ханом — деньги и оружие.

В июне 1881 г. Аюб-хан предъявил притязания на афганский престол и появился со своим войском в Кандагарской области. В июле он разбил посланные против него правительственные войска и занял Кандагар. Население Кандагара приветствовало его как прославленного борца против англичан. Богословы провозгласили Аюб-хана «гази», а Абдуррахмана обвинили за дружественные отношения с англичанами, призывая к священной войне против него.

Абдуррахман действовал со свойственной ему энергией, быстро собрал наличные силы и выступил на Кандагар. Решающее сражение, произошедшее у стен этого города, было очень упорным. В итоге войско Аюба было разбито. Бросив пушки и снаряжение, Аюб-хан с остатками войска бежал в Герат. А вслед затем под нажимом сердаров эмира вынужден был сдать и этот последний свой оплот, после чего эмигрировал в Иран.

Распространив свою власть на Герат и область, Абдуррахман в основном завершил объединение Афганистана в нынешних его границах. В своей внешней политике он стремился обеспечить самостоятельность государства, в том числе используя англо-русские противоречия, и с самого начала своего правления показал себя осторожным и предусмотрительным дипломатом. Он старался избегать поводов для конфликтов с Россией из-за среднеазиатских территорий, что видно, в частности, по его переписке со среднеазиатскими ханами, в которой он постоянно отказывал им в помощи против русских.

Обстановка в Афганистане после войны

Войны 1838—1842 и 1878—1880 гг., хотя в целом и победоносные, стоили Афганистану больших жертв и сопровождались значительным разрушением производительных сил; их последствия для бедной и малонаселенной страны были очень тяжелы. Сильно пострадали города (особенно Кабул), ремесла и торговля, важнейшие земледельческие оазисы.

К 1878 г. еще не все последствия первой войны были изжиты, а, чтобы залечить раны и восстановить разрушения, причиненные второй англо-афганской войной, опять требовались долгие годы. Между тем дальнейшее историческое развитие Афганистана проходило в чрезвычайно трудных условиях. Оно сковывалось политическим и экономическим гнетом британского колониализма, удерживавшего Афганистан в состоянии изоляции от внешнего мира.

Из Англии и колониальной Индии в Афганистан ввозились дешевые фабричные изделия, причем афганское сырье закупалось на значительно меньшие суммы. В связи с этим торговый баланс с Британией, Индией в годы правления Абдуррахмана был почти все время пассивным для Афганистана. Рост торговли Британской Индии с Афганистаном был ограничен таможенной политикой Абдуррахмана, значительно увеличившей пошлины. Но проводившиеся эмиром защитные тарифные мероприятия не могли существенным образом изменить неблагоприятный для хозяйства Афганистана характер внешней торговли, хотя покровительство национальным ремеслам и торговле давало известные результаты.

Русско-афганская торговля также имела колониальный характер, хотя и была для Афганистана относительно более выгодной, благодаря активному балансу. Однако принятые

Абдуррахманом в связи с политическими трениями в середине 1890-х годов ограничения в торговле с Россией вызвали задержку в росте товарооборота в последние годы XIX в.

Несомненно, что в Афганистане, как и в других странах феодального Востока, ввоз готовых промышленных изделий пагубно отражался на состоянии многих отраслей местного ремесленного производства и являлся одной из причин, препятствовавших развитию своей промышленности. Стремясь удержать Афганистан в положении зависимой страны и не допустить усиления влияния на него других держав, английский империализм всячески препятствовал хозяйственным и культурным связям афганцев с другими народами и государствами.

С другой стороны, и сам эмир придерживался навязанной Афганистану политики изоляции от внешнего мира. При этом, вероятно, им руководило не только желание охранять «запретную страну» от враждебных внешних сил, но и опасение проникновения в его феодальное государство свежих сил и веяний, которые могли бы поколебать его деспотический режим. Нет оснований думать, что Абдуррахман считал себя во всех отношениях связанным по рукам и ногам обязательством не иметь дипломатических связей с другими государствами, кроме как через правительство Британской Индии. Это обязательство и юридически не распространялось на торговлю. Абдуррахман мог, если бы хотел, разрешать въезд частным лицам по торговым делам. Об этом свидетельствуют факты посещения Афганистана в 1889 и 1890 гг. группой русских купцов, побывавших в «запретной стране» несколько раз.

Европейцам доступ в Афганистан был строго запрещен именно самим эмиром. Исключение составляли несколько английских специалистов (оружейников, инженеров, врачей), находившихся у него на службе. Однако, приглашая необходимых ему специалистов, он не отступал от своего принципа держать страну на замке, сводя число приглашенных к минимуму.

Подданным эмира грозила смертная казнь за выезд за пределы Афганистана без специального пропуска. В случае невозвращения из заграничной поездки, родственников эмигранта сажали в тюрьму, а одного из них, считавшегося заложником, казнили. Внутри страны Абдуррахман также стремился контролировать передвижение своих подданных.

Эмир запретил своим подданным пользоваться железной дорогой, проложенной англичанами от Кветты к афганской границе, и категорически воспротивился британским планам постройки железной дороги в самом Афганистане. Пребывавший в Кабуле для связи между эмиром и вице-королем Индии политический агент из индийских мусульман находился под неусыпным наблюдением афганской полиции. Своих подданных, замеченных в знакомстве с этим агентом, Абдуррахман немедленно сажал в тюрьму.

Внутренняя политика Абдуррахмана

Политика изоляции, которую проводил Абдуррахман, была в значительной степени вызвана опасением усиления британского влияния внутри страны. И эти опасения имели основания. Англичане неоднократно подстрекали к восстанию против эмира недовольных ханов, которых в Афганистане было немало. Стремясь политически объединить Афганистан и укрепить центральную власть, Абдуррахман с самого начала своего царствования повел борьбу с феодальным сепаратизмом.

В первые годы его правления феодальные заговоры и мятежи создавали весьма напряженную обстановку. На случай бегства при неожиданном нападении эмир постоянно держал оседланного коня и мешок золота.

В конце концов, он сумел сломить многих крупнейших феодалов, создал административно-полицейский аппарат, обеспечивший более регулярное поступление налогов в казну, и организовал систему тайной осведомительной службы. Стремясь подчинить своему контролю мулл, эмир назначил им постоянное денежное содержание.

Самыми суровыми методами Абдуррахман добился безопасности на караванных путях, предавая пойманных разбойников мучительной казни. Вообще наказания преступивших закон и ослушников его воли, отличались исключительной жестокостью. пытки и массовые казни применялись и должностными лицами эмира с целью навести ужас на непокорных.

Эмир пытался ввести единую для всего Афганистана монетную систему и унифицировать меры веса и длины. Единцей монетной системы была объявлена рупия, составлявшая десять «шахи». Через несколько лет после восшествия на

престол Абдурахман построил монетный двор, на котором машинным способом чеканились серебряные и медные деньги. Наряду с обеспечением безопасности торговли эти мероприятия были выгодны для купечества и для связанных с торговлей феодалов.

В целом же внутренняя политика Абдурахмана, направленная на укрепление эмирской власти, отражала, прежде всего, интересы той части феодалов, которая (в отличие от ханов племен, опирающихся на силу отрядов своих племен) нуждалась в крепком централизованном государстве с аппаратом насилия и принуждения для обеспечения господства над эксплуатируемым крестьянством. К этой части феодалов относились преимущественно военачальники, придворные, чиновники и т. п., владевшие землями, пожалованными афганскими государями им или их предкам за службу.

Все неафганское и большая часть афганского крестьянства являлись податным сословием, облагались государственным поземельным налогом, взимавшимся преимущественно натурой, а сверх того они платили налог со скота и другие сборы. Наиболее тяжелым было положение неафганского крестьянства покоренных эмирскими войсками областей Амударьи, Хазараджата и др.

Многие афганские племена, особенно кочевые и полукочевые, сохраняли разного рода привилегии и были освобождены, полностью или частично, от уплаты государственных податей.

Эмир не смог окончательно подорвать авторитет и влияние аристократий афганских племен и они оставались носителями настроений сепаратизма. Правитель в ряде случаев должен был считаться с их экономическими и политическими интересами (оставлял в их руках сбор налогов и т. п.), что серьезно ограничивало значение проведенных им централизованных мероприятий.

Из этого вовсе не следует, что Абдурахман боялся трогать афганские племена и их ханов. Отдавая себе полный отчет не только в силе своей власти, но и в значении дурранийских и других племен в стране, он прибегал к грубому и насильственному принуждению при проведении мероприятий, имеющих важное государственное значение.

Так в 1885—1886 гг., вскоре после установления границы с Россией на северо-западных окраинах, эмир решил усилить

пограничные районы путем переселения в них племен дуррани из Кандагарской области. Для этого он обратился к племенам с воззванием, где объяснял необходимость этой меры и обещал от государства помощь: волов, семян, денежных субсидий. Воззвание это, однако, не оказало желаемого действия, и тогда Таджу-хану из племени исхакзаев было приказано конвоировать кочевников из племени дуррани в назначенные места. Таджу-хану удалось собрать 1363 семейства и направить их в Герат. Однако вскоре они подняли восстание и повернули обратно. Лишь после приказа Абдуррахмана схватить и наказать зачинщиков власти сумели возвратить ушедших и расселить их в Багисе.

В положении афганских племен при Абдуррахмане произошли некоторые существенные изменения. Одним из показателей этих изменений, затронувших быт афганских племен, было падение роли кочевников-торговцев «повинда» в транзите товаров, которая была подорвана из-за постройки англичанами железных дорог к Хайбарскому и Боланскому горным проходам.

В это время в Афганистане в торговлю втягивалась часть афганских феодалов с самим эмиром во главе, для этих феодалов открывался новый источник обогащения. Абдуррахман монополизировал торговлю многими важнейшими экспортными и импортными товарами. Значительная часть внешнеторгового оборота страны оказалась в его руках, что существенно увеличило доходы казны (монополия на торговлю каракулем через Россию и т. д.).

Торговлю товарами, объявленными эмирской монополией, Абдуррахман осуществлял через своих агентов или через лиц, получавших соответственные права от этих агентов. Коммерческая деятельность Абдуррахмана не ограничивалась оптовыми операциями, он имел свои собственные лавки на кабульском базаре. В торговых делах участвовали члены семьи эмира, а также его придворные, часто действовавшие через подставных лиц.

Выступая, как крупнейший купец в государстве, Абдуррахман проводил ряд мероприятий с целью поощрить участие афганского купечества во внешней торговле и ограничить преобладание в ней иностранцев. Излагая свои взгляды на хозяйство, Абдуррахман говорил, что раньше торговля была невелика и находилась в руках индусов и индийских мусульман,

вследствие чего «страна только беднела, потому что все барыши чужестранные торговцы отсылали к себе домой. Я же поощрил моих подданных взяться самим за торговлю, — отмечал эмир в своих мемуарах, — и для этой цели ссудил им деньги из казначейства, не налагая никаких процентов на капитал».

Политика Абдурахмана способствовала некоторому увеличению роли афганского купечества в торговле страны. В конце XIX в. в источниках чаще начинают встречаться упоминания о деятельности афганских купцов в Герате. Русский дипломат Артамонов указывал в своем отчете, что «в Гератской провинции баракзай встречаются по преимуществу как чиновники, офицеры и торговцы»; далее отмечал, что «среди этих афганцев было много оптовых купцов». В целом, хотя к концу правления Абдурахмана удельный вес афганского национального купеческого капитала по сравнению с общим объемом операций иностранных купцов и компрадоров и оставался небольшим, значение национального капитала было уже таково, что вопрос о конкуренции с иностранными торговцами вырос из экономического в политический.

Однако афганская торговая буржуазия не играла при Абдурахмане самостоятельной политической роли в стране, и представители ее не допускались к государственному управлению. Центральное управление осуществлялось через созданные Абдурахманом министерства: финансов, торговли, юстиции, общественных работ, полиции, государственной канцелярии и почты. Кроме того, имелись особые ведомства по делам образования и медицины.

Выступая в качестве главы ислама и верховного руководителя в делах веры не только мусульман Афганистана, но и Индии, эмир стремился сосредоточить в своих руках всю власть в государстве. Высшими должностными лицами на местах были эмирские наместники. В их обязанности входили сбор налогов и общее управление провинцией. Наместники были также военачальниками, в руках которых находилось командование войсками и гарнизонами их провинций. Были еще несколько должностных лиц формально подчиненных наместнику, среди которых большим влиянием пользовался начальник полиции провинции. В силу особого положения при Абдурахмане начальник полиции пользовался большой фактической властью над местным населением.

Внешняя политика Абдурахмана

В своей внешней политике Абдурахман умело использовал англо-русские противоречия в этом регионе. В своих мемуарах Абдурахман сравнивал свою страну с лебедем, плавающим в пруду, по берегам которого носятся, пытаясь цапнуть его, две собаки: рыжая — англичане (по ассоциации с их красными мундирами) и белая — русские (белый царь и т. д.).

Отвлекая внимание Абдурахмана от борьбы за пограничные с Индией области, населенные афганцами, и рассчитывая использовать Афганистан в случае войны с царской Россией, англичане побуждали эмира к расширению его владений на севере. Они поставляли ему оружие и снаряжение, помогли построить арсенал в Кабуле, увеличили денежную субсидию. Принимая эту помощь, эмир усилил армию. При дипломатической поддержке Англии он расширял путем завоевательных походов границы государства на севере, завершая покорение узбекских и таджикских ханств левобережья Амударьи и Припамирья. Однако эмир стремился блюсти собственные интересы и, хотя в ряде случаев шел на ухудшение отношений с Россией, отнюдь не собирался воевать с ней ради выгод Англии.

В 1880-х годах резко обострились противоречия между Россией и Англией. Значительное влияние на складывавшуюся на Среднем Востоке ситуацию и на соотношение сил соперничающих колониальных держав оказывали два фактора: внутреннее положение в Индии и вновь воссозданное единое афганское государство.

В январе 1881 г. царские войска взяли туркменскую крепость Геок-Тепе и овладели Текинским оазисом. Следующим этапом продвижения России в Средней Азии должен был быть поход на Мерв. Однако его не последовало из-за дипломатического противодействия англичан.

В сложившейся обстановке у населения сравнительно небольшого Мервского оазиса не было реальных перспектив на сохранение самостоятельности. Среди туркменской знати Мерва возникло несколько группировок русской, английской и даже афганской ориентации.

К концу 1883 г. в Мерве получили преобладание прорусские настроения, отражавшие желания большинства жителей оазиса, и к марту 1884 г. было введено русское управление. Встревоженное этим английское правительство пыталось

воспрепятствовать продвижению царских войск далее на юг — к Иолатану и Пендинскому оазису. Эти районы были тесно связаны с Мервом, население их зависело от него и ввозило оттуда хлеб. Этими причинами были вызваны просьбы туркменов Иолатана принять их в русское подданство. Это произошло в апреле 1884 г., и встал вопрос о присоединении к России Пендинского оазиса в целом.

Границы России подошли теперь вплотную к пределам владений афганского эмира. Этот участок от Амударьи до территории Ирана был населен туркменскими племенами. На этой территории не существовало твердо установленных пограничных рубежей, что создавало почву для возникновения русско-афганских конфликтов. Такую ситуацию использовали английские эмиссары, прибывшие в Герат для участия в работе англо-русской комиссии (май 1884). Задачей комиссии было установление русско-афганской границы, и английская сторона немало потрудились над тем, чтобы ухудшить афгано-русские отношения, разжигая пограничные споры.

Одним из спорных районов на русско-афганской границе был Пендинский оазис. В этот оазис был послан афганский отряд под командованием Тимур-шаха, со своей стороны русские установили там пост иолотанских туркмен, усиленный отрядом полковника Алиханова, который получил приказ занять мост под названием Таш-Кепри (каменный мост). Полученное Алихановым от английских представителей письмо с угрозой разрыва дипломатических отношений не остановило продвижение русских войск. В долину Мургаба через опорный мост были направлены две колонны из Ашхабада и Самарканда. В марте они соединились в Мургабский отряд, которым командовал генерал Комаров.

30 марта между русским и афганским отрядами началось вооруженное столкновение у моста Таш-Кепри. Афганцы сражались храбро, но не могли устоять перед лучше вооруженным отрядом Комарова, значительно превосходившим их в артиллерии. Афганцы понесли значительные потери и отступили. Русские их не преследовали. А находившийся там же английский отряд разграничительной комиссии, по свидетельству официальной афганской истории, «отойдя в сторону от поля боя, оставался безучастным зрителем».

События эти, как признают сами английские историки, нанесли тяжелый ущерб престижу британцев среди местного населения, а особенно среди афганцев, не прощающих малодушия.

Абдуррахман был возмущен провокационной ролью английских представителей в пограничной комиссии. В дальнейшем эмир и его чиновники очень настороженно относились к участию англичан в разборе даже самых незначительных инцидентов, возникавших на афганско-русской границе.

В результате кризиса англо-русских отношений в 1885 г. возникла серьезная угроза войны между Англией и Россией. Однако английское правительство по многим причинам опасалось войны с Россией на Среднем Востоке. В случае начала военных действий в Афганистане и Средней Азии Англия рисковала, остаться один на один в борьбе с Россией. При этом британские генералы не обольщались надеждами на прочность своего тыла в Индии. А положение в Афганистане отнюдь не давало британским генералам и дипломатам уверенности в том, в какую сторону будут стрелять ружья афганских воинов.

Правительство царской России тоже не стремилось воевать с Англией и пошло на разрешение кризиса путем дипломатических переговоров. Оно отвело войска из некоторых занятых русскими войсками пограничных пунктов, но удержало за собой Пендинский оазис, заявив о включении его в состав Российской империи.

Дальнейшие попытки англичан разжечь конфликт Афганистана с Россией из-за оазиса окончились неудачей. Абдуррахман был осторожным политиком и не проявлял склонности таскать каштаны из огня для Англии. В официальных переговорах с вице-королем Индии Абдуррахман твердо отстаивал свое намерение пойти на уступку России в вопросе о Пендинском оазисе, чтобы избежать войны.

Во время дальнейшей работы английских и русских уполномоченных, завершившейся в 1887 г. соглашением «**Афганское разграничение**», эмир держался очень осторожно. Разгадывая маневры английских арбитров, он неоднократно предписывал своим должностным лицам делать от его имени заявления, способствующие установлению добрососедских отношений с Россией. «Но вы, — предписывал Абдуррахман, — придерживайтесь такого обхождения и поведения с русскими, чтобы они видели, что... мы не таим помыслов вступить на путь вражды с ними, и не хотим начать воевать в противность обычаям и законам соседства».

Далее важнейшим этапом во внешней политике эмира, явилась борьба его с англичанами за полосу независимых племен.

§ 10

Борьба Абдуррахмана с англичанами за «полосу независимых племен»

Хотя в 1890-х годах имели место пограничные трения с царской Россией по Памирскому вопросу (их отрегулировали только в 1895 г.), после конфликта 1885 г. Абдуррахман перенес основное направление своей политики на пограничные с Индией области, населенные афганскими племенами. Он рассчитывал добиться присоединения к своим владениям населенные афганскими племенами «полосы независимых племен». Во владениях Абдуррахмана проживало лишь около половины афганского народа, остальная его часть населяла захваченные англичанами в 1849 г. области правобережья Инда и разделявшую Афганистан и Индостан «полосу независимых племен». На этой территории жили воинственные афганские горцы, не желавшие подчиняться ни британским колониальным властям, ни государям Афганистана.

В 80-х годах XIX в. английские власти под предлогом защиты от угрозы русского нападения на Индию продолжали вести агрессивную политику в землях афганских племен северо-западной пограничной полосы Индии. При этом одним из приемов британских колонизаторов было признание вначале независимости отдельных афганских племен для противопоставления их правителю Афганистана, далее они требовали, чтобы племена отказались от всяких связей с эмиром Кабула. Следующим шагом обычно было навязывание этим племенам английской опеки при помощи карательных экспедиций или иным путем, а последним этапом их подчинения была аннексия территорий. Английское наступление велось с целью добиться присоединения к Британской Индии всей «полосы независимых племен», а затем использовать ее как военный плацдарм для дальнейшего наступления на Афганистан и Среднюю Азию.

В 1883 г. англичане окончательно захватили Кветту, в 1887 г. — Пишин и Сиби; в 1889 г. было официально объявлено об установлении верховной власти британского правительства над Зхобом, а в 1890 г. — об «открытии» Гомальского прохода, который контролировался англо-индийскими войсками.

Опираясь с одной стороны на подвластную им Пешаварскую область, а с другой — на находившийся с 1878 г. в вассальной от них зависимости Читрал, англичане повели на северном участке границы борьбу с афганским эмиром за влияние в Дире, Свате и Баджауре. Южнее борьба шла за территорию племени тури. Захват англичанами важных территорий на афганско-индийской границе и сооружение стратегических дорог и железнодорожных путей, соединявших Панджаб с индийской административной границей, создали новую угрозу независимости Афганского государства.

Оказывая в течение десятилетий упорное вооруженное сопротивление английской агрессии, пограничные племена видели в афганском государстве своего защитника и искали помощи у эмира. Абдурахман уже в конце 1880-х годов заключил ряд договоров с маликами отдельных афганских племен.

На севере пограничной полосы Афганистана с Индией наряду с племенами, сохранившими общинно-родовое самоуправление, имелось несколько афганских ханств — это возникшие в конце XVIII в. княжество Дир (в это время правителем его стал Мухаммед Шариф-хан), несколько более мелких наследственных феодальных владений в Баджауре и др.

В землях племен, непосредственно примыкавших к границе афганского государства, эмир развил энергичную деятельность. В качестве религиозного главы всех афганцев эмир призывал к национальному объединению, к священной войне с иноземными завоевателями. При этом Абдурахман старался избегать столкновений, которые могли бы перерасти в опасную войну с Британской империей. Афганский эмир засылал в пограничные земли своих агентов, которые выступали посредниками между ним и джиргами независимых афганских племен.

Среди английских властей деятельность афганского эмира в пограничной полосе вызывали сильное раздражение. Генерал Робертс упрекал Абдурахмана за то, что тот совершенно забыл, сколь многим обязан он англичанам, напоминал, что

без их поддержки деньгами и военным снаряжением эмир не выиграл бы борьбы за кабульский трон.

В начале 1890-х годов борьба между афганским эмиром и британскими колониялистами за полосу независимых племен достигла высшей остроты. Несмотря на противодействие Абдурахмана, англичане в 1891 г. заняли долину Курама, подчинили племя *тури* и завоевали большую часть территории *оракзаев*. Из крупных племен на центральном участке «полосы независимых племен» непокоренными оставались *вазиры*, в районе Хайбарского прохода — *афридии*, а на севере *юсуфзаи* Дира, Бунера и почти всего Свата.

Выступая как представитель феодально-монархического национализма, Абдурахман облекал национальные идеи в религиозную форму. В Кабуле был издан его трактат «Таквим ад-Дин» («Укрепление веры»). В этом трактате и многочисленных воззваниях эмир проповедовал *учение о джихаде*. Ему удалось установить крепкие связи с духовными лицами пограничных афганских племен и заручиться их поддержкой.

Англичане были серьезно озабочены известиями о договорах, заключенных афганским эмиром с соседними племенами, и предпринимали официальные дипломатические шаги, стараясь добиться его согласия на демаркацию индо-афганской границы. Но Абдурахман отказывался от приглашения поехать в Индию для переговоров и отказывался принять в Кабуле английскую миссию.

К моменту наибольшего обострения борьбы с британскими колонизаторами афганский эмир, отказавшись от своей обычной осторожности, в своих посланиях к афганским племенам на границе выступил с весьма решительным заявлением. В середине 1892 г. он утверждал, что нарушения англичанами границы не принесут им никакой пользы, и заверял, что афганское государство «не уступит ни пяди своей земли».

Однако именно в конце 1892 г. и в начале 1893 г. в политике относительно пограничной полосы Абдурахман столкнулся с большими трудностями. Попытки эмира облагать налогами признавшие его власть племена горцев возбуждала среди них резкое недовольство, выливавшееся в открытые восстания. Абдурахман посылал против повстанцев свои войска. Используя слабые стороны пограничной политики

Абдуррахмана, англичане засылали к недовольным своим агентов, подстрекая горцев к восстаниям против афганских властей. При этом агенты обещали афганским горцам избавления от уплаты налогов в случае, если они подчинятся британским властям.

«Линия Дюранда» и афганские племена

В 1893 г. английское правительство потребовало, чтобы эмир отказался от борьбы за «полосу независимых племен». Генерал Робертс получил приказ отправиться в Кабул с конвоем в составе целой дивизии английских войск для вручения эмиру ультиматума. Абдуррахман готовил войска для отпора. Возникла непосредственная угроза войны.

Опасаясь в случае войны с Афганистаном противодействия России, а также учитывая силу противодействия афганских племен пограничной полосы, британское правительство предпочло немедленному началу войны более осторожные действия. В Кабул было направлено посольство во главе с Дюрандом. Под сильным военным и дипломатическим нажимом Англии эмир вынужден был подписать текст составленного Дюрандом соглашения, признав переход большей части территории независимых племен к Британской Индии. Этим соглашением предусматривался также обмен подвластных афганскому эмиру территорий на северном берегу р. Амударьи на земли бухарского эмирата, расположенного на южном ее берегу, и присоединение к Афганистану узкой территории Вахана, образовавшего буфер между английскими владениями в Индии и русскими владениями на Памире.

13 ноября 1893 г. на дурбаре в Кабуле, состоявшемся в связи с заключением «договора Дюранда», главам пограничных племен были вручены экземпляры, которые они должны были подписать и приложить свои печати. Но подписание договора вовсе еще не означало действительного подчинения свободлюбивых горцев. Первые же попытки англичан продвинуться на их территорию вызвали вооруженный отпор. В этих восстаниях в той или иной мере принимали участие все крупнейшие афганские племена пограничной полосы.

Наиболее решительное сопротивление англичане ожидали встретить в Вазиристане и потому в качестве предварительной

меры решили создать военный пост в Ване, местности, расположенной в юго-восточной части Вазиристана, к северу от Гомальского прохода. Для занятия этой местности было решено выделить целую бригаду англо-индийских войск. Вазиры, в свою очередь, готовились оказать военное сопротивление англичанам, рассматривая соглашение с Дюрандом, как вынужденную, временную уступку. Среди афганских горцев не прекращалась деятельность агентов эмира, через которых местные духовные руководители и вожди племен по-прежнему обращались за указаниями и помощью в Кабул.

Еще большее осложнение между англичанами и Абдуррахманом произошло при установлении границы в землях момандов. По соглашению, заключенному эмиром с Дюрандом, граница на этом участке не была определена и на карте, приложенной к соглашению, даже не была обозначена. На более подробных картах, изготовленных потом англичанами, почти все земли момандов были показаны входящими в английские владения. Абдуррахман считал это нарушением соглашения и заявил об этом в письме к вице-королю Индии. Англичане в ответ обратились к местному населению с воззванием, где заявляли о том, что вопрос о переходе вековых территорий момандов к Индии якобы уже согласован с эмиром. Абдуррахман был крайне возмущен этим и не исключал возможности военного конфликта. На момандской границе были сосредоточены регулярные афганские войска и произошли отдельные вооруженные столкновения с англичанами.

Главный представитель эмира и командующий его отрядов на границе Хайдар-хан показал себя умелым исполнителем воли эмира и последовательно отстаивал интересы Афганистана. Требуя включения в афганское государство всех момандов, он занял долину Мити и увеличил находящиеся под его командованием воинские силы за счет присоединения к регулярным войскам момандского ополчения. Несмотря на требования англичан, Хайдар-хан отказался вывести свои войска из долины Мити; действуя по инструкциям Абдуррахмана, он не соглашался ни на какие уступки в вопросе о границах и землях момандов. В конце 1894 г. переговоры афганцев с англичанами по этому поводу зашли в тупик.

Вскоре в связи с событиями в Читрале пограничные осложнения в землях момандов переросли в новый кризис англо-афганских отношений.

§ 11

Читральский конфликт и завоевание Кафристана. Афганистан накануне XX в.

Читральский конфликт

На пограничной территории между Афганистаном и Британской Индией существовало несколько мелких ханств, сумевших при поддержке англичан сохранить формальную независимость от афганских эмиров. Самым крупным была Джандола, где правил Умра-хан, ориентировавшийся на англичан. Но в 1892 г. английские колониальные власти отказались предоставить ему боеприпасы, которые он просил для подавления восстания жителей, завоеванных им земель, и для борьбы с войсками афганского эмира.

В 1893 г. по соглашению Абдуррахмана с Дюрандом Афганистану была передана территория Асмар, которую к тому времени захватил Умра-хан, но затем вынужден был оставить под натиском афганских войск Хайдар-хана. События 1892—1893 гг. привели к перемене ориентации Умра-хана, который стал склоняться на сторону афганского эмира. Абдуррахман признал его власть не только над Джандолом, но и над всем княжеством Дир, которое он захватил, изгнав правившего там Мухаммеда Шерифа. Умра-хан пытался распространить свою власть и на племена Свата, а в 1894 г. вторгся в Читрал, в завоевании которого был очень заинтересован Абдуррахман. Читрал в это время находился в вассальной зависимости от Кашмира, и в нем с 1893 г. постоянно находился британский резидент. 1 января 1895 г. правивший в Читрале Низам аль-Мульк был убит, и началась борьба между претендентами на престол.

Англичане поддержали соперников Умра-хана, он же, воспользовавшись смутой, занял южную часть княжества и заключил соглашение с афганским ставленником Шер Афзалем

и, видимо, также с Хайдар-ханом о военной поддержке. Имея в своем распоряжении 3—4 тыс. воинов, Умра-хан готовился к захвату всего Читрала, прикрываясь распространенными им самим слухами о том, что он начал священную войну против кафиров долины Башгол и якобы не имеет намерений продвигаться дальше на север. По сведениям английских современников, на помощь Умра-хану были посланы отряды регулярной афганской армии.

С помощью Умра-хана борьбу за читральский престол выиграл Шер Афзаль. Объявив себя правителем княжества, он предложил английскому генералу Робертсу немедленно покинуть территорию Читрала. Робертс отказался, после чего читральское ополчение и отряды Умра-хана осадили укрепление, занятое британскими войсками.

События в Читрале побудили англичан ускорить намеченные ими наступательные действия в северной части полосы независимых племен, чтобы опередить русских в захвате важных в стратегическом отношении районов на подступах к Памиру.

Стремясь во чтобы то ни стало не допустить укрепления власти Шер Афзала и Умра-хана над Читралом, англичане направили в это княжество значительные воинские силы под командованием генерала Лоу.

В результате английским колониальным властям удалось склонить на свою сторону феодальных вождей, маликов и джирги некоторых племен. Однако вопреки обещаниям маликов и ханов, вооруженные отряды афганских племен заняли все важнейшие перевалы, и англичанам пришлось прорываться с боем.

В конце концов, отрядам генерала Лоу удалось пробиться через Юсуфзайские земли и войти в Читрал. Несколькими днями ранее туда вступил другой английский отряд, следовавший другим путем. С завоеваниями Умра-хана было покончено, и надежды Абдурахмана на овладение Читралом рухнули. Шер Афзаль был убит, а Умра-хан нашел себе убежище в Кабуле.

Англичане, заинтересованные в овладении путем из Пешавара в Читрал через Дир, вернули трон Мухаммеду Шерифхану и заключили с ним соглашение. Хан Дира обязался держать открытым путь, построить необходимые почтовые сооружения, отремонтировать дорогу и т. д. За это англоиндийское правительство установило хану Дира ежегодную

субсидию в 10 тысяч рупий, предоставило ему 400 винтовок и обязалось не вмешиваться в управление страной. Хан Дира обещал в ответ не взимать пошлин с английских товаров на дороге в Читрал, признавал право англо-индийских властей посылать войска на важные перевалы. Таким образом, Дир превратился в одно из многочисленных вассальных княжеств Британской империи.

Во время читралских событий 1895 г. весьма затруднительное положение создалось для английской разграничительной комиссии, работавшей на северном участке полосы независимых племен. С этим было связано подписание в апреле 1895 г. главой комиссии соглашения с Хайдар-ханом. Согласно этому соглашению англичане временно отказывались от демаркации линии границы на отрезке между долинами рек Кунара и Пянджикары. Соглашением подтверждалась уступка Англией афганскому эмиру политических прав на Кафристан, вытекавшей из условий соглашения 1893 г. Абдуррахмана с Дюрандом.

Кафристан и его завоевание

Кафристаном называлась высокогорная область на южных склонах Гиндукуша, разделенная на несколько долин реками Башгул, Печдара и Рамгул, текущими с севера на юг. Общая площадь области расселения племен кафиров (ныне нуристанцев) определялась в 9,5 тысяч кв. км. Эти территории, а также соседние с ней районы Читрала и верховьев Пянджжуры населяли племена и родовые группы, отличавшиеся друг от друга по диалектам, но известные под собирательным названием «кафиры». Это название было дано их соседями афганцами и другими мусульманами по религиозному признаку, так как вплоть до описываемого периода — событий 1895—1896 гг. — жители Кафристана оставались язычниками. Кафирские языки и диалекты представляли собой особую группу, занимавшую промежуточное положение между индийским и иранским языками. Происхождение кафиров не выяснено. По этому вопросу исследователи высказывают самые различные догадки.

Готовясь к завоеванию Кафристана, эмир Абдуррахман решил, что наиболее благоприятным временем для похода

является время, когда жители селений лишены возможности укрыться в горах при подходе врага. Зимой 1895/1896 г. в Кафристан было направлено несколько тщательно снаряженных отрядов эмирских войск. Покорение Кафристана заняло всего несколько недель. Афганцы силой обратили его население в ислам, в ознаменование чего страна была переименована в Нуристан (т. е. страна, озаренная светом истинной религии). Обращенные в ислам кафиры стали называться нуристанцами.

Последние годы жизни Абдурахмана

Тяжелая болезнь, поразившая Абдурахмана и усилившаяся в последние годы его жизни, часто не давала ему возможности лично руководить государственными делами, во всяком случае в той мере, как прежде. Фактическая власть нередко переходила к распорядившимся от его имени доверенным приближенным. С их влиянием должен был считаться даже Хабибулла-хан — наследник престола, старший сын эмира. Возвышая над остальными сыновьями своего старшего сына Хабибулла-хана, эмир стал заблаговременно готовить его к занятию престола, с тем, чтобы Хабибулла мог бы, вступив на престол, опереться на войска и сразу взять в свои руки аппарат подавления.

Младших своих сыновей эмир тоже привлекал в той или иной мере к участию в государственных делах, однако заставлял их отчитываться не только перед собой, но и перед Хабибуллой. Продолжая укреплять положение своего старшего сына, Абдурахман с 1897 г. вверил ему заведование казной, находившейся до этого исключительно под его личным контролем.

В сентябре 1901 г. Абдурахмана разбил паралич, и в ночь на 1 октября 1901 г. он умер. 3 октября Хабибулла был публично провозглашен и коронован эмиром. Его власть вскоре была признана во всем Афганистане. Таковы были события, происходившие в Афганистане на пороге XX столетия. В этот век Афганистан вступил страной, сохранившей самостоятельность, но с неполным суверенитетом, ограниченным внешнеполитическими запретами; страной политически объединенной, но отсталой, внутри которой единственным средством

перевоза грузов оставались, как и во времена далекого прошлого, лишь караваны.

Режим Абдуррахмана был очень тяжким для народа, но его реформы способствовали росту городов, национальной торговли, формированию национального купеческого капитала и внутреннего рынка. Начав при приходе к власти с казней многих людей, отстаивавших независимость родины против англичан в 1878—1880 гг., Абдуррахман в дальнейшем искусной политикой успешно сохранил завоеванную народом самостоятельность страны. Абдуррахман отгораживался от внешнего мира и препятствовал своим подданным видеть и узнавать новое. Однако для снабжения и снаряжения своей армии он устанавливал на кабульском предприятии «Машихане» современные станки и механизмы, доставляемые из-за границы, а для работы на этом предприятии должен был набирать и обучать первые кадры промышленных рабочих. Многие в деятельности Абдуррахмана, хотел он этого или нет, создавало предпосылки для появления в дальнейшем ростков нового.

С концом XIX в., и со смертью Абдуррахмана, ушел в прошлое особый период истории Афганистана. В XX в. возникнут уже совершенно иные, качественно отличные реалии. Страна станет развиваться по другим законам.

§ 1

Средняя Азия
в XVI—XVIII вв.

К XVI в. Средняя Азия, казахские и прикаспийские степи, Приуралье и Прииртышье, а также Хорасан (северо-восточный Иран) и север Афганистана были сферой господства династии Тимуридов, различные ветви которой вели междоусобные войны, систематически ослабляя влияние и разоряя земли друг друга. С XIV в. в жизни региона все большую роль начинают играть кочевые тюркские племена, чуть позже названные узбеками, поскольку прославились они, участвуя в походах золотоордынского хана Мухаммеда Узбека (1312—1342). Первым известным правителем, объединившим племена узбеков, кипчаков и других кочевых тюрок, стал хан Абулхаир (1428—1468) из рода Шейбана, внука Чингисхана. Создав обширное государство от Сибири до Сыр-Дарьи, он серьезно угрожал Тимуридам, но, потерпев в 1463—1464 гг. поражение от калмыков, вынужден был отступить. Его государство распалось.

Время Шейбанидов

Внук Абулхаира Мухаммед Шейбани (1451—1510) продолжил дело деда. Он не раз терпел неудачи, спасался бегством, но постепенно подчинил себе других кочевых ханов и с 1499 г. уже вел систематическое завоевание Средней Азии, тем более, что под давлением других кочевых объединений тюркских племен вынужден был отступать из степей между Аралом, Уралом, Тоболом и Иртышем на юг, в Мавераннахр, зону преимущественно оседлого земледелия и в значительной мере ираноязычного населения. Используя усобицы, экономические трудности и социальные смуты в государствах Тимуридов, Мухаммед Шейбани овладел в 1501 г. Самаркандом, затем

и всем Мавераннахром, в 1505 г. — Хорезмом, в 1507 г. — Гератом. Распространив свою власть вплоть до Каспия, он создал огромную державу, провел денежную реформу, стабилизировал торговлю, чем привлек на свою сторону купеческую верхушку среднеазиатских городов. Им же были привлечены к управлению феодальная знать и духовенство, перешедшие на его сторону (во многом — под впечатлением жестоких расправ с теми, кто оставался верен Тимуридам). Однако с таким трудом созданное государство пало под ударами кочевников с северо-востока и иранских шахов из династии Сефевидов с юго-запада. Сам Мухаммед Шейбани погиб в 1510 г. в битве с войсками Сефевидов при оазисе Мерв. После этого значительная часть его государства была захвачена с помощью иранских войск бывшим тимуридским правителем Ферганы Захир ад-Дином Мухаммедом Бабуром, будущим основателем династии Великих Моголов в Индии, который, захватив в 1504 г. Кабул, вплоть до 1512 г. тщетно пытался вернуть Бухару и Самарканд.

После смерти Мухаммеда Шейбани правили его дядя Кучкунджи-хан (1510—1530), сын Абу Саид (1530—1533) и племянник Убайдулла (1533—1539). Все они считали себя законными наследниками Тимуридов и вели борьбу с Сефевидами за Хорасан и Герат, когда-то бывший столицей Тимуридов. Они трижды овладевали Гератом, четырежды — Мешхедом (центром Хорасана) и другими иранскими городами, безуспешно пытались вернуть себе власть над Хорезмом, где с 1512 г. правил узбекский хан Ильбарс и его потомки, так же, как и Шейбаниды, возводившие свое происхождение к Чингисхану. Бесконечные войны сопровождалась разрушением городов и селений, разорением торговцев и ремесленников, упадком традиционного земледелия из-за внедрения в его зону кочевого хозяйства пришедших с Шейбанидами племен и их засилья на переданных им «в кормление» территориях. Пагубные последствия имела и заведенная основателем династии практика раскола государства на большие и малые уделы членов клана Шейбанидов или их сановников. После смерти Убайдуллы все эти удельные правители, взяв себе титул султанов, нередко не признавали прав главы династии (хакана) и даже монеты чеканили не от его имени, а от своего собственного. С 1557 г. Абдаллах-хан, сын правителя одной из областей, захватив Бухару, превращает ее в столицу

Шейбанидов и добивается провозглашения хаканом своего дяди Пир-Мухаммеда, а в 1561 г. — своего отца Искандара. Управляя от их имени, он последовательно уничтожает удельные султанаты, захватывая в 1573 г. Балх, в 1574 г. — Хисар, в 1578 г. — Самарканд, в 1582 г. — Ташкент. К моменту его вступления на престол хакана в 1583 г. государство было уже практически объединено, а удельные правители, хоть и сохранились, но были на деле превращены в его наместников.

Абдаллах-хан много строил: каналы, мосты, караван-сарай, водохранилища. Он провел монетную реформу, усилил армию и добился впервые со времен Тимура уважения власти государства. В 1584 г. он завоевал Бадхшан, в 1594 г. — Хорасан, а позднее — и Хорезм. При нем улучшилось экономическое положение, процветали торговля и ремесла, архитектура и литература, развивались связи с Россией, Османской империей и Индией, где у власти стояла династия среднеазиатского происхождения — Великие Моголы. После смерти Абдаллах-хана в 1598 г. последний Шейбанид Пир-Мухаммед-хан II быстро утратил почти все, чего добился его предшественник, и погиб в 1599 г., пытаясь овладеть Самаркандом. Так прекратилась династия Шейбанидов.

Стоит отметить, что Шейбаниды, пришедшие в Среднюю Азию с юга Сибири, продолжали ею интересоваться в течение всего периода их правления в Средней Азии. Отделенные от Сибирского ханства казахскими племенными союзами и Ногайской ордой, они не могли постоянно вмешиваться в сибирские дела, особенно после убийства в Тюмени их родственника Ибака в 1495 г. и захвата власти ханами из рода Тайбуги. Но Шейбаниды в конце концов свергли Тайбугинов и в 1563 г. править в Сибири стал знаменитый хан Кучум из рода Шейбанидов, с 1571 по 1598 г. жестоко воевавший с Россией и поддерживавший со Средней Азией интенсивные экономические, политические и духовные связи (исламизация Сибири с XIV в. осуществлялась преимущественно шейхами суфийского братства Накшбандийя, приезжавшими из Средней Азии при поддержке Шейбанидов). И впоследствии, уже после прекращения сопротивления России потомков Кучума, сохранялись тесные связи сибирских (как и поволжских) мусульман со Средней Азией, особенно с Бухарой и Хорезмом.

В целом же эпоха Шейбанидов в Средней Азии в определенной мере способствовала, хотя и ограниченному, прогрессу

в сферах экономики и культуры. Были расширены посевные площади и экспорт агропродукции, проведены крупные ирригационные работы. Однако экономическое процветание не усиливало государство, потому что основной доход с принадлежавших ему земель раздавался членам династии, духовенству, сановникам и племенам, на которые опирались Шейбаниды. Почти все они обычно освобождались от выплат в казну. Рост масштабов торговли и ремесел также мало влиял на общий рост благосостояния, ибо сократилась (по военным и политическим причинам) торговля с Ираном и Индией, а ремесленников, как и прочих мелких хозяев, душил ростовщический процент (формально запрещенный), достигавший 35—50 годовых и более.

Размах строительства сопровождался его удешевлением, в частности — отказом от пышного декора, дорогой и трудоемкой мозаики. Тем не менее, в основном соблюдались традиции декоративного и архитектурного искусства времен Тимуридов, особенно при строительстве мечетей, медресе и прочих сооружений культового назначения. Успешно развивалось искусство переписки, оформления и иллюстрации рукописей. В XVI в. в основном сформировалась бухарская школа книжной миниатюры. Меценатство многих Шейбанидов позитивно повлияло на развитие поэзии, музыки, изобразительного искусства. При дворе Мухаммеда Шейбани и его преемников творил Мухаммед Салих, сочинявший стихи на фарси и джагатайском (староузбекском) языках. Его знаменитая поэма «Шейбани-намэ» (о победе Шейбанидов над Тимуридами) переведена на многие европейские языки.

Эпоха Джанидов

Век Шейбанидов сменился правлением **Аштарханидов** или **Джанидов** (1599—1753). Эта династия чингисидского происхождения ранее правила в Астрахани (отсюда ее название: Астрахань по-тюркски «Аш-Тархан»). После взятия Астрахани Иваном Грозным в 1556 г. представители династии рассеялись по миру, от Москвы до Мекки, а формальный наследник Казы-Булат и некоторые другие бежали в Ногайскую Орду, которая была своего рода посредницей между мусульманами Поволжья и Средней Азии. С помощью ногайцев

беглецы затем перебравшись в Бухару, где и овладели престолом, будучи родственниками Шейбанидов. Первые Джаниды правили номинально. Фактически власть была в руках Баки-Мухаммада (внука и сына первых Джанидов), который пытался противодействовать попыткам урезать его государство. На юге при последнем Шейбаниде иранцы вернули себе Хорасан, Хорезм на северо-западе вновь обрел независимость, а на северо-востоке почти все важные города, включая Андижан, Ташкент и одно время Самарканд, были захвачены казахами. Баки-Мухаммад, реорганизовав армию и систему управления, отнял у иранцев Балх, а его племянник **Имам-Кули-хан** (1611—1642) усмирил склонных к сепаратизму родственников и прочих феодалов, а главное — разбил всех нападавших на ханство кочевников — казахов, калмыков, кара-калпаков, вернув под свою власть Ташкент.

Имам-Кули-хан навел в государстве порядок, укрепив центральную власть. Но когда, ослепнув, он уступил трон своему племяннику **Надир-Мухаммаду** (1642—1645), междоусобицы возобновились. Вскоре хан был свергнут собственным сыном **Абд аль-Азизом**, долгое правление которого (1645—1680) ознаменовалось ожесточенной борьбой с отцом, укрепившимся в Балхе, с братьями, поддерживавшими то отца, то сына, и, наконец — с внешними врагами. Среди последних наиболее успешно действовали хивинцы из соседнего Хорезма¹. Они глубоко проникали в Мавераннахр, достигая Бухары и Самарканда, истребляли и разоряли жителей, угоняли скот, особо ценившийся многочисленными среди хивинцев туркменами. Многие города были разрушены, деревни сожжены. Все это вызывало ярость мирного населения, без различия этнического или социального положения. Поэтому все — узбеки и таджики, крестьяне и торговцы — поднялись против хивинцев, которых в конце концов удалось изгнать. Однако созданная их набегами обстановка разрухи и анархии распатывала государство. Отнявший у Абд аль-Азиза престол в 1680 г. его брат **Субхан-Кули** (1680—1702) столкнулся не только с хивинцами, но и с мятежами многих узбекских племен. Поэтому он был вынужден лавировать между *эмирами* (вождями

¹ Возникшее в 1512 г. в Хорезме государство в русской и западной литературе называлось «Хивинским ханством». В Средней Азии его продолжали по древней традиции называть Хорезмом.

племен) и объединяться с той или иной группой знати, преследовавшей свои собственные цели. И хотя ему удалось вытеснить хивинцев и даже навязать им своего наместника, как и богатому рубиновыми рудниками Бадахшану, все же внутреннее положение государства оставалось неустойчивым. В конце правления Субхан-Кули племена вели междоусобные войны без оглядки на хана, армия которого часто была слабее войска наиболее могучих эмиров.

Последний Джанид, еще пытавшийся обуздать своеволие феодалов, хан **Убайдаллах** (1702—1711), вел с ними открытую борьбу, опираясь на старую знать, чиновничество и торгово-ремесленные круги, заинтересованные в политической и экономической стабильности. Он отменил налоговые привилегии и продавал государственные земли с целью пополнения казны, улучшил условия деятельности зарубежного купечества (особенно индийского), ввел своеобразный метод оплаты в 10-кратном размере ханских «подарков», навязывавшихся знати. Но поначалу, укрепив курс серебряной монеты танга, он попытался нажиться на резком снижении (в 4 раза) содержания серебра в ней, что привело к массовым волнениям, краху торговли и уходу в оппозицию многих прежних сторонников хана. В результате он был убит заговорщиками-эмирами.

Преемник Убайдаллаха хан **Абу-ль-Файз** (1711—1753) царствовал лишь номинально. Реально правил всесильный временщик **Мухаммад Хаким-бий** из племени мангытов, который даже чины и должности раздавал без ведома хана. Государство фактически распалось на независимые уделы, какими стали Балх, Бадахшан и другие. А основанное еще в 1710 г. эмиром племени минг **Шахрух-бием** самостоятельное княжество в Фергане стало впоследствии отделившимся от Бухары Кокандским ханством.

Ослабление Джанидов совпало с выдвиганием в Иране к власти **Надир-шаха**, туркмена из Хорасана, в детстве бывшего рабом в Средней Азии. Проводя завоевательную политику, **Надир-шах** постепенно захватил ряд земель у Джанидов (Балх, левый берег Аму-Дарьи), а в 1740 г. занял Мавераннахр. **Абу-ль-Файз** подчинился ему и даже породнился с **Надир-шахом**, но тот оставил прежнюю схему правления: хан на троне, но власть де-факто у **Мухаммада Хаким-бия**. После смерти последнего его сын **Мухаммад Рахим-бий** продолжил

в союзе с Надир-шахом укрощение мятежных племен и эмиров, а в 1753 г., убив Абу-ль-Файза, занял его трон. К тому времени Надир-шах уже погиб (в 1747 г.), узбеки освободились от иранского господства, но междоусобицы между эмирами продолжались. Джаниды, потеряв власть, пытались сопротивляться и формально их династия прекратилась лишь в 1785 г. Но реально правили уже Мухаммад-Рахим и Даниял-бий, носившие титул эмиров. С них повела свое начало династия Мангытов (по названию их родного племени кипчакско-ногайского происхождения).

Время Аштарханидов (Джанидов) было тяжелым для Средней Азии. Феодалные войны и набеги кочевников были более часты и разорительны, чем в эпоху Шейбанидов. Села и города разорялись, их жители нищали, голодали и, забросив хозяйство, старались укрыться в горных и других труднодоступных районах. 12 тыс. жителей Самарканда даже ушли в Индию. Торговля и ремесленное производство сокращались, а местные феодалы и пришлые завоеватели грабили население с удвоенной энергией. Тем не менее, многие окраинные и небольшие города, выросшие за счет беженцев из разоренных областей, даже процветали, особенно на фоне совершенно опустевшего Самарканда и окрестностей Бухары.

Двигателем экономического развития оставалась торговля, особенно с кочевниками, Ираном, Индией и Китаем. В Бухаре индийские купцы заселяли целый квартал. Налаживались связи и с Россией: в XVII в. туда были направлены 16 посольств ханами Бухары и эмирами Балха, а оттуда пришло пять посольств. Послы были в основном купцами.

Бухара и (в меньшей степени) Хива установили постоянные контакты с торговыми центрами Сибири — городами Тобольск и Тара, а также — с Поволжьем (Самарой, Казанью, Астраханью). Важную роль в развитии российско-бухарских связей стал играть основанный в 1743 г. Оренбург, особенно его мусульманское предместье Каргала (Сеитова слобода), заселенное в основном татарскими купцами и духовными лицами, много сделавшими для экономического сближения России и Бухары, а также для укрепления отношений мусульман Поволжья и Сибири с единоверцами Центральной Азии (в Бухаре, Хиве, Фергане и казахских степях). Бухара, к тому же, была издавна посредником в торговле России с Ираном, Индией и Китаем.

Культура в эпоху Джанидов переживала упадок, как и экономика. В архитектуре, декоративном искусстве, художественной литературе почти ничего нового не появилось. Тем не менее, еще сохранялся высокий уровень оформления книг и каллиграфии, появилась историческая хроника «Убайдаллах-намэ» придворного летописца начала XVIII в. Мир-Мухаммада Амини Бухари, а в XVII в. развивались медицина и фармакология. Интересовавшийся ими хан Субхан-Кули даже написал медицинский трактат и построил в Бухаре больницу. Хотя политическая ситуация при Джанидах скорее способствовала бегству из ханства лиц интеллектуального труда, все же в XVII в. здесь был написан трактат о музыке, посвященный Имам-Кули-хану, переписаны многие старинные трактаты, особенно по медицине и лекарствам. Тогда же историки насчитали 114 поэтов, лучшие из которых (например, ткач Саййдо Насифи) вовсе не были придворными панегиристами и критиковали современное им общество.

§ 2

**Этнические процессы
в регионе в XVI—XIX вв.**

История среднеазиатских государств XVI—XIX вв. проходила под знаком особого влияния *узбекских династий* и *узбекского этноса*, который сам переживал сложный процесс этногенеза, начиная с XIV в. Он с XVI в. формировался также и путем перехода многих племен, явившихся основным этнообразующим элементом узбеков, от кочевого к оседлому образу жизни, одновременно умножая свои ряды и за счет тюркизации части древнего ираноязычного населения Мавераннахра. Но основа этого населения сохранилась и выстояла, несмотря на утрату почти на 900 лет (с момента падения государства Саманидов в XI в.) собственной государственности, несмотря на обилие контактов за это время с тюркоязычными и монголоязычными племенами и народами, несмотря на частичную ассимиляцию ими и участие в той или иной форме в этногенезе тюркоязычных народов Средней Азии.

В рассматриваемый период ираноязычные жители Средней Азии также переживали непростое время этнообразования единого народа — *таджиков* — на базе сближения потомков согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев, хорасанцев. Причем этот процесс происходил вопреки иногда территориальной и диалектальной разобщенности различных ираноязычных групп. Более того, в пределах государств с тюркоязычным большинством и тюркскими династиями наблюдался исторический феномен смешения части таджиков Мавераннахра и Хорасана, а также других, иногда более архаичных ираноязычных групп с тюркоязычными племенами и кланами, воспринимавшими при переходе к оседлости экономические, культурные и иные традиции таджиков, вплоть до полного с ними слияния. Политически активность таджиков не имела собственного выражения в XVI—XIX вв., так как государствообразующей нацией и в Бухаре, и в Хиве, и в Коканде были

узбеки. Однако таджики иногда самостоятельно, иногда совместно с представителями других этносов, находили возможности для отстаивания своей национальной позиции. Чаще всего это случалось, когда районы с преимущественно таджикским населением (Каратегин, Дарваз, Шугнан и другие) временно отпадали от Бухарского эмирата, который потом обычно возвращал их себе — в ходе постоянно возобновляемых военных действий. Впрочем, в самой Бухаре предпочтение отдавалось (как и в Самарканде) таджикскому языку, которым пользовались как дома, так и при деловом общении. Он был также языком преподавания в школах (мактабах) и медресе.

В дела среднеазиатских государств, в основном населенных оседлыми жителями, активно вмешивались и кочевники. Некоторые из них были подданными Бухары, Хивы и Коканда, другие — независимы формально или фактически. Характерно, что обычно это было связано не с этнической принадлежностью, а с родом занятий. Так в XVII—XIX вв. основная часть казахов, туркменов и каракалпаков вели кочевой и полукочевой образ жизни в условиях либо политической самостоятельности, либо постоянной борьбы за нее. В то же время другая часть вышеназванных этносов, занимавшаяся земледелием и тяготевшая поэтому к оазисам и долинам рек, находилась под сильным влиянием социально-экономических и политических отношений, господствовавших в среднеазиатских государствах.

Наименее многочисленными среди этих народов были *каракалпаки*, пришедшие вместе с некоторыми племенами кыпчаков из Ногайской степи и занимавшие в XVII—XVIII вв. территорию в среднем и нижнем течении Сыр-Дарьи. Они вели в основном полукочевой образ жизни, занимаясь скотоводством, земледелием, рыболовством. У них господствовал родоплеменной строй и клановые отношения определяли многое в хозяйственной, социальной и семейной жизни. Однако родоплеменная верхушка быстро феодализировалась и система социальных связей соответственно эволюционировала от патриархально-общинной к патриархально-феодальной. Власть приобретала все более феодальный характер в силу зависимости каракалпаков от западных казахов (Младшего Жуза) и постепенного усиления в их среде роли мусульманского духовенства.

Желая избавиться от постоянных нападений соседей, каракалпаки обратились в 1742 г. с просьбой принять их в русское подданство, но в 1743 г. под давлением казахского хана Абулхайра (1693—1748) вынуждены были в основной своей массе сжаться с насиженных мест и уйти на запад, где они вскоре столкнулись с ханами Хивы. Длившаяся с конца XVIII в. война ханов с каракалпаками закончилась подчинением последних в 1811 г. и их переселением в дельту Аму-Дарьи. Однако жестокий гнет своих и хивинских феодалов, особенно в созданных каракалпаками новых земледельческих районах, спровоцировал их на восстания 1855—1856 гг. и 1858—1859 гг., которые были беспощадно подавлены ханскими войсками. В дальнейшем попытки каракалпаков вырваться из деспотической структуры Кунградской династии были обречены на неудачу ввиду противодействия каракалпакских феодалов, тесно связанных с ханами и с полученными от Хивы привилегиями. Лишь после установления в 1873 г. протектората России над Хивой большинство каракалпаков перешло под власть российского генерал-губернатора Туркестана.

Иными были положение и роль *казахов*. В XVII—XIX вв. они делились на *жузы* (орды). В Малый (Младший) жуз, кочевавший на западе, входили два больших племени (18 и 7 родов), в Средний жуз (на севере и в центре) — четыре племени, объединявшие в общей сложности 43 рода, в Старший жуз — 10 племен. Выборные ханы во главе жузов редко бывали полновластны ввиду аморфности жузов и племен в организационном отношении. Более сплоченными были роды, возглавлявшиеся баями и аксакалами. Они, владея совместно пастбищами, обычно внутренне объединялись на основе общности хозяйственных, военных, политических интересов, культа общего предка.

Ханов жузов выбирали из наследственного привилегированного сословия «*белой кости*», которых называли *султанами* и считали потомками Чингисхана. Племенные же старшины и военные предводители могли быть и из простого народа («*черной кости*»). Ниже всех стояли рабы, захваченные при набегах на соседей или в ходе боевых действий. Но полной власти не имели даже ханы жузов, обязанные во всем советоваться со старшинами. Феодализация верхушки была выражена еще слабо. Доминировали характерные для патриархально-общинного строя кровно-родственные связи

и коллективная (племенная, клановая) собственность на пастибища. Однако частная (точнее, семейная) собственность на скот и домашнее имущество позволяла верхушке родов и племен накапливать богатства.

Огромную роль в исторических судьбах и социальном развитии казахов сыграло их противостояние в 1635—1758 гг. с Джунгарским ханством — мощным кочевым государством западных монголов-ойратов. Северо-западная группировка ойратов, продвинувшись в междуречье Волги и Урала, признала в 30-е годы XVII в. власть русских царей над собой, образовав в составе России Калмыцкое ханство. Однако большинство ойратов, оставшись на просторах от Алтая и Иртыша до Тобола и Ишима, теснили казахов с востока, одновременно отступая под натиском русских в Сибири и отбивая периодические вторжения в Центральную Азию маньчжуров из Китая в конце XVII в. — первой половине XVIII в. В 80-е годы XVII в. правитель Джунгарии Галдан нанес тяжелые поражения казахам и узбекам, завоевав на некоторое время Семиречье. Однако в дальнейшем война приняла вид обмена взаимными опустошительными набегами, при этом казахи старались в борьбе с ойратами Джунгарии продвинуться на восток, а в борьбе с волжскими калмыками — на север и запад. В этой непрерывной войне гибли материальные и культурные ценности, а также множество людей: только в 1723—1729 гг. погибло 700—800 тыс. казахов.

Разумеется, обильные жертвы, материальные потери и культурное оскудение во многом подрывали основы общества, всецело приспособив его только лишь к выполнению военных функций. Но это же способствовало усилению роли ханов как боевых вождей и увеличению сословия батыров, отличившихся в войне, но также обогащавшихся во время набегов вместе с ханами.

Социальное и политическое неравенство стало особенно заметно размывать основы патриархальной общины у казахов с усилением влияния России. Уже в XVI в. начали устанавливаться торговые и иные связи московских властей с племенами казахов и близких им племен, в основном входивших тогда еще в нераспавшуюся Ногайскую Орду. На западе занятого этими племенами пространства стали возводиться в XVII в. первые русские города — Гурьев и Уральск (до 1775 г. — Яицкий городок), впоследствии ставший центром уральского

(лицкого) казачества. Угроза порабощения со стороны Джунгарского ханства заставила казахов искать сначала защиты у России, а затем и российского покровительства. Первым русское подданство принял в 1731 г. Младший жуз, а в 1740 г. — Средний жуз. В 1801 г. из казахов — подданных России был образован Букеевский жуз. Последним, в 1846 г., в подданство России перешел Старший жуз.

Политические перемены сказались и на общественном устройстве. Например, при выборах хана Младшего жуза в 1748 г. впервые всенародное голосование было заменено голосованием выборщиков (каждый десятый), подобранных знатью. К тому же выборы производились в ханской кибитке и, согласно источникам, по рекомендации русских властей был избран Нурали, сын хана Абулхайра (1693—1748), возглавлявшего сопротивление казахов джунгарам, а затем первым присягнувшего на верность России. Но это было лишь началом. В 1799 г. в Младшем жузе был создан ханский совет, ограничивший и без того не абсолютную власть хана, нередко вынужденного делиться ею с султанами и старшинами. В 1822 г. был учрежден «Устав о сибирских киргизах», согласно которому была ликвидирована власть хана в Среднем жузе. В 1824 г. ее упразднили в Младшем жузе, а в 1845 г. — в Букеевском. Тем самым был завершен процесс политико-административного включения казахов в государственную жизнь России.

Значительна была специфика общественного быта и национального развития *туркменов*. Процесс их этногенеза растянулся на тысячелетие: первые упоминания о них известны уже в X в. н. э., но только к XIX в. и частично даже к XX в. относится завершение их формирования как единого этноса. На этнические, как и на прочие процессы в их среде большое влияние оказали их связь с пустынными просторами Каракум и Кызылкум, неопределенность грани между фактической независимостью свободных кочевников и зависимым (часто формально) положением их собратьев в Хивинском ханстве (на севере ареала расселения туркменов), Бухарском эмирате (на юго-востоке ареала), к северу от Ирана и Афганистана, где туркмены были частично независимы, частично зависимы номинально. Кроме того, они проживали также в Хорасане (Иран) и на северо-западе Афганистана, границу которых, как и Бухары и Хивы, до поры до времени спокойно пересекали. Но постепенно крепили экономические и другие

связи между кочевниками и их собратьями, часто — из родственных кланов, останавливавшихся надолго или же прочно оседавших в земледельческих оазисах, долинах рек и горных районах. С XVI в. особенно заметен переход туркменів Прикаспия от скотоводства к земледелию ввиду засоления местных источников воды. С этим же было связано их переселение с берегов Каспия в Хивинское ханство и последующий приход в начале XIX в. на правобережье Аму-Дарьи, где они даже начиная заниматься земледелием, все же продолжали вести полукочевое скотоводство.

Патриархально-общинный строй у туркменів подвергся феодализации еще раньше, чем у других кочевников Средней Азии, что было связано с их активным участием с XI в. в политической жизни Ближнего Востока, Ирана и Мавераннахара. Поэтому туркмены, несмотря на преобладание у них натурального хозяйства и в земледелии, и в скотоводстве и в домашнем ремесле, знали наряду с общинной формой собственности (*санашик*) и собственностью религиозных учреждений (*вакуфами*) также частную собственность феодалов (*мульк*) на земли, пастбища, воду, скот и другое имущество, а также — на рабов. Рабский труд применялся вплоть до присоединения к России.

В XVI—XIX вв. туркмены из-за племенной раздробленности и экономической отсталости не смогли создать собственного государства в Средней Азии, однако показали себя в качестве грозной военной и политической силы. Уже в середине XVI в. туркмены под руководством Аба-Сердара подняли восстание против господства Ирана и трижды разгромили (с помощью узбеков Хорезма) персидскую армию. Впоследствии они упорно боролись за гегемонию в Хорезме и в 20-е годы XVII в. возвели там на трон туркменского феодала **Исфендиар-хана**. Однако вскоре победу в Хорезме одержали узбекские феодалы, что даже заставило многие туркменские племена откочевать на юг. В дальнейшем туркмены, чаще других жителей Средней Азии сталкивавшиеся с Ираном, многократно восставали против иранских наместников в Хорасане и Астрабаде, а также — против ханов Хивы и Бухары. Объединившись, они могли даже успешно противостоять соединенным войскам Ирана и Хивы, которые были ими трижды разбиты: в 1855 г. под Серахсом и в Хиве, в 1858 г. под Кара-Кала и в 1861 г. под Мервом.

К XVI в. относится начало отношений туркменов и России. В Астрахани и на полуострове Мангышлак возникли центры российско-туркменской торговли. На рубеже XVII—XVIII вв. часть туркмен переселилась в Россию и впоследствии была размещена на Северном Кавказе, получив наименование «ставропольские туркмены». От имени туркмен Прикаспия в Петербург ездил купец Ходжанепес, просивший Петра I принять туркмен в русское подданство. Вопрос тогда не был решен, но Россия стала придавать особое значение проблеме кратчайших путей через Среднюю Азию в Индию и серьезно расширила торговлю с туркменами Мангышлака. Она оказала помощь поставками продовольствия туркменам, разоренным в 1740 г. нашествием иранцев Надир-шаха. Неоднократно представители разных туркменских племен обращались к русским царям (к императрицам Елизавете Петровне и Екатерине II) с возобновлением просьбы о приеме в русское подданство. На рубеже XVIII—XIX вв. торговля прикаспийских туркмен с Астраханью стабильно возрастала и регулировалась долгосрочными договорами. 9 мая 1802 г. пять племен — абдалов, чаудоров, игдыров, бурунчуков и бузачи — официально вступили в подданство России. С 1805 г. был установлен союз еще с тремя племенами — йомутами, гокленами и текинцами, которые приняли участие (особенно активное в 1812—1813 гг.) в войне России против Ирана. Как и в случае с казаками, это имело очень серьезные последствия для судеб Средней Азии и ее политического будущего.

§ 3

Средняя Азия в конце XVIII — первой половине XIX в.

Эмиры Мангытской династии довольно успешно боролись с феодальной раздробленностью, хотя изжить ее до конца не смогли. Тем более, что при втором эмире Даниял-бие окончательно обособляется Хорезм (Хивинское ханство), где после освобождения от господства иранцев в 1747 г. завязалась борьба за власть, окончившаяся захватом ханского престола в 1763 г. Мухаммедом Амином, вождем племени кунграт, именем которого и новая династия была названа Кунгратской. Хотя войны с Бухарой продолжались, но это уже были скорее территориально-престижные споры, нежели попытки вернуть Хиву под власть Бухары, как это было раньше.

В 1758 г. также бесповоротно от Бухары отделяется Кокандское ханство в составе уделов Андижана, Маргилана, Намангана и Коканда и во главе с Иодана-бием, внуком основателя нового государства Шахрух-бием. В дальнейшем территория ханства значительно увеличилась, охватив южную часть казахских степей и достигнув по площади примерно половины всего пространства Средней Азии. Быстрый рост его населения во многом объяснялся притоком в его главную область — Ферганскую долину, в основном мало пострадавшую во время войн и смут при последних Джанидах, жителей опустевшего Самарканда и соседних регионов — Кашгара (в Китае) и Кухистана (в Афганистане). Наблюдалась также значительная миграция в Ферганскую область киргизов Северного Тянь-Шаня, а также калмыков, впоследствии слившихся с киргизами, и особой группы казахов, впоследствии называвшихся «кыпчаками Ферганы». Сюда же устремились различные группы тюрок из завоеванного Китаем Восточного Туркестана (Кашгара). Таким образом, в образовании и усилении Кокандского ханства велика роль миграций как кочевого, так и оседлого населения.

Территория Бухарского эмирата в результате обособления от него двух государств уменьшилась, но положение его несколько улучшилось, поскольку теперь основная тяжесть сложных отношений с кочевниками (казахами, туркменами, кара-калпаками, калмыками) легла на Коканд и Хиву. Дело осложнялось также тем, что долгое время основная масса этих и других кочевников входила с 1635 г. в Джунгарское ханство, вовлекавшее в свою орбиту многих степняков от Енисея до Волги. Однако разгром Джунгарии в 1758 г. Китаем привел к дезорганизации всего многообразия этносов, ею объединявшихся, и к дестабилизации отношений между ними. В этих условиях часть казахских племен уже в 1731 г. приняла российское подданство.

Еще раньше переговоры об этом с Петром I вели в 1700 г., 1703 г. и 1714 г. послы хивинского хана Шах-Нияза. Однако направленная в Хиву в 1717 г. экспедиция Бековича — Черкасского для завершения переговоров и поиска золота в русле Аму-Дарьи была вероломно уничтожена хивинцами, среди которых редко наблюдалось согласие, в том числе — по вопросам внешней политики. Ханы Кунгратской династии основное внимание уделяли как обороне от кочевников (в том числе — своих подданных), так и борьбе с непокорными феодалами и вождями племен. Наибольших успехов в этом достигнул хан Мухаммед Рахим (1806—1825), которому удалось объединить государство, подчинив мелких властителей. Он провел налоговую реформу и учредил верховный совет, добившись политической стабилизации внутри ханства. Однако сам характер социальных отношений в Хорезме, где сплетались воедино патриархально-клановые, феодальные и рабовладельческие порядки, постоянно рождал конкуренцию родов, межплеменные споры, столкновения из-за земель и пастбищ, традиционное соперничество знати.

Почти непрерывными были стычки со степняками, которых Хива тщетно пыталась поставить под свой контроль, конфликты с Бухарой, эпизодические (с 1605 г.) проникновения в Хорезм русских отрядов и экспедиций. В 1734 г. казахский хан Абдулхаир получил похвальную грамоту от правительства России за приведение в российское подданство «Большой кайсацкой Орды и Аральского хана каракалпаков». Это задевало непосредственно интересы Хивы, как и Коканда, поскольку оба ханства также стремились подчинить себе казахов и каракалпаков. Положение еще более осложнилось после

того, как в 1763 г. почти все остальные казахские ханы присягнули на верность России. Практически на рубеже XVIII—XIX вв. шла борьба за влияние на казахов между Россией, среднеазиатскими ханствами и цинским Китаем, пытавшимся воспользоваться уничтожением Джунгарии.

Среди ханств Бухара несомненно лидировала, особенно после успехов в борьбе с феодальной анархией Даниял-бия и Шах-Мурада (1785—1800). Базируясь на достигнутой им относительной экономической и политической стабилизации, эмир Хайдар (1800—1826) возобновил войны с Хивой, а затем и с Кокандом, не прекращавшиеся вплоть до присоединения Средней Азии к России. Это требовало новых затрат, а следовательно — новых поборов, всей тяжестью ложившихся на крестьянство, в основном безземельное и хозяйствовавшее на правах издольщины либо на государственных (*амляк*), либо на частных (*мульк*), либо на принадлежавших духовенству (*вакуфы*) землях. Внутренняя стабильность была тем самым подорвана как военными усилиями бухарцев, так и вызванными тяготами нового положения массовыми выступлениями, среди которых наиболее значительны были восстания китай-кипчаков (1821—1825) и ремесленников Самарканда (1826). К тому же, кокандские ханы Алим (1800—1809), Омар (1809—1822) и Мухаммед Али (Мадали), правивший в 1822—1842 гг., смогли чрезвычайно усилить свое государство и расширить его, в основном — за счет Бухары, а также — за счет поощрения миграций новых жителей, в том числе — с Ближнего Востока и севера Индии. Бухара утратила перешедшие к Коканду Ташкент, Ходжент, Дарваз, Каратегин, Куляб.

Достигший расцвета в первой трети XIX в. Коканд славился своим хлопком и рисом (на его территории находилась плодородная Ферганская долина), шелком и тканями, высоким уровнем кустарно-ремесленного производства. На границах с владениями казахских ханов были возведены крепости Ак-Мечеть (Жзыл-Орда), Аулие-Ата (впоследствии Джамбул), Пишпек и другие. При Алим-хане был выработан принцип формирования наемной армии, в которой состояли 6 тысяч афганцев и таджиков и 10 тысяч рабов из Йемена и Ирана. Впоследствии (в 1820—1840-х годах) в армии оказалось немало индийцев и даже цыган.

Однако смуты, изнутри подрывавшие основы всех ханств Средней Азии, и вызывавший возмущение народа деспотизм

ханов в конце концов подточили мощь Коканда. Бухарский эмир Насрулла-хан (1826—1860) воспользовался внутренними неурядицами в Коканде и благоприятной для себя ситуацией (внимание извечного другого противника — Хивы — было отвлечено хоть и неудачным, но все же грозным для хивинцев походом на их столицу 5-тысячного русского отряда генерала Перовского в 1839—1840 гг.). В этих обстоятельствах эмир нанес Коканду ряд ударов в 1839—1842 гг., вернув себе Ташкент и Ходжент. Более того, Коканд фактически сдался, приняв бухарского наместника и других чиновников. Призванный народом двоюродный брат Алим-хана Шир-Али-хан (1842—1845) сумел выгнать бухарцев и утвердиться в Коканде, а затем, отбив новый натиск Насруллы, отвоевал Ташкент и Ходжент. Впрочем, Коканд воспрянул лишь на 20 лет. Последнему хану Худояру (1845—1879) пришлось в основном думать об угрозе с севера, хотя он не мог забывать ни о соперниках внутри государства, ни о претензиях Бухары, а тем более Китая, от протектората которого, навязанного после разгрома Джунгарии, Коканд освободился лишь в 1814 г. После этого были случаи ухода к китайцам, особенно-враждебных Коканду кочевников, например, 10 тысяч казахских семейств во главе с Адиль-ханом, но были и ответные миграции. В 1826—1830 гг. 10—12 тыс. семейств уйгуров перешли из Кашгара в Фергану. Все это было возможно ввиду того, что Пекин тогда плохо контролировал Кашгар. Более того, в последствии события 1864—1878 гг. в Кашгаре и возникновение там мусульманского государства, стали возможны благодаря Якуб-беку, бывшему кокандскому чиновнику, опиравшемуся на своих земляков из Андижана.

Но главный узел противоречий завязался вокруг столкновения в регионе интересов России и Великобритании. Англичане противодействовали российскому продвижению на Восток, прежде всего с целью расширения зоны своего колониального влияния, а также в надежде овладеть обширным рынком и ценным хлопком Средней Азии. В качестве задачи минимум они хотели максимально обеспечить безопасность своего господства в Индии и как можно дальше отодвинуть от Индии зону влияния какой-либо из великих держав, в данном случае — России. С этой целью Великобритания усиленно подталкивала не только Османскую империю, Иран и Афганистан, но также эмира Бухары, ханов Коканда и Хивы

к постоянной конфронтации с Россией. Ради этого англичане даже готовы были поддержать зародившейся в середине XIX в. панисламизм, хотя он и угрожал их господству на Ближнем и Среднем Востоке: к концу XIX в. в колониальных владениях Англии проживали 82 млн мусульман, т. е. в два с лишним раза больше, чем их тогда было в России и Османской империи, вместе взятых.

Характерно, что именно хан Худояр впервые выдвинул идею объединения мусульман разных стран — от Афганистана и Средней Азии до Индии и Ближнего Востока — с целью объявления ими джихада (священной войны) как против России, так и против Англии. Впоследствии его поддержал видный исламский мыслитель и реформатор Джамаль ад-Дин аль-Афгани, которого и стали считать идеологом панисламизма. Однако Худояр не сумел, да и не мог получить от этого никакого политического выигрыша. Противопоставив себя обоим великим державам, столкнувшимся в Средней Азии, он не нашел поддержки и у Османской империи, в 50—60-е годы XIX в. придерживавшейся в основном прозападного курса и лишь позже, после вступления на престол в 1876 г. Абдул-Хамида II, оценившей все выгоды панисламизма с точки зрения геополитических интересов Стамбула. Но это произошло уже после ухода Худояра с политической сцены.

Великобритания, закрепившаяся к тому времени экономически в Иране и Османской империи, стремилась вытеснить оттуда русское купечество и проникнуть в Закавказье. Однако Туркманчайский договор 1828 г. обеспечил военное господство России на Каспийском море и отрезал англичан от Закавказья и Средней Азии. К этому же времени обострилась и англо-русская конкуренция в Афганистане. Поэтому Великобритания с удвоенной энергией стремилась захватить Афганистан, удерживать на антирусских позициях Иран и создать из среднеазиатских ханств своего рода бастион против России. Россия, стремясь сорвать эти планы (как и планировавшееся англичанами оснащение ханских войск в Средней Азии современным оружием), не хотела, к тому же, отдавать Лондону выгодный бухарский рынок с его более дешевым, чем в Европе, сырьем, с его возможностями сбыта российских товаров (неконкуренентоспособных, как правило, тогда в Европе). Путь в Индию, Китай, Иран, Афганистан через Бухару также давал России преимущество перед более отдаленной Англией. А среднеазиатский хлопок,

высоко котировавшийся в России с начала XIX в., особенно стал нужен после падения экспорта хлопка из США в связи с началом там гражданской войны.

Проблему надо было решать. И правительство России решило начать с Коканда, который занимал наименее благоприятную в отношении России позицию и набирал в армию наемников из Индии и Афганистана, а также — из русских пленников и бежавших из России татар, башкир и поляков из Сибири.

Отношения Коканда с Россией были натянуты уже с начала XIX в. Возводя крепости на территории подчинившихся им казахских племен и собирая с них дань, ханы Коканда практически брали (совместно с Хивой) под свой контроль уже давно налаженную торговлю России с Бухарой. Особенно страдали торговые караваны русских и бухарских купцов от воинственных набегов подчиненных Коканду казахов и формально примыкавшей к Хиве части туркмен. В ответ на это с 1824 г. в степь стали посылать русские отряды, которые возводили военные поселения, организовывали округа с выборными султанами из казахов, каковых русские уже со времен Екатерины II («богоподобной царевны киргиз-кайсацкой орды», как называл ее Г.Р. Державин в своей оде «К Фелице») считали своими подданными. Были таким образом основаны Каркаралинск и Кокчетав в 1824 г., Акмолинск в 1827 г., Сергиополь (Аягуз) в 1831 г., Кокпешты и Урдожар в 1834 г. Всего за 30 лет (вплоть до 1854 г.) была выстроена почти непрерывная цепь русских укреплений в приграничных с Поволжьем и южной Сибирью степях, а также Сырдарьинская (по реке Сыр-Дарье) и Семиреченская (от Усть-Каменогорска до Верного, т. е. Алма-Аты) линии укреплений. Все это проходило не гладко, сопровождаясь мятежами недовольных султанов или сторонников ориентации на Коканд и Хиву, столкновениями и миграциями, а иногда — перемешиванием кочующих племен и отдельных родов казахов. Постепенно система всех этих мер привела к тому, что влияние Коканда и Хивы на казахов было устранено. Тогда же начался и отход от Коканда ранее подчиненных ему киргизов, которые предпочли ханскому деспотизму российское подданство. Многие из них, ранее спустившиеся с гор в долины, уходили из Ферганской области обратно на Памир.

Ослабленное Кокандское ханство, теснимое, к тому же, соседями и провоцируемое англичанами на антирусские акции,

много сил потратившее в 1839—1842 гг. на борьбу с бухарским эмиром Насруллой, стало сравнительно легкой добычей России. В 1864 г. русские войска, заняв города Туркестан, Чимкент и Аулие-Ата (ныне Джамбул), соединили воедино Сибирскую и Сырдарьинскую линии укреплений. В январе 1865 г. было создано Туркестанское генерал-губернаторство на территории от озера Иссык-Куль на востоке до Аральского моря на западе. С переходом к России Ташкента (в мае 1865 г.) и Ходжента (в мае 1866 г.) Коканд попал в полную зависимость от России. Ослабление власти хана Худояра и одновременное усиление им налогового гнета вызвали восстание 1873—1876 гг., начавшееся как выступление киргизов против непосильного бремени податей, а затем переросшее в широкое движение и против власти хана, и против русского царизма. Важную роль в нем играло мусульманское духовенство.

Летом 1875 г. хан Худояр бежал в Ташкент под защиту русских войск, а сменивший его Насреддин-бек вскоре также был свергнут за попытку договориться с русскими. Ряд успехов повстанцев во главе с наиболее авторитетным их вождем Пулат-беком (Исхаком Муллою Хасан оглы) не спасли положения. В январе—феврале 1876 г. повстанцы были разбиты русскими войсками под командованием генерала М. Д. Скобелева. Провозглашенный повстанцами хан Пулат-бек бежал, но был в марте 1876 г. схвачен и казнен. Еще раньше, в феврале того же года, Кокандское ханство было ликвидировано, а учрежденная на его месте Ферганская область включена в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Иной была судьба Бухарского ханства, правители которого из династии Мангытов оказались политически более гибкими. Их правление сопровождалось бесконечными восстаниями, интригами, междоусобицами и войнами эмиров с непокорными феодалами, отделившимися областями, племенами казахов и туркменов, Хивой и Кокандом. Продвижение русских в казахские степи и в пределы Кокандского ханства вызвало столкновение с бухарцами и начало войны с ними в 1866 г. После поражения под Самаркандом в 1868 г. эмир Музаффар-эд-Дин (1860—1885) вынужден был признать протекторат России, согласившись на превращение Бухары в вассальное государство. По договорам 1868 г. и 1873 г. Россия согласилась оставить трон династии Мангытов, забрав себе реальную власть.

Для характеристики внутреннего положения Бухары в то время достаточно привести такой пример. Армия эмира, в значительной мере состоявшая из наемников, оказалась небоеспособна не только ввиду военного и технического превосходства русских, но и ввиду деспотизма и недальновидности эмира, жестоко (и часто неоправданно) расправлявшегося с собственными воинами. В частности, он так третировал служивших ему афганцев, что из них 400 человек во главе с Искандар-ханом в самом начале войны восстали, перешли на сторону русских и в дальнейшем уже сражались на их стороне против эмира. Именно при их участии русскими был взят в 1868 г. Самарканд.

История подчинения Хивы была более "длительной" и запутанной. Расположенное к России ближе всех других среднеазиатских государств, Хивинское ханство раньше них начало вести переговоры о переходе в русское подданство. Однако со второй половины XVIII в. новая династия из племени Кунграт повела более амбициозную политику, значительно усилила ханство, подчинив своей власти, помимо узбеков и туркмен, также многих казахов и каракалпаков. Это вызвало новые трения и конфликты с Россией и Бухарой, не говоря уже о постоянной борьбе с Ираном, либо поддерживавшим бунтовавших против хана туркменов, либо пытавшимся силой подчинить их власти шаха. Хива весьма настороженно следила за регулярно развивавшимися (через Астрахань и полуостров Мангышлак) русско-туркменскими связями, тем более — за военным сближением многих племен с Россией, их участием в войнах с Ираном на стороне России, а особенно, за вступлением ряда туркменских племен-абдалов, чаудоров, игдыров и других в российское подданство. Естественно ханы оглядывались на соседний Иран и прислушивались к уговорам британских эмиссаров и агентов.

Стремясь опередить англичан, русские войска высадились в 1869 г. на восточном берегу Каспия, где основали город Красноводск, ставший оплотом дальнейшего продвижения и влияния в регионе. В 1873 г. русские отряды одновременно пошли на Хиву из Оренбурга, Ташкента, Мангышлака и Красноводска. Слабое сопротивление хивинских войск было сломлено. Хан вынужден был пойти на признание вассальной зависимости от России, вдобавок уступив ей правый берег Аму-Дарьи. Однако на этом дело не кончилось. Колонизаторская грубость царских

властей вскоре вызвала возмущение туркменов, особенно могучего племени текинцев, ранее хорошо относившихся к русским. Определенную роль сыграла и агентура Англии, постаравшаяся разжечь фанатизм и сепаратистские настроения феодально-патриархальной верхушки текинцев. Попытка подавить восстание текинцев в оазисе Ахал-теке, предпринятая в 1879 г. отрядом генерала Н.П. Ломакина, окончилась неудачей: безуспешно штурмуя главный оплот текинцев — крепость Геок-Теке, Ломакин понес большие потери и вынужден был отступить. Новую экспедицию в 1880—1881 гг. возглавил генерал М.Д. Скобелев, благодаря дальновидным и умелым действиям которого Геок-Теке была взята 12 января 1881 г. 18 января 1881 г. русскими войсками был занят аул Асхабад (современный Ашхабад). В состав России впоследствии вошли также Атрек, Теджен, Мерв и Пендинский оазис (к 1885 г.). Еще раньше, в 1882 г. была образована Закаспийская область с центром в Асхабаде.

Характерно, что остальные районы Хивинского ханства, в том числе туркменские, спокойно восприняли присоединение к России. Возможно, причина была в том, что во многих случаях политика русских властей была достаточно гибкой. Сам победитель при Геок-Теке М.Д. Скобелев писал в этой связи: «Наступает новое время полной равноправности и имущественной обеспеченности для населения, раз признавшего наши законы. По духу нашей среднеазиатской политики париев нет; это наша сила перед Англией. ... Чем скорее будет положен в тылу предел военному деспотизму и военному террору, тем выгоднее для русских интересов». И это не было лишь словами: новые порядки, о которых писал Скобелев, были тут же установлены в Ахалтекинском оазисе, бывшем до этого главной ареной боевых действий, а ряд представителей феодально-племенной знати стали офицерами местной милиции. Пятеро из них во главе с Тыкма-сардаром были приняты в Петербурге царем и военным министром.

Через весь Туркменистан прошла выстроенная в 1880—1888 гг. Закаспийская железная дорога. Появилось около 40 караван-сараев, открылась торговля дефицитными товарами: сахаром, стеклом, резиновой обувью, чаем, керосином. Начали издаваться первые русско-туркменские газеты, открывались гимназии, школы, больницы, аптеки. Русские врачи ликвидировали малярию и трахому. Были запрещены работорговля и аламанство (набеги с целью грабежа).

Присоединение к России вслед за казахскими и туркменскими областями всей территории Средней Азии привело ко многим изменениям и для России, и для всего региона Средней Азии и Казахстана. Россия, с одной стороны, укрепила свои международные и стратегические позиции, хотя бы временно смягчив противоречия с Великобританией. По соглашению 1873 г. Великобритания предоставляла Хивинское ханство «попечению России». А по соглашению 1885 г. Россия договорилась с англичанами об установлении российско-афганской границы, ибо прежние границы Афганистана со Средней Азией были достаточно неопределенны.

Завоеванные территории, именовавшиеся условно Западным или Русским Туркестаном (в отличие от «Восточного» в китайском Синьцзяне и «Афганского» на севере Афганистана), были административно сведены в 1865 г. в Туркестанскую область (с 1867 г. переименована в генерал-губернаторство, с 1886 г. — в Туркестанский край). Назначавшиеся из Петербурга губернаторы обладали всей полнотой власти, в том числе — и на территории «протекторатов» в Бухаре и Хиве. Вместе с тем на деле царские чиновники сводили к минимуму свое вмешательство в дела Бухары и Хивы. Эмиры Бухары, например, продолжали чеканить собственные монеты, руководствоваться *фетвами* (постановлениями) улемов, решениями шариатских судов и т. д. В целом фактически неограниченная власть эмиров и ханов над их подданными была сохранена, как и феодальные порядки, патриархальные обычаи, косные традиции в общественном быту, религиозной и культурной жизни. Вместе с тем российские власти, наученные горьким опытом Кавказской войны 1817—1864 гг., стремились избежать в своей среднеазиатской политике ошибок «по-кавказски» и действовали более гибко, продуманно и дальновидно.

В присоединении к России Средней Азии значительную роль, помимо факторов объективных (геополитических и экономических интересов России, военно-технического превосходства русской армии, соперничества России с Англией, заинтересованности части среднеазиатских мусульман, особенно купечества, в русских товарах и русской культуре), сыграли и субъективные факторы. Завоеванием Средней Азии руководили выдающиеся русские генералы того времени: М.Г. Черняев, Д.А. Милютин, М.Д. Скобелев, К.П. Кауфман, Н.Г. Столетов. Это были люди с широким кругозором, талантливые военные и администраторы, глубоко вникавшие в местные проблемы и не ограничивавшиеся чисто армейскими делами. Милютин и Столетов, к тому же, были видными учеными и дипломатами. Черняев, возглавлявший войска, шедшие к Ташкенту, еще до штурма города направил военному министру «Записку о местных условиях русской политики в Средней Азии», в которой особенно рекомендовал проявить уважение к исламу и внимание к мусульманскому духовенству. Став в 1865 г. первым начальником Туркестанской области, Черняев применял свои идеи на практике, установив полное взаимопонимание со всеми мусульманскими учреждениями. Он даже обратился к верующим со специальным воззванием, призывая строго следовать предписаниям ислама.

Важно также, что русским в Средней Азии помогали российские мусульмане, в основном татары, которые, зная языки Средней Азии, культуру и обычаи ислама, играли в ходе завоевания существенную роль посредников, переводчиков, первопроходцев, знатоков местной самобытности, не забывая при этом и своих интересов. До 3 тыс. татар постоянно жили в Бухаре, либо в качестве шакирдов (студентов) медресе, либо как представители купеческих домов Оренбурга, Орска, Троицка, Каргалы, Казани, Уфы. Богословы, учителя, правоведы из их среды имели обширные связи в бухарском обществе, налаживая контакты экономического, духовного и личного характера.

Наряду с негативными последствиями завоевания (установление власти военной администрации, закрепление в Бухаре и Хиве реакционно-феодальных порядков), Средняя Азия, вошедшая в состав России, в полной мере испытала и позитивные результаты присоединения: прекращение разорительных и бессмысленных войн между ханами и феодалами,

ликвидацию рабства, заметный подъем и обновление экономики. Строились железные дороги, хлопчатобумажные заводы (из 220 таких заводов во всей империи 208 были выстроены в Туркестане), начались разработки угля, нефти, других ресурсов, получили большое развитие хлопководство, виноградарство, садоводство. Появились рабочие из местных жителей (узбеков, таджиков) и приезжих (русских, украинцев). Их примерное соотношение было 7:10.

Как и другие области традиционного распространения ислама в России, Средняя Азия втягивалась в общероссийские процессы экономического, социального и культурного развития. Благодаря вводу в строй Среднеазиатской и Оренбург-Ташкентской железных дорог, товарооборот с Россией увеличился в десятки раз. Более того, местные предприниматели заняли ведущие позиции в хлопковой промышленности. Только в Маргиланском уезде из 15 предприятий отрасли в 1895 г. им принадлежали 12. Некоторые мусульманские торговцы и фабриканты имели миллионные состояния. Однако среди нарождающейся буржуазии доминировали ростовщики, скупщики шерсти, разбогатевшие ремесленники. Они только начинали учиться предпринимательству. И им почти не на кого было опереться. Тем не менее, они уже ощущали нажим снизу.

Уходившие из кипляков на рытье каналов и строительстве железных дорог редко сохраняли связи с традиционной общиной, что подрывало социальную основу общинно-сословного строя, создавало первые группы мусульманского пролетариата или гораздо чаще люмпенизированного предпролетариата. Новые хозяйственные отношения вытесняли (особенно у казахов, киргизов, каракалпаков, туркменов) кочевую цивилизацию, в основном исчерпавшую себя ко времени присоединения Средней Азии к России. Это хорошо понимали лучшие представители общественной мысли и литературы среднеазиатских народов. Да и среди российских чиновников и губернаторов, таких как Черняев, Кауфман, Скобелев, существовало пусть не абсолютное, но все же определенное понимание проблем местных мусульман. В частности, бывали случаи полного освобождения их от налога (во время эпидемий, массового падежа скота, прочих стихийных бедствий), оказания им массовой помощи продовольствием в голодные годы.

Россия, безусловно, была экономически заинтересована в контроле над Средней Азией, особенно в связи с проблемами пореформенного экономического развития страны в 60-е годы. За период 1853—1867 гг., т. е. от взятия первой кокандской крепости Ак-Мечеть и до образования Туркестанского генерал-губернаторства, товарооборот России со Средней Азией возрос в 20 раз и достиг 30 млн рублей. К 1913 г. Иран ввозил из России более 50% необходимых ему текстильных товаров. Тогда же на Россию пришлось 42% экспорта Афганистана, 68% — Ирана, более 11% — Китая. И все это в основном шло через Среднюю Азию. Русские товары тогда, по свидетельству Ф. Энгельса, «проникали вплоть до самого Инда и в некоторых случаях пользовались даже предпочтением перед английскими». Более того, поскольку и состояние среднеазиатских ханств, и обстановка вокруг них в то время почти не оставляла им шансов на независимое существование, присоединение их к России было предпочтительнее, чем превращение их в колонию Великобритании или в окраину дряхлеющего тогда и ставшего, в свою очередь, полуколониальным, цинского Китая.

На стороне России была и многовековая традиция не прекращавшихся экономических, политических и иных контактов со Средней Азией, и готовность нести гораздо большие жертвы ради модернизации региона, нежели готовы были на это конкуренты России, упоминавшиеся выше. В 1868—1872 гг. Россия затратила на Туркестан 29 497 414 рублей, а получила дохода от него 10 588 549 рублей. По данным С.Ю. Витте, дефицит бюджета Туркестана на рубеже XIX—XX вв. составлял ежегодно 2—4 млн рублей, а по данным другого министра, А.В. Кривошеина, к 1912 г. владение Туркестаном стоило России 150 млн рублей, не считая чрезвычайных расходов на строительство дорог и т. п. Ежегодно правительство России приплачивало Туркестанскому краю 3,5 млн рублей на «текущие» расходы.

Иначе стоит взглянуть и на степень влияния России на образ жизни обитателей региона. Приход русских мало изменил социальные порядки внутри местного мусульманского общества. Как до завоевания Средней Азии Россией, так и после него ячейкой общества оставалась община, «сообщество неразрывно связанных друг с другом производителей», которые совместно владеют основным средством производства

в традиционном обществе — землей. Нередко этой собственности общине не хватало для прокормления общинников, тем более что другое важнейшее средство производства — вода — оставалась в руках государства, а конкретно — в руках сохранивших свои позиции при царизме ханов, беков и других традиционных правителей. Община (*кишлак* в сельской местности, *квартал-махалля* в городе) имела в качестве духовного и культурного центра *мечеть* во главе с *муллою*;³ обычно — наиболее грамотным и уважаемым человеком, и *мазар*, т. е. гробницу местного святого. *Шейхи* (или «*пиры*», т. е. старцы по-персидски), которые были наследственными хранителями мазаров, пользовались не только авторитетом, но и мистическим поклонением верующих, приписывавших им иногда сверхъестественные способности исполнения самых различных желаний (урожая, ребенка, победы, удачи, богатства). Обычно «пиры» были *ишанами* (*дервишами*) суфийских братств с их обрядами и практикой. Таким образом, приход русских в Среднюю Азию не затронул ни структуры, ни обычаев местного ислама, сохранив и позиции, и влияние как официальных служителей ислама, так и неофициальных, но опиравшихся на крепкую традицию представителей «народного ислама».

В этой связи стоит напомнить, что сопротивление русским войскам в Средней Азии гораздо более сильное, нежели феодалы, госаппарат и армии местных ханов, оказывали суфийские братства, особенно влиятельное в регионе братство Накшбандийя, с XIV в. широко распространившееся и в Средней Азии, и в соседних регионах. Почти все лидеры антироссийских выступлений были накшбандийскими шейхами — вождь восстания 1871 г. в долине Чирчик Ходжа-ишан из Кулкары, руководитель борьбы туркменских племен области Геок-Тепе в 1879—1881 гг. Курбан Мурат, глава ферганского мятежа 1896 г. в Андижане ишан Мохаммед Али из Мин-Тюбе. Их активность во многом стимулировалась объединением усилий братств Накшбандийя и Кадырийя в 1877—1878 гг. (т. е. в годы русско-турецкой войны) явно не без влияния османской агентуры.

Однако тогда мало что могло воспрепятствовать закреплению России в Средней Азии. Слишком слабы были и в экономическом, и в социокультурном, и в чисто военно-техническом плане противостоявшие россиянам силы. И, разумеется,

слишком очевидны были политические, дипломатические, хозяйственные и прочие преимущества включения народов Средней Азии в российское экономическое и социальное пространство, в общественную и духовную жизнь России.

Конечно, не стоит идеализировать политику царской России в Средней Азии. Экономически она во многом оставалась колониальной и сопровождалась административным произволом, бесхозяйственностью, полицейскими насилиями. Скотоводы-кочевники (более трети сельского населения Средней Азии) жили в очень тяжелых условиях: свыше 11% среди них вообще не имели скота, до 40% поголовья которого сосредоточено было в руках феодально-байской верхушки (не более 3% всех скотоводов). 15% крестьян не владели землей, а еще 65% из них были бедняками, влачившими полунищенское существование. Безземельные обычно обрабатывали земли эмира (*амляк*), знати (*мульк*) и духовенства (*вакф*). Не будучи в состоянии рассчитаться с ростовщиками, они нередко продавали себя и своих близких в рабство, хотя официально это было запрещено. Экономическое развитие было противоречивым: зарождавшаяся промышленность уживалась с сохранением феодальных и феодально-патриархальных отношений. Феодалам, ханским чиновникам и духовенству принадлежало 85% обрабатываемых земель в Бухарском эмирате, 95% поливных земель в Хивинском ханстве. Мусульманское население было сплошь неграмотным.

На большинство населения, например, Бухары, составлявшего сословие *фукаро* (буквально — бедняки), давили средневековые привилегии военно-служилого сословия *сипох* и духовного сословия «улямо». Все наиболее выгодные должности были монополизированы наследственной знатью. Служители ислама были многочисленны (только в Бухаре одних имамов мечетей было 250—300 человек) и разнообразны: теологи-улемы, правоведы-факихи, судьи-казии, муфтии, потомственные ишаны, руководители суфийских орденов и множество духовенства менее значительных рангов. Содержание их всех требовало больших расходов, всю тяжесть которых несли на себе рядовые мусульмане. Но возможности сбросить этот гнет не было. Задавленные политически и духовно, они были также разьединены этнически и социально: в Бухарском эмирате в начале XX в. проживало 3 млн человек (из них лишь 300 тыс. горожан), среди которых было 50% узбеков,

30% таджиков, 10% туркменов, а среди остальных было множество иных этносов — казахов, киргизов, уйгуров, дунган (китайских мусульман), евреев, армян, выходцев из Ирана, Афганистана, Индии. Положение мусульман в Туркестанском крае под властью российских чиновников было не многим лучше, тем более, что и там налоговый гнет (хотя и не так, как в Бухаре, где взималось до 50 различных налогов) был очень тяжелым, а мусульман нередко третировали как «инородцев».

Вместе с тем Россия проявляла уважение к обычаям ислама в Средней Азии. Никакого насильственного крещения здесь не допускалось, как и ущемления прав верующих. К 1917 г. только в узбекских областях насчитывалось до 400 медресе, а *мактабы* (религиозные школы) были в большинстве кишлаков.

Культурные контакты с Россией породили целый слой туркестанцев, усвоивших русскую культуру или испытавших ее влияние. Первыми среди них были представители казахской знати. Внук хана Аблая, видный просветитель-демократ **Чокан Валиханов** (1835—1865) стал первым казахским ученым, философом и историком. Офицер русской службы, участник научных экспедиций в Китай и Тянь-Шань, талантливый художник, этнограф и фольклорист, он оставил ценные исследования по истории народов Казахстана, Средней Азии, Кашгара и Сибири, перевел на русский язык киргизский эпос «Манас». Когда он жил в Петербурге в 1860—1861 гг., Валиханов встречался с А.Н. Бекетовым, Ф.М. Достоевским и другими представителями российской интеллигенции. Осуждая произвол казахских феодалов и колонизаторскую политику царизма, он выступал за переход казахов к оседлости, за преодоление их отсталости путем приобщения к русской культуре. Его идеи развили в дальнейшем **Абай Кунанбаев** (1845—1904) и **Ибрай Алтынсарын** (1841—1889). Первый из них, поэт-просветитель, стал основоположником казахской литературы и одновременно пропагандистом русской литературы. Считая себя учеником Л.Н. Толстого и М.Е. Салтыкова-Щедрина, он воспевал просвещение и духовное раскрепощение, обличал насилие, мракобесие, родоплеменные междоусобицы, бесправие женщин и неравные браки. При его жизни его труды распространялись устно и впервые были изданы в 1909 г. на казахском языке в Петербурге.

Алтынсарын — педагог и писатель, зачинатель казахского алфавита на основе русской графики — всю жизнь посвятил просвещению своего народа, пропаганде русской культуры, писал учебные пособия для русско-казахских школ. Будучи учителем и школьным инспектором, посылал казахов в университеты и технические институты. Его стихи, рассказы, переводы И.А. Крылова и Л.Н. Толстого способствовали сближению русских и казахов. Автор ряда этнографических работ, Алтынсарын много сделал для изучения быта и обычаев казахов и киргизов.

На рубеже XIX—XX столетий немногочисленные группы просвещенных мусульман Туркестана искали выход из сложившейся ситуации, мечтая, с одной стороны, возродить национальную культуру и политическую самостоятельность своих народов, а с другой — приобщить их к современной жизни, к достижениям мировой цивилизации и прогресса. Они примкнули к движению «*джадидов*» (либералов-обновленцев), начавшемуся в то время среди мусульман России. Основателем этого движения был крымско-татарский просветитель, писатель, педагог и общественный деятель **Исмаил-бей Гаспралы (Гаспринский)**, с 1883 г. издававший газету «Терджуман», популярную во всех мусульманских регионах России. А само движение получило название от арабо-персидского термина «*усул-и джадид*», т. е. новый метод. Имелся в виду новый (звуковой) метод обучения грамоте на арабской графике, который Гаспринский ввел в 1884 г. в руководимой им школе в Бахчисарае. Вместе с тем среднеазиатские и некоторые другие историки считают, что у истоков джадидизма стоял татарский реформатор ислама **Абу Наср Курсави (1765—1813)**, учившийся и живший в Бухаре. От Курсави эстафету принял другой татарский реформатор и просветитель, казанский богослов **Шихаб ад-Дин Марджани**, под влиянием которого и началась деятельность Гаспринского. В Средней Азии джадидизм проявился несколько позже.

При поддержке генерал-губернатора **К.П. Кауфмана** с 1884 г. в Самарканде и других городах стали открываться «русско-туземные школы», целью которых было дать местным уроженцам светское образование и способствовать русификации всей системы просвещения края. Эти школы сыграли

определенную роль в модернизации среднеазиатской элиты и приобщении ее к европейским знаниям. Однако население в большинстве своем их сторонилось, считая «еретическими». Но и старые традиционные мактабы уже не удовлетворяли распространявшуюся среди мусульман края жажду модернизации и обновления. Первая новометодная школа открылась в Андижане в 1889 г., но вскоре закрылась. Однако с 1893 г. число этих школ стало расти.

Общероссийское движение джадидов, во многом опиравшееся на преподавателей и выпускников новометодных школ, постепенно стало окрашиваться региональной спецификой, так или иначе, отражая особенности положения регионов Крыма, Поволжья, Средней Азии и Кавказа.

«Отцом среднеазиатского джадидизма» считался **Махмуд-ходжа Бехбуди** (1875—1919), публицист, педагог и автор многих учебников для новометодных школ. Он также известен как издатель, журналист, сторонник модернизации и реформации ислама. На базе опыта, воспринятого им от джадидов России, прежде всего Исмаила Гаспринского и Ризаутдина Фахретдинова, Бехбуди учредил новометодную школу в Самарканде, содействовал организации публичных библиотек, распространял в прессе и открытых письмах идеи джадидизма и автономии Туркестана. Видным теоретиком джадидизма был также талантливый узбекский поэт, публицист и просветитель **Абд ар-Рауф Рахим-оглы**, известный под псевдонимом **Фитрат** (1886—1938). С 1913 г. он стал видным драматургом и одним из лидеров выступавшей против эмира организации младобухарцев.

Выдающимся таджикским писателем, философом и историком, оказавшим большое влияние на многих местных интеллигентов, в том числе — на Бехбуди, являлся **Ахмад Дониш** (1827—1897) по прозвищу «Калла» (Голова). Образованнейший человек своего времени, он не раз участвовал в посольствах Бухары в Петербург (1857 г., 1869 г., 1874 г.), был автором «Краткой истории мангытских эмиров благородной Бухары» и «Редчайших происшествий», сохранивших до наших дней значение важных источников по истории Средней Азии XIX в. Им был разработан проект реформ, по которому власть эмира должна была быть ограничена, а сам эмир обязывался все делать для просвещения народа путем введения в Бухаре всеобщего обучения, в том числе математике,

географии, естественным наукам. Дониш выступал за широкое использование природных богатств, за изучение русского языка и русской культуры. Однако его проекты были отвергнуты правящей верхушкой, а его самого духовенство осудило как «вероотступника». Однако джадиды впоследствии признали его «предтечей джадидизма» в Средней Азии.

Среди джадидов Туркестана выделялись также **Мунаввар-Кари Абдурашидов** и **Убайдулла Ходжаев**. Первый из них, открыв новометодную школу, сам составил для нее учебники, издавал в 1906 г. в Ташкенте газету «Таракки» (Прогресс), а в 1907 г. — «Шухрат» (Слава), которая была закрыта властями ввиду «крайне вредного левого направления». Впоследствии он возглавил тайное общество «Иттиход ва таракки» (Единение и прогресс), пытавшееся осуществить в Туркестане программу одноименной османской партии младотурок. Убайдулла Ходжаев, в отличие от Абдурашидова, был человеком пророссийской ориентации (он учился в Саратове), видным адвокатом и журналистом, издававшим газету «Садои Туркистон» (Голос Туркестана). Он был близок к русским эсерам и способствовал политизации джадидов, поначалу испытывавших интерес лишь к вопросам религии, культуры и образования.

Вообще пресса, наряду с модернизацией системы образования, сыграла большую роль в формировании движения джадидов. В Туркестане роль рупоров (и пропагандистов) джадидизма играли журналы и газеты «Таракки», «Туджор», «Шухрат» и «Садои Туркистон» в Ташкенте, «Самарканд» и «Ойна» в Самарканде. «Садои Фаргона» в Фергане, «Турон» и «Бухоро-и-Шариф» в Бухаре, а также издававшийся в Оренбурге видным джадидом Ризаутдином Фахретдиновым журнал «Шура», уделявший большое внимание центрально-азиатским проблемам. Однако ввиду массовой неграмотности населения пресса джадидов не была влиятельна и даже известна среди широких слоев мусульман. Кроме того, газеты джадидов быстро исчезали; «Таракки» выходила только с марта по июль 1906 г., сменившая ее «Хуршед» — с сентября по ноябрь того же года, «Шухрат» — с декабря 1907 г. по февраль 1908 г., выходявшая с апреля 1908 г. «Осиё» была закрыта после пятого номера.

То же самое можно сказать и по поводу начавших зарождаться с 1909 г. тайных обществ, формально культурно-

просветительного, а на деле — политического характера («Таракки — Парвар» в Ташкенте, «Гайрат» в Коканде и др.). В Бухаре, где новометодные школы были в 1909 г. закрыты, а джадиды подверглись преследованиям, они образовали в подполье тайное общество «Тарбия-и-атфол» (Воспитание детей), которое формально занималось вопросами образования, а на деле — политикой. Создавшие общество 30 человек явились организационным ядром будущей *партии младобухарцев*. Среди них были такие известные впоследствии деятели, как классик таджикской литературы Садриддин **Айни**, известный просветитель и организатор первой в Бухаре новометодной школы в 1908 г. **Абдулвахид Мунзим Бурханов**, видный бухарский миллионер и просветитель **Мухитдин Мансуров**, ставший автором первой программы младобухарцев **Абд ар-Рауф Фитрат**, его коллега по университету в Стамбуле и будущий председатель бухарского ЦИК **Усманходжа Пулатходжаев** и, наконец, получивший образование в Москве лидер «младобухарцев-революционеров» **Файзулла Ходжаев**, будущий руководитель Бухарской Народной Республики, председатель Совнаркома Узбекистана и ЦИК СССР.

Подпольная деятельность младобухарцев в основном сводилась к тайной организации нелегальных новометодных школ, распространению (с помощью бухарских татар) издававшейся легально в России мусульманской прессы, направлению бухарской молодежи на учебу в Россию и за границу (преимущественно в Стамбул), организации «Товарищества священной Бухары» для издания учебников, изданию газеты «Турон» на узбекском языке и «Бухоро-й-шариф» на таджикском.

Важную роль в становлении младобухарского движения сыграло бухарское студенческое землячество в Стамбуле «Бухара Талим Маориф», возникшее в 1908 г. Из него в 1911 г. выделилась организация «Турон Нашри Маориф», которая работала в контакте с младотурками и строила планы проосманского переворота в Бухаре и всеобщего восстания в Средней Азии. Часть ее членов планировала создание таким путем Среднеазиатского ханства, другая часть во главе с Саидом Ахрори выступала за республику с выборным президентом. Однако в 1912 г. Исмаил Гаспринский и Махмудходжа Бехбуди, выступавшие за сохранение связей с Россией, отсоветовали бухарским эмигрантам «развивать идею пантюркизма» и вообще надеяться на османов. К 1914 г. младобухарцы пришли

фактически расколотыми на традиционалистов (пантюркистов и панисламистов) и либералов-модернистов.

Под влиянием младобухарцев и на основе общей с ними платформы (агитации за просвещение, против невежества и мракобесия, феодального деспотизма и беззакония) возникло и либеральное течение в Хиве, впоследствии оформившееся в *партию младохивинцев*. В 1910 г. либералы Хивы выдвинули «Проект реформ» с требованием организации национальных школ и упорядочения чиновничьего аппарата. Но к ним никто не прислушался. Ситуация в Хиве была другой, чем в Бухаре: здесь не было ни газет, ни издательств, и функционировали всего две новометодных школы, в основном — для приезжих татар. Русских и татар в Хиве к началу XX в. было 5930 человек. Они оказывали определенное влияние на развитие просвещения и культуры в ханстве. Кроме того, ежегодный уход до 3 тыс. хивинцев на заработки в Туркестан с последующим их возвращением, поступление в Хиву русских газет, а также пропаганда британской и османской агентуры, способствовали проникновению в среду местного населения как идей джадидизма и мусульманского реформаторства, так и панисламизма и, несколько позже, пантюркизма.

Однако младохивинцы еще больше, чем младобухарцы, были изолированы от основной части своих земляков, тем более, что тех раздирали не столько политические или идеологические, сколько этнические споры. Государственный аппарат и городские профессии были в основном в руках узбеков, экономические позиции — в руках русских, татар и узбеков, а туркмены, казахи и каракалпаки, находясь в процессе перехода к оседлости, вели борьбу за земельные и водные ресурсы с узбекским дехканством. В то же время туркмены, составляя военно-служилое сословие ханства, претендовали на власть. Этим пользовалось царское правительство, посылавшее против туркмен карательные отряды, формально — для защиты мирных земледельцев, фактически для поддержания в Хиве постоянной напряженности и этнической вражды. В борьбе с царскими войсками на первые роли выдвинулся туркменский племенной вождь Курбан Мамед, по прозвищу Джунаид-хан, с 1912 г. партизанивший в пустыне Каракум. Его стычки с ханскими войсками и русской полицией были, пожалуй, главной особенностью внутривосточного положения в Хиве.

О младохивинцах заговорили только в 1916 г., а до этого они, если и существовали, то скорее не как движение, а как умонастроение, идейное течение среди части буржуазии, чиновничества и даже духовенства, недовольной и российским господством, и слабостью ханской власти, неспособной обуздать Джунаид-хана (по слухам, связанного с англичанами) и вообще справиться с межэтническими противоречиями. Среди младохивинцев, выдвинувшихся до 1914 г., наиболее заметны были чиновник ханский канцелярии Саидахмед Матмурадов, религиозный деятель Баба-Ахун Салимов и владелец хлопкоочистительного завода Мулла Джуманияз Султанмурадов.

Младобухарцы и младохивинцы, однако, не играли заметной роли (за отдельными исключениями типа Фитрата) в политической жизни Туркестана. Большинство мусульманских деятелей края, находясь в постоянном контакте с его русским населением и с общероссийской мусульманской партией «Иттифак аль-муслимин» (Союз мусульман), связывали свои надежды, особенно после 1905 г., с либерализацией порядков в Российской империи и сотрудничеством с партией кадетов. Однако после 1907 г. политика царского премьера Столыпина, закрывавшего национальные школы, газеты и организации, вызвала разочарование туркестанских джадидов. После 1908 г. наступило охлаждение между ними и кадетами, которые, отвергая претензии джадидов, игнорировали национальные интересы мусульман империи, в том числе Туркестана, все более сдвигаясь на позицию «единой и неделимой» России. В этих условиях все более ослабевало пророссийское крыло «Иттифак аль-муслимин» и все более усиливались панисламистские и пантюркистские настроения среди туркестанских джадидов, во многом подхлестнутые младотурецкой революцией 1908—1909 гг. в Османской империи и итало-турецкой войной 1911—1912 гг., вызвавшей солидарность всего мусульманского мира с османами и триполитанскими арабами. Определенное влияние на умонастроения в Средней Азии оказали и революционные события 1905—1912 гг. в Иране и Китае. Но более значительным было воздействие возникшего в Стамбуле в 1911 г. общества «Тюрк оджагы» (Тюркский очаг), выступившего за создание «Великого Турана» под османским руководством.

Ситуация в Туркестане осложнялась тем, что типичные для всего российского ислама противоречия между

традиционалистами-кадимистами и обновленцами-джаджидами здесь проявлялись особенно остро. На стороне первых были старая феодальная знать, консервативная часть духовенства и наиболее отсталые фракции торгово-ремесленного люда, а на стороне вторых — новая буржуазия и современная интеллигенция. Ни одна из этих групп не лидировала в общественном мнении и, более того, старалась не столько бороться с российскими властями, сколько договориться с ними. В то же время и по этому вопросу единства не было ни среди джадидов, ни среди кадимистов. Даже журнал «Ислах» (Реформа), орган кадимистов, считавших «реформой» отказ от любых контактов с «неверными», но по тактическим соображениям признавал русского царя «наместником Аллаха на земле».

До 1914 г. и даже до 1917 г. в Туркестане не возникли национальные политические партии, прежде всего — вследствие дробности и разъединенности нуждающихся в них современных социальных сил, а также вследствие незавершенности формирования самих наций и, соответственно, национально-го самосознания (до 1917 г. узбеки, таджики, киргизы и другие жители края называли себя либо «туркестанцами», либо «мусульманами»). Но предпосылки к тому уже возникли и развернувшийся после революционных событий в России в 1917 г. бурный процесс политизации жителей Туркестана, Бухары и Хивы был, конечно, подготовлен и политикой царского правительства, и российской колонизацией, и культурно-просветительной деятельностью мусульманских реформаторов, и полемикой джадидов и кадимистов, и развитием новометодных школ, мусульманской прессы, общественных организаций, как и воздействием на положение региона извне — из России и стран Востока

Наиболее наглядно это иллюстрируется предысторией возникновения партии казахских националистов *Алаш-Орда*. Она возникла из кружков местной интеллигенции, находившейся с 1905 г. под влиянием татарских джадидов Казани и Оренбурга. В том году эти кружки провели свои первые собрания в Оренбурге и Верном (будущий Алма-Ата). В них доминировали последователи Абая Кунанбаева и Чокана Валиханова, как и они принадлежавшие в основном к родоплеменной аристократии. Учившиеся в России, они симпатизировали кадетам, но были равнодушны к пантюркизму, а панисламизм считали «восточной утопией». Среди них выделялись

Али-хан Букейханов (1869—1932), потомок Чингисхана, историк, экономист и фольклорист, а также **Ахмед Байтурсун** (1873—1937), поэт, педагог, лингвист, выходец из знатного рода Аргын. Букейханов, служивший чиновником в администрации края, дважды арестовывался царскими властями за националистическую деятельность и дважды был депутатом Государственной думы России. Байтурсун, получив образование в Петербурге, работал учителем.

В 1912 г. ими была создана единая группа, принявшая название «Алаш-Орда» (т. е. орда мифического предка казахов Алаша). С 1913 г. они стали издавать газету «Казах», в которой постепенно были изложены положения программы будущей партии «Алаш-Орды», официально созданной в 1917 г. Эта программа требовала объединения всех этнических территорий казахов, а также — равноправия казахов с русскими, перехода их к оседлости», подъема национальной культуры и прекращения русской колонизации казахских земель. Вместе с тем не выдвигалось требований независимости и вообще каких-либо политических требований. Более того, в программе был пункт о равенстве всех вероисповеданий, хотя и подчеркивалась «историческая принадлежность» казахов к исламу. В сущности это была первая в Центральной Азии светская националистическая программа, не связанная с исламом. Однако ее появление не было результатом завершенности этнонациональных процессов в Казахстане, где тогда в основном отсутствовали и национальная буржуазия, и национальный пролетариат. В значительной мере данная программа появилась вследствие большей модернизации и европеизации казахской интеллигенции, более давних ее контактов с Россией и доминирования среди казахов этнонациональных традиций и родоплеменного начала над традициями ислама и мусульманской культуры.

§ 1

Государство Сефевидов
в XVI в.**Возникновение государства Сефевидов**

На рубеже XV—XVI вв. в Иране, переживавшем смутное время, на арену истории выдвинулись представители тюркского рода Сефевидов. Они являлись наследственными шейхами дервишского ордена Сефевийе, образованного в начале XIV в. мелким феодалом из окрестностей Ардебиля Сефи ад-Дином Исхаком. В честь почитаемых шиитских имамов приверженцы ордена с XV в. начали носить в качестве головного убора чалму с двенадцатью пурпурными полосами, отчего и получилось название «*кызылбаши*» («красноголовый»). Основанное в 1502 г. Исмаилом I Сефевидом государственное объединение чаще всего именовалось «*Доулет-е кызылбаш*», т. е. **Кызылбашское государство**. Стремясь представить себя наследниками могущественных прежних властителей Ирана, Исмаил I (1502—1524) и его преемники приняли титул «*шахиншах-е Иран*». В европейских источниках государство Сефевидов, просуществовавшее до 1736 г., называлось Персией.

Имея сторонников среди феодалов Гиляна и Талыша, кызылбашские ополчения, основу которых составляли тюркские племена Малой Азии и Азербайджана, сумели разгромить войска Ширван-шаха и подчинили на некоторое время (1500—1501) Баку и Шемаху. У султана Ак Коюнлу им удалось отвоевать Иранский Азербайджан с Тебризом, где в 1502 г. состоялась коронация Исмаила. Шиизм был провозглашен государственной религией. Затем под власть Сефевидов перешел Ирак со священными для мусульман-шиитов Кербелой и Неджефом, являвшимися одновременно важными торговыми центрами. За первые десять лет своего правления Исмаил I захватил также Казвин, Кум, Кашан, Исфаган, Шираз, Йезд,

Керман, установил контроль над Гиляном, Курдистаном, Мазандараном, Фарсом, Хузистаном и Хорасаном, разбив в 1510 г. в сражении под Мервом узбекские отряды Шейбанихана. Однако завоевать Центральную Азию, потерпевшим в 1512 г. поражение от узбеков, кызылбашам не удалось.

Государство Сефевидов в XVI в.

В образованной усилиями тюркских племен державе Сефевидов главенствующие позиции в политической жизни до конца XVI в. занимала кызылбашская военно-кочевая знать. Иранский элемент (гражданские чиновники и духовенство) играл второстепенную роль. При дворе шаха и в войсках использовался азербайджанский язык, на персидском языке по традиции велась служебная переписка и оформлялась текущая документация. Верховным правителем являлся *шахин-шах*, который признавался заместителем «скрытого» двенадцатого имама Мохаммеда Мехди и считался одновременно главой ордена Сефевийе. По своей форме Сефевидское государство было *теократией*, однако фактически носило светский характер. Вторым по значению лицом после шаха в нем был «*векил*» («*заместитель*») или «*амир ал-умара*» («*глава эмиров*»). На начальном этапе все *эмиры*, невзирая на их реальное положение и роль, имели титул *беков*. В дальнейшем в Кызылбашской державе возникла иерархия званий, согласно которой высшим считался титул *хана*, затем шли *султаны* и *беки*.

Иран был разделен между главами кызылбашских «племен» и их воинами. Старое население с обширных территорий, перешедших под власть тюрков-кызылбашей, как правило, изгонялось. Исключение составляли Гилян и Мазандаран, не удобные для ведения кочевого хозяйства. Отдельные закавказские области (Ширван и Шеки) при Исмаиле I еще имели собственных правителей и сохраняли внутреннюю автономию, однако в них удельный вес представителей тюркского населения возрастал особенно быстро.

В Сефевидском государстве, как и раньше, наряду с *юртами* (землями кочевых племен) существовали государственные земли (*дивани*), земли шахской семьи (*хассэ*), земли *вакуфные*, *мульковые* и *союргальные* (находившиеся

в наследственном пользовании). В XVI в. последние две категории земельных угодий имели тенденцию к уменьшению, поскольку распространявшийся на них налоговый и судебно-административный иммунитет ослаблял общегосударственное единство и ущемлял интересы центральной власти. Сефевиды более целесообразным находили предоставление знати и служилым людям так называемого *тиула* — феодальной ренты-налога с определенной территории на период исполнения ими должностных обязанностей. В целом, преобладающая часть земельного фонда страны концентрировалась в руках кызалбашской военной верхушки, которая не только возглавляла свои племена и их ополчения, но и эксплуатировала оседлых *крестьян-райятов*. Положение крестьян было более тяжелым по сравнению с сохранявшими родоплеменную организацию *кочевниками-илятами*, составлявшими ядро войска. Хотя крестьяне юридически считались свободными, тем не менее, они платили феодалам ренту (обычно часть урожая и различные налоги), привлекались также на принудительные работы в пользу государства, отвечали за поставки провианта и фуража для войска и т. д. В городах сохранялся введенный еще монголами налог на ремесло и торговлю — *танга*.

Провозглашение шиизма имамитского толка государственным вероисповеданием, ставшим обязательным для всех мусульман, сопровождалось репрессиями против суннитов и крайних шиитов, сторонников «еретического» течения суфизма. В то же время христиане и иудеи, хотя и считались людьми «второго сорта», особым гонениям не подвергались: сефевидские правители стремились использовать их в качестве дипломатических и торговых агентов при контактах с европейскими странами и в борьбе с соседними враждебными суннитскими государствами — османским и узбекским.

Внешняя и внутренняя политика Сефевидов при Исмаиле I и Тахмаспе I

Образование и быстрое укрепление позиций Сефевидской державы в Закавказье, Курдистане и Месопотамии, где проходили важные пути караванной европейско-азиатской торговли, вызывало серьезную обеспокоенность турецких султанов. Опасения Стамбула во многом подкреплялись еще

и тем, что на территории Малой Азии проживало немало шиитов-кочевников и крестьян, сочувствовавших Ирану и готовых выступить в любой момент на его стороне против Турции. Отношения между кызылбапами и османами резко обострились после издания в 1501 г. от имени Исмаила I указа, содержавшего, по шиитской традиции, проклятие трех «праведных халифов» — Абу Бакра, Омара и Османа.

Готовясь к войне с Сефевидами, султан Селим I Явуз («Грозный», 1512—1520), устроил в 1513 г. в Малой Азии избиение своих политических противников-шиитов. В апреле 1514 г. он открыл боевые действия. 23 августа 1514 г. у местечка Чалдыран османы одержали решительную победу над армией кызылбашей, захватив огромную добычу, в том числе золотой шахский трон, до сих пор хранящийся в стамбульском музее Топкапы. Заняв на некоторое время столицу Сефевидов Тебриз, Селим I повернул со своим войском обратно и вскоре занялся покорением Сирии и Египта. Северный Ирак с Мосулом перешел под власть Османской империи.

Вступивший на иранский престол после Исмаила I его старший сын Тахмасп I (1524—1576) первое время находился в зависимости от эмиров кызылбашских племен. Последние поддерживали власть шаха лишь поскольку она выполняла их требования земельных пожалований и высоких должностей. Враждуя между собой, они мало заботились об интересах государства. Постоянные вторжения бухарских и хивинских ханов в Хорасан сопровождались подрывавшими общегосударственное единство восстаниями вассалов, стремившихся отложиться и провозгласить себя независимыми правителями.

Однако главную опасность для Сефевидов представляла Османская империя. Наследник Селима I султан Сулейман Кануни (1520—1566) в 1533 г. начал продолжавшуюся более двадцати лет затяжную войну против Ирана, в ходе которой турки завоевали Западную Армению, Курдистан, Арабский Ирак (Багдад — в 1534 г., Басру — в 1536 г.), трижды (в 1533, 1534 и 1548 гг.) захватывали Тебриз, в 1548 г. заняли даже Исфаган. Союзниками османов в Закавказье были перешедшие на их сторону кызылбашские эмиры, в том числе родной брат шаха Алкас-мирза, а также зависимые от Стамбула крымский хан, северокавказские черкесы и дагестанские власти. Опасная близость турецкой границы подвигла Сефевидов в 1548 г. перенести столицу из Тебриза в Казвин.

По условиям заключенного в 1555 г. в г. Апасье мира под власть турок перешли Месопотамия, часть Армении и Западная Грузия. Шах Тахмасп I избегал новых вооруженных конфликтов с Османской империей. Когда в 1559 г. Баязид, сын султана Сулеймана Кануни, восстал против отца и пришел со своими сторонниками на службу Тахмаспу, тот за крупный выкуп предпочел выдать в 1561 г. беглеца обратно, а его воинов распределил среди кызылбашских племен.

После завоевания в 1552 и 1556 гг. русскими Казани и Астрахани перед Ираном открылись возможности установления, минуя Турцию, по Волго-Каспийскому пути торговых отношений с европейскими странами. Агент английской коммерческой компании «Московия» Дженнингс после переговоров в Москве с Иваном IV был принят правителем Ширвана Абдалла-ханом Устаджлу, оказавшим содействие в основании в Шемахе британской торговой фактории, занявшейся вывозом шелка-сырца и тканей через Россию в Англию. В конце XVI в. состоялся обмен посольствами между Ираном и Россией, начала развиваться русско-иранская торговля.

Сефевиды поддерживали дружественные связи с государством Великих Моголов в Индии. Когда Хумаюн, старший сын основателя могольской династии Бабура, потерял в 1540 г. в борьбе с Шершахом Сурум делийский престол, Тахмасп I не только предоставил ему убежище, но и помог вернуть в 1551 г. трон, получив за оказанную поддержку Кандагар с областью.

Важным фактором дальнейшей истории Ирана явилось установление в XVI в. господства португальцев в Персидском заливе, которые, захватив остров Ормуз, основали на нем факторию и превратили его в один из опорных пунктов своей «точечной» морской империи.

Напряженная борьба с Османской империей на западе и узбекскими ханами в Хорасане и Астрабаде негативно отражалась на внутривнутриполитическом и экономическом положении Ирана. Пытаясь компенсировать военные неудачи, Тахмасп I предпринимал попытки лишить власти сохранявших самостоятельность местных правителей. В 1538 г. была ликвидирована автономия Ширвана, в 1551 г. — автономия княжества Шеки (северо-западная часть современного Азербайджана). После подавления в 1570 г. гиянского восстания Ахмед-хана Лахиджанского, поддержанного широкими народными

массами, назначенный наместником провинции седьмой сын шаха Махмуд-мирза разделил земли в Гиляне среди эмиров племени устаджлу и других кызылбашских предводителей.

В 1571—1573 гг. произошло мощное восстание в бывшей столице Сефевидского государства Тебризе, в котором приняли участие практически все слои населения. Его размах напугал Тахмаспа I. Не доверяя не получавшим более десяти лет жалованья войскам, он отказался от массовой расправы над тебризцами, решив успокоить возмущенных произволом властей горожан за счет предоставления им ряда привилегий, в том числе налоговых.

Сефевидское государство в конце XVI в.

После смерти в 1576 г. шаха Тахмаспа I, оставившего после себя 12 сыновей, смуты среди кызылбашских эмиров усилились. Согласно традиции, каждый шахский сын имел «воспитателя» (*лале*), являвшегося предводителем одного из кызылбашских племен. Эмиры устаджлу провозгласили шахом своего «воспитанника» Хайдара-мирзу. Однако это вызвало возмущение других племен, и вскоре в одной из кровавых схваток Хайдар был убит. Предводители афшаров добились возведения на трон его брата Исмаила, которого отец в течение 19 лет держал в заключении в крепости Кахкахе. Исмаил II, отличавшийся крайней скупостью и жестокостью, пошедший на убийство шести братьев и развязавший массовые казни, искал в то же время союза с суннитами, запретив проклинание «праведных халифов» Абу Бакра, Омара и Османа и настроив тем самым против себя знать и шиитское духовенство.

После внезапной смерти в 1578 г. Исмаила II эмиры и высшие сановники объявили новым шахом сына Тахмаспа I болезненного и слабовольного Султан-Мохаммада (1578—1587), получившего прозвище Ходабанде («раб Божий»). Предпочитавший проводить время в молитвах и беседах с богословами, он государственными делами занимался мало. Довольно скоро строптивые правители областей (вали, беглербеги), ханы и эмиры племен по существу разделили страну между собой, оставив шахиншаху только его титул.

Сложившейся ситуацией немедленно воспользовалась Османская империя. Султан Мурад III (1574—1595) возобновил

сопровождавшуюся разрушениями и массовым угоном в рабство войну с Ираном с целью захвата Восточного Закавказья и западного побережья Каспийского моря. Наступление турок было приостановлено энергичным и способным наследником престола Хамза-мирзой, который, однако, после двух побед над османами погиб в результате заговора кызылбашских эмиров.

В 1581 г. Али-кули хан Шамлу, «воспитатель» Аббаса-мирзы, младшего сына шаха Мохаммада Ходабанде, и Моршид-кули хан Устаджлу провозгласили десятилетнего Аббаса правителем Хорасана, намереваясь поступать в дальнейшем от его имени. Со смертью в ходе подавления народного восстания в Фарсе в 1587 г. шаха Ходабанде при поддержке кызылбашских эмиров шестнадцатилетний Аббас I (1587—1629) стал шахин-шахом всего Ирана.

В конце XVI в. обстановка в переживавшем глубокий экономический и политический кризис Сефевидском государстве была крайне тяжелой. Северо-западные земли страны оказались отторгнуты турками, преобладающая часть Хорасана, включая Мерв, Герат и Мешхед, перешла под власть узбекского хана Бухары. Одновременно обострились отношения с падишахом Великих Моголов Акбаром, заявившим о своих претензиях на территорию Афганистана. Положение правящей династии значительно осложняли междоусобные феодальные распри и вызывавшиеся произволом властей народные восстания. Как государство Сефевидский Иран находился на грани полного распада.

§ 2

Иран в эпоху правления Аббаса I и его преемников

Реформы шаха Аббаса I

По материнской линии Аббас I происходил из Мазандарана, т. е. был иранцем, и не испытывал особого расположения к строптивым и воинственным кызылбашам. Преследуя в качестве основной цели преодоление феодальной раздробленности и сепаратистских устремлений удельных правителей, он ориентировался на ту часть общества, которая была заинтересована в превращении Ирана в сплоченное и сильное государственное объединение. Во многом он опирался на гражданских чиновников, прежде всего хорасанских, где преобладали представители иранской национальности. В период правления Аббаса I ведущая роль в политической жизни страны перешла от тюрко-азербайджанского кочевого элемента к оседлому иранскому.

Центральное место в преобразованиях Аббаса I заняла военная реформа, призванная заменить показавшие низкую боеготовность еще в сражении при Чалдыране кызылбашские ополчения постоянным войском. В борьбе со равноправными и дикими предводителями кызылбашей многие из последних были истреблены. Если в середине XVI в. в стране было 114 эмиров, то при Аббасе их осталось чуть больше тридцати. Однако несмотря на существенное уменьшение роли и значения тюркской знати, отдельные ее представители продолжали занимать при шахском дворе высокое положение. В частности, в ряду наиболее близких Аббасу лиц находился Амиркюне-хан Каджар. Самых преданных себе кызылбашей шах щедро вознаграждал.

Содержание постоянной наемной армии, в отличие от кызылбашского воинства, кормившегося в мирное время от своих стад и земель, а в военное — за счет грабежа, требовало

гораздо больших расходов. Поэтому Аббас I пошел, в первую очередь, на увеличение земельного фонда шахской семьи (*хассэ*) за счет земель *дивани*, находившихся в распоряжении племен. После подавления в 1592 г. восстания в Гиляне, который славился производством высококачественного шелка, последний был переведен в шахский домен. В разряд хассэ в 1596 г. шах перевел также Мазандаран, а затем еще ряд других территорий. Заключительным по времени весомым увеличением фонда хассэ, правда, уже при преемнике Аббаса Сефи I, явилось обращение в домен исконно иранской области Фарс на юге страны. Землями шахской семьи управляли особые чиновники, и доходы от них поступали в распоряжение непосредственно Сефевидов. На начальном этапе подобные мероприятия в сочетании с установлением правительственной монополии на прибыльную торговлю шелком содействовали укреплению и обогащению Сефевидского государства.

Несмотря на то, что в численном отношении большую часть иранского войска по-прежнему представляли феодальные ополчения, в стране существовали уже четыре отдельных военных корпуса. Первый из них назывался «*курчи*», и его возглавлял «*курчи-башы*» — обычно один из представителей высшей кызылбашской знати. Из числа обращенных в ислам христиан, в основном грузин, по образцу янычар в Османской империи был сформирован гвардейский конный корпус «*гулям*» (букв. «рабов»). Полностью зависевшие от воли шаха и не имевшие, как курчи, племенной опоры, при дворе Сефевидов они приобрели в дальнейшем большое влияние. Третий корпус, созданный из оседлого населения (не только иранского) с помощью английских инструкторов, получил название «*туфенгчи*» («*мушкетеры*»). Туфенгчии помимо сабель были вооружены мушкетами, во время походов им выдавались кони. Дислоцировались они главным образом по различным областям Ирана и находились в подчинении провинциальных правителей. Отдельный род войск составил вербовавшийся по особым наборам артиллерийский корпус. Однако при преемниках Аббаса I он пришел в упадок, и к середине XVII в. был по существу ликвидирован.

Будучи дальновидным политиком, Аббас I параллельно с военной провел административную реформу. В годы его правления должность «*векиля*» утратила свое прежнее значение. Вместо него на первый план вышел так называемый «*этемад*

ад-доуле» (букв. «доверие державы»). В отличие от османского великого везира, обладавшего и военной, и политической властью, он являлся больше гражданским чиновником. Вторая по значимости должность в придворной иерархии стала принадлежать «*сипахсалар-е кулли Иран*» («главнокомандующему всей армией Ирана»). При шахин-шахе в качестве совещательного органа состоял «*высочайший меджлис*», в который на первых порах входили семь крупных сановников и эмиров, затем их число увеличилось до 10. Посты *беглербегов* при Аббасе I начали получать уже не родовитые кызылбашские эмиры или шахские сыновья, а феодалы иранских фамилий (бахтиярских, курдских, лурских и т. д.), а также представители новой военной знати из числа гулямов. Высшие должностные назначения осуществлялись лично шахом. Хотя юридически наследственная власть беглербеков не признавалась, тем не менее бывали случаи, когда они и правители отдельных небольших территорий являлись представителями местных династий. Так что в целом, несмотря на прекращение пожалований высоких постов и земельных угодий, позиции предводителей кызылбашских племен в политической и военной сфере все-таки в полной мере подорваны не были.

Проводя централизаторскую политику, Аббас I стремился привлечь на свою сторону авторитетных служителей культа, связанных с верующими не только по религиозным каналам, но и чисто бытовым. Значительную часть государственного земельного фонда он пожаловал в вакф, что заметно укрепило позиции шиитского духовенства. С одобрения последнего, как и прежде, продолжались преследования мусульман-суннитов, которых шах рассматривал сторонниками Османской империи и узбекских ханств. Между тем Аббас I оказывал покровительство христианскому духовенству, особенно католическим и армянским монахам, пытаясь установить через них политические и экономические связи с европейскими странами.

Для обеспечения ускоренного хозяйственного подъема областей, населенных иранцами, в 1598 г. шах перенес столицу государства из Казвина в Исфаган. Со своим округом он на несколько лет был избавлен от налогов, причем землевладельцы и крестьяне освобождались от выплаты поземельной подати, а крестьяне на землях *хассэ* и *дивани* — от арендной платы. Затем аналогичные налоговые послабления распространились

и на разоренных войнами жителей Хорасана. Дополнительные подати, введенные в 70—80-е годы XVI в. при шахе Мохаммаде Ходабанде, были отменены. Данные мероприятия преследовали цель не только экономического подъема страны, но и создания в лице коренного иранского оседлого населения противовеса могуществу кызылбашской знати.

В период правления Аббаса I во многих регионах страны велась активная строительная деятельность. Исфаган превратился в огромный город с большим числом крытых базаров, мечетей, медресе, дворцов, садов и т. д. В многочисленных «*кархане*» («рабочих домах»), принадлежавших в основном шаху, наряду с местными мастерами трудились ремесленники, пригнанные из Западной и Восточной Грузии и Ширвана. Важную роль приобрел пригород столицы Новая Джульфа, где жили богатые армянские купцы, которых шах, намереваясь утвердить Исфаган в качестве центра экспортной торговли иранским шелком, насильно переместил из разрушенного им в 1605 г. города Джульфа на р. Араксе.

Покровительство властей коммерческой деятельности проявлялось в прокладке новых транспортных коммуникаций и организации караван-сараев, а также в охране и обеспечении жестокими мерами безопасности караванных путей (пойманных разбойников живыми закапывали по горло в землю около дорог, где они грабили). Особое внимание правительство уделяло развитию и совершенствованию ирригационной системы, возведению мостов и плотин, разработке месторождений полезных ископаемых: медь добывали в Мазандаране и в окрестностях Казвина, свинец — в Кермане и Йезде, серебро — в районе Исфагана и т. д.

Для упорядочения хозяйственной деятельности и создания более благоприятных условий для роста внешней торговли была предпринята попытка проведения денежной реформы. Новая монета — *аббаси* — содержала 1 мискаль серебра (4,6 г) и равнялась 200 *динарам*. Один *туман* соответствовал 10 000 динаров или 50 аббаси. Однако в стране продолжали ходить монеты и другой чеканки, в том числе турецкие и европейские.

Осуществленные за счет эксплуатации крестьянских масс и ремесленников, за счет разорения отдельных окраинных регионов страны (прежде всего Закавказья) реформы Аббаса I дали свои результаты. Сефевидское государство при нем

превратилось в централизованную и могущественную державу. Реализуя задуманное, шах проявил себя умным, дальновидным и предусмотрительным политиком. Вместе с тем он был мнительным и деспотичным правителем, беспощадно расправлявшимся со всеми, даже ближайшими родственниками, в ком видел противников личных амбиций и замыслов. В частности, он отдал приказ убить старшего сына принца Сефи, «воспитателя» Али Кули-хана Шамлу и ослепил двоих младших сыновей.

Внешняя политика Аббаса I

Заклучив в 1590 г. на унижительных условиях Стамбульский мирный договор с Турцией, по которому под власть султана Мурада III перешли значительные территории Закавказья и часть Западного Ирана, шах Аббас обеспечил себе необходимую передышку и использовал ее для преодоления внутривосточной нестабильности и для борьбы против узбекских правителей.

В 1597—1598 гг. в результате успешных военных действий шахским войском удалось восстановить господство Сефевидского государства над всем Хорасаном с городами Нишапуром, Мешхедом, Гератом и Мервом.

В 1603 г., воспользовавшись антисултанскими восстаниями в Малой Азии, иранская армия вторглась в Закавказье и к 1607 г. отвоевала захваченные Турцией между 1578 и 1590 гг. Азербайджан, Восточную Армению, Восточную Грузию и Луристан. В соответствии с подписанным в 1612 г. в Стамбуле договором была восстановлена ирано-турецкая граница 1572 г. Спустя четыре года османские войска вместе с отрядами крымского хана опять вторглись в Восточное Закавказье, однако в 1618 г. в сражении при Серабе они были разбиты шахом Аббасом. Там же состоялось подписание Серабского договора, подтвердившего в общих чертах условия мира 1612 г.

В 1622 г. Аббас I осуществил удачный поход против правителя государства Великих Моголов, безвольного наркомана и пьяницы султана Джахангира, и возвратил под свою власть Кандагар с областью.

Войной разрешился конфликт Ирана с Португалией из-за острова Ормуз, являвшегося важным пунктом караванно-

морской торговли с Индией, Китаем, Аравией и странами Западной Европы. С помощью предоставившей Аббасу свои корабли британской Ост-Индской компании в 1623 г. португальцы с острова были изгнаны. За оказанную поддержку англичане приобрели ряд привилегий, в частности, право иметь долю дохода от таможи построенного поблизости на материке города-порта Бендер-Аббаса и основать в нем торговую факторию.

На заключительном этапе своего правления в 1623 г. Аббас I возобновил войну с Турцией, в ходе которой захватил Арабский Ирак с Багдадом и священными для шиитов Неджефом и Кербелой, а также Верхнюю Месопотамию.

Престиж Ирана на международной арене, в первую очередь, за счет впечатляющих побед над османами, при Аббасе I значительно вырос. С официальными визитами к шаху, поддерживавшему тесные связи со многими странами, часто приезжали послы из Англии, Франции, Испании, Германии и других государств. С 1588 г. начался систематический обмен посольствами с Россией.

Международное положение Ирана при преемниках Аббаса I

Наследовавший престол внук Аббаса I, болезненный и жестокий шах Сефи I (1629—1642), опрометчиво отдалил от себя и репрессировал наиболее одаренных сподвижников своего деда. По его приказу был, в частности, отстранен от должности и казнен вместе с семьей правитель Фарса, лучший полководец Аббаса I Имам кули-хан. Внешнеполитические позиции страны при новом шахе ухудшились. Если натиск узбекских войск удалось отразить, то Кандагар перешел под власть Великого Могола Шах-Джахана.

Непродуманные действия Сефи I подвигли османов начать очередную войну против Ирана. Армия султана Мурада IV взяла и разорила ряд стратегически важных городов, в том числе Тебриз и Хамадан, в 1638 г. захватила Багдад, после чего Арабский Ирак Сефевидами был потерян навсегда. Военный конфликт с Османской империей завершился заключением в 1639 г. **Касре-Ширинского договора**, после которого мир между Ираном и Турцией сохранялся до 20-х годов XVIII в.

Сын Сефи I, шах Аббас II (1642—1666), отличался мягким характером и уделял больше внимания гаремным удовольствиям, чем делам государства. При нем во внешнеторговом обороте с Ираном ведущее место заняла Голландия, получившая право беспошлинного экспорта иранского шелка. Упрочились связи с Россией. Русские купцы имели в Шемахе каравансарай, где торговали преимущественно оловом, кожей и соболями. К 1650 г. относится и первое серьезное осложнение отношений между Москвой и Исфаганом. Причиной тому стало ограбление ширванских торговцев, в чем шахское правительство обвинило гребенских казаков и в ответ направило ополчения закавказских беглербеков к приграничной русской крепости Сунженский городок. Конфликт при содействии армянских купцов Новой Джульфы был разрешен в 1662 г. В 1667 г. прикаспийские области Ирана подверглись набегу казаков Степана Разина. Однако иранское правительство оставило данный инцидент без серьезных последствий, расценив нападение «казаков-кафиров» как действие, не санкционированное царем Алексеем Михайловичем.

Если на западе после правления Аббаса I эпоха крупных внешних войн для Сефевидского государства завершилась, то на востоке вооруженные столкновения с узбеками и Великими Моголами продолжались. В 1649 г. шахские войска отвоевали Кандагар и смогли отразить три попытки Шах-Джахана захватить его снова.

§ 3

**Социально-экономические
отношения в Иране в XVIII в.
Особенности государственного строя**

В период управления страной Аббасом I наряду с увеличением фонда *хассэ* происходило наращивание государственного земельного фонда *дивани*. Последний предоставлялся на разных основаниях в кормление гражданской и военной элите, кочевым племенам и их предводителям, эксплуатировавшим не только своих соплеменников, но и проживавших на вверенных им землях оседлых крестьян. Одновременно заметно увеличились и *вакуфные* владения, пожалованные шиитскому духовенству.

Из условных форм собственности преобладали тиули, которые закреплялись в большинстве случаев за определенными должностями. Остальные тиули являлись персональными или пожизненными. Что касается служилого сословия низшего звена, то ему даровались «*хамесали*» (букв. «ежегодное»), т. е. конкретные суммы ренты-налога с земель *дивани* без права управления ими.

Податное бремя крестьян-райятов, сокращенное в центральных районах страны в период правления шаха Аббаса I, при его наследниках начало снова возрастать, а на исходе XVII в. налоги были резко повышены. Это было обусловлено ростом товарно-денежных отношений, стремлением феодалов увеличить личные доходы, а также тем, что в связи с окончанием активной наступательной внешней политики прекратилось поступление постоянной военной добычи.

Основной формой поземельной подати оставался *харадж*. Он взимался натурой и составлял 15—20% от урожая. Крестьяне брали землю на кабальных условиях в аренду у различных категорий феодалов. Полученный в конце года урожай делился в основном по пятичленной средневековой формуле: на землю, воду, семена, рабочий скот и рабочую силу. Так что

«господская доля» за держание земли могла доходить до 2/3 и даже до 7/8 от собранного урожая. Помимо этого крестьяне несли и другие обязанности — бесплатно работали на прокладке дорог, строительстве ирригационных сооружений, крепостей и т. д. На них возлагались также постоянная и почтовая повинности. По праздникам райяты преподносили землевладельцам и представителям власти в установленных размерах подарки натурой или деньгами. Мужчины-иноверцы в возрасте от 20 до 50 лет платили подушный налог — *джизию*.

Главными земледельческими культурами Ирана являлись пшеница и ячмень, а в прибрежных районах Каспийского моря выращивался и рис. Наряду с этим производились и технические сельскохозяйственные культуры — хлопок, табак, опийный мак и др. На высокой ступени развития находилось шелководство. Для значительных территорий Ирана, прежде всего центральных его районов, обязательным условием ведения земледелия было искусственное орошение. Вода на обрабатывавшиеся земельные участки подавалась при помощи специально оборудованных наземных и подземных каналов и из колодцев.

Наряду с оседлыми крестьянами в Иране имелось большое число кочевников и полукочевников, представленных курдскими, белуджскими, туркменскими, кашкайскими и другими племенами, которые занимались главным образом скотоводством. Рядовые ильаты отдавали вождям часть своего скота и продуктов животноводства, пасли ханские стада и выполняли другие повинности, которые объяснялись патриархальными традициями племенной солидарности, а на самом деле способствовали обогащению и укреплению власти кочевой знати. Как и оседлые крестьяне, кочевники и полукочевники, разводившие в основном овец и коз, изготавливали ковры и ткани, занимались другими кустарными домашними промыслами.

Наряду с земледелием и скотоводством третьей ведущей отраслью экономики являлось ремесло. Значительных успехов иранские мастера достигли в ковроделии и выделке различных видов тканей. На внешнем рынке особенно высоко ценились считавшиеся лучшими керманские ковры, а также золотая и серебряная парча. Помимо этого широкое распространение получило не известное тогда в Европе производство фарфоровой посуды. Изготавливалась также фаянсовая

и другая посуда, изящные изделия из керамики, кожи, золота, серебра, бронзы. Повышенным спросом в Европе пользовалось сделанное руками оружейников Ирана разнообразное холодное оружие. Ремесленники изготавливали также бумагу, стекло, растительные краски и иные товары массового потребления.

Сбор налогов с ремесленных цехов, каждый из которых специализировался на выпуске той или другой конкретной продукции, осуществлялся городскими властями, получавшими соответствующие директивы от шахских канцелярий. Распределением размеров податей непосредственно на уровне цеховых организаций занимались старшины и советы мастеров.

Значительное число ремесленников трудилось в «рабочих домах» («*кархане*»), принадлежавших казне и отдельным феодалам. Их продукция, в отличие от продукции, создававшейся цеховыми организациями и работавшими в одиночку ремесленниками, для рынка не предназначалась. Рабочая смена в кархане продолжалась с раннего утра и до позднего вечера. Редкие дни отдыха в них приходились лишь на религиозные праздники.

Все без исключения ремесленники отбывали разного рода повинности — занимались по приказу властей строительством дорог, плотин, дамб, мостов, крепостей и т. п.

Как и в других странах Востока, в Сефевидском государстве сохранялся институт рабства. Однако невольники, доставлявшиеся главным образом из Индии и кавказского региона, использовались, как правило, в качестве домашней прислуги или перепродавались за границу. Применение их труда в сфере ремесленного и сельскохозяйственного производства значимой роли не играло.

Если в первой половине XVII в. в хозяйстве сефевидского Ирана наблюдался период подъема, то, начиная с правления шаха Сулеймана (1666—1694), стали отчетливее проявляться признаки упадка — сначала в сельском хозяйстве, а потом в ремесле и торговле. Основной причиной нарастания кризисных явлений в экономической жизни послужило усиление эксплуатации сельских и городских трудовых слоев населения, намного опережавшей рост производительных сил. Власти без должного внимания реагировали на сокращение численности населения в сельскохозяйственных районах, уменьшение площадей обрабатывавшихся земельных угодий,

на разрушение оросительных сооружений. Разорение и обнищание деревни негативно отражалось на состоянии торговли и ремесла.

Государственный строй Сефевидского государства в XVII в.

В политическом руководстве страной шах опирался главным образом на иранскую гражданскую бюрократию, духовенство и крупное купечество. При нем состоял «*меджлисе ала*» («*высочайший совет*»), который обладал совещательными правами и включал в себя семь «*столпов державы*» («*аркане доулет*»). Помимо «*этемад ад-доуле*» («*доверие державы*»), занимавшего высший пост в придворной иерархии, в него входили: «*меджлис-невис*» (его заместитель), «*диван-беги*» (верховный судья по политическим и гражданским делам), «*курчи-башы*» (командир феодального ополчения кызылбашских племен), «*куллар-агасы*» (глава конного корпуса гулямов), «*туфенгчи-агасы*» (предводитель корпуса мушкетеров), «*ишык агасы-башы*» (церемонимейстер шахского двора). Когда обсуждались военные вопросы, в «высочайший меджлис» приглашался «*сапахсаларе кулли Иран*» («*главнокомандующий всей армией Ирана*»). В конце XVII в. состав «меджлисе ала» были введены еще три сановника: «*мостуфи ал-мамалек*» (руководитель дивана финансов), «*назире буйютат*» (управитель дворцовыми учреждениями) и «*мир шекар-башы*» (начальник шахской охоты). Каждый из них располагал своим ведомством (*диваном*) с разветвленным штатом чиновников. «Этемад ад-доуле» осуществлял контроль над деятельностью всех государственных ведомств, и у него хранилась большая печать шаха. Однако он, как и остальные сановники, в любой момент мог быть смещен со своего поста и казнен шахин-шахом.

Власть шаха считалась неограниченной, но при решении наиболее важных вопросов он и «высочайший совет» не могли не принимать во внимание нормы шариата и точку зрения мусульманского духовенства.

В административном плане страна делилась на области *дивани* и *хассе*. Во-первых, управлявшихся «этемад ад-доуле», наряду с государственными землями имелись и земли других

категорий. Во вторых — преобладали находившиеся в ведении особого дивана *хассэ* земли шахской семьи. На местах руководство областями дивана осуществляли *беглербек*, обладавшие одновременно властью административной и военной. Им подчинялись правители округов — *хакимы*. Последние в основном были наследственными местными владельцами или вождями кочевников. Они получали те или иные округа в *юрты* своих племен. Фонд *хассэ*, включавший Ардебиль, Гилян, Мазандаран, Исфаган, Фарс, а также отдельные районы Азербайджана и Курдистана, управлялся особыми чиновниками с сугубо гражданской властью. Доходы от него шли в казну шаха и на содержание его двора.

Большим влиянием и авторитетом в общественно-политической жизни страны пользовалось духовенство, контролировавшее шариатские суды, имущество вакфов, систему религиозного образования. К концу XVII в. их мнение при дворе Сефевидов зачастую являлось решающим.

В располагавшихся на окраинах государства Арабистане, Картлии, Кахетии, Иранском Курдистане и Луристане сохранялся режим автономии. Их наследственные властители формировали собственные органы управления и бюджет, и в их внутренние дела шахское правительство вмешивалось редко. Зависимость от шаха выражалась в отправке к его двору «подарков» и предоставлении в случае объявления войны феодального ополчения.

Ослабление и распад Сефевидского государства. Иран под властью афганцев и Надир-шаха

Народные восстания. Ослабление государства Сефевидов

Шах Сулейман (1666—1694) и особенно возведенный на престол внуками гарема шах **Султан Хосейн** (1694—1722), о котором русский посол **Артемий Волынский** писал, что такого дурачка даже среди простонародья редко «можно сыскать, не токмо из коронованных», не замечали начавшегося ослабления державы и вели себя так, будто ничего серьезного не происходило. При них чрезвычайно увеличился в численном отношении чиновничий государственный аппарат и шахский двор с его ведомствами. Огромных расходов требовало также содержание обширного гарема. Все это закономерно вело к оскудению государственной казны.

Повышение во второй половине XVII в. налогов и усиление феодальной эксплуатации обостряли противоречия между правящей верхушкой государства и трудовыми слоями населения города и деревни, между центральной властью и народами национальных окраин — азербайджанцами, армянами, афганцами, грузинами, лезгинами, курдами и т. д. Одновременно усиливалась борьба внутри правящих группировок общества: гражданской бюрократией и шиитским духовенством, с одной стороны, и военно-кочевой племенной знатью — с другой.

Деградации государства немало способствовало также освоение западноевропейскими государствами морского пути в Индию вокруг Африки, что привело к сокращению внешней и посреднической торговли Ирана и существенному падению доходности пролежавших по его территории наземных караванных путей. С целью ослабить во внешнеторговой сфере засилье голландской Ост-Индской Компании, захватившей расположенный неподалеку от порта Бендер-Аббаса остров

Кешм, в 1708 и 1715 гг. шах Хосейн в качестве противовесной меры заключил два соглашения с Францией. Но по ним французские купцы приобрели еще большие льготы и привилегии, чем голландцы: их товары вообще освобождались от таможенного досмотра и налоговых пошлин, а сами французы получили право экстерриториальности.

Не содействовали оздоровлению обстановки и возобновившиеся при шахе Хосейне под нажимом шиитских богословов гонения на суннитов Восточного Закавказья, Курдистана и Афганистана, прекратившиеся в период правления Аббаса II.

Увеличившееся налоговое бремя и произвол сборщиков податей приводили к восстаниям и усилению антисефевидских настроений. Нередко антиправительственные выступления носили религиозную окраску и происходили под лозунгами отстаивания гонимого шиитами суннизма или избавления христиан от мусульманского порабощения.

В 1709 г. в Кандагарской области восстало афганское племя гильзаев во главе с Мир Вейсом, который дважды в 1711 и 1712 гг. разбил направленные против него шахские войска и провозгласил себя независимым правителем. В 1711 г. против господства Сефевидов выступили ориентировавшиеся на Османскую империю лезгины и другие дагестанские народности. В 1712 г. они захватили Шемаху, убив при этом находившихся там 300 русских купцов. В 1715 г. вспыхнули продолжавшиеся несколько лет волнения курдов-суннитов, неоднократно угрожавших Исфагану. В 1720 и 1721 гг. произошли восстания луров и белуджей. На борьбу за национальный суверенитет против Сефевидов в 1722 г. поднялась Восточная Грузия под руководством стремившегося к сближению и союзу с Россией картлийского царя Вахтанга IV.

Вторжение афганцев в Иран. Отношения с Россией и Турцией

В 1715 г. наследовавший власть над гильзаями Мир Абдалла, брат Мир Вейса, начал переговоры с представителями шаха Хосейна, но был убит повстанцами, расценившими данную инициативу как откровенное предательство. Сменивший его Мир Махмуд, сын Мир Вейса, при поддержке племенной знати превратил освободительное движение против Сефевидов в захватническое.

В 1722 г. афганские отряды, подойдя через Систан и Керман к Исфагану, разбили 8 марта шахское войско в сражении при Гольнабаде. В октябре после семимесячной осады столица Сефевидов пала. Отрекаясь от власти и короны, шах Хосейн вымолил у победителей разрешение оставить при себе любимых жен. Мир Махмуд занял трон и провозгласил себя шахин-шахом Ирана.

Несмотря на то, что афганцам удалось захватить значительную часть территории Ирана с городами Казвином, Кашаном, Кумом и другими, их позиции из-за развязанных грабежей и террора были ненадежными. Бесчинства оккупантов встречали отпор со стороны иранского населения, в первую очередь, крестьян, городской бедноты, ремесленников и торговцев. Долгое время войскам Мир Махмуда не удавалось захватить Йезд и Шираз. В северных областях страны, не покорившихся афганскому вторжению, в качестве законного шаха был признан Тахмасп II (1722—1732), сын низложенного Хосейна. Однако военных сил, достаточных для отражения нашествия афганских племен, он не имел.

Между тем, успешно завершив войну со Швецией, правительство Петра I активизировало политику в Закавказье с целью утвердить российское присутствие около основных центров иранского шелководства на западном и южном побережье Каспийского моря, предотвратить захват данного региона Османской империей и оказать поддержку восставшим к тому времени армянам и грузинам. В июне 1722 г. Петр I издал манифест, в котором говорилось, что Россия будет вести войну не против Ирана и шаха Хосейна, а против вдохновителей убийства в 1712 г. при взятии Шемахи русских купцов Сурхан-хана казикумухского и Хаджи Дауда, а также ради защиты христианских народов. В сентябре 1722 г. русские войска взяли в Дербент, летом 1723 г. — Баку. Затем по ходатайству гилянцев, запросивших о помощи в борьбе против войск Мир Махмуда, русские отряды морем были направлены в Энзели и Решт.

Обеспокоенная вступлением войск России в регион Закавказья и видя распад Сефевидского государства, Турция направила свою армию в Восточную Армению и Восточную Грузию. Решительное наступление османов подвигло шаха Тахмаспа II заключить 23 сентября 1723 г. с Петром I Петербургский договор. По нему царское правительство брало на себя обязательство помочь Тахмаспу II в борьбе с афганцами, за что Россия получала

прилегающую к Каспийскому морю полосу Дагестана с Дербентом и Баку, а также Гилян, Мазандаран и Астрабад.

После появления русских войск в Гиляне отношения между Санкт-Петербургом и Стамбулом сильно обострились. Петр I, не считая нужным после тяжелой войны со Швецией втягиваться в вооруженный конфликт с Османской империей (ее поддерживали Англия и Франция), пошел на подписание в 1724 г. в Стамбуле русско-турецкого трактата. В нем подтверждался отход к России прикаспийских областей, перечисленных в Петербургском договоре, а к Турции — Азербайджана (кроме Ардебиля), Восточного Закавказья и части Западного Ирана с городами Керманшахом и Хамаданом. Несмотря на достигнутые соглашения, в 1724—1725 гг. помимо оговоренных территорий турецкая армия оккупировала Арdebиль, Луристан, заняла даже Казвин. Находившийся в Мазандаране шах Тахмасп II занимал в целом пассивную выжидательную позицию и держался лишь при помощи главы племени каджар, беглербега Астрабада Фатх-Али Каджара.

В феврале 1725 г. предводитель гильзаев Мир Махмуд устроил резню всех (кроме бывшего шаха Хосейна), находившихся в Исфагане мужчин из рода Сефевидов. Но через два месяца сам стал жертвой дворцового заговора. Власть перешла к его двоюродному брату Ашрафу, который, попытавшись привлечь на свою сторону иранскую знать, испортил отношения с соплеменниками, предпочитавшими распоряжаться в Иране как в завоеванной стране.

Несмотря на то, что в 1726 г. на подступах к Исфагану Ашрафу удалось нанести поражение турецким войскам, тем не менее в 1727 г. он был вынужден заключить с султаном Ахмедом III Хамаданский договор, признав себя фактически его вассалом и уступив Османской империи наряду с областями, обозначенными в русско-турецком Стамбульском трактате 1724 г., Зенджан, Казвин, Хузистан и округ современной столицы страны — Тегеран.

Возвышение и приход к власти Надира. Его внешняя и внутренняя политика

Положение афганцев в Иране не было прочным. Махмуд и Ашраф имели поддержку преимущественно среди гильзаев,

в то время как иные родственные персам многочисленные афганские племена не всегда соглашались с проводившейся ими политикой. В силу этого освободительная борьба в Иране велась не столько против афганцев, сколько против узурпировавших власть гильзаев, оказавшихся к тому же неспособными успешно противостоять внешней агрессии.

В 1726 г. в союз с шахом Тахмаспом II вступил происходивший из кызылбашского племени афшаров энергичный полководец **Надир-хан**. Родившийся в Хорасане в бедной семье, в юношеском возрасте он вместе с матерью был угнан узбеками в рабство в Хорезм, бежал, занимался некоторое время разбоем, служил под началом систанского правителя. Потом собрал собственное ополчение, завладел в Северном Хорасане крепостью Келат и превратил ее в личную резиденцию.

Войдя в доверие к находившемуся в Мазандаране шаху Тахмаспу II, Надир убедил его умертвить своего основного придворного соперника Фатх-Али Каджара. Затем нанес поражение вышедшему из подчинения Сефевидам правителю Систана и захватил Мешхед, рассеял ополчение афганцев-абдали и вскоре подчинил весь Хорасан с Гератом. В октябре и ноябре 1729 г. при Дамгане и Мурчехурте возглавлявшееся им войско разбило армию Ашрафа и вступило в Исфаган. Ставший к тому времени марионеткой в руках Надира Тахмасп II снова занял трон. В начале 1730 г. отрядами Надира был освобожден Фарс. Ашраф, пытавшийся скрыться в Белуджистане, погиб во время бегства.

Изгнав из страны афганцев, Надир сразу начал готовиться к войне против Турции. Возродив артиллерийский корпус и вооружив часть пехоты мушкетами, он нанес османам ряд поражений и освободил Ардебиль, Керманшах, Тебриз и Хамадан. Но в 1731 г., пока Надир воевал против афганцев-абдали в Хорасане, Тахмасп II заключил за его спиной новый, унижительный договор с турками. Отказавшись признать правомочность этого договора, Надир низложил в 1732 г. Тахмаспа II и провозгласил шахом его восьмимесячного сына (считался под именем **Аббаса III** шахин-шахом Ирана до 1736 г.). В 1733 г. Надир одержал очередную победу над османами в сражении при Керкуке и в 1734—1735 гг. отвоевал все Восточное Закавказье. Тогда же он совершил первый поход против союзных Турции владетелей Дагестана.

В 1732 г. российское правительство, утратившее после смерти Петра I интерес к делам Закавказья, передало Ирану занятые прикаспийские области при условии, что Надир будет продолжать войну с Османской империей и не станет заключать с ней сепаратного мира. Однако тот не сдержал обещание и в 1736 г. подписал договор, по которому Турция возвращала территории, захваченные у Сефевидского государства после 1722 г.

Используя важный психологический момент победы над турками и имея сведения о готовившемся против него заговоре, в 1736 г. Надир созвал в Муганской степи *курултай*, пригласив на него всю высшую знать Ирана и предложив ей избрать вместо обанкротившихся Сефевидов нового государя. Против кандидатуры Надира возражали лишь правитель Карабаха Угурлу-хан Каджар и «*молла-баши*», глава шиитского духовенства. Последний, призвавший сохранить прежнюю династию и отвергнувший предложение «освободителя Ирана» отказаться от традиционных для шиитов проклятий первых трех халифов, по тайному приказу Надира был убит. После этого *курултай* провозгласил Надира новым шахин-шахом Ирана.

Придя к власти, **Надир-шах** не дал стране обещанного мира. Все его усилия оказались обращены на организацию новых походов и войн с целью восполнить опустошенную государственную казну и примирить феодальную кочевую и оседлую знать с новой династией. Под предлогом преследования афганцев-гильзаев, в 1739 г. он совершил набег на империю Великих Моголов, где после тотального разграбления Дели и его окрестностей захватил огромную добычу. В 1739—1741 гг. нападениям подверглись Синд, Бухара и Хорезм. На короткий промежуток времени возникла обширная держава, в которую помимо собственно Ирана входили Афганистан, Бухара, Северная Индия и Хива.

Однако довольно скоро захватническая политика Надира перестала быть успешной. Неудачей завершилась попытка покорить в 1741—1743 гг. нагорный Дагестан. Безрезультатно закончилась изнурительная трехлетняя война 1743—1746 гг. с Османской империей за Месопотамию, а также предпринятые несколько раньше авантюры с целью захвата Омана и юго-восточной Аравии.

Стремясь решить задачи, связанные с укреплением центральной власти, Надир изъясил у духовенства большую часть

вакуфных земель и перевел их в разряд государственных. Аналогичным образом он поступил и с земельными фондами отдельных кызылбашских племен. Эти действия резко озлобили против него весьма влиятельную часть феодалов. После Муганского курултая Надир попытался примирить суннитов и шиитов, но потерпел при этом фиаско: провозглашенная им уния приверженцев двух основных направлений в исламе так и осталась лишь на бумаге.

Если до объединения в 1736 г. страны патриотическая деятельность Надира находила среди широких слоев городского и сельского населения Ирана поддержку, то политика завоеваний и постоянных внешних войн, обернувшаяся чрезвычайными поборами и ростом налогового бремени, породила совершенно противоположную, негативную реакцию. В первой половине 1740-х годов в Балхе, Восточной Грузии, Кермане, Луристане, области бахтияров, Хиве, Фарсе, Ширване прокатилась волна широких антиправительственных восстаний. Единство своего обширного государства, изнуренного бесконечными войнами, Надир-шах поддерживал главным образом при помощи жестокого террористического режима.

В 1747 г. в результате заговора афшарских, каджарских и других кызылбашских беков Надир был убит в Хорасане. Его держава, не имевшая общей хозяйственной и политической базы, быстро раскололась на несколько враждовавших между собой феодальных владений.

§ 5

Иран во второй половине XVIII в. и утверждение у власти династии Каджаров. Социально-экономический и политический строй

Вскоре после убийства Надир-шаха его империя распалась. Во главе с Ахмадом-ханом образовалось самостоятельное Афганское государство, в состав которого вошел восточный Хорасан с Гератом (западный Хорасан с Мешхедом остался в пределах Ирана). В Азербайджане (иранском) свою власть утвердил другой полководец Надира Азад-хан афган. На территории современного Азербайджана и соседних районов Армении и Дагестана возникли по существу независимые ханства — Бакинское, Карабахское, Ширванское и другие. Наиболее сильным в ряду закавказских удельных ханств являлось Дербентско-Кубинское, занимавшее северную часть нынешнего Азербайджана и юг Дагестана. Восточная Грузия (Картли и Кахети) объединилась и управлялась Таймуразом II и его сыном Ираклием II. В Гиляне, Исфагане, Мазандаране тоже появились независимые феодальные правители.

В центральном и южном Иране после ожесточенной борьбы победителем вышел вождь лурского племени зендов Карим-хан, сумевший к 1760 г. подчинить почти весь Иран кроме Хорасана, где правил слепой внук Надира Шахрох. Карим-хан отказался от титула шаха и провозгласил себя только «*векилем*» («наместником», «регентом») государства. Ведя скромную жизнь и пытаясь бороться с лихоимством местных *хакимов*, он добился определенного подъема сельского хозяйства и ремесла, особенно заметного на фоне последних лет правления Надира. При нем начала восстанавливаться пришедшая в упадок в предыдущие годы ирригационная система, снизились налоги, в городах были установлены твердые цены на продовольственные товары, для безопасности их

жителей введено ночное патрулирование. В столице Карим-хана Ширазе появились крупные мастерские по производству стекла, велись работы по благоустройству города — мостились улицы и базары, организовывались новые караван-сарай, разбивались сады, строились дворцы и т. д. При нем ожидалась также внутренняя и внешняя торговля. В отличие от Надира, Карим-хан покровительствовал шиитскому духовенству.

Однако после его смерти (1779) в Иране снова разгорелась междоусобная борьба. Победителем из нее вышел оскопленный, жестокий и решительный Ага Мохаммед-хан Каджар, которого Карим-хан больше 15 лет держал при себе в качестве заложника. Бежавший незадолго до смерти Карим-хана из Шираза в Астрабад, к 1783 г. он установил свою власть в Мазандаране и Гиляне, в 1785 г. — в Тегеране, Куме, Кашане и Исфагане, в 1791 г. — в Азербайджане. В конце 1794 г. одержал победу над зендами. Утвердившись во внутренних районах Ирана, в 1795 г. Ага Мохаммед-хан вторгся в Закавказье, овладел Карабахом, потом, сломив сопротивление грузинских войск, вступил в Тбилиси и предал его огню и варварскому разрушению. В Иран было угнано до 22 тыс. тбилисцев. Вернувшись, в Тегеране (объявленном столицей в 1785 г.) Ага-Мохаммед короновался в 1796 г. шахом. Между тем время его владычества, отмеченное террором и массовыми казнями, оказалось недолгим. После подчинения Хорасана и нового вторжения в Закавказье в мае 1797 г. в крепости Шуша он был убит своими же придворными. Шахский трон перешел к его племяннику Фатх Али-шаху (1797—1834).

Социально-экономический и политический строй Ирана в конце XVIII — начале XIX века

Продолжавшиеся почти столетие изнурительные войны и внутренние усобицы привели страну к разорению и упадку. В сельскохозяйственном секторе по-прежнему господствовали феодальные, а в районах проживания кочевых племен — полуфеодальные-полупатриархальные отношения. Основными формами земельной собственности после установления власти Каджаров были следующие: «*халисе*» (государственные

земли); *земли шаха и членов его семьи*; *ханские* (пожалованные шахин-шахом в *тиул* или *союргал*); *вакуфы* (находившиеся в ведении духовенства и религиозных учреждений); *земли племен, которыми фактически распоряжались племенные вожди*; «*арбаби*» или «*мольк*» (являлись частной собственностью феодалов, купцов); «*омуми*» (общинные земли, главным образом пустоши и выгоны) и принадлежавшие мелким землевладельцам земли «*хордемалек*». Размер трех последних категорий земель был незначительным.

Большинство крестьян арендовали землю у феодалов. После окончания сезона им часто доставалось от половины и даже до одной пятой части урожая. Как и раньше, они бесплатно работали на строительстве дорог, ирригационных сооружений, крепостей, поставляли для армии продовольствие и фураж, несли постоянные расходы, должны были преподносить подарки («*пишкеши*») чинившим беспредел *хакимам* и «*мобаширам*» (их управляющим). Массовая нищета и эпидемические заболевания в иранской деревне были обычными явлениями. Вожди белуджских, кашкайских, курдских, лурских, туркменских, шахсевенских и других кочевых племен забирали у рядовых соплеменников-илятов часть скота, присваивали себе продукцию скотоводства, заставляли их пасти собственные стада.

В городских мастерских, которые сохраняли средневековую цеховую организацию, ремесленники трудились не только на материале работодателей (обычно богатых купцов), но и на принадлежавшем им оборудовании. Производственные помещения находились непосредственно на территории базаров, где создававшиеся различного рода изделия сразу шли на продажу. Базары в иранских городах представляли собой центр не только экономической, но в немалой степени и политической жизни.

Внутренняя торговля осуществлялась, главным образом, мелкими и средними купцами. Негоциантов с крупными капиталами было мало. Успешному развитию товарооборота и формированию единого рынка препятствовали произвол губернаторов, вымогательства должностных лиц, мятежи удельных правителей, разбои на дорогах, наличие внутренних пошлин. В значительной мере подъему внутренней торговли и накоплению капиталов мешало одновременно отсутствие общих мер веса и длины и то, что чеканка монет производилась

в разных областях страны. Внешняя торговля в конце XVIII — начале XIX в. была незначительной и весомой роли в экономике Ирана не играла.

В политическом плане Иран представлял собой феодальную монархию с неограниченной властью шаха. Для непосредственного ведения государственных дел он назначал первого *вазира* (министра) — «*садр-азама*». Наряду с ним ранг вазиров при дворе имели «*мостуфи оль-мамалек*» (отвечал за финансовые вопросы), «*монши оль-мамалек*» (возглавлял шахскую канцелярию и отвечал за внешнеполитические связи), третий вазир занимался военными делами. Помимо этого существовали должности церемонимейстера, начальника службы полиции, главного евнуха, начальника шахских конюшен, шахской охоты и т. д. Их влияние было значительным, и при принятии важных государственных решений высказывавшееся ими мнение подчас имело не меньшее значение, чем мнение министров-вазирова.

Административно Иран состоял из 30 областей (*велаефов*) и четырех провинций (*эялетов*) — Азербайджана, Кермана, Фарса и Хорасана. Во главе провинций находились генерал-губернаторы или наместники (*вали*), а областей — хакимы. Как правило, руководить провинциями и наиболее важными областями шах направлял сыновей (*шахзаде*), родственников или наиболее приближенных к себе лиц. Генерал-губернатором Азербайджана, самой богатой тогда провинции, по традиции становился наследник престола. Провинции и области делились на округа, и ими управляли местные ханы, имевшие своих вазиров, чеканившие медную монету, взимавшие внутренние пошлины, решавшие уголовные дела. Вали и хакимы должны были ежегодно платить в казну шаха часть собираемых налогов и поставлять в его распоряжение в случае объявления войны или борьбы с мятежниками свои войска. Однако временами данные условия не выполнялись. Так, всю первую половину XIX в. налоги с крупнейшей провинции страны Хорасана в Тегеран не поступали. Местные ханы, а также ханы Кермана неоднократно восставали против шаха и его наместников.

Важные позиции в общественно-политической жизни Ирана занимало мусульманское шиитское духовенство. Только ученые-богословы (*муджтахиды*) обладали правом трактовать Коран и шариат применительно к существующим

порядкам. Даже шах советовался с ними о том, соответствуют или противоречат духу и букве Корана те или иные действия и решения, которые он собирался предпринять. Владея вакуфными землями и другим имуществом, представители высшего духовенства играли заметную роль в экономической жизни страны. Под их контролем находилось также народное образование и гражданское судопроизводство (*суд шариата*), где помимо религиозных дел рассматривались тяжбы о наследстве, правомерность торговых сделок, заключения брака и развода и т. д. Решения выносились религиозными авторитетами, и они были окончательными, если их не отменял более известный и влиятельный муджтахид. Кроме шариатского суда существовал светский суд (*суд урф*), разбиравший убийства и другие уголовные преступления. Состоял он из светских чиновников и при принятии решений руководствовался обычаями. Здесь верховным судьей считался шах.

Несмотря на хозяйственную, политическую и культурную отсталость, на исходе XVIII в. Иран не являлся зависимой от европейских держав страной. Располагавшиеся исключительно на побережье и островах Персидского залива европейские торговые фактории не оказывали существенного воздействия на общественно-политическую жизнь Ирана и его международные связи.

§ 6

Англо-французское соперничество в Иране. Русско-иранские войны. Проблема Герата

С первых лет XIX в. Иран стал объектом политических и экономических интересов Англии и Франции, ступивших на стезю капиталистического развития и превращавшихся в мировые империи. В 1801 г. представитель английского правительства капитан Малькольм подписал с Фатх Али-шахом торговый и политический договор, по которому отдельные виды товаров Великобритании освобождались от ввозных пошлин, ее подданные приобретали право свободно селиться в иранских портах, а в случае нападения французов на Индию Иран обязывался послать свои войска в Афганистан. Заключенный договор был направлен не только против Франции, но и против России. В глазах Тегерана Россия являлась главным препятствием на пути захвата территории Закавказья, особенно после присоединения в 1801 г. к ней Восточной Грузии, избавившего последнюю от окончательного поглощения султанской Турцией и шахским Ираном.

Однако подписание в 1805 г. англо-русской союзной конвенции, направленной против Наполеона, не позволило Великобритании оказать действенную помощь в борьбе против России. Этим обстоятельством попыталась воспользоваться Франция, планировавшая привлечь Иран к своей антианглийской и антирусской политике. В результате встреч, проведенных французскими эмиссарами в Тегеране с Фатх Али-шахом, в мае 1807 г. в ставке Наполеона в Финкенштейне был заключен оборонительно-наступательный ирано-французский договор. За обещанную помощь в реорганизации армии и в установлении иранского господства над всем Закавказьем шах обязывался объявить войну Англии, направить свои войска вместе с наполеоновскими в Индию, открыть для французских кораблей все порты Персидского залива, а также предоставить торговые привилегии Франции.

В связи с заключением в июле 1807 г. Тильзитского договора и отказом Наполеона от открытой конфронтации с Санкт-Петербургом Фатх Али-шах опять пошел на сближение с Англией. В начале 1809 г. по его указанию французская миссия во главе с генералом Гарданом была выслана из Ирана. В марте 1809 г. представитель Великобритании Харфорд Джоэнс и шахское правительство оформили так называемый «предварительный договор». По нему Тегеран прекращал отношения с Францией и другими враждебными Лондону государствами, допускал в страну английских военных инструкторов, соглашался с присутствием английских военных кораблей в Персидском заливе. Британская сторона брала на себя обязательство выплачивать Ирану ежегодную субсидию в размере 160 тыс. туманов (в 1810 г. она увеличилась до 200 тыс. туманов), подбивая тем самым шаха к борьбе с Россией.

После того, как в мае 1804 г. Фатх Али-шах потребовал от Александра I вывести русские войска из Грузии и других районов Закавказья, началась продолжавшаяся до 1813 г. первая русско-иранская война. В середине июля 1804 г. в битве при Этмиадзине шахские войска во главе с наместником Азербайджана и наследником престола Аббасом-мирзой потерпели поражение. В 1805 г. русская армия заняла территорию перешедших на ее сторону Карабахского, Шекинского и Ширванского ханств. Спустя год она вступила в Баку, Дербент, Салианы и другие прикаспийские города. Надежды на ослабление России в борьбе с наполеоновским нашествием развеялись в октябре 1812 г. после сражения при Асландузе, когда войска Аббаса-мирзы были разгромлены, а сам он едва не попал в плен.

В октябре 1813 г. был подписан Гюлистанский договор, по которому Иран отказывался от притязаний на Грузию, Дагестан и значительной части Азербайджана. России предоставлялось исключительное право иметь военный флот на Каспийском море, русские и иранские купцы могли свободно торговать на территории другой стороны, ввозные пошлины при этом устанавливались в размере 5% от стоимости товаров.

Гюлистанский договор срывал агрессивные планы Англии по установлению контроля над землями южной части каспийского бассейна. Однако в ноябре 1814 г. на основе «предварительного договора» 1809 г. был заключен новый англо-иранский договор. По нему шах брал на себя обязательства

объявить недействительными соглашения и союзы со всеми враждебными Великобритании европейскими государствами, не пропускать через Иран их вооруженные силы в направлении Индии, послать иранские войска на помощь англичанам в случае начала войны между Афганистаном и Британской Индией, привлекать военных специалистов только из Англии и дружественных ей стран. Помимо ежегодной денежной субсидии английское правительство обещало Тегерану добиться пересмотра условий Гюлистана. Договор 1814 г. не только ставил внешнюю политику шаха в зависимость от Англии, но и подталкивал его к новой войне с Россией. Усилению реваншистских настроений при шахском дворе способствовала и война с Турцией 1821—1823 гг., в которой персидская армия добилась частичных успехов.

В июле 1826 г. войска под командованием Аббаса-мирзы внезапно напали на русских, и началась вторая русско-иранская война. Оставив на начальном этапе Ленкоран, Салианы, Ширван, Ганджу, в сентябре—октябре 1826 г., русская армия разгромила иранцев при Шамхоре и Гандже, 1827 г. перешла р. Аракс и заняла города Хой, Маранд, Тебриз, Урмию и Ардебиль. Реорганизованная Аббасом-мирзой с помощью английских советников иранская армия почти полностью распалась. В феврале 1828 г. в небольшом селении Туркманчай, расположенном по дороге из Тебриза в Тегеран, произошло подписание договора, который составил А.С. Грибоедов, ведавший при штабе генерала Паскевича иностранными делами.

По **Туркманчайскому договору**, заменившему Гюлистанский и завершившему русско-иранские войны, граница устанавливалась в основном по р. Аракс. К России отходили не только Грузия и Северный Азербайджан, но и Восточная Армения — ханства Ереванское и Нахичеванское с Ордубадским округом. Подтверждалось исключительное право России иметь военный флот на Каспийском море. На Иран возлагалась контрибуция в размере 20 млн рублей. Одновременно с мирным договором был подписан особый трактат о торговле, закреплявший за подданными России право экстерриториальности и иные экономические и политические привилегии, обеспечивавшие им более благоприятный статус по сравнению с представителями других стран.

Чрезвычайные налоги, введенные шахом для выплаты контрибуции России по Туркманчайскому договору, вызвали рост

недовольства населения Ирана. Власти и высшее духовенство во главе с муджтахидом мирзой Месихом, с одобрения опасавшихся растущего русского влияния англичан, стремились направить народный гнев против российского посланника А.С. Грибоедова. 11 февраля 1829 г. в результате спровоцированного нападения на дипломатическую миссию России А.С. Грибоедов был убит. Николай I, прежде всего из-за войны с Турцией, не принял ответных решительных мер возмездия за убийство официального представителя России и удовлетворился извинениями и подарками Фатх Али-шаха, доставленными в Петербург шахским внуком Хосров-мирзой, и даже решил уменьшить на 2 млн рублей сумму контрибуции с Ирана.

Направленные, в первую очередь, на реализацию экспансионистских целей царского правительства, русско-иранские войны вместе с тем для народов Закавказья имели немалое прогрессивное значение, покончив с эпохой разрушительных иноземных вторжений, феодальных смут и междуусобиц, а также предоставив им возможность установления тесных связей с более передовой русской экономикой и культурой.

Проблема Герата и начало проникновения иностранного капитала в Иран

Во время русско-иранских войн на территории Хорасана систематически происходили восстания местных ханов, которые, отказываясь повиноваться центральной власти, нередко получали поддержку из Герата, входившего при Сефевидах в состав Ирана. Большое значение Герату придавала и Англия, поскольку последний прикрывал северо-западные проходы в Британскую Индию и мог быть использован в качестве стратегического плацдарма для утверждения господства над Ираном и Туркестаном. После вступления на шахский престол Мохаммеда (1834—1848), внука Фатх Али-шаха и сына Аббаса-мирзы, проблема Герата резко обострилась.

Предпринимая с одобрения царских представителей в Иране в 1837 г. поход на Герат, Мохаммед-шах стремился не только умерить строптивость хорасанских ханов, но и покончить с притязаниями афганцев на Систан. Но осада Герата, начавшаяся в ноябре 1837 г., вызвала недовольство Англии. В Персидском заливе появились ее военные корабли и захватили

остров Харг неподалеку от порта Бушира. В ноябре 1838 г. Великобритания пошла на разрыв с Тегераном дипломатических отношений. Давление и постоянные угрозы Лондона вынудили шаха Мохаммеда снять осаду и полностью вывести в марте 1841 г. свои войска из Афганистана.

Вскоре после восстановления дипломатических отношений в 1841 г. между Англией и Ираном был подписан договор об экстерриториальности британских подданных, освобождении их товаров от внутренних иранских пошлин. На ввозимые английские товары таможенная пошлина устанавливалась в размере 5%. Спустя 14 лет аналогичные права и привилегии получили сначала Франция, а вслед за ней — Австрия, Бельгия, Голландия, Дания, Норвегия и Швеция. В 1856 г. неравноправный договор с Ираном, называвшийся «договором о дружбе и торговле», заключили также США.

Позиции иностранных держав, прежде всего Англии и России, после заключенных договоров в Иране заметно укрепились. Иран приобретал теперь для них значение не только стратегическое, но экономическое — как рынок сбыта промышленных товаров. Если в 1833 г. в Тебриз, бывший тогда основным торговым центром Ирана, через Трапезунд было ввезено европейских товаров на 15 млн рублей, то в 1836 г. данный показатель составил уже 40 млн рублей. Зарубежные коммерческие компании, пользуясь в условиях капитуляционного режима экономическими льготами и рядом политических преимуществ, начали открывать в Персии собственные филиалы и торговые дома, вытесняя иранских купцов из сферы как внешней, так частично и внутренней торговли. Импортные западноевропейские товары фабричного производства продавались в 2—3 раза дешевле, чем местные, разрушая традиционные национальные ремесла и домашнюю промышленность. Ускорившийся рост товарно-денежных отношений усилил кризис феодально-ленного землевладения и повлек за собой увеличение фонда частнособственнических земель. Многие крестьяне покидали родные места и уходили в города, чтобы пополнить в них ряды бедноты и безработных. Недовольство складывавшейся обстановкой распространялось не только среди крестьян, ремесленников, купцов, но и среди выражавшей их интересы и близкой к ним по своему общественно-политическому положению и условиям жизни части иранского духовенства.

§ 7

Бабидские восстания.

Попытки реформ Амир Незама

В конце 1840-х годов в Иране прошли антиправительственные народные выступления, во главе которых оказались представители религиозной шиитской секты бабидов. Основал ее родившийся в 1819 г. в семье ширазского купца, сам занимавшийся в течение пяти лет торговлей хлопчатобумажными тканями, сеид **Али Мохаммед**. Совершив паломничество в Кербелу и Неджеф, он примкнул к секте шейхитов. Последняя проповедовала идею о скором пришествии для установления на земле справедливых порядков исчезнувшего, по преданию, около 1000 лет назад 12-го имама Мехди.

После смерти главы шейхитов сеида Казема, не оставившего преемника, в 1844 г. **Али Мохаммед** объявил себя **Бабом** — «дверью», «вратами», через которые ожидаемый 12-ый имам передает волю народу. Спустя три года он провозгласил себя уже самим пророком Мехди и, в подражание Корану, написал книгу «**Беян**» («Откровение»), объявив ее новой священной книгой и изложив в ней принципы своего учения.

В «Беяне» главной причиной того, что жизнь переполнена несправедливостью и притеснениями, называлось упорное нежелание захвативших власть *хакимов* (светских правителей) и высшего духовенства, обращающихся за советом к Корану и шариату, отказаться от старых косных норм и порядков. **Али Мохаммед** провозглашал равенство всех людей, в том числе женщин, и скорое утверждение в Азербайджане, Мазандаране, Фарсе, Хорасане, Центральном Иране, а затем и во всем мире, царства бабидов. Отвергающих его учение небабидов и иностранцев предполагалось изгнать, а их имущество распределить среди жителей образованного священного государства. Наряду с общими положениями о том, что не будет гнета, и люди обретут, наконец, счастье, **Али Мохаммед** выдвигал и ряд совпадавших, прежде всего, с интересами купцов

конкретных требований: обязательность уплаты долгов, тайна коммерческой переписки, разрешение ростовщического процента, создание отлаженной почтовой службы, возможность выезда за границу для ведения торговли и другое.

На первых порах Баб и его ученики (*бабиды*) не апеллировали к широкому народным массам, а пытались привлечь на свою сторону шаха, его придворных, отдельных губернаторов провинций и богословов. Однако власти не приняли программу бабидов и начали их преследовать. В 1847 г. Али Мохаммед был арестован и помещен сначала в крепость Маку, а потом в крепость Чехрик (западнее озера Урмия около ирано-турецкой границы).

Убедившись в невозможности найти понимание среди правящих кругов Ирана, бабиды активизировали пропаганду среди ставших стихийно объединяться вокруг них широких слоев соотечественников, недовольных существовавшими порядками. В ряду последователей Баба выделялся выходец из крестьян молла Мохаммед Али Барфорушский, развивший демократические элементы программы Али Мохаммеда. Летом 1848 г. на собраниях бабидов в селении Бедапт (район г. Шахруда) он заявил, что в связи с пришествием нового пророка прежние порядки утратили силу, и поэтому люди освобождаются от налогов и повинностей в пользу господ. Одновременно им были провозглашены идеи об отмене привилегий и прав «высоких» (знати), а также разделе принадлежавшей им частной собственности. После разгона властями Шахруда собраний бабидов, молла Мохаммед Али Барфорушский в сопровождении единомышленников направился в Мазандаран.

В сентябре 1848 г. умер Мохаммед-шах, и мазандаранский губернатор с приближенными уехал в Тегеран, чтобы определить свой статус при новом шахе Наср эд-Дине (1848—1896). Этим моментом решили воспользоваться бабиды. Около гробницы шейха Табарси (юго-восточнее г. Барфоруша) они возвели укрепленный лагерь и начали открыто вооружаться. Вскоре к ним стали стекаться крестьяне и ремесленники из окрестных деревень. Возглавившие восстание молла Мохаммед Али Барфорушский и молла Хосейн Бошруйе на подвластных им территориях попытались ликвидировать частную собственность, осуществить равенство людей, ввести общность имущества. Питались все бабиды из одного котла. Попытки местных ханов расправиться с ними постоянно завершались неудачами. Двухтысячный отряд правительственных войск, направленный

против повстанцев в октябре 1848 г. из Тегерана, также потерпел поражение. В течение восьми месяцев восставшие отражали атаки шахских воинских формирований и лишь в мае 1849 г., когда их силы иссякли, прекратили сопротивление.

С подавлением восстания в Мазандаране движение бабидов не прекратилось, а приобрело даже еще больший размах. В мае 1850 г. поднялись бабиды Зенджана, активно поддержанные крестьянами окружающих деревень и городскими ремесленниками. Руководил ими молла Мохаммед Али Зенджанский. Ближайшими его помощниками являлись кузнец Казем, хлебопек и купец хаджи Абдалла. Так же, как и в Шейх-Таберси, все оказавшееся в их руках имущество бабиды объявили общим достоянием. Против «бунтовщиков», разгромивших тюрьму города и освободивших заключенных, шахское правительство направило регулярные воинские части с артиллерией, которая беспощадно обстреливала позиции восставших в занятой ими восточной части города.

Тем временем к месту заключения Баба, крепости Чехрик, массами прибывали паломники из разных провинций Ирана, даже из Турции и Индии. Опасаясь дальнейшего разрастания бабидского движения, первый министр шаха мирза Таги-хан настоял на казни Баба. В начале июля 1850 г. по приказу Наср эд-Дин-шаха Али Мохаммед был расстрелян в Тебризе.

Третьим крупным восстанием бабидов стало Нейризское (июнь 1850), возглавленное учеником Баба сеидом Яхья Дараби, который руководил до этого бабидскими выступлениями в Йезде. Однако прибегнувшему к обману шахским войскам довольно скоро удалось подавить это выступление.

После поражения восставших в Зенджане (декабрь 1850 г.) бабидское движение, утратив широкий организованный характер, пошло на убыль. Представители низшего духовенства и торговцы в ответ на аресты и массовые казни перешли к индивидуальному террору. В августе 1852 г. они совершили неудачное покушение на Наср эд-Дин-шаха.

В последующем один из учеников Баба Бехаолла стал выразителем интересов той части торговцев, которые превратились во второй половине XIX в. в агентов иностранного капитала. Он выступал в защиту частной собственности и оправдывал социальное неравенство людей. Отвергая насильственные методы борьбы, Бехаолла в посланиях к шаху доказывал, что цель *бехаитов* — «очищение и просветление людских душ и сердец»,

а оружие — мирная пропаганда. По его мнению, ни один человек не должен гордиться любовью к родине, поскольку надо любить не родину, а весь мир. Являясь идеологией нарождавшейся компрадорской буржуазии, *бехаизм* способствовал сохранению пережитков феодального строя и служил одновременно оправданием иностранного проникновения в Иран.

Между тем, увидев в бабидских восстаниях проявление обострившихся в стране социальных противоречий, часть представителей господствующего класса попыталась провести некоторые реформы. Первый шахский министр (*садр-азам*) мирза Таги-хан, являвшийся одновременно командующим войсками и потому носивший титул Амир Незам, предпринял попытку укрепить центральную власть и ограничить влияние иностранных держав. Сначала он занялся реорганизацией армии и повел борьбу за укрепление дисциплины воинских формирований и их командиров. Для улучшения финансового положения Ирана он затем значительно сократил государственный управленческий аппарат, а оставшимся на службе чиновникам в два раза уменьшил жалованье. Губернаторы и должностные лица, уличенные во взяточничестве и казнокрадстве, строго наказывались. При нем прекратилась широко распространенная прежде продажа постов и должностей, одновременно принимались меры к развитию торговли, местной промышленности, системы образования. Под руководством Амир Незама был разработан также проект, имевший целью устранить чрезмерные притеснения крестьян ханами.

Однако реформаторская деятельность Амир Незама встретила ожесточенное сопротивление со стороны представителей феодальной элиты, не хотевших терять привилегии и расставаться с прежними методами управления. Несмотря на то, что за его трехлетнее пребывание на посту главы кабинета министров финансовое положение Ирана улучшилось, противникам Амир Незама удалось внушить молодому Наср эд-Дин-шаху, будто первый вазир намерен захватить престол, а свои преобразования проводит для того, чтобы завоевать популярность среди населения. В результате в ноябре 1851 г. мирза Таги-хан впал в немилость, его сослали в Кашан, и в январе 1852 г. по приказу шаха он был убит.

Неудача государственных реформ Амир Незама способствовала сохранению в Иране феодальных пережитков, что облегчало процесс закабаления Ирана иностранными державами.

§ 8

Преобразование Ирана в полуколонию

Вторая половина XIX в. стала периодом активной колониальной экспансии в Иран европейских стран, прежде всего Англии и России. При этом каджарская правящая группировка с большей охотой соглашалась удовлетворять требования иностранных держав, чем требования своего народа. В качестве основных средств усиления закабаления Ирана иностранный капитал использовал получение у шахского правительства разного рода концессий, а также предоставление Тегерану денежных займов.

Во время Крымской войны, пользуясь тем, что англичане были заняты осадой Севастополя, Наср эд-Дин-шах решил предпринять поход на Герат с целью упредить его захват афганским эмиром Дост-Мохаммедом. В октябре 1856 г. после пятимесячной осады Герат был взят. В ответ Англия объявила войну и оккупировали часть иранской территории, включая остров Харг, города Бушир, Мохаммеру (ныне Хорремшехр) и Ахваз. По Парижскому договору, подписанному в марте 1857 г., шах признавал независимость Герата, а в случае появления разногласий между Ираном, с одной стороны, Гератом и Афганистаном, — с другой, обязывался обращаться к посредничеству Лондона.

В 1862—1872 гг. Англия добилась от шахского правительства заключения трех конвенций, по которым приобрела право строить на территории Ирана наземные телеграфные линии для обеспечения бесперебойной связи Лондона с Индией. Эти линии явились орудием расширения британского влияния в Иране. Обслуживавший персонал, состоявший из англичан, пользовался правом экстерриториальности. На сами же телеграфные линии, как на мечети и иностранные посольства, распространялась привилегия *беста* (неприкосновенного для властей места убежища).

В 1872 г. шах предоставил владельцу английского телеграфного агентства барону Ю. Рейтеру концессию на монопольную эксплуатацию всех промышленных ресурсов Ирана сроком на 70 лет: разработку природных богатств, возведение ирригационных сооружений, строительство дорог и т. п. Однако подобного рода концессия вызвала в стране широкую волну протестов (против нее выступила и российская дипломатия), и вскоре Наср эд-Дин-шаху пришлось ее аннулировать. В качестве компенсации иранское правительство разрешило в 1889 г. Рейтеру организовать Имперский (Шахиншахский) банк Персии, который получил право выпускать банкноты, контролировать монетный двор, принимать на свой текущий счет государственные доходы и таможенные пошлины, начал устанавливать курс иностранных валют.

В 1888 г. английский подданный Линч приобрел концессию на организацию судоходства по единственной в Иране судоходной реке Карун. В 1891 г. в ведение британской компании Тальбот перешла скупка, продажа и переработка всего иранского табака, против чего по всей стране начались мощные выступления протеста, а высшее духовенство издало даже специальную фетву о запрещении курения. В результате в 1892 г. шах был вынужден эту концессию отменить. Для погашения неустойки фирме Тальбот Шахиншахский банк выделил Наср эд-Дин-шаху заем в 500 тыс. ф. ст. под залог южных иранских таможен, ставший первым крупным иностранным займом.

Если на юге Ирана преобладающим было влияние Англии, то на севере оно принадлежало России. В 1879 г. русский подданный Лианозов получил разрешение на эксплуатацию рыбных промыслов Каспийского моря, в том числе впадающих в него иранских рек. В 1889 г. шахское правительство выдало русскому капиталисту Полякову лицензию на организацию Учетно-ссудного банка Персии, открывшего в дальнейшем отделения и агентства в Тебризе, Реште, Мешхеде, Казвине и других городах страны. В него поступали пошлины с северных таможен Ирана. Между Шахиншахским и Учетно-ссудным банком происходила острая конкурентная борьба. В 1890 г. Полякову было разрешено учредить «Персидское страховое и транспортное общество», построившее и взявшее под свой контроль шоссейные дороги, соединявшие с русской границей города Северного и Центрального Ирана, а также

водные коммуникации вдоль южного побережья Каспийского моря.

Что касается железных дорог, то под нажимом Англии и царской России в 1890 г. правительство Ирана взяло на себя обязательство от их строительства воздержаться.

Постоянно нуждавшаяся в деньгах правящая группировка государства за сравнительно небольшие суммы предоставляла концессии, причем иногда весьма неожиданные, также и другим европейским странам. В частности, бельгийцам было выдано разрешение на обустройство игорных домов, производство и продажу вин, французам — бессрочно вести археологические раскопки и половину обнаруженных древних реликвий вывозить из Ирана.

С 1870-х годов в Иран резко увеличивался импорт зарубежных фабричных товаров, конкуренция которых подрывала местное ремесло и тормозила создание национальной промышленности. Одновременно рос вывоз из страны сельскохозяйственной продукции и сырья, диктовавшийся требованиями внешнего рынка. В стране стали расширяться посевные площади под хлопок, табак и другие технические культуры. Иран превращался в сырьевой придаток европейских держав.

Под контроль иностранцев переходила не только экономика, но и некоторые сферы государственного управления. Созданный в 1879 г. под руководством русских офицеров казачий полк, развернутый потом в бригаду, сделался единственной боеспособной частью иранской армии, что усилило зависимость шахского режима от царской России. Наряду с русскими в Иране появились австрийские, германские, итальянские и французские военные инструкторы. Иностранцы начали внедряться и в центральный управленческий аппарат — в министерстве почт и телеграфа решающий голос принадлежал англичанам, во главе таможенного дела в 1898 г. был поставлен бельгиец Наус. В северных районах и в столице на ответственные должности назначались лица, угодные русскому послу. В южных областях хозяйничали англичане, которые, не считаясь с мнением шахского правительства, заключали соглашения с местными ханами, субсидировали их и снабжали оружием.

Упрочение позиций иностранного капитала повлекло за собой также перемены в классовой структуре общества. В результате усиления зависимости сельского хозяйства от запросов

внешнего рынка представители купечества, чиновничества и духовенства стали захватывать участки мелких землевладельцев и скупать уголья феодальной аристократии и шахской семьи, формируя тем самым слой помещиков нового типа. Развитие товарно-денежных отношений и возрастание доли налогов, взимаемых в деньгах, вели к ростовщическому закабалению крестьян. Нередко в качестве ростовщиков выступали те же самые помещики.

Во второй половине XIX в. попытки перехода в городах от ремесленного и мануфактурного производства к фабрично-заводскому, организации национальных акционерных компаний и обществ, где использовался бы наемный труд, из-за отсутствия соответствующего предпринимательского опыта, подготовленных должным образом технических кадров, а также дефицита капитала, как правило, завершались неудачей. Терявшие работу и средства к существованию ремесленники и наемные рабочие вместе с разорявшимися крестьянами пополняли армию голодных и десятками тысяч уходили на заработки в Россию — в Закавказье и Закаспийскую область.

Совершивший в 1873, 1878 и 1889 гг. поездки в Россию и Европу Наср эд-Дин-шах ввел в сферу государственного управления отдельные новшества: учредил министерства внутренних дел, почт и телеграфа, просвещения, юстиции, основал ряд светских школ для сыновей феодальной знати, провел некоторую европеизацию одежды придворных. Однако эти мероприятия носили поверхностный характер и не затрагивали основ существующего строя. Попытка же ограничить судебную власть духовенства восстановила против шаха многих авторитетных и влиятельных шиитских богословов.

В 1893—1894 гг. в Исфагане, Мешхеде, Ширазе и других городах прошли массовые «голодные бунты». Убийство на волне нарастания народного недовольства 1 мая 1896 г. Наср эд-Дин-шаха панисламистом Реза Кермани и приход к власти его сына **Мозаффар эд-Дин-шаха** ситуацию не изменили. Отправив в отставку нескольких министров и губернаторов, новый шах со своим окружением по-прежнему придерживался реакционного курса отца. При нем в Иране еще больше укрепилось влияние иностранцев, продолжало нарастать народное недовольство, множились приобретающие все более широкий размах волнения.

Кавказ — это особый мир множества этносов, конфессий, социумов, культурно-лингвистических групп и иных социальных общностей, которые при всех своих отличиях друг от друга, иногда весьма резких, образуют все же своеобразное единство. Это единство на протяжении истории многими оспаривалось или ставилось под вопрос, особенно — во время войн, революций, межэтнических и межрелигиозных конфликтов, повстанческих и других движений социального и политического протеста. И, тем не менее, вся история Кавказа, изобилующая общественными потрясениями, человеческими трагедиями и даже национальными катастрофами для многих проживавших здесь или продолжающих жить народов, свидетельствует о том, что Кавказ — это не только обилие противоречий, несогласий и взаимных претензий, но также сложный регион, единый в многообразии, имеющий свое общее лицо и определенную общность менталитета, нравов, обычаев, норм поведения и духовных ценностей. При всей ограниченности этой общности, существующей в неразрывном единстве со спецификой общественного быта и внутреннего мира каждого этноса или социума, каждой общины, конфессии или группы, трудно переоценить значение того, что объединяет всех кавказцев.

Ввиду этого своеобразие кавказского культурно-исторического сообщества заключается в том, что это — единство в многообразии, целостная и многоцветная суперкультура, построенная на взаимодействии, кое-где синтезе, кое-где сосуществовании, а кое-где и непримиримом противостоянии тесно взаимосвязанных и в чем-то противоречивых и даже конфликтующих друг с другом субкультур. Тем не менее наличие центробежных и разъединяющих тенденций периодически умиряется стремлением к объединению и согласию.

На состав населения Кавказа, судьбы его народов и государств всегда влияли геополитические, физико-географические, климатические, территориальные и прочие условия. На сильно пересеченном, в большинстве случаев труднодоступном и не всегда благоприятном для жизни, изобилующем горными кряжами и ущельями пространстве между Черным и Каспийскими морями всегда жили десятки крупных и сотни небольших племен и народностей. Еще Аль-Масуди отмечал, что Кавказ — это «великая гора», которая «вмещает много царств и народов». И всем им некуда было уйти друг от друга, ибо пригодных для жизни земель на гористом Кавказе для всех всегда не хватало.

Люди, концентрируясь в долинах и предгорьях, в случае конфликтов сражались до последнего, так как уход из родных мест означал не только утрату родины и давно освоенной земли (без перспективы получить новую, за которую надо было еще бороться), но и потерю лица и самоуважения, без которых кавказец существовать просто не может. Да и рельеф серьезно препятствовал уходу или делал его невозможным. В связи с этим в жизни кавказцев, наряду с крайней жесткостью в принципиальных конфликтах, сформировался некий свод правил, способствующих достижению согласия по самым разным вопросам — от политических и военных до хозяйственных и бытовых. Долгая и противоречивая история приучила народы Кавказа к тому, что им друг от друга никуда не деться, как и от своего опыта общения и своей многострадальной земли. Поэтому историю каждого из них надо изучать не отдельно, а в рамках общего для всего Кавказа исторического развития и с учетом совместно выработанных общих для всех кавказцев ценностей.

Хребты Кавказских гор разделяют не только территорию региона, но и его население. Особенности топографии Кавказа определяют и обилие разновидностей форм жизни, и этническую разнородность. Более того, они же породили редкую для других регионов фрагментацию этносов, что, в свою очередь, предопределило живучесть общинных, племенных, родовых структур, а также — крайнюю многочисленность локальных структур и субкультур, языков и наречий. Этнокультурное разнообразие Кавказа также исторически связано с его положением между Европой и Азией, между ареалами земледельческо-городских и кочевых цивилизаций. Этот регион,

чрезвычайно важный в геостратегическом отношении, всегда отделял восток Европы от запада Азии, христианство от ислама, оседлый мир от кочевого. Здесь в разное время сходились интересы таких великих держав, как Рим и Византия, Россия и Золотая Орда, Иран и Османская империя. Для правителей всех этих государств-гигантов Кавказ был необходим и сам по себе, и как плацдарм для вторжения на Ближний Восток, и для контроля над стратегически важными путями, в том числе — через Каспий и Черноморье. Кавказ в самом общем плане — это не только горы и не только отделенные горными хребтами от восточной Европы закавказские страны. Это также и степное Предкавказье, своего рода переход от Закавказья к южнорусским равнинам. Именно по этой причине Северный Кавказ существенно отличается от южного по своим природным условиям, по своей истории, политическим судьбам, культуре и составу населения. Тем не менее, то общее, что объединяет кавказский север и Закавказье, все же, пожалуй, преобладает и дает основания рассматривать Кавказ как единый комплекс, а историю его народов — в тесной взаимосвязи севера и юга, их взаимодействии и взаимовлиянии.

Прикаспийский путь был с незапамятных времен привычной дорогой степных набегов на страны Закавказья, но также — важнейшим руслом транскавказской транзитной торговли. По сведениям Страбона, именно по этому каналу древнейшие жители региона получали доставлявшиеся к ним через Мидию и Армению индийские и вавилонские товары. Древние аланы более двух столетий на заре нашей эры совершали походы в Закавказье и Малую Азию через Дарьяльское ущелье, получившее впоследствии название Аланские ворота. Результатом ответных нашествий стало освоение в I в. н. э. прикаспийских территорий восточного Кавказа пришедшими с юга ираноязычными племенами. В Закавказье уже в I тысячелетии до н. э. существовали развитые культуры и государства. Но их влияние на Северный Кавказ было ограниченным до великого переселения народов IV—VI вв. н. э. Еще раньше под воздействием вторжений извне (скифов, киммерийцев, древних тюрков) на Кавказе постоянно происходили перемещения, смешения, взаимная ассимиляция разных этносов и племен, что нередко приводило к исчезновению некоторых из них и образованию новых. Важное значение имело вторжение гуннов в конце IV в. н. э. через Закавказье в Иран,

Малую Азию и Сирию. Отступив вскоре на Северный Кавказ, гунны потом вплоть до VI в. нападали на Закавказье. В состав созданного ими союза племен входили болгары, авары, хазары и другие народы, впоследствии известные на востоке Европы. В это же время крайне обострилась борьба за Кавказ между Римом (потом — Византией) и Ираном. Отражением этой борьбы явилось торжество христианства в Армянском царстве, Картли (Грузии) и кавказской Албании, в которой, однако, сильные позиции сохраняли зороастризм и местные языческие культы.

Для дальнейших судеб Кавказа было весьма важным распределение влияния Византии (т. е. условно — Запада) и Ирана (Востока). Практически они поделили между собой грузинские и армянские земли, а также Северный Кавказ. Прикаспийские территории восточного Кавказа остались за Ираном, господствовавшим здесь более 200 лет. Вместе с иранцами на этнический состав жителей Кавказа в то время существенно повлияли гунны и хазары, а затем — пришедшие в середине VII в. арабы. Закавказье и часть кавказского севера вошли в состав Арабского халифата и подверглись исламизации. Ислам наиболее успешно распространялся в прикаспийском Кавказе. Но и Тбилиси не избежал этого влияния и стал столицей эмирата, где проживало много арабов, персов и других мусульман. Борьба между Византией и Халифатом продолжалась более 400 лет. В ходе ее не раз армянские и грузинские земли восстанавливали свою независимость. В XI в. тюркские племена из Центральной Азии под предводительством династии Сельджукидов захватили Кавказ и окончательно изгнали византийцев, разгромив их в 1071 г. Но Грузия, объединенная Багратом III (975—1014), избежала нового порабощения. В 1122 г. царь Давид Строитель изгнал мусульман из Тбилиси. В правление царицы Тамары (1184—1213) Грузия достигла расцвета, раскинувшись от Эрзерума до Ганджи и Черкессии, а также — подчинив себе Ширван и Трапезунд. Отбив нашествие тюрок, Грузия распространила свою власть и на север Армении, усилив одновременно свои позиции на востоке Закавказья, севере Ирана и на Черноморском побережье. Примерно в то же время, в XII в., громадные пространства равнинного Предкавказья и Северного Кавказа — от Нижнего Дона до Дербента были заняты кипчаками — половцами, которые отступили сюда из

южнорусских степей под ударами киевского князя Владимира Мономаха. Часть кипчаков даже служила царям Грузии. Что не помешало им, однако, в XIII в. опустошать Грузию и самостоятельно, и в составе монголо-татарской армии.

Воцарение Сельджукидов на огромном пространстве от Средней Азии до Анатолии привело к наплыву тюркских племен на Кавказ, где они компактно заселили территорию бывшей Кавказской Албании и часть земель Армении и Грузии. Как и в Малой Азии, это привело к масштабным разрушениям и гибели значительной части жителей (особенно в Армении), к тюркизации населения, в ходе которой были вытеснены языком пришельцев местные языки «азери» (на юге), «арани» (на севере), а также начала формироваться тюркоязычная азербайджанская народность. В дальнейшем усилению этого процесса способствовал приход в Закавказье новых тюркских племен (в основном огузов) во время нашествия монголов и Тимура. С той поры прежнее название «Арран» сменилось на тюркско-иранское Карабах («Черный сад»). Следует отметить, что азербайджанский язык и культура формировались постепенно, вбирая в себя элементы прежнего культурного слоя, а функции литературного языка долгое время выполняли арабский и фарси (персидский).

В 1220 г. монголы вторглись в Карабах, а потом в Грузию и Армению, что привело к подчинению Грузии наследникам Чингисхана и гибели армянской государственности. Подвергшееся страшному разорению, Закавказье в целом стало объектом ожесточенной борьбы между тюрко-монгольскими ханами Золотой Орды и правившими в Иране монгольскими правителями Хулагидами. Оно сильно пострадало в XIV в. во время походов Тохтамыша и Тимура. Особенно тяжелый удар был нанесен Грузии походом 1403 г., после которого она так и не оправилась. Вскоре она распалась на независимые царства Картли, Кахети, Имерети и княжество Самцхе-Саатабаго. Тогда же, в XV в., Армения попала под власть племенных союзов кочевых тюрков Кара-Коюнлу («Черных баранов»), а затем Ак-Коюнлу («Белых баранов»), господствовавших на западе Ирана, в Ираке и на юге Кавказа. Уничтожение армянского населения, в том числе — большей части знати, захват ее земель военно-кочевой аристократией монголо-татар (в том числе — кипчаков, не раз вторгавшихся с севера в Закавказье), разрушение городов, привели к росту начавшейся

еще в XI в. эмиграции армян в Грузию, Иран и особенно Малую Азию, где с конца XI в. существовало Киликийское Армянское царство во главе с династией Рубенидов (1080—1375). Часть армян перебралась в Крым и даже в Польшу. Некоторые оказались в Индии и Средней Азии.

Мусульманское население Закавказья также подвергалось эксплуатации и грабежу сменявшими друг друга завоевателями, однако — в гораздо меньшей степени ввиду религиозной и языковой близости кипчакам, огузам и татарам, составившим основу войск, завоевывавших Кавказ. Это же относится и к мусульманам Северного Кавказа. Впрочем, в самом начале монгольских походов на Кавказ кипчаки, обосновавшиеся в Предкавказье и тогда еще не принявшие ислам, разоряли Ширван и Арран, уже в значительной мере и туркизированные, и исламизированные. В дальнейшем туркизация и исламизация Восточного Кавказа (преимущественно территории современных Азербайджана и Дагестана), в меньшей степени — Северного Кавказа, продолжались вследствие постоянного наплыва тюрок с войсками монголов, Тимура, Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу. Пришельцы долгое время сохраняли племенную организацию, личную свободу и привилегированное положение. А на местных жителей, включая мусульман, распространялось действие указа (ярлыка) 1303 г. о прикреплении к земле, т. е. о закреплении оседлого сельского населения.

В XV в. самостоятельность на Кавказе сохраняли лишь грузинские государства Картли, Кахети и Имерети, а также — Ширван, которым с 654 г. правили мусульманские правители, с 799 г. именовавшиеся ширваншахами. При династии ширваншахов Дербенди (1382—1538) Ширван со столицей в г. Шемахе стал процветающим центром земледелия, выделки шелка и тканей, важным международным торговым и культурным центром. В Шемахе имелись многочисленные шелкопрядильни, ткацкие и ковровые мастерские, предприятия по выделке бумаги, а также многочисленные фабрики местных, арабских, персидских, хорезмийских, индийских, русских и западноевропейских купцов. Шемаха славилась также мастерами ширвано-апшеронской архитектурной школы, местной миниатюры, конкурировавшей с персидскими образцами, и декоративно-прикладного искусства. Здесь жили многие поэты и другие деятели культуры, в произведениях

которых отражался процесс формирования азербайджанского этноса как за счет тюркизации местного ранее ираноязычного и другого населения, так и путем интеграции тюрков, пришедших из Средней Азии, Ирана и северокавказских областей. Этот процесс был во многом схож с аналогичным процессом формирования турецкого этноса в Анатолии. Однако именно в XV в. наметилось отделение тюрков Закавказья от малоазийских прежде всего на основе постепенного обособления в XIV в. восточнотюркских наречий до того единого тюркоязычного комплекса Малой Азии, Ирана и Закавказья. Одним из ранних азербайджанских поэтов считается уроженец Шемахи Имададдин Насими (конец XIV в. — начало XV в.). Он — среди первых авторов газелей на азербайджанском языке, отступивший от традиции писать стихи по-арабски или по-персидски. К XV в. относится и творчество Касима Энвера, ученого — географа Бакуви, как и создание шедевров азербайджанского зодчества — дворца ширваншахов в Баку, дворцового комплекса «Хешт-бехишт» (Восемь раев) в Тебризе и других.

Культурно-лингвистические различия дополнились (а во многом и порождались) историко-политическими процессами. Захватив в 1453 г. Константинополь, турки-османы активизировали свою экспансию за пределами Анатолии, в том числе — в бассейне Черного моря и на Кавказе. Подчинив себе Крым в 1475 г., они стимулировали экспансию Крымского ханства на Северный Кавказ, а также — набеги с целью работорговли по всему Черноморскому побережью Кавказа. Их нараставшее соперничество с Ираном не только ставило в отчаянное положение христиан Кавказа, прежде всего — грузин и армян, зажатых между двумя мощными мусульманскими державами, но сказывалось и на положении кавказских мусульман, исторически (а в XIII—XV вв. и политически) связанных с Ираном или, по крайней мере, с тюрками Ирана. Это обстоятельство также сказалось и на обособлении кавказских тюрков от анатолийских, и вообще на дальнейших судьбах Кавказа.

В истории Кавказа чрезвычайно важны были связи между самими кавказскими народами. Они в определенной мере затруднялись религиозными различиями, игравшими в эпоху Средневековья весьма значительную, иногда решающую роль. Существенны были географические и экономические факторы.

Так сложилось, что Западный Кавказ был изначально втянут в византийскую торговлю и вообще в сферу влияния (в том числе религиозного) Византии, в известной мере дополнявшегося влиянием и торговыми операциями генуэзцев. В то же время Восточный Кавказ и Дагестан были связаны главным образом с Ближним Востоком, прежде всего — с Арабским халифатом и Ираном. Северный Кавказ при этом оказывался яблоком раздора, тяготея в культурно-религиозном плане к Восточному Кавказу, но экономически и политически — к Западному. Даже в XIV—XV вв. там была весьма интенсивна генуэзская торговля. Но с падением Византии все изменилось и прежняя конкуренция ориентаций, не лишенная религиозно-культурного содержания, превратилась к началу XVI в. в османо-иранское соперничество чисто политического свойства (несмотря на наличие также суннитско-шиитских разногласий).

При всей сложности внутрикавказских споров и давних счетов (например, у жителей равнин к горцам и у автохтонов к пришлым мигрантам) народы Кавказа всегда интенсивно общались друг с другом. Известно, что постоянно существовали экономические, культурные и прочие связи Северного Кавказа с восточным Закавказьем, что и определило во многом этнический облик последнего. В армии Грузии на разных этапах ее истории служили адыги (черкесы), аланы (осетины), лаки, ингуши, чеченцы, представители различных народов Дагестана. В то же время правители Дагестана, Кабарды, Осетии устраивали набеги на земли грузин, армян и прочих жителей равнин и долин. В XIV в. значительная часть осетин, спасаясь от монголов, переселилась в Грузию. Часты были случаи единения абхазов и кабардинцев, миграций аварцев и других этносов Дагестана, возникновения в Дагестане и Азербайджане смешанных поселений горцев разного происхождения, нанимавшихся на службу к карабахскому, кубинскому, шекинскому и другим ханам. По разным причинам — политическим, экономическим, военным, природным и иным — неоднократно менялись места расселения различных групп кавказцев, например, таких как ногайцы (потомки кипчаков), адыги, кабардинцы, чеченцы, ингуши и другие. К началу XVI в. началось расселение армян среди северокавказских черкесов («черкесо-гаев»). Все эти процессы, иногда связанные также со стихийными бедствиями (землетрясениями, болезнями),

иногда — с сезонными работами, были свойственны всему Кавказу. Поэтому, например, даже в Грузии, стране с наиболее прочной государственностью и компактным расселением государствообразующего этноса, также сложилось, как и в других регионах Кавказа, полиэтничное общество, включавшее помимо грузин, также армян и представителей других народов, в том числе — мусульман. Но, конечно, в наибольшей степени этнонациональная и политическая раздробленность была свойственна Северному Кавказу, где с VIII в. насчитывалось множество мелких «царств», княжеств, бейств, ханств, общин, племен.

Важной частью истории Кавказа издавна были его связи с Россией. Первые сведения о славянах и русах обнаружены еще в армянских и грузинских источниках VII—XI вв., а сведения о Кавказе — в русских летописях XI—XII вв. Русские товары отмечены на рынках Ганджи и Дербента еще в X в., а во Владимирской и Псковских землях найдены арабские дирхемы IX—X вв., чеканенные в Тбилиси. В более позднее время были известны шелка, драгоценности и оружие, доставлявшиеся из Шемахи прежде всего армянскими купцами, появившимися на Руси еще до ее крещения. Во многих источниках, в том числе — в поэмах великого Низами Ганджеви, получили отражение русские походы 1025—1034 гг. на Баку, Дербент и Ширван. В то же время известно, что русские дружинники служили у эмира Дербента в X в., а армянские воины — в войсках киевского князя Ярослава Мудрого в XI в. и галицкого князя Льва Даниловича в XIII в.

Русь и Кавказ связывали также семейно-династические отношения. Князь Владимир Святой был женат на Анне, армянке по происхождению, сын Мономаха Ярополк, также как и Андрей Боголюбский, его брат Всеволод и киевский князь Мстислав — на аланских княжнах. Князь киевский Изяслав женился в 1154 г. на Русудан, дочери грузинского царя Дэметрэ, а знаменитая грузинская царица Тамара вышла замуж за Юрия, сына Андрея Боголюбского. Изгнанный через два года из Грузии по собственной вине, Юрий, по некоторым данным, потом правил небольшим уделом в Карабахе.

Грузинские и армянские монахи, как и греко-византийские, повлияли на формирование основ православной культуры Киевской Руси, а мастера живописи, мозаики и орнамента из Грузии, Армении и христианской Албании Кавказской

участвовали в строительстве и украшении русских церквей. Сыграли свою роль и переводы литературных и теологических сочинений с армянского на русский и с русского на армянский («Жития блаженных Бориса и Глеба»), особенно — в XI в.

После того, как Русь и Кавказ стали данниками Золотой Орды, связи их на некоторое время пришли в упадок. Их возрождению во многом способствовали армянские купцы Крыма, часто приезжавшие в Москву и образовавшие там в XIV—XV вв. большинство особого сословия «гостей-сурожан», т. е. торговцев из Сурожа (Судака). В связи с этим недалеко от московского Кремля был даже возведен армянский караван-сарай. Армянские купцы нередко выполняли и дипломатические поручения правителей Москвы, в частности — «государя всея Руси» Ивана III. Усиление в XV в. турецкой экспансии на Черном море перекрыло многие пути черноморской торговли, что привело к оживлению торговых путей через Каспийское море, Дербент и Шемаху, где русские купцы действовали в партнерстве с местными торговцами различного происхождения. В 1465 г. были установлены дипломатические отношения между Москвой и государством ширваншахов Дербенди. Посольство Василия Панина в Шемаху в 1466 г. явилось первым русским посольством в страны Востока. Тогда же Дербент, Шемаху и Баку посетил знаменитый тверской купец — путешественник Афанасий Никитин. В 1475 г. Иван III направил своего посланника к правителю государства Ак-Кююнлу Узун Хасану. А в 1491—1492 гг. в Москву прибыло посольство от кахетинского царя Александра.

Таким образом, к XVI в. Кавказ оставался политически (а также этнокультурно) раздробленным и практически незащищенным перед соперничавшими из-за него мусульманскими державами. Превращение Черного моря почти во «внутриосманское озеро» отрезало Кавказ от Европы. Выход за пределы осmano-иранского соперничества был возможен только через Россию, которая тогда еще не стала великой державой, только что освободилась от Золотой Орды и накапливала силы для следующего рывка. Но уже имевшийся к тому времени опыт русско-кавказских отношений, стремление России избавиться от ордынского наследия (в том числе — от необходимости платить дань Крыму, осуществлявшему тогда экспансию

на Северный Кавказ) и неизбежность столкновения с мусульманскими державами, поддерживавшими наследников Золотой Орды, как бы притягивали Россию к Кавказу. В этом же направлении действовали и постепенно оформлявшиеся экономические и геостратегические интересы встававшего на ноги молодого Русского государства.

§ 2

Северный Кавказ.

Положение в XVI—XVIII вв.

В XVI в. ориентация на Россию стала пробивать себе дорогу почти у всех народов Кавказа. Однако на Северном Кавказе это чувствовалось острее. Отношение к Москве здесь стало вопросом практической повседневной политики после присоединения к Московскому государству Казанского (в 1552 г.) и Астраханского (в 1556 г.) ханств, вследствие чего территория, контролируемая русскими властями, вплотную подошла к землям северокавказских народов. В новом раскладе сил северокавказского ареала гораздо более существенную роль, чем раньше, стал играть «русский фактор», да и в военно-политических планах Москвы, особенно касавшихся Крымского ханства и его сюзеренов в Стамбуле, Северный Кавказ выдвинулся на самое важное место. Свидетельство тому — первые русские крепости, возведенные в регионе русскими казаками на реке Терек в XVI в. (начиная с города Терки). Тогда же началось налаживание не только торговых, но и политических связей северокавказцев с Россией.

В 1558 г. черкесский (кабардинский) князь Темрюк пригласил в Москву двух своих сыновей — Булгуроку и Салтанкула. Последний вскоре крестился, породнился с царем (женясь на родственнице царицы) и стал одним из ближайших советников Ивана Грозного под именем Михаила Черкасского. После смерти царицы Анастасии Иван Грозный женился в 1561 г. на сестре Михаила, Марии Темрюковне, что еще более усилило влияние черкесской родни царя. По мнению некоторых историков, именно под влиянием черкесов царь ввел на Руси опричнину, противопоставив ее «земщине» подобно такому же делению государства на «хассе» (особый, дворцовый) и «дивани» (т. е. принадлежащий «диван аль-мамалик», т. е. совету земель) во многих государствах Востока, прежде всего в Османской империи и Иране. О порядках

в этих государствах черкесы и другие кавказцы были хорошо осведомлены. Более того, есть предположение, что во многом у опричников (одним из командиров которых стал сам Михаил Черкасский) было сходство с «нукерами» — привилегированными дружинниками многих северокавказских властителей. Впрочем, о сущности опричнины существуют и другие точки зрения.

На черкесское и вообще восточное происхождение опричнины и всего, что с ней было связано, косвенно указывает и ее конец: бывший тесть царя Темрюк (Мария Темрюковна к тому времени умерла) и его черкесы будто бы примкнули к разорительному походу крымского хана на Москву в 1571 г., вследствие чего царь по ложному подозрению казнил Михаила Черкасского и изгнал черкесов и татар из своего окружения, одновременно запретив само слово «опричина». То было трудное для царя время — против него взбунтовались мусульмане Поволжья, а ранее союзная Ногайская Орда примкнула к крымцам. Но, пережив поражение, разгром столицы и еще 36 городов, гибель десятков тысяч и угон в плен сотен тысяч людей, царь все же на деле сохранил многое из опричнины, в частности — набранный из опричников особый полк «стрельных стрельцов» и особый фонд дворцовых земель, отобранных опричниками у боярской знати.

Черкесы были не единственными северокавказцами, наладившими в XVI в. политические связи с Москвой. Еще при Василии III (1505—1533) московский государь получил у мусульман особое наименование «Ак Падишах» (Белый царь), что было прямо связано с признанием мусульманами преемственности его власти от таковой золотоордынских ханов, называвших свое государство «Ак Орда» (Белая Орда). Это признавали многие ранее подвластные золотоордынцам правители, в частности ногайские князья, называвшие Ивана Грозного «счастливым государем, ведущим свой род прямо от великого Чингиза» (что было неверно). Тем не менее, в XVI в. в Москву приезжали послы от адыгов, кабардинцев, ингушей и владельцев Дагестана, искавшие в Москве помощи и покровительства, а иногда — даже просившие принять их в российское подданство. Известно, что в XVI в. часть чеченцев (галгаевцев, нынешних аккинцев) были христианами, как и многие кабардинцы. В 1658 г. представители двух вайнахских тейпов (кланов) тушинов и шатоевцев принесли присягу на

подданство России в одном из соборов Кремля в Москве, т. е. они были христианами.

Однако такие случаи были все же редки. И даже когда представители Северного Кавказа вступали в русское подданство, это вовсе не означало распространения на них административной власти и законов России. Вернее было бы говорить о том, что северокавказские правители становились в этом случае чисто формальными вассалами царя, а точнее — его союзниками, причем — не очень постоянными. Их ориентация на Москву оказывалась весьма шаткой и могла измениться в зависимости от ситуации в России (переживавшей, в частности, «Смутное время» в начале XVII в.) или от исхода осmano-иранских войн, которые во многом велись именно за влияние на Кавказе.

Сила воздействия извне (до XV в. византийцев и генуэзцев, с XVI в. — османов, иранцев и русских) была особенно заметна на Северном Кавказе, где политическая раздробленность, этническая чересполосица, обилие племен, конфессий, группировок, государственных образований и мелких властителей создавали весьма запутанную и постоянно меняющуюся картину. Оказавшийся в XIII в. здесь доминиканский монах Юлиан писал, что типичной ситуацией у аланов является «постоянная война князя с князем, местечка с местечком», что даже на работу в поле люди отправляются вооруженными, ибо «не могут выходить в безопасности из своих местечек небольшими группами за чем бы то ни было». Это привычное состояние «войны всех против всех» сохранялось на Северном Кавказе и в дальнейшем, ибо социальные отношения в основном регулировались обычным правом (*адатом*) внутри каждого племени (и то не всегда), но почти отсутствовали сколько-нибудь четкие правила урегулирования межплеменных, межродовых, межгрупповых споров, разногласий и противоречий. Постепенно проникавший сюда с VII в. ислам, сильно повлияв на быт и культуру воспринявших его народов, в гораздо меньшей мере воздействовал на политические и социальные отношения, во многом остававшиеся в сфере воздействия адата. Вследствие этого правовая ситуация менялась мало и крайне медленно, тем более что патриархально-общинный строй и родоплеменная структура отличались исключительной устойчивостью. Это и определяло сохранение политической дробности и пестроты северокавказских народов.

К XVII—XVIII вв. на эту дробность и пестроту стало накладываться постоянное приближение к региону границ Русского государства и постепенное заселение примыкающих к Предкавказью областей русскими и украинскими переселенцами, а также — пришлыми калмыками, ногайцами и другими подданными России. Среди них особой привилегированностью и активностью выделялись донские и гребенские казаки. Сюда же стали переселяться государственные крестьяне, ремесленники и чиновники из разных губерний России, и это способствовало развитию земледелия, скотоводства и различных промыслов в регионе.

Особо следует остановиться на роли казачества, которое возникло еще в период Золотой Орды и представляло собой особый вариант русского и украинского этносов с обычаями, чертами быта и одежды, заимствованными (в том числе — благодаря смешанным бракам) у других народов, ранее занимавших южные степи. Среди них немало было и выходцев с Кавказа, которых вплоть до XVIII в. на Украине называли «черкасами» и существовал даже город Черкасы, от которого и произошло название выстроенной в XVI в. столицы донских казаков — Новочеркасска. Термин «черкасы», конечно, был собирательным. По некоторым данным, он пошел от чеченцев, владевших в средние века частью Ногайской степи до острова Чечень на Каспийском море. Часть из них, крестившись после 1557 г., т. е. после принятия частью ногайцев русского подданства, положила начало терскому казачеству, которое в начале XVII в. насчитывало 160 семей в крепости Терки на Тереке. В дальнейшем они смешались с беглецами из России и были расселены в 1712 г. в пяти станицах, составив основу терско-гребенского казачества.

Исламизация Чечни в XVII в. воздвигла барьер между ранее мирно сосуществовавшими казаками и чеченцами. Часть последних (*гуноевцы*), преследуемая жестоким шейхом Барсаном, убивавшим христиан, ушла на север. Но даже в XIX в. гуноевцы — казаки ездили в горы, а гуноевцы-чеченцы в казачьи станицы. Русские, постоянно пополнявшие ряды казачества, всегда определяли главное в его облике — русскоязычие и православие. Но наряду с этим в состав терцев, гребенцов и сунженских казаков (переселенных на реку Сунжу части терцев) входили также пришельцы калмыцкого, осетинского и ногайского происхождения. Они во многом

позаимствовали (в основных чертах) тип и внутреннее убранство домов, одежду (бурку, бешмет, черкеску), оружие у выходцев с Кавказа, особенно из Чечни (из тейпов гуной и варадой). Более того, многие из них знали язык чеченцев, их танцы, манеру пения, горский этикет.

Постоянный контакт, взаимодействие и взаимовлияние, наблюдавшееся между казаками и горцами, определили и важную роль казаков в сложной борьбе на Северном Кавказе, с конца XVI в. находившегося под властью ханов Крыма. Россия стремилась вытеснить крымцев, османов и иранцев из региона, опираясь на казаков и используя освободительные настроения кавказцев, а также — их давние и многообразные связи с Россией.

Однако эти связи не всегда срабатывали. В частности, наметившееся оживление связей чеченцев, ингушей и народов Дагестана с Россией после того, как на Кавказе побывал после персидского похода 1722 г. Петр I, сопровождалось строительством крепостей, таких как Кизляр в 1735 г., Моздок в 1763 г., новых форпостов и казачьих станиц. Само по себе увеличение численности местного русского населения неоднозначно встречалось горцами, интересы которых ущемлялись тем, что пришельцы в административном и хозяйственном отношении осваивали земли, ранее либо фактически принадлежавшие горцам, либо ими использовавшиеся (причем, как правило, не под пашни, а под выпас скота). Еще больше задевались интересы местных старожилов раздачей земель помещикам, в том числе горским князьям, многие из которых ранее не имели крупных владений и не пользовались над соотечественниками такой властью, каковую получали из рук российской администрации.

Все эти поводы для недовольства постепенно накапливались и множились. Их удавалось как-то нейтрализовать только тогда, когда к ним не добавлялись какие-либо дополнительные мотивы военного, национального или религиозного противостояния. Но, разумеется, как правило, такие мотивы всегда находились.

Одним из наиболее крупных народов региона были *осетины* — прямые потомки аланов, когда-то занимавших огромную территорию от Крыма до Урала и даже доходивших до Иберийского полуострова на западе Европы. Называемые в Древней Руси «ясами», они создали свою государственность

и высокую культуру, которые пришли в упадок после монголо-татарского нашествия XIII в. Аланы после этого были вытеснены с равнин Предкавказья в горы, где сыграли значительную роль в этногенезе ряда народов Северного Кавказа, но прежде всего осетин, формирование которых происходило в XV—XVIII вв. на северных и южных склонах Центрального Кавказа. Среди них с XVII в. распространялся ислам, но большинство исповедовало (с VII в.) христианство. Характерно, что осетины, как и некоторые другие народы Кавказа (например, абхазы), наряду с христианством и исламом неофициально соблюдали некоторые обряды язычества, сохранявшие свое значение в этнической самоидентификации народа.

Северные осетины были теснее связаны с соседними народами Северного Кавказа, в частности — с кабардинцами, южные — с Грузией, судьбу которой они разделяли с XVII в. Не имея единой государственности, Осетия делилась на ряд самостоятельных обществ с особой организацией. Христианская по преимуществу Северная Осетия одной из первых среди северокавказских областей присоединилась добровольно к России в результате русско-осетинских переговоров 1774 г. Это дало возможность начать строительство дороги через Кавказский хребет, открывшей прямой путь с Северного Кавказа в Закавказье. Впоследствии она была названа Военно-Грузинской. В 1784 г. у входа в ущелье в начале этой дороги была основана крепость Владикавказ, впоследствии — столица Северной Осетии.

Многочисленны были соседствовавшие с осетинами *адыги*. Это была группа родственных по происхождению и языку племен, издавна называвших себя «адыге», но европейцам и славянам, а также — на Востоке, известных под именем «черкесов». Они всегда обитали в Причерноморьи, на Кубани и на западе Северного Кавказа. Древней Руси они были известны как «*касогои*». В XIII—XIV вв. они распространились и на восточную часть Северного Кавказа, где некоторые из них, смешавшись с аланами, образовали кабардинскую народность, а остальные — адыгейскую. Но эта народность возникла постепенно, путем смешения и слияния прежде всего племен западных адыгов, располагавшихся в Причерноморье, в том числе южнее Кавказского хребта (до района современного города Сочи), где обитало племя убыхов, и в Прикубаньи.

Убыхи этнически и территориально занимали как бы промежуточное положение между абхазами и остальными адыгами. Основу же адыгов (и будущих адыгейцев) составили племена шапсугов, абадзехов, натухайцев, темиргоевцев, бжедухов, бесленеевцев и других. Племенное деление у адыгов изживалось медленно, полностью сохраняясь вплоть до конца XIX в. и даже в XX в., напоминая о себе родовыми пережитками, общинными обычаями и остатками диалектов. Часть адыгов, впоследствии (после 1917 г.) названная «черкесами», расселилась в Прикубанье и смешалась с переселившимися туда кабардинцами. Постоянным фактором их жизни стали также постоянные контакты, взаимодействие и взаимовлияние с другими народами, в частности с переселившимися сюда в XVI в. из Абхазии абазинами, а в XVII в. — ногайцами из Приазовья и Поволжья, но особенно — с более многочисленными тюркоязычными карачаевцами, сформировавшимися в XIII—XIV вв. на базе смешения (и тюркизации) местных горцев, в том числе аланов и других, с кипчаками.

Особую часть адыгов составили обитавшие с древнейших времен на северо-западе Кавказа *абазины* и *абхазы* (самоназвание «*апсуа*»), говорящие на языках абхазо-адыгской группы кавказской языковой семьи. При этом абхазы периодически то образовывали собственные княжества и даже государства (Абхазское царство в VIII—X вв.), то входили в состав других государств — Колхиды, Понта, Византии, Грузии. В XV—XVI вв. Абхазия совместно с Мегрелией и Гурией входила в состав княжества Сабедиано, затем на рубеже XVI—XVII вв. стала опять самостоятельной, но вскоре попала под власть османов. Византийское влияние в Абхазии выразилось в распространении в ней православия с VI в., османское — в исламизации многих абхазов, начиная с XV в. Впрочем, для абхазов всегда был характерен религиозный синкретизм, при котором и православие, и ислам сочетались с традиционными обрядами, обычаями и древними верованиями языческого характера, которые всегда воспринимались как своеобразная основа этнокультуры и этнической самоидентификации абхазов («*апсуарство*»). Вместе с тем тысячелетние контакты с племенами и народностями западной Грузии сильно сказались на антропологическом облике, особенностях быта и культуры абхазов, что придавало им определенную специфику, отличавшую от прочих адыгов.

Всегда значительное место на Северном Кавказе занимали *вайнахи* — родственные друг другу *чеченцы* и *ингуши*. Они жили *тейпами* (или тайпами), т. е. большими родовыми кланами — землячествами, в которые иногда допускались, с общего согласия, помимо кровных родственников, также соседи и земляки, доказавшие свои высокие нравственные качества. Тейп (от арабского «таифа», т. е. корпорация, сообщество), делясь на семейные и фракционные группы, был чем-то вроде племени или большого рода — общины, насчитывавшего от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Все члены тейпа должны были повиноваться его главе (или совету старейшин в больших тейпах), поддерживать и защищать друг друга, заботиться о славе и чести тейпа, его процветании. Враждующая иногда между собой, тейпы, тем не менее, никогда не раскалывали единства Чечни. Вайнахское общество было проникнуто духом равенства, еще в XV в. оно избавилось от какой-либо знати. Та же система отношений наблюдалась у части адыгов и осетин. У них считалось: «Быть удальдом в горах значит быть аристократом». Поэтому элита чеченцев и ингушей состояла из военных предводителей и религиозных деятелей.

Помимо Чечни, чеченцы проживали также в Дагестане, который в свою очередь, населяло более 30 народов. Среди них наиболее крупными были аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасараны, рутульцы, агулы, таты, т. е. горские евреи, и другие. Ввиду крайней этнической пестроты, неразвитости феодальных отношений и длительного сохранения в относительной замкнутости патриархально-родовых и общинных структур большую роль в Дагестане играл ислам, привнесенный сюда арабами еще в VII в., а также арабо-исламская культура, общая для всех мусульманских народов. Арабский язык с давних времен выполнял фактически роль не только языка религии и *шариата* (мусульманского законодательства), но и общелитературного языка, на котором примерно с X в. создавались поэтические, философские, исторические, научные и художественные произведения местных авторов. Грамотные люди всех этносов Дагестана общались между собой на арабском языке. В отдельные периоды (например, политического господства золотоордынских или иранских правителей) те же функции выполняли тюркский или персидский языки. Но доминирующего положения арабского языка они поколебать не

могли. Более того, в XVII в. начинается период «двуязычия», когда авторы начинают писать одновременно на арабском и родном языке.

В Дагестане, как и на всем Северном Кавказе, определенную роль играли также тюркоязычные народы: кумыки, ногойцы и азербайджанцы, в ареале расселения адыгов — балкарцы и карачаевцы. В основном они сформировались в результате смешения местных автохтонов с появившимися на Кавказе еще в XI в. кипчаками, а также последующими миграциями тюрко-татарских племен, приходивших на Кавказ вместе с монголами, золотоордынскими армиями Узбека и Тохтамыша, а также вместе с войсками среднеазиатского завоевателя Тимура. Некоторые пришли еще позже (ногойцы — в XVI в. с севера, азербайджанцы чуть раньше — с юга). Их появление еще больше осложнило межэтнические противоречия, добавив к ним соответствующие исторические претензии, поскольку в большинстве случаев турки появлялись либо как завоеватели, либо вместе с завоевателями. Нельзя не учитывать и роль «тюркского фактора» в османо-иранской борьбе за Северный Кавказ.

Тем не менее, Дагестан и Чечня, имевшие существенные различия, прежде всего по уровню средневековой культуры и религиозной сплоченности, социальной и политической организации, к XVII в. имели важную общую черту — проникновение ислама в общественно-политическую жизнь и усиление его объединяющей роли. Это тем более удивительно, так как Дагестан, познакомившийся с исламом еще в VII в., завершил процесс полной исламизации к XV в., а Чечня вступила в этот процесс только во второй половине XVI в. Однако и в Дагестане, и в Чечне ислам распространялся преимущественно в форме *суфизма* («*тасаввуф*»), т. е. мистического движения *суфиев* (от арабского «*суф*» — шерсть, ибо первые суфии еще в X—XI вв. носили плащи из грубой шерсти). Это были религиозные аскеты-подвижники, с XII—XIII вв. объединявшиеся по всему миру ислама в особые братства — «*тарикаты*» (т. е. «*путь*», подразумевая правильный путь поиска истины). Эти братства имели свои центры, каждый из которых был одновременно крепостью и комплексом мавзолея святого дервиша — объекта поклонения приверженцев братства, странноприимного дома, мечети, школы и хранилища рукописей.

В этих центрах (а иногда и вне их) «муршиды» (наставники), обычно именовавшиеся «шейх» («старец» по-арабски) или «устаз» (учитель), обучали и воспитывали «муридов» (послушников). «Муршиды» должны были быть образованными, великодушными и щедрыми, ничего не брать у своих учеников и быть для них примером во всем. Послушники (на Кавказе их называли «мюриды») должны были покоряться воле наставника, были правдивыми, надежными и отважными. С XI в. действовало правило, согласно которому мюрид в своих отношениях с наставником, «отказавшись от своей воли, должен быть ... подобен трупу в руках обмывателя трупов, который вертит им как хочет». Это положение в сочетании с традиционной воинственностью горцев, практически находившихся в постоянном состоянии если не войны, то конфликта или вражды с соседями, делало из кавказских последователей суфизма идеальную армию с железной дисциплиной и высоким боевым духом, основанным, помимо горских традиций, и на внушаемой им религиозной морали. Исполнение различных суфийских обрядов («зикр» — коллективные напевы с регламентированными позами и движениями, «самаат» — мистические радения с распеванием стихов Корана, «таваф» — ритуальные кружения во время танцев) закрепляло сплоченность суфиев. В дальнейшем эти обряды, особенно у чеченцев, воспринимались даже не как религиозная, а как местная национальная традиция. Разные братства по-разному относились к тем или иным обрядам. Например, братство Кадирийя (и сейчас влиятельное в Чечне) предписывало радения, а братство Накшбандийя (ныне доминирующее в Дагестане, но до середины XIX в. преобладавшее и в Чечне) их отрицало.

На Кавказе, помимо этих двух братств, действовало еще и братство Шазилийя. Но реально значение имели ветви всех этих братств в той или иной местности. Иногда они распадались, если возглавлявший определенную ветвь («вирд») шейх умирал, не передав своему преемнику «иджазу», т. е. право на наставничество. Но бывали случаи, когда один и тот же человек получал «иджазу» сразу от шейхов двух или даже трех братств. Это свидетельствовало как о незначительности идейно-обрядовых расхождений между братствами, так и о приоритете не религиозно-догматического, а скорее традиционно-кланового (или племенного) и личного подхода

кавказцев к этой проблеме. Это способствовало переплетению структур религиозных братств с родо-племенными, слиянию функций религиозных и политических, наделению того или иного духовного или кланового авторитета всей полнотой власти в соответствии с традициями ислама, не знающего разделения религиозного и светского начал. И, естественно, всякий авторитетный вождь северокавказских горцев, получивший такую власть, стремился быть независимым от любой внешней силы, будь то Иран, Османская империя или Россия.

§ 3

Присоединение Северного Кавказа к России в XVIII—XIX вв.

Первой, как уже отмечалось, к России присоединилась Осетия. В том же 1774 г. османы признали Кабарду составной частью России. За ней постепенно последовали и другие северокавказские области, тем более, что многие из них поддерживали с Россией связи со второй половины XVI в. Процесс этот проходил в основном мирно, пока российские власти имели дело со светскими правителями.

Дагестан к концу XVIII в. был разделен на 10 крупных и несколько десятков более мелких государственных образований. При этом все они были этнически неоднородны. В Дербентском, Аксакаевском и Костековском владениях жили кумыки, ногайцы, аварцы и чеченцы, в Тарковском шамхальстве — кумыки, даргинцы, ногайцы, таты, в Кайтагском шамхальстве — даргинцы, кумыки, терекмейцы, таты, табасаранцы. Но и в других областях состав населения был пестрым: хотя в Аварском ханстве преобладали аварцы, в Кавказском мухском — лакцы, в Табасаранском майсумстве и владениях кади Табасарана — табасаранцы. Кроме того существовали аварские, даргинские, лезгинские союзы сельских общин, называемые «вольные общества». У ногайцев, селившихся от низовьев Кумы до верховьев Кубани, было множество феодальных владений, управлявшихся султанами или мурзами. Но часть их, кочевавшая на севере Дагестана, формально подчинялась его властителям.

Чечня и Ингушетия представляли собой даже в начале XIX в. мозаику множества *тухумов* (или *тухкумов*), т. е. территориальных объединений многих тейпов. Иногда они назывались по-арабски «*джамаатами*» (обществами), что также свидетельствовало о проникновении сюда ислама и араб-исламской культуры. Но в целом вайнахам тогда свойственна была политическая дробность и независимость не только

тухумов и джамаатов, но и отдельных тейпов. Точно также шесть «вольных обществ» существовало в Балкарии, несколько больше в Карачае, где у власти стояли феодалы-бии.

У адыгов также отсутствовала централизация политической власти, хотя в некоторых областях, прежде всего в Кабарде, феодальные отношения были более развиты. На три княжества делилась Большая Кабарда, на два — Малая. Число их, впрочем, менялось: в первой половине XVIII в. их было уже 11, а во второй половине — 6. В то же время кабардинские князья, враждуя между собой, нередко обращались за поддержкой и к крымскому хану, вассалами которого считались, и к русскому царю, дружественные отношения с которым также традиционно сохранялись (впрочем, далеко не всеми князьями). Несмотря на попытки князей подчинить себе и друг друга, и соседей (других адыгов, ногайцев), независимо от них продолжали существовать крупные территориальные союзы натухайцев, шапсугов, абадзехов и убыхов.

Разгром (а затем и присоединение к России в 1783 г.) Крымского ханства, пытавшегося с помощью османов удержать контроль над Северным Кавказом, явился поворотным пунктом в продвижении России на Северный Кавказ. Русские представители еще в ходе войны 1768—1774 гг. с османами старались активно привлечь на свою сторону многочисленных правителей, вождей и старейшин Северного Кавказа. В 1781 г. им это удалось с верхушкой Чечни и Ингушетии, согласившейся на добровольное вхождение в состав России. В 1785 г. российские власти учредили Кавказскую губернию. Однако в том же году почти весь Северный Кавказ был охвачен восстанием имама Мансура.

Имам был простым чеченским пастухом по имени Ушурма. Он назвал себя Мансур («Победоносный») и выступил за «чистоту ислама», который многие его соотечественники тогда еще знали плохо, за замену обычного права («адат») мусульманским законодательством («шариат») и за священную войну («газават») против неверных, под которыми он понимал всех немусульман, включая и многих тогда чеченцев. Имам Мансур (которого называли и шейхом, и устазом, хотя он был неграмотным и не обладал традиционной ученостью мусульманских богословов) своими пламенными проповедями, властным характером и упорными наставлениями смог поднять против России многих чеченцев, кумыков, кабардинцев,

лезгин и других мусульман Северного Кавказа. Причем за ним пошли не только бедняки, но также и часть элиты Чечни, Кабарды, Дагестана, недовольной различными ограничениями, лишением власти в перешедших под русский контроль районах, засильем русского, армянского и грузинского купечества, попытками привлечь на сторону России одни народы (осетин, ингушей) в противовес другим.

Не сумев захватить штурмом русские крепости, имам Мансур в июне 1786 г. обратился за помощью к Османской империи, что подтолкнуло Стамбул начать новую русско-турецкую войну 1787—1791 гг. Поддержка кавказских мусульман, особенно имама Мансура, была для османов одним из стимулов в развязывании войны. Однако вскоре войска султана стали терпеть неудачи, а имам Мансур вынужден был покинуть Чечню и уйти за Кубань. Там его отряды, состоявшие в основном из абхазов и адыгов, действовали отдельно от османов, которые, стараясь использовать имама, в то же время ему не доверяли, зная о его стремлении к независимости от кого бы то ни было. Имам развернул антироссийскую пропаганду от Черного моря до Астрахани, но больших при этом успехов не достиг, как и во время своего внезапного появления в Чечне в августе — сентябре 1790 г. Вернувшись под защиту османов в крепость Анапу, он был там пленен в июне 1791 г. после взятия крепости русскими войсками. Осужденный на пожизненное заключение, имам Мансур умер в Шлиссельбургской крепости в апреле 1794 г.

Движение Мансура не было массовым. Его войско в разное время насчитывало от 5 до 25 тыс. человек. Это объяснялось отсутствием на Северном Кавказе в XVIII в. какого-либо религиозного фанатизма и антирусского национализма. Сам имам отвергал обвинения в недоброжелательности по отношению к русским как народу. Совместная жизнь с поселенцами из России стала тогда уже нормой, закрепленной в сознании горцев почти 200-летней традицией мирного сосуществования, торгового взаимобмена, бытового и хозяйственного взаимовлияния. Скорее движение Мансура было ответом на административные «перехлесты» российской власти и на открытое ее покровительство христианам Кавказа. Последние, кстати, активно способствовали продвижению России на Кавказ. Достаточно вспомнить об участии в завоевании Кавказа грузинских князей Багратиони, Орбелиани,

Цицианова (Цицишвили), поступивших на русскую службу. Один из них, будущий знаменитый полководец П.И. Багратион, 20-летним унтер-офицером участвовал в боях против Мансура и даже побывал у него в плену. Стоит сказать и о том, что грузины, армяне и калмыки вместе с казаками и «татарами» (так называли тогда всех тюркоязычных кавказцев) помогли в 1785 г. отстоять от войск Мансура Кизляр и другие русские крепости. Характерно, что население Кизляра в 1796 г. насчитывало 5,5 тыс. человек, в том числе 2,8 тыс. армян, 800 грузин, 200 казанских татар и русских, а население Моздока тогда же — 3,5 тыс. человек, включая 1 тыс. грузин, 400 кабардинцев, 300 осетин и 300 русских.

Движение Мансура в чем-то было спровоцировано османами в их собственных интересах. Но оно шло также в русле еще не завершившейся исламизации Чечни, где ислам для укрепления своего влияния и сплочения своих последователей нуждался в образе «врага-иноверца». Наконец, это движение явилось первой реакцией горцев на политику российских властей, которая, помимо покровительства готовым к сотрудничеству феодалам и бюрократического «завинчивания гаек», содержала ряд мер против «абречества», т. е. традиционных набегов горцев на казачьи станицы с целью захвата заложников и последующей торговли ими. Само понятие «абрек» среди горцев Кавказа меняло свое значение на протяжении истории, эволюционируя от «разбойник» до последующего «герой-джигит». Подобная метаморфоза стала возможна в течение долгой и кровопролитной Кавказской войны 1817—1864 гг.

К этому времени Северный Кавказ фактически уже был присоединен к России после побед России в войнах с Османской империей в 1806—1812 гг. и с Ираном в 1804—1813 гг. и завершивших их мирных договоров. Первое время предполагалось не просто включать ханства и горские общества Северного Кавказа в состав России, а как бы «федерировать» их с Россией. Такого взгляда придерживался император Павел I (1796—1801). В 1802 г. почти всех правителей Северного Кавказа удалось собрать в крепости Георгиевск, где был подписан договор, обязывавший все ханства и горские общества сохранять преданность России, решать все споры мирными средствами, совместно выступать против нападений со стороны Ирана и т. д. Однако постепенно российские власти стали упразднять все еще сохранявшиеся формы местной

государственности, опасаясь использования их Османской империей и стоявшими за ней Англией и Францией.

Эти державы стремились подорвать позиции России на Кавказе и «отодвинуть» ее от Ближнего Востока, который они в то время интенсивно «осваивали» экономически. Именно они содействовали активности османской агентуры на Кавказе, пытавшейся, к тому же, отстоять последние владения османов на Кавказе — цепь укреплений вдоль Черноморского побережья от Анапы до Батуми. Не без поощрения со стороны османов было создано в 1822 г. народное собрание адыгов, имевшее целью создать единое адыгское государство с введением судопроизводства по шариату. Из этого ничего не вышло не только из-за издавна сложившихся различий между адыгами, но и из-за преобладания у большинства из них адата, а не шариата. В Англии открыто предлагались проекты создания государства «Черкесия» под протекторатом Стамбула или Лондона. В 1827 г. представитель султана Гасан-паша созвал в Анапе съезд князей, дворян и старшин адыгов для их объединения на борьбу с «неверными». В дальнейшем попытки такого рода продолжались.

На этом фоне Россию серьезно беспокоило то, что ее коммуникации с землями Закавказья, присоединенными к ней в 1801—1813 гг., не были безопасны из-за широкого распространения абречества или, как его стали называть русские на Кавказе, «наездничества», т. е. постоянных набегов отдельных ханов и аулов, просто небольших отрядов абреков на русские селения как для захвата пленных (с целью получить выкуп), так и с целью присвоения добычи всякого рода, особенно скота и продовольствия. Фактически с горцами приходилось вести постоянную, хоть и необъявленную войну. Однако для горцев это было привычной нормой жизни.

Возмущенный подобным «хищничеством», генерал А. П. Ермолов, герой Отечественной войны 1812 г., решил положить этому конец. Приняв командование русской армией на Кавказе, он перешел от отдельных карательных рейдов против абреков к блокаде мятежных («немирных») районов, вырубке укрывавших абреков лесов, прокладке дорог и разрушению непокорных аулов. Он, по его собственному признанию, не оставлял «камня на камне» во враждебных селениях, а от изъявивших покорность требовал выдать заложников для «гарантии их верности». Например, в 1820 г. он держал в Тифлисе 32 заложника от аварских селений северного Дагестана.

Но горцы не могли принять запрет на набеги. Кроме того, они не желали смириться с крутыми мерами «Ер-муллы», как они называли Ермолова, заставлявшего их участвовать в строительстве крепостей и дорог, выплачивать новые налоги российской администрации, выступать против своих единоверцев, если те оказывались противниками России. С возведением в Чечне крепости Грозная (будущего города Грозный) в 1818 г. антироссийские действия горцев усилились, тем более, что в 1819 г. Ермолов выстроил крепость Внезапную, а в 1821 г. — Бурную.

Наиболее авторитетный тогда на Северном Кавказе исламский идеолог Мухаммед Ярагский связывал, особенно в 1823—1824 гг., проповедь шариата и мюридизма с установкой на борьбу с Россией и лояльными ей местными правителями. Светской их власти он противопоставлял *имамат*, т. е. теократическую власть имама, одновременно духовного и политического лидера, который должен был превратить Северный Кавказ в военно-религиозное государство, единое для всех мусульман. Его усилия, однако, долго не давали результата. На западе региона абхазы и адыги, недавно избавившиеся от османского гнета (против которого только абхазы регулярно восставали в 1725 г., 1728 г., 1733 г., 1771 г. и 1806 г.), не были склонны выступать против России. Абхазы в 1810 г. официально присоединились к России, сохранив при этом своего властителя, свою знать и обычаи. Кроме того, они, как и большинство иных адыгов, не были фанатиками ислама, ставили свое этносознание («апсуарство») выше любой религии и, конечно, придерживались в основном адата, а не шариата. Не удалось вовлечь в ряды сторонников имамата и некоторые другие народы Северного Кавказа — осетин (среди них преобладали христиане), ингушей (к тому времени еще недостаточно исламизированных), кабардинцев (из-за их давних связей с Россией), балкарцев (стремившихся также присоединиться к России, что и произошло в 1827 г.). Основной базой имамата стали в конечном итоге Чечня и Дагестан.

Что же касается западных областей Северного Кавказа, то сюда в 1834 г. англичане, видимо потеряв надежду на османов, послали своего агента Д. Уркварта, пытавшегося сколотить из подкупленных им адыгских князей «правительство» под британским покровительством. Но из этой, как и последующих, попыток создать марионеточное «Черкесское

государство» ничего не вышло. Британские агенты удивлялись, почему черкесы не понимают пользы для них единой организации и центрального правительства, а черкесы не могли постичь навязываемой им «необходимости» отказаться от старых обычаев, родовых традиций, самостоятельности племен и т. п. Кстати, такую же позицию занимала и часть чеченцев, так как исламизация Чечни тогда еще не была полной, а также — ряд областей Дагестана, населенных даргинцами, кумыками, лакцами, лезгинами и табасаранцами.

В 1828 г. Мухаммед Ярагский возвел в звание имама Гази-Мухаммеда Гимринского (аль-Гимрави аль-Авари), который начал жестокую борьбу с аварскими ханами — союзниками России. В этой борьбе имам, как и впоследствии его преемники, также сжигал неподчинившиеся ему селения, угонял скот и уводил в плен жителей, бросал в тюрьму несогласных с ним сельских старшин. Гази-Мухаммед всего за четыре года правления казнил до тридцати аварских беков вместе с их семьями за то, что они не поддержали объявленный им газават. Вместе с тем при нем имамат уже становится подобием государства, так как он назначал в верные ему селения своих наибов (заместителей, наместников). После гибели имама в 1832 г. его сменил Гамзат-бек Гоцатлинский (Хамза-бек аль-Гужали), истребивший несколько кланов горской знати, в том числе Сурхай-хана Аварского, его юных наследников и ханшу Паху-бике, которой отрубили голову. Но вскоре и сам Гамзат-бек погиб осенью 1834 г., изрубленный на куски в мечети молочными братьями казненных ханов Османом и Хаджи-Муратом.

Ставший после этого имамом Шамиль был сыном аварского крестьянина, хотя и достаточно образованным. Знаток арабского языка и философии, суфизма и мюридизма, он был к тому же «хаджи», т. е. совершил паломничество в Мекку, что умножило его авторитет. Умелый полководец и оратор, храбрый и целеустремленный воин, Шамиль сумел 25 лет противостоять российской армии. Одерживая победы, часто над более многочисленным и лучше вооруженным противником, он завоевывал целые области. Территория его имамата то уменьшалась, то увеличивалась в зависимости от хода военных действий. Однако было бы неправильно деятельность Шамиля сводить к борьбе с русской армией и российской администрацией. Не меньше, а может быть даже больше времени

и сил он уделял покорению кавказцев, не признававших его власти, а особенно — тех, кто, будучи верен адату, отказывался признать шариат и, следовательно, власть и значение Шамиля как имама.

Известны расправы его с аварцами Хунзаха, с аулами Игали, Унцикуль, Ирганай, разрушение дворца Ахмед-хана Мехтулинского и уничтожение знати многих селений Дагестана, а также истребление его наибом Кибит-Магомедом знати Гицатли, Андалала и других селений в 1843 г.

Никогда не останавливаясь перед необходимостью применить насилие или пролить кровь, Шамиль во многом способствовал тому, что и русские генералы вели против горцев войну на уничтожение, не признавая в ней никаких правил. Мусульмане отвечали тем же, тем более что их поведение определялось указаниями шейхов и племенных вождей, высшего духовного авторитета — имама Шамиля и его наибов. Справедливо карая за разбой или обман, имам столь же безжалостно казнил «отступников», сжигая целые селения. Он убивал и за несоблюдение предписаний Корана, пропуски положенных пяти молитв в день, неотчисление соответствующего процента в пользу бедных. За пьянство, помимо положенных по шариату сорока палок, он мог осудить и на смерть в некоторых случаях. Жестоко наказывал он за танцы и курение. Наибы имама не отставали от него в жестокости и нарушали его же предписания о хорошем обращении с бедняками и перебежчиками. Недаром почти все они впоследствии изменили Шамилю и перешли на русскую службу. Сам Шамиль тоже думал об этом, еще в 1837 г. планируя встретиться с царем Николаем I в Тифлисе, но потом отказался от этого под влиянием своего окружения.

В окружении Шамиля постоянно шла борьба группировок, особенно после назначения им своим наследником в 1847 г. старшего сына Гази-Магомеда. Когда началась в 1854 г. Крымская война, Шамиль оказал значительную помощь вторгнувшимся на Кавказ османам, послав в Кахетию 7 тыс. конников во главе с Гази-Магомедом. Захватив город Цинандали, Гази-Магомед пленил семьи служивших в русской армии князей Орбелиани и Чавчавадзе. И хотя вскоре османы, как и Гази-Магомед, были изгнаны из Закавказья, султан произвел Шамиля в *муширы* (маршалы) своей армии, а Гази-Магомеду дал орден и звание паши. Надо учесть при

этом, что объективно Шамиль в этом деле помогал Англии, так как в Лондоне, начиная войну, откровенно говорили о намерении «Крым, Черкесию и Грузию отдать Турции», а границу России отодвинуть «к северу от Терека и Кубани». Тогда же, в 1855 г., главнокомандующий османской армии Омер-паша пытался с помощью Шамиля собрать 40-тысячное ополчение адыгов Западного Кавказа, но последние не захотели сражаться за интересы османов.

Кавказ в то время оказался в центре различных международных интриг как западных держав, так и польской эмиграции, лидер которой князь Чарторыйский строил план создания широкого антирусского союза горцев Кавказа, донских казаков, украинских повстанцев и польской армии из числа дезертиров, покинувших российскую службу. Еще до этого польская эмиграция пыталась реанимировать планы создания «черкесского государства», в защиту «независимости» которого могли бы выступить державы Запада. Все эти фантазии не осуществились. В то же время характерно, что в боях против османов и англо-французов на Кавказе в 1855 г. участвовали воинские части из кавказцев общей численностью в 30 тыс. человек, включая добровольно сражавшихся 12 тыс. адыгов, абазинцев, балкарцев, карачаевцев, осетин и других уроженцев Северного Кавказа.

После окончания в 1856 г. Крымской (или, как ее иногда называют, Восточной) войны положение Шамиля сильно осложнилось. В августе 1859 г. при штурме аула Гуниб Шамиль был вынужден сдаться. После встречи с императором Александром II его поселили в Калуге. С этого момента Шамиль призывал горцев сотрудничать с властями России. Отправившись в 1870 г. в Мекку, он там и умер. Символична была судьба его сыновей: Джамалутдин окончил в России кадетский корпус и дослужился до поручика уланского полка, Мохаммед-Шефи стал генерал-майором русской службы и кавалером многих орденов России, а Гази-Магомед и Мухаммед Кямилль эмигрировали в Османскую империю и стали генералами в армии султана. Кавказская война, прекратившись в Чечне и Дагестане, перекинулась на запад, на земли абхазов и адыгов, где продолжалась еще пять лет. Причиной этого явилась колониальная по своей сути политика царских властей, с одной стороны, закреплявших привилегии местных феодалов, а с другой — лишавших их реальной власти

и поощрявших, начиная с 50-х годов XIX в., колонизацию приобретенных территорий Северо-Западного Кавказа русскими и украинскими переселенцами, особенно — донскими и кубанскими казаками, выходцами из Прибалтики и Германии, греческими и армянскими беженцами из Османской империи. Для целей колонизации царские власти отбирали земли у местных жителей, практически вытесняя их с побережья и из районов высокоурожайных земель.

Естественно, это должно было вызвать протест коренного населения, которое стало прислушиваться к османской агитации и проповеди газавата, хотя ранее оно было к ним сравнительно равнодушно. На этом фоне стоит отметить попытку старшин абадзехов, убыхов и шапсугов создать в июне 1861 г. нечто вроде центрального правительства адыгов — Меджлиса, которому подчинялись 12 округов. Однако Меджлис не был признан ни российскими властями, ни Англией, фактически свернувшей свою деятельность на Кавказе после Крымской войны. Завершение в 1864 г. Кавказской войны в этой связи было достаточно условным. В 1864 г. Абхазия, лишившись своего пусть и номинального, но все же национального правителя, превратилась в «Сухумский военный отдел» российской администрации. Это событие подхлестнуло колонизацию, тем более что в июне 1866 г. колонисты получили новые льготы и преимущества.

Новые меры царских властей лишь дополнили и продолжили тяжелые для всего Северного Кавказа последствия войны 1817—1864 гг. Эта война, помимо огромных людских потерь (только русская армия потеряла в ней около 25 тыс. убитых и свыше 65 тыс. раненых, 6 тыс. пленных, не считая умерших от ран или погибших в плену) и разорения кавказских аулов и казачьих станиц, наложила неизгладимый отпечаток на всю последующую историю Северного Кавказа, России, Ближнего Востока и даже юго-востока Европы. Одним из ее последствий стало переселение в Османскую империю, по разным данным, от 350 тыс. до 1 млн (некоторые авторы называют цифру даже в 3 млн) мусульман Кавказа — аварцев, адыгов, чеченцев, ингушей и других, где они с тех пор и живут, обычно называемые «черкесами», в Боснии, Албании, Болгарии, Турции, Иордании, Сирии и Ираке. России в дальнейшем пришлось держать на Кавказе до 300 тыс. солдат и тратить на освоение края 17% своего бюджета. Тем не

менее, спокойствие на Кавказ возвращалось с трудом. Во время новой войны 1877—1878 гг. с османами народному хозяйству Абхазии был снова причинен значительный ущерб. Кроме того, усилившиеся антимусульманские опасения русских властей стали еще одним стимулом для эмиграции абхазов. В те же годы вспыхнуло новое восстание в Чечне, жестоко подавленное властями. Тысячи чеченцев погибли, многие были высланы в Сибирь, другие — эмигрировали в Османскую империю. Почти то же самое произошло с ингушами, чьи поселения вдоль стратегической Военно-Грузинской дороги были заменены казачьими станицами. В результате часть ингушей также эмигрировала, другая была отеснена в горы.

Северный Кавказ постепенно становился частью Российской империи и включался в общероссийские экономические, социальные и культурные процессы. Это способствовало внедрению новых средств сообщения, модернизации традиционного хозяйства и бытовой культуры, совершенствованию землеустройства, управления и судопроизводства. Стал изживаться (к сожалению, очень медленно) дикий обычай кровной мести. Было отменено рабство, хотя на деле оно еще долго сохранялось (в 1863 г. в Кабарде рабов было в 5 раз больше, чем в Чечне и Ингушетии). Кое-где, например, у ингушей, феодалы продолжали эксплуатировать своих неимущих соплеменников — «*лай*» (холопов). Но это вполне вписывалось в систему установленного в первые десятилетия после Кавказской войны военно-бюрократического режима правления.

На рубеже XIX—XX вв. Северный Кавказ уже вполне интегрировался в экономическую жизнь Российской империи, став зоной совместного проживания как местных уроженцев, так и пришлого населения. Аулы местных горцев и казачьи станицы соседствовали с новыми поселениями переселенцев из центральной России и Украины, хозяйствами греческих и армянских садоводов, немецкими, эстонскими и иными колониями. Индустриализация края меняла его социальный облик: из всех этнических и религиозных групп формировались кадры промышленных рабочих, мастеров, техников, служащих, чиновников. Приобщение к русской культуре местной интеллигенции, нередко получавшей образование в России, связывало ее с духовными и культурными процессами в империи. В то же время эта модернизация и даже «европеизация» (через российский опыт) в значительной

мере тормозились социальной отсталостью региона. На Северном Кавказе, в частности, в Дагестане, 32% земель находилось в руках царской казны, беков и мечетей. У каждого простого земледельца земли было в 46 раз меньше (включая леса и пастбища), чем у феодала. Освобожденные от крепостной зависимости (70 тыс. человек) и бывшие рабы (4,5 тыс.) земли не получили. Часть крестьян вплоть до 1913 г. оставалась в кабале. Основная же часть свободных землевладельцев вынуждена была, ввиду малоземелья, также арендовать землю у феодалов. Ведущие позиции в промышленности и торговле занимал русский, армянский, еврейский и азербайджанский капитал, а также иностранцы, успешно теснившие местную неокрепшую буржуазию.

Огромную роль в жизни региона продолжал играть религиозный фактор. В Дагестане, например, насчитывалось в 1913 г. 14,5 тыс. рабочих и 40 тыс. духовных лиц — *имамов мечетей, богословов-улемов, кадиев* (шариатских судей), *муэдзинов, мударрисов* (учителей арабского языка в мечетях и медресе). Среди последних преобладали те, кто нашел полное взаимопонимание с царской администрацией, восхвалял «милосердие русского государства» и призывал «проявлять любовь и послушание» по отношению к властям.

Однако проблемы у властей оставались, особенно в мусульманских районах. Во-первых, на Кавказе продолжала скрыто, не очень эффективно, но постоянно действовать агентура османов. Часть духовенства, особенно учившаяся в Стамбуле, Каире и других зарубежных центрах ислама, была настроена антиросийски. Наконец, Северный Кавказ и после завершения Кавказской войны оставался зоной наибольшего влияния суфизма и мюридизма, в связи с чем сюда почти не проникали идеи «*джадидов*», т. е. либералов-обновителей российского ислама, развернувших на рубеже XIX—XX вв. пропаганду модернизации и реформирования ислама, особенно в сфере культуры и образования мусульман.

На Северном Кавказе по-прежнему значительна была роль суфийских братств и их ветвей (*вирдов*). В частности, после капитуляции Шамиля, которого поддерживало братство Накшбандийя, симпатии многих в Чечне и Дагестане перешли к соперничавшему с ним братству Кадирийя. Догматы этого братства еще в годы всеилия Шамиля начал проповедовать Ахмед Кунта-Хаджи Кишиев. Он искал компромисса

с Россией, считая борьбу с ней губительной для мусульман Кавказа. Он отрицал и осуждал насилие, войны, гнев, тщеславие, роскошь, высокомерие и призывал нравственно совершенствоваться в ожидании торжества справедливости. Однако проповедование идеи братства мусульман и некоторых суфийских обычаев (например, *зикра*) настораживало российские военные власти, тревожившиеся также по поводу роста сторонников Кунта-Хаджи (в 1864 г. их было уже более 6 тыс.). В конце концов Кунта-Хаджи был арестован и выслан, что, независимо от его намерений, превратило его в символ сопротивления властям. Его сторонники устраивали собрания и сходки, выбирали старейшин и наибов, распространяли заветы, оставленные (или будто бы оставленные) шейхом своим «*векилям*» (помощникам, заместителям). В результате даже не само учение, а просто имя и авторитет Кунта-Хаджи стали своеобразным знаменем религиозной оппозиции на Северном Кавказе.

Государственный Совет России постановил в 1887 г., что «мусульмане свободны в отправлении своего культа при условии, что это не будет вредить Православной Церкви». Общины мусульман, насчитывавшие не менее 300 человек и платившие установленные налоги, имели право строить мечеть и содержать ее за свой счет. Этому способствовал председатель Государственного Совета империи в 1881—1901 гг. великий князь Михаил Николаевич, ранее (в 1863—1881 гг.) занимавший пост наместника Кавказа. Его деятельность во многом способствовала, с одной стороны, «русификации» края, но с другой — установлению отношений сотрудничества с элитой местных народов. Вместе с тем правительство России после Кавказской войны всячески старалось продемонстрировать уважение к правам мусульман Северного Кавказа. В частности, в 1899 г. 120 тыс. мусульман Кубани получили не только разрешение на выезд в «земли ислама» (в действительности, в Османскую империю), но и эскорт сопровождения и прочие виды содействия. Разумеется, при этом учитывалось и стремление российских властей избавиться от вызывавших опасение проосмански настроенных мусульман.

К началу XX в. удельный вес русского и другого приехавшего в эти районы населения, в основном служащих, рабочих, предпринимателей, составлял, особенно в городах, около трети жителей Кавказа. Наряду с этим на рубеже XIX—XX вв.

стали сказываться результаты широко распространявшегося на Кавказе с 1862 г. (а особенно — с 1869 г.) образования на русском языке, способствовавшего постоянному росту прослойки грамотных людей, приобщенных к русской культуре и к процессам модернизации и даже «европеизации», более заметных в то время среди российских мусульман Поволжья, Крыма и Сибири.

Северокавказская элита стала привлекаться в ряды российского чиновничества и офицерства, даже получала генеральские чины и дворянские звания. Например, дагестанский шамхал Тарковский получил княжеский титул. И хотя часть этой элиты, особенно духовной, продолжала преследоваться за религиозный фанатизм или проосманскую агитацию, большинство мусульман пользовались своим правом свободы вероисповедания, ведения богословских дискуссий, издания теологической литературы. В Темир-Хан-Шуре (современном Буйнакске) в Дагестане с 1902 по 1915 г. было издано более 220 богословских книг местных авторов на арабском, персидском, турецком и некоторых местных языках. Произведения северокавказских проповедников ислама издавались также в Бахчисарае, Симферополе, Казани, Порт-Петровске (современной Махачкале), Санкт-Петербурге и других городах, где были типографии с арабским шрифтом. В мусульманской прессе вследствие этого пребывание в составе России расценивалось положительно, а власть царя («Ак Падшаха») именовалась «благом, посланным Богом». Многие северокавказцы, в частности, живший в Париже поэт, публицист и философ Саид Габиев, признавали, что положение горцев Кавказа после присоединения к России улучшилось.

§ 4

Азербайджан в XVI—XVII вв.

Территория Азербайджана относилась к Закавказью и вплоть до XIX в. оставалась объектом борьбы между османскими султанами и шахами Ирана. Закавказский регион и его отдельные области то и дело переходили из рук в руки с огромным материальным ущербом и людскими потерями для народов, на территории которых велись военные действия. Вместе с тем и в обстановке иноземного ига, особенно тяжелого для христиан, продолжалась экономическая жизнь, шли политические процессы и даже возникали новые государственные образования, нередко — при поддержке завоевателей, старавшихся использовать силы кавказских правителей друг против друга. Многовековое пребывание под влиянием культурной, политической и хозяйственной практики завоевателей оставило свои следы в жизни Кавказа, в языке, литературе и нравах кавказцев, в применявшихся ими методах решения политических и экономических проблем, в нормах поведения, художественных вкусах и т. п. При этом народы Закавказья сумели в целом сохранить свою самобытность, за отстаивание которой им приходилось подчас платить весьма дорогую цену.

Хотя все страны Кавказа и, тем более, Закавказья развивались, взаимодействуя и пребывая в тесном контакте друг с другом, все же история каждой из них имеет свою неповторимую специфику.

В истории Азербайджана огромную роль сыграло образование в начале XVI в. государства Сефевидов. Его основал шах Исмаил I (1502—1524), который подчинил себе значительную часть Азербайджана и основную часть Ирана. Примерно через полвека, после присоединения Ширвана, Шеки и иных земель Сефевиды владели уже всем Азербайджаном. При этом в первый период существования этого государства главенствующее место в нем занимала азербайджанская знать:

азербайджанцами были 69 из 74 эмиров державы Сефевидов. Их армия набиралась в основном из азербайджанцев. При дворе, в войсках и даже в дипломатической переписке использовался азербайджанский язык. Столицей первых Сефевидов стал Тебриз — центр иранского Азербайджана. Это объяснялось тем, что сами Сефевиды по происхождению были тюрками из северного Ирана и стремились приблизить к себе тех, кто был близок им по языку и культуре, но не имел шансов на власть в преимущественно иранской державе. Кроме того, Сефевиды опасались верхушки кызылбашей («красноголовых»), т. е. семи ирано-тюркских племен, составивших основу созданного еще в XIV в. суфийского братства Сефевийе и носивших, как знак отличия, чалму с двенадцатью пурпурными полосами. Кызылбаши привели Сефевидов к власти и считали себя «солью земли» в их державе. Впрочем, немало кызылбашей было и на Кавказе, и особенно в Малой Азии. На их поддержку и рассчитывал шах Исмаил в борьбе с неудержимо расширявшейся Османской империей.

Отношения с Османской империей были осложнены по многим (политическим, историческим и иным) причинам, но особенно обострились после традиционного для шиитов указа Исмаила с проклятием первых трех («праведных» для суннитов, каковыми были османы) халифов — Абу Бекра, Омара и Османа. В 1507 г. Исмаил занял Армению и Курдистан, в 1508 г. — Ирак. Однако поддержанные им восстания шиитов Малой Азии в 1508 г. и 1511 г. были подавлены османами. Новый султан османов Селим I Явуз (Грозный), вырезав более 40 тыс. врагов, устранил кызылбашей и двинул против Исмаила 200-тысячную армию. В битве у Чалдырана в августе 1514 г. Селим разбил войска шаха и даже захватил его золотой трон, до наших дней хранящийся в музее Топкапы в Стамбуле. В результате этого поражения Исмаил потерял север Ирака и Тебриз (вскоре, однако, оставленный Селимом, отправившимся завоевывать Сирию и Египет). Исмаил продолжал потом воевать в Средней Азии и Грузии, но остерегался османов. Этот искусный правитель был незаурядным человеком, даже поэтом, но не получил образования и не знал жалости, был мстителем. Так, находясь в Ширване и Дагестане, он приказал убить всех, кто воевал с его отцом, эмиром Хайдаром, убитым в 1492 г. на Кавказе. После взятия им Баку в 1501 г. из голов убитых сооружались минареты.

Исмаил умер в 1524 г. в возрасте 37 лет. Его преемник Тахмасп I (1524—1576) был игрушкой в руках кызылбашей и фактически проиграл османам борьбу за Кавказ (а узбекам — за Среднюю Азию). Османский султан Сулейман Кануни, т. е. «Законодатель» (1520—1566), прозванный в Европе «Великолепным», после успехов своей армии в Европе повел с 1533 г. наступление на Сефевидов, опираясь при этом на помощь крымского хана и на ставших вассалами Стамбула северокавказских черкесов и властителей Дагестана. Против шаха восстал даже его брат — наместник Ширвана, перешедший на сторону османов. По соглашению 1555 г. шах уступил османам Западную Армению и Ирак. Впрочем, оставшимися у него землями правил не он, а наместники из кызылбашей. Тахмасп так боялся Сулеймана, что выдал ему в 1559 г. бежавшего к персам сына султана Баязида. Единственной удачной акцией во внешней политике шаха была помощь Хумаюну, императору из династии Великих Моголов, власть которого в Индии была восстановлена с его помощью. До своей смерти шах еще успел ликвидировать автономию княжества Шеки в Азербайджане и подавить мощное восстание 1571—1573 гг. в Тебризе, который Тахмасп лишил статуса столицы.

Наследники Тахмаспа оказались еще менее дееспособными. Начавшейся смутой воспользовались османы. Еще в 1510 г. они вторглись в Имерети. Но в 1578 г. они совместно с татарами Крыма захватили все Закавказье. Приступивший к возрождению государства Сефевидов молодой шах Аббас I (1587—1629), не сумев договориться с Москвой о союзе против Стамбула, вынужден был в 1590 г. уступить османам весь Кавказ, включая Азербайджан, а также — Курдистан и часть Ирана. После этого шах начал истребление кызылбашских эмиров (из 114 уцелело лишь около 30), не без основания видя причину поражений Сефевидов в анархии и сепаратизме эмиров. Лишь лично преданные шаху среди них сохранили высокие посты. Но осуществленная шахом «иранизация» армии и госаппарата (наряду с переносом столицы в Исфаган — иранскую «глубинку») лишала Азербайджан, за который Аббас повел в дальнейшем упорную борьбу, статуса своеобразной «привилегированности» и превращала его в одну из окраин Ирана.

Несмотря на военно-политическую нестабильность, XVI в. был для Азербайджана временем экономического подъема: была восстановлена разрушенная монголами еще в XIII в.

ирригационная сеть, отменена «тамга» (взимавшаяся в пользу монголов подать), вновь стали обрабатываться земли, превращенные монголами и другими кочевниками в пастбища. Значительно выросла роль торговли и ремесел, а также — городов таких как Тебриз, Шемаха, Баку, Ардебиль, Джульфа, завязались коммерческие связи с Малой Азией, Россией, Индией, даже с Англией, Францией и Италией. В городах Азербайджана, наряду с местными купцами, активно торговали также армянские, грузинские, иранские и индийские купцы, а также — европейские коммерсанты. Однако этот подъем прекратился уже к концу XVI в. и сменился в 1602—1639 гг. полным упадком в новый период ожесточенных осmano-иранских войн, в значительной мере проходивших на землях Кавказа и опустошивших их как никогда. К тому же и местные кавказские феодалы (особенно правители Дербента и Шемахи) вступали в эти войны, вылетая в них собственные междоусобицы и претензии.

Возвращение под власть Ирана в 1639 г. для Азербайджана было безрадостным. Вследствие «иранизации» государства Сефевидов отношение к Азербайджану изменилось. Азербайджанцы, превратившись в один из этносов, подчиненных Ирану, стали рассматривать как иноземное господство шахской бюрократии и знати Исфагана, в основном теперь набиравшейся из племен курдов, луров, а также — шахских гулямов (гвардейцев), преимущественно принявших ислам грузин, армян и других наемников. Вместе с тем и почти сороколетнее господство османов в стране сопровождалось усилением гнета, ростом налогов, в связи с тем, что Стамбул вел бесконечные войны, и захватом местных земель иностранными феодалами. Не случайно в это время появляется известный народный герой Кёр-оглы, выступавший и против иноземных, и против местных угнетателей.

Помимо национального угнетения, коренные жители страны стали в большей степени ощущать и экономический гнет. В XIV—XVI вв. в Азербайджане были распространены различные формы условных земельных пожалований — *союргаль*, *тиуль*, *икта* — во владении местных и иностранных (иранских, османских и других) феодалов. Однако все эти формы владения не гарантировали права собственности и шах мог отобрать их под тем или иным предлогом в любой момент. Поэтому владельцы, получив землю, стремились выжать из нее и живших на ней крестьян все, что можно и в наиболее

короткие сроки. Наследственная форма собственности (*мульк*) была распространена мало, а коллективные земли в пользовании деревенских общин (*джамаатов*) все время сокращались, к тому же преимущественно за их счет при Сефевидях резко возросло количество земель государственной казны (*дивани*) и членов шахской семьи (*хассэ*), доходы с которых также шли в личную казну шаха. Шах Аббас I и его преемники стали отбирать у племен, чем-либо им не угодивших, земли «*дивани*», превращая их в земли «*хассэ*». Однако эта система, вначале существенно обогащавшая государство, уже к середине XVII в. пришла в упадок из-за чудовищных хищений и коррупции, самоуправства и расточительства чиновников, наживавшихся на «управлении» землями «*хассэ*» (как и «*дивани*»).

Разложение социального строя и госаппарата державы Сефевидов началось уже при первых преемниках Аббаса I. Это были, как на подбор, ограниченные, слабые и безвольные правители, находившиеся под влиянием евнухов гарема, своих фаворитов (в том числе — кавказского происхождения), личной охраны и личных «дурных» пристрастий. Прекратив войны с османами, они ввязывались в другие, одновременно растрачивая казну на собственные удовольствия, несмотря на сокращение доходов, упадок систем орошения и т. п.

К XVII в. относятся первые столкновения Ирана с Россией. Набеги русских казаков, не контролируемых Москвой (и долгое время в XV—XVI вв. связанных с Ногайской Ордой и иными наследниками Золотой Орды), затрагивали интересы Ирана на Кавказе, за который Сефевиды вели тогда борьбу с османами. В 30-е годы XVII в. казаки в ходе своих походов на запад Каспия разграбили Баку. В 1667 г. на прикаспийские земли Ирана совершил свой знаменитый поход Степан Разин, за действия которого Москва, естественно, ответственности нести не могла. Тем не менее иранцы, опасаясь российского вмешательства, пытались ему противостоять и даже отказывались от предложений казаков о совместной борьбе с османами. В 1653 г. иранские войска по просьбе некоторых властителей Дагестана, обеспокоенных российским проникновением, захватили построенную русскими на Северном Кавказе крепость Сунженский городок. Однако через несколько лет иранцы ушли из этой крепости и восстановили с Россией нормальные отношения.

XVI—XVII вв. стали временем расцвета культуры Азербайджана и Ирана, несмотря на все превратности политической и социально-экономической жизни. Хотя первоначально центром культуры государства Сефевидов была область Хорасан на северо-востоке Ирана с ее главным городом Герат, постепенно Азербайджан завоевывал не менее значимое место. Сами классики поэзии Ирана находились под влиянием издавна сложившейся закавказской школы поэтов, писавших по-персидски, в частности гениального Низами Ганджеви. Начиная с XVI в., азербайджанский литературный язык значительно обогатился, чему способствовало и развитие народно-героических эпосов (*дастанов*), поэзии ашугов, других жанров. Шах Исмаил I сам писал стихи по-азербайджански под псевдонимом Хатал, а шах Аббас I покровительствовал многим азербайджанским поэтам, дружил с некоторыми из них и приказал собрать все тюркские пословицы и поговорки. Вершиной азербайджанской поэзии той эпохи является творчество великого мыслителя Мухаммеда Физули (1498—1556).

В Азербайджане также работали тогда многие ученые, в частности **Искандер Мюнши** (1560—1633) и историк **Хасанбек Румлу**, а также переехавший в Тебриз из Герата знаменитый мастер миниатюры **Кемаледдин Бехзад** (1455—1535). Основанная им тебризская школа миниатюры господствовала в государстве Сефевидов весь XVI в. и только в XVII в. сменилась школой, названной потом исфаганской. По традиции Сефевидов хоронили в городе Ардебиле, откуда пошел их род. При их гробнице впоследствии была найдена богатая библиотека ценных рукописей, украшенных великолепными миниатюрами. Кстати, азербайджанский язык бытовал при персидском дворе вплоть до самых последних Сефевидов.

§ 5

Азербайджан в XVIII—XIX вв.

Последний представитель династии Сефевидов, Султан-Хусейн (1694—1722), был крайне ограниченным и слабым человеком. Посол Петра I Артемий Вольнский докладывал своему государю, что «такого дурачка даже среди простонародья редко можно сыскать, не токмо из коронованных». Бестолково распорядившийся всем шах окончательно подорвал престиж династии троекратным увеличением налогов на земледельцев, а также — введением поборов с кочевников и наращиванием взимания подушной подати с немусульман. Попытки и истязания налогоплательщиков привели к массовому бегству крестьян из родных деревень, торговцев и ремесленников из городов. Вернуть их удавалось редко, хотя шахский *фирман* (указ) предусматривал для этого срок в 12 лет.

С волнений в Тебризе в 1709 г. началась полоса мятежей, охвативших в первую очередь покоренные Сефевидами иранские области — Армению, Грузию, Ширван, Дагестан, но особенно — Афганистан, откуда отряды повстанцев двинулись на Исфаган. Разбив в марте 1722 г. армию шаха, они осадили столицу и взяли ее после 7-месячной осады. Шах Султан-Хусейн при сдаче вымолил лишь разрешение сохранить при себе своих любимых жен. А шахом стал вождь афганского племени гильзаев Махмуд-хан. Однако сын свергнутого Султан-Хусейна бежал в Азербайджан и там провозгласил себя шахом под именем Тахмаспа II. С его согласия, а также по призыву царя Картли Вахтанга VI, российский император Петр Первый начал свой «персидский поход» 1722 г. и занял Дербент. Тахмасп II по договору 1723 г. передал России Дербент, Ширван и североиранские области Гилян и Мазандеран. Однако русские войска дальше Баку не пошли: в 1723 г. османы, пользуясь развалом державы Сефевидов, вторглись в Закавказье, захватив Ереван и Тбилиси. По договору со

Стамбулом Россия сохранила (до 1735 г.) Дербент, Баку и Ширван, а османы присоединили к своим владениям остальное Закавказье и весь запад Ирана.

В иранскую смуту решительно вмешался **Надир** (1688—1747), выходец из тюркского племени афшар, принадлежавшего к кызылбашам Хорасана. В юности бывший рабом у узбеков, он бежал и стал предводителем разбойничьей шайки. Захватив крепость Келат в Хорасане, он поступил на службу к Тахмаспу II и принял титул Тахмасп-кули хан (т. е. «хан — раб Тахмаспа»). Ничем не владевший реально Тахмасп так и остался бесцветной тенью при энергичном Надире, который разгромил в 1729 г. афганцев, а в 1731 г. сверг Тахмаспа (заключившего унижительный мир с османами). В 1732 г. он заключил новый договор с Россией, по которому русские войска выводились из Баку и Дербента. Россия пошла на это ради союза с Надиром против османов, которые тогда готовились к очередной войне с русскими и уже воевали с Надиром. К 1735 г., когда Надир практически изгнал османов из Закавказья, Россия заключила с ним официальный союз, после чего могла сосредоточиться на отражении очередного нападения крымцев, поддержанных Стамбулом. Тогда же Надир предпринял поход в Дагестан против некоторых местных властителей, союзных османам.

В 1736 г. Надир был провозглашен шахом на курултае знати, созванном в Муганской степи на территории Азербайджана. Однако ни этот факт, ни тюркское происхождение Надир-шаха не способствовали смягчению его гнета в Азербайджане. Это явилось причиной антииранских восстаний в Ширване, Шеки и других азербайджанских областях в конце 30-х — начале 40-х годов XVIII в. Надир-шах, как и другие мусульманские властители, вообще мало внимания обращал на этническую принадлежность его подданных. Известно, в частности, что его 200-тысячная армия наполовину состояла из неиранцев, включая его бывших противников — афганцев, узбеков и других. Одержимый стремлением воевать, он без конца совершал походы в Индию, Аравию, Афганистан, Дагестан (дважды — в 1740 г. и 1743 г.). Ради этого он все время наращивал поборы с населения, «подтягивал» дисциплину, ссорил между собой различные группировки знати, не доверяя никому, в том числе своим соплеменникам афшарам. Вполне закономерно, что дело кончилось заговором знати и убийством Надир-шаха в 1747 г.

В период анархии, охватившей все подвластные Надир-шаху территории после его смерти, в Азербайджане образовалось до пятнадцати государств, из которых наиболее значительны были Кубинское, Карабахское и Шекинское ханства. Постепенно среди них стало доминировать Дербентско-Кубинское ханство, объединившее юг Дагестана и север Азербайджана. Его правитель **Фатх-Али-хан (1758—1789)** был искусным государственным деятелем, успешно лавировавшим между османами, восточной Грузией, Россией и правителями центрального Ирана. Большинство его подданных, однако, были лезгинами и основу армии составляли, по свидетельству историков, 10 тыс. «лезгинских молодцов» (*джаванан-е лазги*). С ними он нередко захватывал и подчинял себе соседние ханства Азербайджана и Дагестана, особенно в 70—80-е годы XVIII в.

Фатх-Али-хан вынужден был считаться с все более пробиравшей себе дорогу в Закавказье пророссийской ориентацией. Все народы Закавказья страдали от бесконечных войн и многовекового соперничества Ирана и Османской империи. Поэтому они (прежде всего, конечно, христиане, но также таты и часть мусульман) надеялись, что Россия защитит их от осmano-персидских завоевателей. Тем более они видели, как успешно Россия воюет с османами, постепенно отбирая у них Крым, степи Предкавказья и Черноморское побережье. Поэтому не вызывает удивления, что в 1775 г. Фатх-Али-хан Кубинский направил послов к командованию русской армии на Кавказе с просьбой о покровительстве. А в 1783 г. посольство в Петербург с обращением о принятии российского подданства направил не менее влиятельный **Ибрагим Халил-хан Карабахский (1759—1806)**. С аналогичными просьбами выступали потом ханы Баку, Дербента, Ленкорани, Табасарана в 1793—1802 гг.

В Иране в это время выдвигается постепенно верхушка племени кадджаров, господствовавшая в округе Тегерана, а также — в Карабахе. Вначале они потерпели поражение в борьбе с *бекилем* (регентом) центрального Ирана Карим-ханом, подчинившим себе (во многом формально) и Азербайджан. Однако после смерти Карим-хана глава кадджаров Ага Мохаммед-хан или «Ахта-хан» (т. е. Кастрат-хан, ибо он был кастрирован Карим-ханом) довольно быстро овладел ситуацией, с удивительной, даже для восточного деспота, жестокостью расправившись со всеми своими противниками. Уже в 1786 г. он перенес столицу из Исфагана в Тегеран и начал борьбу за

подчинение окраин государства. В Азербайджане его поддержал только правитель Ганджи, также из племени каджаров. Остальные мусульманские правители Азербайджана (не говоря уже об армянских князьях — *меликах*) были против воцарения Ага Мохаммед-хана. Против него образовали союз Фатх-Али-хан Дербент-Кубинский и царь Восточной Грузии Ираклий II, в 1783 г. заключивший знаменитый **Георгиевский трактат** с Россией о протекторате. Однако после смерти Фатх-Али-хана в 1789 г. его ханство распалось, а его наследники (Ахмед-хан и особенно сменивший его в 1791 г. младший брат Шейхали) были людьми заурядными и непостоянными. Ага Мохаммед-хан, собрав войска, вторгся в Закавказье в 1795 г. и подверг его разгрому, особенно Грузию. Вернувшись в Тегеран, он официально короновался шахом в 1796 г. В следующем году он вновь совершил опустошительный поход в Закавказье, причем направленный Екатериной II на помощь кавказцам отряд русских войск графа В. Зубова после смерти императрицы был остановлен на полпути и возвращен обратно ее преемником Павлом I. Это дало возможность шаху вновь учинить разгром Закавказья. Однако в мае 1797 г. Ага Мохаммед-хан был убит своими же приближенными, с которыми он собирался расправиться, в азербайджанской крепости Шуша. Шахом стал племянник убитого Баба-хан, принявший имя Фатх Али-шах.

Но при нем, как и при последующих шахах Каджарской династии, Иран неудержимо скатывался в пропасть экономического и социального упадка. Он был не в силах удержать завоевания Исмаила I, Аббаса I и Надир-шаха. Количество городов и горожан в них сократилось за время бесконечных и во многом безрезультатных войн, разорявших страну в XVII—XVIII вв. Более того, окраины государства стали отходить к более сильным соседям (например, восточный Хорасан с Гератом отошел и, как оказалось, навсегда, к Афганистану). Соперничество с османами постепенно становилось историей, ввиду того, что сама Османская империя, отступая под натиском России с севера, одновременно превращалась в объект экономической и всякой иной экспансии Англии и Франции. Эти же державы столь же интенсивно, начиная с XVIII в., проникали в Иран. Но это противоречило интересам России, уверенно вошедшей в XVIII в. в число великих держав. Англо-французское влияние в Иране и Османской

империи было направлено на «сдерживание» продвижения России на юг и против ее закрепления на берегах Черного и Каспийского морей, определявшегося политическими, экономическими и геостратегическими целями Российской империи.

Стоит подчеркнуть особенно, что исторически движение России на юг было вызвано еще стремлением Московского государства XV—XVII вв. защититься от набегов степных кочевников и притязаний мусульманских государств — наследников Золотой Орды (Крымского, Казанского, Астраханского ханств и Ногайской Орды) на выплату им Москвой дани. При этом Иран и Османская империя, особенно — последняя, нередко поддерживали эти постордынские претензии и часто стояли за спиной, например, крымских ханов, ногайских и иных мурз, эмиров и прочих правителей. Поэтому Россия, справившись с постордынцами, неизбежно должна была столкнуться с их покровителями, хотя в целом избегала этого до конца XVII в. Но с этого периода, особенно с царствования Петра I, придавшего внешней политике России небывалый динамизм, начинается непосредственное противостояние Османской империи в первую очередь и более слабого Ирана могучему северному соседу. В том, что касается Ирана, это была совершенно безнадежная борьба, заранее обреченная на поражение.

Во-первых, Иран был внутренне ослаблен, разорен и нестабилен. Во-вторых, взаимные распри феодальных правителей провинций и областей при плохом управлении ими из центра создавали совершенно нетерпимую обстановку для большинства жителей, особенно для крестьян и горожан. В-третьих, христианское население государства Каджаров, особенно на Кавказе, издавна придерживалось прорусской ориентации и, начиная с XV в., все время ожидало помощи от русских, а потом и освобождения при их участии как от социально-политического, так и национально-религиозного угнетения. И хотя среди верхушки закавказских государств шла борьба между сторонниками ориентации на Россию и на мусульманские державы, успехи России в XVIII—XIX вв. постепенно, но настойчиво склоняли чашу весов в ее пользу.

Заняв Тбилиси после его разгрома иранцами в 1797 г., Россия твердо встала в Закавказье, создав условия избавления местных жителей от постоянного разорения либо иранцами,

либо османами. Правители почти всех ханств Азербайджана и Армении (Бакинского, Ереванского, Нахичеванского), не говоря уже о тех, кто давно был связан с Россией, тоже решили воспользоваться этой благоприятной ситуацией. В 1803—1805 гг. Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства были присоединены к России относительно мирным путем (не исключавшим трений с некоторыми ханами, например с Шейхали, сговорившимся с иранцами). В Гандже русские встретили сопротивление, вынуждены были осадить ее в 1803 г. и взять в начале 1804 г., что послужило поводом для войны 1804—1813 гг. с Ираном. Однако слабая армия Ирана была разбита под Эчмиадзином русскими войсками генерала Цицианова (по происхождению грузинского князя). Не сумев тогда взять Ереван, русские войска, тем не менее, смогли в дальнейшем занять большую часть Азербайджана в 1805 г., а в 1806 г. овладели также Дербентом, Баку, Муганью и другими местностями. В дальнейшем иранцы во главе с энергичным сыном шаха Аббас-мирзой также терпели поражения от русской армии (под Нахичеванью в 1808 г., при Асландузе в 1812 г.), несмотря на помощь деньгами, оружием и инструкторами сначала от Франции, а потом от Англии. Причиной тому стало средневековое устройство армии Ирана, состоявшей во многом из конных дружин кочевых ханов, более привычных к набегам и грабежам, но прежде всего открытое сопротивление и саботаж местных кавказцев, особенно армян, повсеместно переходивших на сторону русских и нападавших на шахские войска. По Гюлистанскому договору 1813 г. практически весь северный Азербайджан (в отличие от южного, называемого «Иранским») был присоединен к России.

Не смирившись с поражением, шах и его окружение при щедрой помощи Англии стали готовиться к новой войне, которая и была развязана в июле 1826 г. Отступавшие в начале русские войска вскоре перешли в наступление. В октябре 1827 г. ими был взят Ереван, а вскоре вслед за этим — Тебриз, центр южного Азербайджана. Шах вынужден был начать переговоры, завершившиеся Туркманчайским договором в феврале 1828 г., по которому к России была присоединена Армения и за ней окончательно закреплялись все бывшие владения Ирана в Закавказье.

Несмотря на колониальную в дальнейшем политику русских царей, присоединение к России способствовало ускорению

прогрессивных процессов развития и модернизации Азербайджана. Он был избавлен от постоянных разорительных нашествий, феодальных междоусобиц, внутренней раздробленности. Включение страны в общероссийские экономические и социальные процессы, хотя и шло по ряду объективных причин медленно, но все же имели место. Ханства превращались в области и провинции, а их властители, даже сохраняя пышные титулы, теряли реальную власть. Общероссийское законодательство и судебные нормы вводились в Азербайджане постепенно. Местные феодалы были уравнены в правах с русскими дворянами и привлекались к управлению, «врас-тая» постепенно во все звенья российского чиновничества на Кавказе и в ряды офицерства, так как закавказская администрация имела преимущественно военный характер. Кстати, азербайджанские ополченцы вместе со своими султанами, беками и агаларами участвовали на стороне России еще в войне 1826—1828 гг. против Ирана. Сохраняли привилегии и представители христианского (грузино-армянского), и мусульманского духовенства, с 1872 г. подчинявшегося особому Духовному собранию во главе с муфтием Закавказья, который, однако, назначался министром внутренних дел России, а не избирался в соответствии с мусульманской традицией. Тем не менее, в основном мусульманская верхушка (в том числе духовенство) обладала значительными правами и была настроена на сотрудничество с российской властью.

Во многом более быстрым переменам мешали как патриархальность и средневековый характер многих местных общественных институтов и обычаев, так и настойчивое стремление местной знати сохранить традиционное наследие. Царская администрация, опиравшаяся на эту знать, всячески ей содействовала. Поэтому, например, крестьянская реформа, проведенная в России в 1861 г., в Азербайджане была реализована только в 1870 г. и в более урезанной форме. Крестьяне не получили здесь, в отличие от своих собратьев в центральной России, кредитов на выкуп своих наделов. В течение 25 лет после реформы ни одного такого выкупа в Азербайджане не было. Тем не менее начавшиеся миграции лично освобожденных крестьян в города способствовали втягиванию Азербайджана в общественное разделение труда в масштабах всей России, включению во всероссийский рынок, росту товарных отраслей сельского хозяйства и начальной индустриализации.

Во многом ускорению развития способствовало строительство железных дорог и разработка нефтепромыслов, в которых с самого начала мощные позиции занял иностранный капитал (Нобель, Ротшильд и другие). Только в районе Баку добыча нефти выросла с 23 тыс. т в 1872 г., до 11,4 млн т в 1901 г., составив около 50% мировой нефтедобычи.

Нефтепромышленники образовали наиболее мощный отряд местного предпринимательства. В его среде тон задавали также владельцы медеплавильных, шелкомотальных и других предприятий, судовладельцы, домовладельцы, купцы, хозяева ремесленных заведений, среди которых, наряду с азербайджанцами, также заметны были армяне, русские, персы, евреи, грузины, татары и представители прочих населявших Россию народов. Еще более пестрым был состав формировавшегося тогда в Азербайджане, особенно в Баку, пролетариата. Он включал в себя представителей более 30 национальностей, прежде всего — азербайджанцев, русских, армян, татар, многочисленных народов Дагестана, а также немало мигрантов из соседнего и тоже многонационального Ирана. В Баку, где рабочих было больше всего (свыше 60 тыс. в начале XX в.), более 55% их концентрировалось к 1910 г. на крупных предприятиях с числом занятых в 500 чел. и более. Это обстоятельство, как и многонациональный характер бакинского пролетариата, предопределили в дальнейшем роль Баку как одного из центров революционного рабочего движения всей России. Уже в 70-х годах XIX в. прошли первые забастовки в Кедабеке, в 80—90-х годах произошли еще более значительные стачки в Баку.

Политизация азербайджанского общества стала неизбежной по мере складывания демократической интеллигенции Азербайджана. Одним из тех, кто подготовил ее формирование, был **Мирза Фатали Ахундов (1812—1878)**, видный философ, просветитель, публицист и основоположник национальной драматургии Азербайджана. Обладая широким взглядом и пониманием общекавказских проблем (большую часть жизни он прожил в Тбилиси), он был близок высланному на Кавказ русским декабристам, обличал феодальную отсталость, невежество и социальную несправедливость, считая сближение с Россией наилучшим средством устранения всех этих пороков. Свои взгляды он проповедовал как в своих художественных, так и исторических произведениях. Таким же

сторонником модернизации Азербайджана и сближения его с Россией был Аббас-Кули-хан Бакиханов (1794—1847), выходец из рода бакинских ханов, как и Ахундов служивший долгое время в Тбилиси. Широко образованный философ и востоковед, друг Ахундова, Грибоедова, Бестужева (Марлинского) и Кюхельбекера, знакомый с Пушкиным и Хачатуром Абовяном, Бакиханов был первым крупным историком Азербайджана в современном смысле этого слова, автором трудов по педагогике и философии, астрономии и географии, фонетике и грамматике. Он обличал иранских правителей и духовенство, осуждал репрессии русских властей против восставших крестьян — азербайджанцев, критиковал отсталость и суеверия.

Эти люди заложили традиции гуманизма, просветительства и демократизма, которые впоследствии были продолжены такими видными общественными деятелями страны как Али Мардан-бей Топчибашев (1862—1934), видный адвокат и меценат, Ахмед-бей Ага-оглу Агаев (1865—1939), журналист и политический деятель, Нариман Наджаф оглу Нариманов (1870—1933), один из первых социалистов Кавказа и Ирана, Хашим-бей Везиров (1860—1917), педагог и журналист, Али-бей Гусейн-Задэ Гусейнов (1876—1941), публицист и будущий профессор Военно-медицинской школы в Стамбуле. Они, как и многие другие, вместе с богатыми меценатами Хаджи Ташевым, братьями Ашурбейли и Хаджибейли, стояли у истоков национальной прессы Азербайджана, особенно отстаивавшей идеи мусульманской реформации и обновления национальной культуры. Топчибашев после 1905 г. стал одним из основателей общероссийской партии «Иттифак аль-Муслимин» (Союз Мусульман) и депутатом Государственной Думы России, а в 1919 г. — главой делегации Азербайджана на мирной конференции в Версале. Агаев после 1905 г. издавал и редактировал в Баку либеральные газеты «Хаят», «Иршад» и «Теракки», а в 1909 г. эмигрировал в Турцию, где стал в 1918 г. членом парламента. Нариманов, основавший социал-демократическую партию «Гуммет» (Энергия) и ее филиал в Иране, стал после 1918 г. главой Совнаркома Азербайджана и председателем ВЦИК СССР. Везиров, получивший известность как редактор многих изданий («Иттифак», «Сада-и Ватан», «Сада-и Хакк»), стал видным пропагандистом пантюркизма и традиционного консерватизма. Гусейнов,

в конце концов уехавший в Турцию, где он вошел в ЦК Младотурецкой партии «Единение и прогресс», в 1904—1910 гг. много сделал для Азербайджана в качестве активного сотрудника многих газет и журналов национально-прогрессивного направления.

Все вышеперечисленные представители интеллигенции Азербайджана, как и Мамед Эмин Расул-Задэ (1884—1954), будущий президент Азербайджана в 1918—1920 гг., на рубеже XIX—XX вв. принадлежали к течению «джадидов» (либералов-обновленцев). Это были сторонники модернизации и даже европеизации культуры, быта, системы образования и политической жизни мусульманского общества. Во многом их идеи базировались на идеологии творцов мусульманской реформации Джамаль ад-Дина аль-Афгани и Мухаммеда Абдо, а также исходили из практики различных модернизаторов ислама в Османской империи. Частично это настраивало некоторых российских «джадидов», в том числе в Азербайджане, на восприятие шедших из Стамбула идей панисламизма и пантюркизма. Недаром духовный отец «джадидов» в России известный крымско-татарский просветитель Исмаил-бей Гаспралы (Гаспринский) выдвигал лозунг: «Дильде, фикирде, иште бирлик» (Единство языка, мысли и действия). Это как бы предполагало единение всех мусульман России (в основном тюркоязычных) под эгидой самой могучей тогда тюркской нации — османских турок.

Однако «джадиды» в основной массе своей были далеки и от панисламизма, и от пантюркизма. Сам Гаспринский был первым, кто настойчиво призывал мусульман быть лояльными России и дружить с русским народом. Да и большинство «джадидов», постоянно сталкивавшихся с враждебностью традиционных клерикалов («кадимистов», т. е. последователей старого), не были адептами ни панисламизма, ни османского султана, считавшегося во всем мире столпом феодальной реакции. Более того, между «джадидами» и «кадимистами» шла ожесточенная борьба, в том числе и в Азербайджане, как за симпатии мусульманского населения, так и за благорасположение российских властей. В ходе этой борьбы «кадимисты» делали упор на то, что они являются охранителями существующего порядка, а «джадиды» — на то, что они «современнее», ближе к русской и европейской культуре. Поэтому не случайно не только «Гуммет», но и такая

националистическая партия как «Мусават» не ставила вопроса об отделении Азербайджана от России, а ее лидер Ф. Хан-Хойский (премьер-министр Азербайджана в 1918—1920 гг.) был депутатом Государственной Думы и членом партии кадетов России. Последовавшие позднее, в 1917—1918 гг., взрыв национализма и стремление отделиться от России принадлежат уже другой эпохе и были вызваны как лишениями и страданиями Первой мировой войны, так и революционными событиями в России 1917 г., которые сломали прежнюю систему политических связей с Россией и глубоко потрясли весь Кавказ, круто изменив его экономическое, социальное и международное положение.

§ 6

Армения в XVI—XVIII вв.

История Армении в столетия, предшествовавшие XVI в., полна трагизма. В XIII—XV вв. страна многократно и безжалостно разорялась татаро-монгольскими завоевателями, войсками Тохтамыша и Тимура, кочевыми туркменами Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. Разрушение производительных сил, разгром городов, массовое уничтожение населения и культурных ценностей, гибель национальной государственности — все это грозило самому существованию армянской нации. Тем более, что феодальная элита страны была частью уничтожена, частью эмигрировала или укрылась в монастырях, пополнив ряды духовенства. Было немало и тех, кто порвал с родиной и национальной культурой, приняв ислам и влившись в военное сословие мусульманского общества в странах от Алжира до Ирана. Армянское крестьянство оказалось в катастрофическом положении, было буквально на грани вымирания, многократно ограбленное сменявшимися друг друга завоевателями, а также испытывало жесточайший гнет тюркской, иранской и курдской военно-кочевой знати, захватившей земли армянских феодалов. Все это способствовало усилению в XIV—XVI вв. эмиграции армян, начавшейся еще во время завоевания страны Сельджукидами в XI в. Однако в том же XIV в., после гибели Армянского царства в Киликии, начался встречный процесс возвращения эмигрантов на Кавказ. Этому способствовал также перенос в 1441 г. престола католикоса всех армян, т. е. главы основной для народа армяно-григорианской церкви, из г. Сиса в Киликийской Армении в г. Эчмиадзин близ Эривани. С XV в. область Гохтан выдвигается как наиболее успешно развивающаяся часть Армении, а выросший в ней город Джульфа становится важным центром международной торговли и ремесленного производства, здесь же зарождается новое национальное купечество.

Ожесточенная борьба, развернувшаяся между Ираном и османами в XVI—XVIII вв., во многом шла на территории Армении и за овладение ею. Сопровождавшие эту борьбу потери привели к новому экономическому упадку страны. К тому же, шах Аббас, стремясь к хозяйственному оживлению собственно Ирана, приказал насильно переселить десятки тысяч армян из Джульфы в Иран. Город Джульфа был разрушен, а в окрестностях Исфагана выстроена Новая Джульфа, ставшая центром экономической активности армянских торговцев в Иране. Благодаря им были во многом налажены в XVII в. хозяйственные связи державы Сефевидов с Индией и Средней Азией (где образовались значительные армянские колонии), а также с Ближним Востоком и Европой.

В 1639 г. Армения была окончательно разделена на Западную, отошедшую к Османской империи, и Восточную, которую составили в основном Эриванское беглербегство и Нахичеванское ханство, вошедшие в состав Ирана. Под сюзеренитетом Ирана остались и пять армянских княжеств (*меликств*) Нагорного Карабаха, входившие в Карабахское ханство. Впрочем и Карабах, и другие области с армянским населением продолжали оставаться яблоком раздора между Ираном и османами. На всех подчиненных иранцам территориях армянское население платило «*бахру*» — налог в 1/3 или 2/3 урожая, «*джизью*» (подушную подать с христиан) и другие налоги. Тяжелой повинностью для армян была регулярная поставка к шахскому двору юношей и девушек. Под гнетом османов положение армян было еще хуже. Там, помимо экономического и политического угнетения со стороны пашей и прочих чиновников султана, армянское население жестоко грабили феодальные вожди кочевых и полукочевых курдских и туркменских племен, специально расселенных в районах проживания армян для военно-полицейского и прочего надзора над ними. Периодически проводился набор армянских (и других христианских) младенцев с целью воспитания из них верных султану *янычар*, ничего не знавших и не помнящих о своей родине и культуре, своем языке и происхождении. Кроме этого, османы проводили систематически политику ассимиляции армян, т. е. их насильственной тюркизации и исламизации.

Армянскому населению в Османской империи было труднее, чем в Иране, отстаивать свои права на собственные язык и культуру и, тем более, на самостоятельное национальное

развитие. В то же время в армянских колониях за пределами Армении, а также в Восточной Армении, где с XVII в. сказывалось оживление экономических и культурных связей с Россией, постепенно пробивала себе дорогу идея освобождения с помощью России. В 1637 г. группа видных армян во главе с католикосом Акопом Джугаеци обратилась к русскому царю Михаилу Романову с просьбой освободить армян от персидского гнета. Но особенно армяно-русские политические связи усилились при Петре I, которому уже в 1701 г. видный деятель народно-освободительного движения армян **Исраэл Ори**, прибыв в Россию, представил подробный план, предусматривавший восстановление армянского государства путем всенародного восстания и с помощью русской армии. Условия для реализации этого плана возникли в 20-е годы XVIII в. в связи с кризисом правления Сефевидов в Иране. Вооруженные народные ополчения, в которых вместе с армянами участвовали и азербайджанцы, свергли в 1722 г. иранское господство. Возглавляемые в Карабахе католикосом **Есаи Хасан-Джалаляном**, а в Сюнике замечательным полководцем **Давид-беком**, повстанцы в 1722—1725 гг. полностью освободили Восточную Армению от персов. Этому способствовали фактический разгром Сефевидов афганцами и «персидский поход» Петра I, занявшего Дербент и Баку.

В планах России было создание объединенного армяно-грузинского христианского государства под русским протекторатом. В соответствии с этим планом были даже объединены армии **Есаи Хасан-Джалаляна** и восточно-грузинского царя **Вахтанга VI**. Однако вторжение османских войск в Закавказье в 1723 г. многое изменило. Россия тогда еще не была готова к войне с османами. Согласно заключенному ею с султаном миру в июне 1724 г. она сохранила за собой Дербент, Баку и Ширван, а османы получили свободу рук в остальной части Закавказья, которую они в конце концов и присоединили к своим владениям. Но османам не удалось сломить карабахских армян, которые продолжили сопротивление вплоть до изгнания османов **Надир-шахом** уже в 30-е годы XVIII в. Ряд поражений османам нанесли также в 1726—1728 гг. **Давид-бек** и военачальник **Мхитар**, на длительное время обеспечившие самостоятельность Сюника.

После некоторого спада освободительное движение армянского народа возобновляется с новой силой. Дело **Исраэла Ори**

продолжил Иосиф Эмин, который вел в 1761 г. переговоры с Россией о восстановление национальной государственности армян. Он проектировал создание единого армяно-грузинского государства во главе с династией Багратидов. В это государство предполагалось не только включение востока Армении, остававшегося под властью Ирана, но и Западной Армении — исторической области Малой Азии, издревле населенной армянами, сохранившими себя как этнос вопреки проводившейся османскими султанами политике отуречивания, исламизации и расселения в регионе курдов и туркмен. Проекты национального возрождения Армении выдвигались также армянскими деятелями, проживавшими тогда в Мадраसे и других городах Индии. Среди них М. Баграмян, Ш. Шаамирян и другие предложили в 1785 г. учредить Армянскую республику под покровительством России.

Укреплению национального самосознания армянского народа во многом способствовало развитие армянской культуры нового времени, сплачивавшей народ вопреки его разбросанности на огромных расстояниях от запада Европы до Индии и Центральной Азии. С XVI в. развивается армянское книгопечатание (первая книга — в 1512 г. в Венеции) в Амстердаме, Риме и других городах Италии, Константинополе, Мадраसे, Калькутте. Всюду, где были армянские колонии, возникали центры армянской литературы. В XVIII в. в эту литературу вошли Багдасар Дпир, Петрос Кафанци, Нагаш Овнатан и великий поэт Саят-Нова (Арутюн Саядян), живший в 1712—1795 гг. и слагавший замечательные стихи и песни на армянском, грузинском и азербайджанском языках. Зверское убийство 83-летнего Саят-Новы при разгроме Тбилиси персидскими войсками было весьма символично: само существование армянской самобытной культуры было несовместимо с многовековым гнетом чужеземцев, иноверцев и поработителей, систематически уничтожавших как материальные и духовные ценности, так и лучших людей Армении, да и всего Кавказа, так как общепризнанно, что творчество Саят-Новы повлияло не только на армянскую, но также на грузинскую и азербайджанскую литературу.

Новая армянская культура наполнялась всеми источниками духовной жизни народа как на родной земле, так и в диаспоре. С XVII в. наблюдается подъем исторической науки, связанной с именами Григора Даранагеци, Аракела Даврижеци,

Закария Канакерци и других. В начале XVIII в. в Венеции возникла католическая армянская конгрегация мхитаристов, занимавшаяся проблемами политической экономики и ее практического применения (Г. Тертерян, Т. Тнкрян). Виднейшим историком становится Микаэл Чамчян, которого считают основоположником новой армянской историографии. Его основной труд — «История Армении» в трех томах — вышел в 1784—1786 гг. Во второй половине XVIII в. в качестве философов и общественно-политических мыслителей выступили армянские просветители из Мадраса — Мовсес Баграмян, Шаамир Шаамирян, Иосиф Эмин. Они считали деспотизм проявлением варварства, а деспота — животным. В их понятие «естественного права» включалась необходимость свободы торговли и промышленного предпринимательства, не ограниченной властью государства. Шаамирян выдвинул проект конституции будущей самостоятельной Армении, в котором предусматривались суверенитет народа, свобода слова и личности, всеобщие выборы, неприкосновенность частной собственности. И хотя эти явно навеянным британским влиянием в Индии идеи были отвергнуты армянским дворянством и духовенством (тем более, что Шаамирян выступал за упразднение сословий!), они также внесли определенный вклад в развитие наиболее демократических и свободолобивых традиций армянского освободительного движения.

В целом армянская культура в XVII—XVIII вв. развивалась в поступательном направлении. Это касается, помимо литературы, историографии и общественной мысли, также естествознания, медицины, школьного и высшего образования. Вместе с тем явный упадок переживала архитектура, подпадавшая под влияние чужеземных образцов. Наблюдался застой в правоведении, ориентировавшемся на средневековые нормы. В области философии и даже в экономических представлениях XVII—XVIII вв. сильны были церковно-богословские и феодальные взгляды. Положение стало меняться только в XIX в. после присоединения Восточной Армении к России.

§ 7

Национальное возрождение Армении

В 1801 г. началось освобождение армянских земель от иранского господства. В состав восточной Грузии, присоединившейся к России, входил тогда ряд северных армянских районов — Памбакская, Шамшадильская, Борчалинская и Казахская дистанции, а также — Лорийский уезд. В 1805 г. к России отошли далее Нагорный Карабах, Зангезур и восточный Ширак, занятые русской армией в ходе войны 1804—1813 гг. с Ираном. Армяне активно поддерживали русских. Поэтому вполне закономерны были поражения иранцев в крупных сражениях на армянской земле — под Эчмиадзином и Нахичеванью. Не смирившись с поражением, Иран пытался с помощью Англии осуществить реванш. Однако новая война 1826—1828 гг. завершилась окончательным освобождением Восточной Армении от власти Ирана. Занятые русскими войсками Эриванское и Нахичеванское ханства образовали Армянскую область в составе Российской империи, в которую из Ирана переселилось более 40 тыс. армян. Вслед за этим Россия в ходе войны 1828—1829 гг. с Османской империей практически освободила и большую часть Западной Армении — Карс, Ардаган, Баязет, Эрзерум. Однако эти территории (кроме Ахалциха) были возвращены османам по Адрианопольскому миру 1829 г. Но 90 тыс. армян с этих земель перешли в Восточную Армению.

Именно с процессами, происходившими в дальнейшем на землях Армении, включенных в Российскую империю, было связано национальное возрождение армянского народа, в том числе — возрождение в дальнейшем и его национальной государственности. Поэтому вполне логична была поддержка, оказывавшаяся армянами России. Армяне были среди тех, кто погиб в январе 1829 г., защищая русского посла Александра Грибоедова при разгроме российского посольства толпой

иранских фанатиков в Тегеране. Население Армении, как Восточной, так и Западной, неизменно помогало России и русской армии во всех конфликтах с османами, иранцами и мусульманами Кавказа вплоть до Первой мировой войны 1914—1918 гг.

На Кавказе после его присоединения к России в целом значительно ускорилось экономическое и культурное развитие. При этом армянские предприниматели заняли ведущие позиции в таких крупных торгово-промышленных центрах Закавказья как Баку, Батум, Тбилиси, а также (в меньшей степени) — в городах Северного Кавказа. В самой Армении развивались меднорудная промышленность, коньячное производство, хлопкоочистительные заводы. С ликвидацией прежней системы налогов и установлением льготных тарифов создались условия для более интенсивной промышленной деятельности, расширения посевов ценных культур хлопка, винограда и других, для усиления транзитной торговли и диверсификации связей с общероссийским рынком. Вместе с тем Армения продолжала оставаться отсталой и по преимуществу аграрно-сырьевой периферией Российской империи, чему во многом способствовала политика царских властей, особенно наместника Кавказа в 1844—1854 гг. М.С. Воронцова, всячески содействовавшего укреплению крепостничества (по царскому рескрипту 1846 г. и актам 1847 г. и 1851 г.) и усилению местного «высшего сословия» — агаларов, меликов, беев, уравненных в правах с русским дворянством.

Колониальные порядки, превращение «высшего сословия» в опору царизма, отстранение армян от службы в администрации и судах, сохранение феодальных пережитков вызывали недовольство большинства народа. Уже в 1837—1838 гг. происходили крестьянские волнения, которые имели свое продолжение и в дальнейшем. Крестьянская реформа в Армении была проведена только в 1870 г., т. е. на 9 лет позже, чем в самой России. Она несколько улучшила положение части крестьян, но мало что изменила для большинства из них. Крестьянам не по карману были выкупные платежи за землю (так как освобождены они были от крепостной зависимости, как и в России, «без земли»). Практически эти платежи почти не осуществлялись до 1912 г. На рубеже XIX—XX вв. почти 99% крестьянских хозяйств имели в своем распоряжении не более 32% всех земель. Остальной фонд был в руках «высшего

сословия», монастырей и государственной казны. На каждое крестьянское хозяйство в среднем приходилось 8 десятин земли, а на каждое помещичье — 300, т. е. в 37 раз больше. Помещики и церковь платили всего 18% налогов, а крестьяне — 82%. До 40% крестьян не имели скота и инвентаря.

Естественно, такое положение способствовало массовому разорению сельских жителей и их притоку в поисках заработка в города как в Армении (Алаверди, Александрополь, Ереван, Кафан), так и за ее пределами (Баку, Батум, Тбилиси). Социальная напряженность среди горожан в этой связи возрастала, так как значительная часть мигрантов из деревни оставалась без работы или же получала возможность еле сводить концы с концами. Вместе с негативными экономическими и социальными аспектами политики царского правительства это было причиной постепенного нарастания движения социального и национального протеста, тем более что различные бюрократическо-юридические ограничения в отношении армян дополнительно питали это движение.

К тому же середина XIX в. — это время завершения процесса формирования армянской нации, ее освобождения от остатков феодальных отношений и представлений, укрепления ее национального самосознания. Этому во многом способствовала проходившая под воздействием России и Европы модернизация экономики, политической культуры и духовной жизни армян, возникновение новой армянской интеллигенции как следствие открытия целого ряда армянских образовательных учреждений в первой половине XIX в. (Лазаревского института в Москве в 1815 г., Нерсисяновской школы в Тбилиси в 1824 г., городских и уездных училищ в Ереване и других центрах армянской культуры в 1832 г.). К этому же времени относится деятельность целого ряда выдающихся армянских мыслителей, прежде всего Хачатура Абовяна (1805—1848), который стал основоположником новой армянской литературы и нового литературного языка армянской нации.

Абовян был первым армянским просветителем — демократом, писателем и педагогом новой формации. Он выступал против крепостничества и клерикализма, за развитие просвещения и за дружбу с Россией. В этом духе он воспитывал учащихся уездных училищ в Тбилиси и Ереване, инспектором которых был в 1837—1848 гг. В романе «Раны Армении»

он изобразил борьбу армян против ига Ирана и присоединение Армении к России. Он много сделал также для изучения фольклора, этнографии и истории народов Закавказья. И хотя большинство его произведений были изданы только после его смерти (из-за преследований его армянскими клерикалами и царскими бюрократами), они оказали огромное влияние на дальнейшее развитие армянской литературы и идей просвещения Армении.

За внедрение нового армянского языка (*ашхарабар*) взамен устаревшего книжного языка (грабар) боролся и другой известный армянский просветитель, философ и революционный демократ **Микаэл Налбандян** (1829—1866). В отличие от Абовяна, закончившего университет в Дерпте (ныне г. Тарту в Эстонии), Налбандян учился в 1855—1858 гг. на медицинском факультете Московского университета и сотрудничал в журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»), издававшемся в Москве. Он первым из армянских писателей перешел на революционно-демократические позиции под влиянием идей «Колокола» и «Современника» — российских журналов соответствующего направления. В 1860—1862 гг. Налбандян совершил путешествие в Османскую империю, Индию и Западную Европу, что не только существенно обогатило его мировоззрение и расширило политический кругозор, но и дало выход его энергии и предприимчивости, направленным на освобождение армян. В османской столице Стамбуле, где было много армян, Налбандян создал тайное революционное общество «Партия молодых», объединившееся вокруг армянского журнала «Мегу» («Пчела»). В Лондоне он, сблизившись с Герценом, Огаревым и Бакуниным, участвовал в обсуждении программы будущей партии русских народников «Земля и воля». Критикуя реформу 1861 г., он видел выход в крестьянской революции в России. По возвращении он был арестован царскими властями летом 1862 г., заключен в Петропавловскую крепость и был судим вместе со своими российскими единомышленниками по «процессу 32-х». В ноябре 1865 г., тяжело больной туберкулезом, он был выслан в Камышин, где вскоре и умер.

Философ, политэконом, лингвист, педагог, Налбандян был последователем Фейербаха и Чернышевского, идеи которых пропагандировал в среде армянской интеллигенции. Он стремился к соединению усилий революционных демократов

Армении и России, а также прогрессивных сил армянской диаспоры в Европе и на Востоке. Будучи автором многих романов и стихов, он одновременно стал основателем армянской реалистической критики и эстетики. Популярность его художественных и критических произведений влияла и на интерес к его философским и публицистическим трудам.

Сложность позиции Абовяна, Налбандяна и других армянских просветителей-демократов, при всем их революционном пафосе, определялась еще и тем, что они, как и все их соотечественники, ни на минуту не забывали, что рядом, в Западной Армении, на территории Османской империи под жестоким гнетом турецких ассимиляторов проживало большинство их братьев по нации (примерно 2,5 млн человек до 1914 г. против 1,5 млн человек в Восточной Армении). Армяне многих граничивших с кавказскими областями России османских провинций (прежде всего Эрзерума, Арабкира, Баязета) не раз просили русское правительство о покровительстве. Но России, особенно после Крымской войны 1853—1856 гг., стало во второй половине XIX в. труднее помогать армянам и другим единоверцам в Османской империи, так как за спиной этой слабеющей мусульманской державы на самом деле ощущалось присутствие Англии, Франции, Италии, чуть позже Германии, заинтересованных в сохранении экономически полностью зависевшего от них режима османов и в его укреплении в качестве геостратегического и военно-политического противовеса России.

В 1862 г. в Киликии подняли восстание армянские крестьяне Зейтуны. С новой силой освободительное движение западных армян и солидарных с ними жителей Восточной Армении вспыхнуло во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда были организованы конные дружины и полки армянских добровольцев в Ереване, Тбилиси, Карабахе и других местах, помогавшие русской армии, получавшей также от армянского населения подводы и продовольствие. После войны Карс и некоторые другие районы Западной Армении были присоединены к России, а на остальной ее территории османы обязывались провести реформы и улучшить положение армянского населения. Однако практически ничего не изменилось. Османские власти жестоко подавляли все последующие выступления армянских патриотов — в 1878 г. и 1884 г. в Зейтуне, в 1880 г. — в Васпуракане, Сасуне, Алашкерте,

в 1886 г. — в Ване. Османский султан Абдул-Хамид II, периодически натравливавший многочисленные этносы своей империи друг на друга, организовал в 1894—1896 гг. массовое истребление армян, в основном — руками курдов и туркменов, а также при активном участии специально сформированной им из тех же курдов, черкесов и арабов иррегулярной конницы «*хамидийе*», прозванной в народе «*башибузуками*» (головорезами). Всего погибло около 300 тыс. армян.

Естественно, подобного рода действия вызвали возмущение во всем мире и обострение националистических настроений среди армян. Возникшие в 80—90-х годах XIX в. партии «Гнчак» (Жолокол) и «Дашнакцутюн» (Союз федерации) ставили своей целью освобождение Западной Армении с помощью западных держав и России. Особенно влиятельна была вторая партия. Ее члены — *дашнаки* (*дашнакцаканы*) — ставили своей задачей добиться создания в Западной Армении автономного армянского государства с помощью вооруженной борьбы и террора. Они выступали за национальное единство армян, против раскалывающей это единство классовой борьбы. С этой целью они срывали забастовки, в которых на Кавказе обычно участвовали люди разных национальностей, и противопоставляли рабочих-армян всем прочим, особенно азербайджанцам и другим мусульманам. Тем не менее, стремясь сохранить влияние на рабочих, дашнаки вступили в 1907 г. во II Интернационал.

Рост городского населения Кавказа (за вторую половину XIX в. — в 2,5 раза) шел во многом за счет пополнения рядов рабочих сельскими мигрантами. К началу XX в. в Армении было до 10 тыс. фабрично-заводских рабочих. Еще больше их проживало за пределами Армении. В частности, в Баку в 1903 г. 26,9% местных рабочих были армянами. Среди них, как и по всей России, распространялось влияние марксизма. В 1902 г. в Тбилиси был создан Союз армянских социал-демократов, которые вели работу по всему Закавказью. К 1905 г. ими были созданы в Армении семь организаций Кавказского союза РСДРП. Они приняли участие в развернувшемся в 1905—1907 гг. широком забастовочном движении в Восточной Армении, поддержанном выступлениями крестьян, изгнавших помещиков и отказывавшихся платить подати. Попытки властей сбить волну протеста организацией межнациональных столкновений были сорваны во многом благодаря армянским и русским социал-демократам.

Развитие социального и национального освободительного движения Восточной Армении в дальнейшем во многом определялось событиями накануне и во время Первой мировой войны. Опасаясь широкой, как всегда, поддержки армянами русской армии, османские власти организовали в 1915 г. преступный геноцид в Западной Армении: более 1 млн армян было уничтожено и свыше 600 тыс. человек угнаны в пустынные районы Сирии и Месопотамии, где многие из них погибли, остальные — образовали многочисленные диаспоры в Сирии, Ливане и Ираке (а впоследствии — также в Египте, Иордании, на Кипре). Свыше 300 тыс. западных армян нашли убежище в России, а еще часть бывших «турецких» армян смогла перебраться в Европу и Америку. Фактически с тех пор Западная Армения лишилась своего коренного населения. Сам по себе этот трагический факт способствовал еще большей привязанности восточных армян к России и их ориентации на нее, несмотря на вскоре развернувшиеся в ней бурные революционные события.

Национальная трагедия 1915 г. — страшный и незабываемый рубеж в истории армянского народа. Пережив ее, народ нашел в себе силы двинуться дальше по пути возрождения национальной государственности и национальной культуры.

§ 8

Грузия в XVI—XVII вв.

Феодалная раздробленность

Разоренная монголами Чингисхана и тюрко-татарами Тимуром в XIII—XIV вв., Грузия в конце XV в. распалась на ряд самостоятельных государств. Это определялось многими причинами — редкой растянутостью (примерно на полтора тысячелетия, со II в. до XVII в.) феодального периода в истории страны, замедленностью формирования «нормальных» феодальных отношений вследствие постоянной борьбы с внешними врагами и периодическими завоеваниями всей Грузии или ее частей иранцами, византийцами, арабами, турками-сельджуками, кипчаками, монголами, тюрко-татарами, не говоря о постоянных набегах (особенно на плодородные долины рек и мирные селения на равнинах) воинственных горцев Северного Кавказа.

Большое значение имела и незавершенность этногенеза грузинского народа. Хотя в целом он уже сформировался в VI—X вв. и обрел тогда единство общенародного языка, территории, культуры и многих характерных черт быта, к XV в., да и значительно позже, сохранялись особенности тех или иных групп и вариантов общегрузинского этноса. Картлийцы, кахетинцы, имеретины, мегрелы, аджарцы, гурийцы, лазы (чаны), ингилойцы, пшавы, сваны, хевсуры, кизикцы, тушины, мтиулы, мохевцы, рачинцы, лечхумцы имели свою специфику культуры, быта, диалекта (а мегрелы и сваны — особых языков) и образа жизни даже в XIX в. и начале XX в. Естественно, в XV—XVI вв. эти отличия были в условиях феодальной раздробленности еще глубже и заметнее, иногда воспринимались как серьезные и чуть ли непреодолимые. Тем более, что горный рельеф местности способствовал консервации местных особенностей, таких как жилые и оборонительные башни, сельскохозяйственные орудия архаических форм, типичный для той или иной местности вид одежды (или ее

вариант), пережитки общинно-племенных патриархальных отношений и соответствующих обычаев (например, кровной мести, власти отца над детьми и т. п.).

Помимо этого история Грузии сложилась таким образом, что среди грузин постоянно жили и представители других народов — армян, албанов (впоследствии — азербайджанцев), абхазов, кипчаков, выходцев с Северного Кавказа, особенно осетин. До XIV в., когда грузины стали употреблять современное слово «Сакартвело» для обозначения своей страны, Грузия была многоэтничной страной, в которой грузины являлись лишь одним из этносов, а армяне и различные мусульманские народы играли не менее весомую роль. Позднее в Грузии также сохранилось множество этносов. При этом совместное существование не всегда было бесконфликтным. В частности, абхазские князья еще до вхождения Абхазии в состав Грузии претендовали на западногрузинские земли и даже превратили Кутаиси в свою столицу. Расцвет политического могущества Грузии в XI—XIII вв., когда в нее входило множество народов Кавказа (а также части Ирана и Малой Азии), породил сложный административный аппарат и связанную с ним иерархию феодалов и чиновников, что само по себе также способствовало укреплению позиций феодальной элиты в грузинском средневековом обществе. Тогда же достигла высокого расцвета грузинская феодальная культура — философия, историография, зодчество, монументальная живопись, чеканка по металлу, миниатюра, керамика, прочие виды искусства и литература. Эта культура воспринималась в последующие века истории Грузии, разоренной и поруганной захватчиками, как «золотой век» грузинской духовности, время славы и благоденствия Грузии. Достаточно вспомнить относящуюся к той эпохе великую поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Но, проповедуя феодальные добродетели (честь, доблесть и т. п.), феодальная культура одновременно несла и соответствующие политические ценности и представления, формировавшие типично феодальную политическую культуру. Восприятию и укоренению этой культуры в грузинском обществе способствовала как повседневная жизнь с ее непрекращавшимися войнами, мятежами, завоеваниями, междоусобицами, набегами и конфликтами, так и влияние монастырей, бывших подлинными культурно-просветительскими

центрами средневековой Грузии. Авторитет их был велик как в самой Грузии, где особенно известны были Гелатская и Икалтойская академии при соответствующих монастырях, так и за ее пределами — в монастырях на горе Афон (в Греции), на Черной горе (в Сирии), в Палестине и Болгарии. Эти монастыри часто посещались не только монахами, но и паломниками из разных концов Грузии.

Феодалному распаду страны способствовало оформление к XV в. системы полунезависимых *сатавадо* (сеньорий), владельцы которых (*дидебули тавади*) стали на деле самостоятельными правителями и судьями в своих владениях. Поэтому когда во второй половине XV в. возникли грузинские царства Картли со столицей в Тбилиси, Кахети с центром в Телави, Имерети со столицей в Кутаиси и княжество Самцхе — Саатабаго (на юге Грузии), власть их государей была ограниченной, ибо сатавадо практически были автономны, особенно во внутренних вопросах. Естественно, в условиях постоянной угрозы и нажима со стороны Ирана и Османской империи процесс дальнейшей феодализации продолжался. И он фактически сводил на нет успехи грузин в борьбе с захватчиками, такие как Гарисскую битву с войсками Сефевидов в 1558 г. или освобождение крепости Гори во время антиосманского восстания 1598—1599 гг. в Картли.

Закавказье в целом и Грузия в особенности представляли огромный интерес для Ирана и Османской империи, которые в XVI—XVII вв. (да и позднее) почти непрерывно воевали друг с другом за Кавказ. Процветавшие здесь земледелие, виноградарство, садоводство и скотоводство предоставляли неограниченные в то время ресурсы продовольствия и различных материалов. Земли Грузии были выгодно расположены стратегически, а горный рельеф местности позволял при военных действиях использовать естественные рубежи для обороны. Торгово-ремесленные центры Грузии славились за ее пределами, а умелые земледельцы и искусные ремесленники, когда их захватывали и османы, и иранцы, высоко ценились на рабовладельческих рынках Востока. Поэтому все закавказские феодалы (и, тем более, совершавшие набеги на Грузию северокавказцы) занимались работоторговлей, иногда продавая при этом и собственных крепостных (включая ремесленников, часть которых и в городах оставалась феодально зависимой).

Все ремесленные центры Грузии, прежде всего Тбилиси, стояли на древних путях транзитной торговли. Поэтому они в первую очередь страдали от бесконечных попыток захватить их. Тем более, что и османы, и персы, захватив любой город, не надеялись его удержать надолго и обычно разоряли. Все это негативно сказывалось на экономике и развитии страны.

Эристави (князя) Самцхе — Саатабаго были уже с XIII в. *мтаварами* (властителями) всего юга тогдашней Грузии, включавшего до 15 областей. С XIV в. они носили титул «*атабаг*» (т. е. *ата* — бек, «отец — князь» по-тюркски), откуда и название их государства. Но просуществовало это княжество недолго. Уже в начале XVI в. оно попало в вассальную зависимость от османов, которые в 20-е годы XVII в. ликвидировали остатки его самостоятельности, полностью включив в свою империю. Примерно тогда же Абхазия, входившая вместе с Мегрелией и Гурией в состав княжества Сабедиано, стала самостоятельной, но вскоре тоже была захвачена османами. Уже в войне 1578—1590 гг. с иранскими Сефевидами османы захватили Сухум и все черноморское побережье Кавказа, временно оккупировав даже Картли, Азербайджан и Восточную Армению. Впрочем, реорганизовавший армию Сефевидов шах Аббас I в 1603—1607 гг. сумел вернуть все эти земли под власть Ирана.

Походы шаха в Картли и Кахети принесли страшные разорения этим царствам. Только в Кахети персы убили до 100 тыс. человек, а 200 тыс. угнали в плен. Сефевиды вообще стремились по возможности истребить в Грузии христианское население, поделить ее на ханства и расселить на ее территории кочевые (преимущественно тюркские) племена, создававшие проблемы в северном Иране. Но этому воспротивился возглавивший патриотов Грузии царский *азнаури* (дворянин) **Георгий Саакадзе**, с 1608 г. ставший *моурави* (управляющим) Тбилиси, весьма влиятельным при дворе. Незаурядный политик и талантливый полководец, Саакадзе был прозван «**Великим Моурави**» за свои способности, проявленные в труднейшей борьбе с феодалами различных ориентаций и внешними врагами Грузии. Он пытался сплотить различные части Грузии и искал союзников в этой борьбе для противостояния и Ирану, и Османской империи, рвавшим Кавказ друг у друга (в 1615 г. началась очередная ирано-османская война,

длившаяся до 1639 г.). Несмотря на родство с царской семьей, Саакадзе в 1612 г. вынужден был эмигрировать в Иран вследствие придворных интриг и заговора феодалов против него. Но в 1620 г. шах Аббас I назначил его *векилом* (буквально — «заместителем», в данном случае — опекуном) малолетнего царя Картли Симона II.

Став фактическим правителем страны, Саакадзе, тем не менее, быстро убедился в невозможности осуществить свои планы. Шахские войска, стоявшие в Картли и Кахети, стремились полностью подчинить грузинское население, безжалостно истребляя его при малейшем сопротивлении. Тогда Саакадзе встал во главе антииранского восстания картлийцев и кахетинцев в 1623 г. Под его знаменами объединились до 20 тыс. грузинских воинов. Потерпев поражение в июле 1625 г., Саакадзе и его сторонники развернули изнурительную для захватчиков партизанскую войну. В конце концов иранцы вынуждены были восстановить в Картли царскую власть и признали с 1625 г. царем Картли и Кахети (где он правил с 1606 г.) Теймураза I. Однако теперь уже Саакадзе, ранее сам пытавшийся использовать иранцев в своих целях, восстал против царя. Разбитый в Базалетской битве 1628 г. Саакадзе бежал в Турцию, где через год был убит. Характерно, что борьба Саакадзе в Грузии происходила почти одновременно с развернувшимися в Закавказье освободительными движениями крестьянских повстанцев 1616—1625 гг., которые возглавляли Кёр-оглу в Азербайджане и Мехлу-вардапет в Армении.

Что касается Теймураза I, то в 1632 г. он перестал быть царем Картли, оставшись лишь правителем Кахети (до 1648 г.). Он не раз направлял посольства в Россию с просьбой о помощи — в 1615 г., 1618 г., 1624 г., 1635 г., 1649 г. В 1658 г. он лично приехал в Москву, но, ничего не добившись, отошел в 1661 г. от политической жизни и постригся в монахи. Вскоре, однако, его вызвали в Иран (как и многих его предшественников, в частности Луарсаба I в Картли) и, после отказа принять ислам, бросили в тюрьму, где он и умер в 1663 г. Как и многие другие видные грузины того времени, мало чего добившись на поприще политики, Теймураз остался в памяти народа как талантливый поэт и человек мученического подвига за судьбу своего народа.

Следует сказать и о первых попытках России помочь в то время христианам Грузии. Вскоре после договора 1557 г.

с Кабардой и строительства Терской крепости на Сунже был направлен через Дарьяльское ущелье русский военный отряд в помощь кахетинскому царю Левану. В дальнейшем России удалось с помощью кабардинцев и царя Кахети Александра, принявшего в 1587 г. русское подданство, вытеснить османов из Дагестана и Восточной Грузии, используя поддержку северокавказских ханов прикаспийских областей, в целом ориентированных на Иран. Однако начавшееся «смутное время» на Руси в начале XVII в. ослабило позиции Москвы в регионе. Тем не менее, в течение первой половины XVII в. в Москве побывало несколько посольств из Кахети, причем первое из них — в 1618 г. — одновременно представляло также Имерети, Мегрелию и Гурию. Приезжали в Москву и послы Картли. Ответные русские посольства прежде всего определяли пути в Грузию через горные перевалы, знакомились с экономикой и политической жизнью различных грузинских царств. В 1639 г. царь Кахети Теймураз подтвердил присягу о вступлении в русское подданство, а в 1651 г. это подданство принял имеретинский царь Александр. Однако фактически в Грузии продолжали тогда господствовать персы и османы, так как допетровская Россия, оказывая грузинам дипломатическую и материальную помощь, еще не была в состоянии вести с Ираном и Османской империей полномасштабную войну.

В конце XVII в. в Москве, в районе села Воскресенского (ныне Пресня), было образовано поселение грузин, которые принимали участие в налаживании дипломатических, торговых и культурных связей Грузии с Россией. Ныне Большая и Малая Грузинская улицы напоминают о «грузинских слободах» давнего времени. Им были предоставлены налоговые льготы и некоторое самоуправление, что позволило развернуть и соответствующую культурную деятельность. Царь Имерети (в 1661—1698 гг.) и Кахети (в 1664—1675 гг.) Арчил II (1647—1713) с 1669 г. жил в Москве и основал в селе Всехсвятском первую грузинскую типографию. Здесь им были написаны сборник стихов «Арчилиани» и историческая поэма «Спор Теймураза с Руставели». В дальнейшем в грузинской колонии в Москве жили и многие другие видные политические и культурные деятели Грузии. Колония за полтора века своего существования сыграла значительную роль в расширении и укреплении государственных, экономических и духовных связей Грузии с Россией.

Раздробленная Грузия, подвергаемая ударам захватчиков, никак не могла собраться с силами и сбросить иноземное иго. Выход к морю был блокирован османами, которые, владея Абхазией и контролируя Имерети, одновременно проводили интенсивную, после окончательного захвата Самцхе — Саатабаго к началу XVII в., политику отуречивания и исламизации Аджарии и Лазики. Восток Грузии непрерывно страдал от гнета Ирана, против которого в 1659 г. восстало население Кахети. И на западе, и на востоке своей угнетенной родины грузины страдали от продажи в рабство, практиковавшейся персами и османами в равной мере, от непомерных поборов и грабежей, от принудительной поставки наемников в войска захватчиков. Цари Имерети еще по договору 1555 г. между персами и османами были совершенно официально обязаны во всем подчиняться султанам Константинополя, платить им дань деньгами, натурой и поставками невольников.

§ 9**Движение за воссоединение
с Россией в XVIII—XIX вв.
Грузия в составе
Российской империи**

Ситуация в Грузии стала меняться с начала XVIII в., когда усиление России открыло перед всем Кавказом новые перспективы. В Картли правление Вахтанга VI (1703—1724) ознаменовалось весьма значительными переменами. Под его руководством был составлен «Свод законов», в дальнейшем названный «Законы Вахтанга». Этот кодекс феодального права, оформившийся в 1705—1708 гг. при участии высшей светской и духовной знати Картли, состоял из отрывков из Библии, некоторых византийских, армянских и прежних грузинских законов и собственно «Уложения» Вахтанга VI. Кодификация законов была вызвана, помимо возросших требований судебной практики, прежде всего задачей укрепления царской власти в борьбе с крупными феодалами. Вместе с тем было закреплено в правовом отношении многое, что ранее существовало на практике, в частности — зависимость крестьян от феодалов. «Уложение» Вахтанга VI действовало во всей Грузии в XVIII в. и частично даже в XIX в. Но оно распространялось в рукописных списках, несмотря на то, что в 1709 г. Вахтанг VI создал в Тбилиси первую в Грузии типографию. В ней печатались прежде всего церковные книги, но также и светские (например, в 1712 г. вышло первое печатное издание поэмы «Витязь в тигровой шкуре»).

Вахтанг VI создал также комиссию по составлению истории Грузии и включению ее в сборник «Картлис Цховреба» («Житие Картли»). При нем велись строительные работы, восстанавливалась оросительная система, разрушенная завоевателями за предшествовавшие века.

Будучи талантливым литератором и ученым (он был историком, лексикографом, переводчиком, поэтом), Вахтанг VI

был менее удачлив в своей политической деятельности. С 1712 по 1719 г. его отстранил от власти шах Ирана. Вернувшись на трон в 1719 г., он столкнулся с необходимостью дать отпор османам, оживившимся в связи с кризисом власти иранских Сефевидов вообще и на Кавказе в частности. Не сумев справиться с этой задачей, Вахтанг VI эмигрировал в 1724 г. в Россию с семьей и большой свитой в 1400 человек. В эмиграции он поддерживал связи с родиной, строил планы ее освобождения, но вернуться уже не смог. Он умер в марте 1737 г. в Астрахани. После него остались стихи и поэмы, многие — с мистическими сюжетами, с мотивами неудовлетворенности жизнью.

Столь же драматична была судьба другого царя — Теймураза II (1700—1762). Будучи царем Кахети (1733—1744), а затем — Картли (1744—1761) он, подобно Саакадзе, пытался использовать иранцев в своих интересах и, стремясь к объединению Грузии, искусно утверждал свою власть при содействии Надир-шаха, выгнавшего из Восточной Грузии османов. Однако в дальнейшем, во время охватившей Иран смуты после смерти Надир-шаха, Теймураз II стал делать ставку на Россию, надеясь с ее помощью избавиться от иранского контроля окончательно. С этой целью он лично прибыл в 1761 г. в Петербург, но своего не добился, так как Россия тогда была всецело поглощена Семилетней войной (1756—1763 гг.) с Пруссией (в которой, кстати, участвовал как офицер русской армии знаменитый грузинский поэт Давид Гурамишвили). Теймураз II умер в Петербурге в следующем году, так и не добившись своей цели.

Гораздо удачливей был сын Теймураза **Ираклий II** (1720—1798), выдающийся государственный деятель и полководец. Сменив отца в 1744 г. на престоле Кахети, он с 1762 г. стал также и царем Картли, объединив под своей властью всю Восточную Грузию. Он вступил в союз с царем Имерети Соломоном I (1752—1784), которому среди имеретинских правителей первому удалось укротить феодалов и подчинить их царской власти. Многолетняя война Соломона I с османами завершилась Хресильской победой 1757 г., после чего Соломон и вступил в союз с Ираклием II. В ходе русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Россия учитывала и интересы грузинских царств. Так, согласно Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. между Россией и Османской империей Имерети

прекращала выплату дани османам впервые с 1555 г. Царь Соломон I, воспользовавшись этим, запретил многовековую в Имерети работорговлю, ибо дань выплачивалась, помимо всего прочего, и рабами.

Однако решающее для Грузии значение имело тогда то, что происходило в Картли. Ираклий II повел решительную борьбу не только с феодалами, но и с самой системой сеньорий «сатавадо». Он учредил государственные школы и семинарии в Тбилиси и Телави, создал в 1773 г. постоянное войско — *мориге*, всячески ограничивал произвол феодалов, заставляя их придерживаться норм закона, заботился о заселении пустующих (обычно — после очередной войны или набега) земель и об улучшении положения деревней. Царским указом была запрещена продажа крепостных без земли, а семейных — с отрывом от семьи. Важнейшим актом Ираклия II явилось заключение Георгиевского трактата 1783 г., согласно условиям которого Картли и Кахети, т. е. Восточная Грузия, сохраняя внутреннюю автономию, признавали покровительство России и обязывались служить своими войсками России, следуя ее внешнеполитическому курсу. Со своей стороны Россия обязывалась защищать целостность владений Ираклия II и даже содействовать в возвращении под его власть других грузинских земель, в частности, захваченных османами. Вместе с тем Ираклий II позаботился о том, чтобы грузинская элита (дворянство, духовенство, купечество) была по условиям трактата уравнена в правах с русской.

К этому времени многие грузины уже проявили себя как друзья России или же служили в русской армии подобно князьям Багратиони, Орбелиани, Цицишвили. Похищенный еще юношей лезгинами, князь Давид Гурамишвили бежал от них в Россию, где был в 1729—1730 гг. в свите Вахтанга VI, а после его смерти принял русское подданство и вступил в русскую армию. Живя в Москве и на Украине, он создал изумительные образцы грузинской поэзии, а в поэме «Беды Грузии» заклеил грузинских феодалов, их междоусобицы, измены, разложение, потворство иноземным захватчикам. В Москве работали многие видные представители грузинской литературы, такие как Мамука Бараташвили. Здесь же закончил свой солидный труд по истории Грузии «Сакартвелос цховреба» («Житие Грузии») крупный историк и географ Вахушти Багратиони (1696—1784), побочный сын Вахтанга VI,

проживший в Москве последние 60 лет своей жизни. Вообще грузинская колония в Москве, насчитывавшая после 1724 г. более 3 тыс. человек, сыграла значительную роль в русско-грузинском сближении.

Значение Георгиевского трактата сразу же вышло за пределы только русско-грузинских отношений. Он резко ослабил позиции Ирана и османов на Кавказе, ибо теперь любое их покушение на Грузию было равноценно нападению на Россию, с которой в то время охваченный смутой Иран не мог даже помыслить о конфликте, а османы регулярно проигрывали России одну войну за другой. Сказался трактат и на удельном весе на Кавказе царства Ираклия II, которое сумело восстановить транзитную торговлю, повело успешную борьбу с набегами из Дагестана, заставило платить себе дань ханства восточного Закавказья. Ираклий II громил не только своих, но и чужих феодалов, в частности подчинил ряд северокавказских ханов и правителя Тебриза Азат-хана. При Ираклии II создались благоприятные условия для роста сельского производства, частновладельческих хозяйств, применяющих наемный труд. Стала вновь возрождаться городская жизнь в Тбилиси (тогда — 25 тыс. жителей), Телави, Кутаиси, Гори, а также — в новых небольших городах, возникавших на волне экономического оживления. Стали даже возникать крупные мануфактуры, часть которых принадлежала лично царю или членам его рода и сдавалась в аренду богатым купцам, а другая часть находилась непосредственно в собственности купечества, не всегда грузинского происхождения.

Вместе с тем Георгиевский трактат 1783 г. не спасал Грузию от всех бед. Приход к власти в Иране жестокого деспота Ага-Мохаммед-хана Каджарского, беспощадно наводившего «порядок» в своих владениях, к каковым он причислял и Закавказье, создал новую угрозу для Грузии. После смерти в 1789 г. Фатх-Али-хана Дербентско-Кубинского Ираклий II фактически остался один на один с Ага-Мохаммед-ханом. К тому же он вынужден был отбивать атаки аварского правителя Ужма-хана, непрерывно совершавшего набеги на Грузию по подстрекательству османов. Поэтому в 1795 г., когда персы, захватив Карабах, двинулись на Тбилиси, небольшая армия царя не смогла отразить их нашествия. Город был взят, подвергнут страшному разгрому, население его частью погибло, а в большинстве своем (до 22 тыс. человек) было уведено

в плен. В 1797 г. шах совершил свой второй поход в Закавказье, в ходе которого и был убит своими же сподвижниками. После этого русские войска, призванные на помощь Ираклием II, заняли Тбилиси и больше не допускали в него ни иранцев, ни османов.

Ираклий II умер в Телави в январе 1798 г. в возрасте 77 лет. Ему наследовал 53-летний **Георгий XII**, который не имел ни талантов отца, ни сил для борьбы с возможной агрессией Ирана. К тому же братья оспаривали у него трон. Поэтому он умышленно ограничил свой суверенитет, не только возобновив действие Георгиевского трактата 1783 г., но и попросив русского императора Павла I принять Картли и Кахети в подданство России. Павел I подписал Манифест о присоединении Грузии (Восточной) к России. Но опубликован он был уже после смерти Георгия XII, который внезапно умер 28 декабря 1800 г. (9 января 1801 г. по новому стилю), не дождавшись возвращения из Петербурга своих послов. Сын Георгия XII **Иоани Багратиони** (1768—1830) после упразднения в 1801 г. царской власти в Картли — Кахети переехал в Петербург, где продолжил свою деятельность грузинского писателя, философа и просветителя (основное сочинение — трехтомная энциклопедия «Калмасоба», написанная в 1813—1828 гг.).

После присоединения к России в 1801 г. царство Картли — Кахети прекратило свое существование. Для других частей Грузии практически выбора тоже не оставалось, так как они стремились любой ценой к ликвидации многовекового либо османского, либо иранского гнета. В 1803 г. в российское подданство вступили управлявшие Мегрелией князья Чиковани — Дадиани, формально сохранявшие свой статус до 1867 г. В 1804 г. царь Имерети Соломон II принял протекторат России, а в 1811 г. его царство было ликвидировано и стало Имеретинской областью Российской империи. Вассальное по отношению к Имерети княжество Гурия также было присоединено к России в 1811 г., но — с сохранением автономии, упраздненной лишь в 1828 г. Все эти изменения происходили в ходе и в результате войн России с Ираном (1804—1813, 1826—1828) и Османской империей (1806—1812, 1828—1829), которые тщетно пытались остановить продвижение России на Кавказ и сохранить там свои позиции. Лишь Аджария оставалась до 1878 г. под властью османов. Однако, вопреки политике жесткой ассимиляции, отуречивания

и обезземеливания местного населения, аджарцы упорно отстаивали свою самобытность, что в XIX в. выражалось как в сохранении грузинского языка, обычаев и культуры, так и в активных выступлениях против властей Стамбула, среди которых наиболее крупными были восстания 1819 г. и 1856 г.

Присоединение к России, несмотря на утрату независимости и несомненно колониальный характер политики русского царизма на Кавказе, имело в целом позитивное для Грузии значение. Во-первых, оно было единственным средством избавиться от вечной ирано-османской угрозы, а во-вторых, предоставляло в конкретных условиях того времени наиболее оптимальную возможность ликвидации раздробленности страны и ее последующего движения к социально-экономическому прогрессу. Укрепление культурных связей с русским народом и другими народами Российской империи также имело положительное значение для Грузии.

Воссоединение с Российской империей не решило всех проблем Грузии, особенно социальных. Уже вскоре после присоединения к России был отмечен ряд массовых выступлений грузинских крестьян: в 1804 г. в Картли, в 1812—1813 гг. в Кахети, в 1819—1820 гг. в Имерети. Они были вызваны произволом чиновничества и тяжелым гнетом крепостного строя. Отзвуком движения декабристов в России был и неудачный заговор дворянской интеллигенции 1832 г. в Грузии. При этом консервативная часть заговорщиков хотела восстановления монархии, а демократическая часть — учреждения республики или, по крайней мере, конституционной монархии, что было невозможно в то время как для России, так и для Грузии.

Одновременно наблюдался прогресс экономики и социально-го развития. Рост индивидуально-частной собственности феодалов шел параллельно с интенсификацией сельского хозяйства, ростом крестьянского землевладения (за счет «купленных земель») и расширением товарно-денежных отношений. Фамильно-родовые имения феодалов начинают исчезать, уступая место торговому земледелию, развитию рынка, насаждению технических культур, производству зерна и вина на продажу. В то же время по всей стране совершенствовались и росли ремесла и мелкотоварное производство в городах.

Втягивание в общероссийские экономические связи и укрепление внутреннего рынка в Грузии увеличили потребность

землевладельцев и городских предпринимателей (многие из которых также владели землей) в денежных доходах. Это усилило рост эксплуатации крестьян, отвечавших на это вооруженными восстаниями. Особенно известны те, которые происходили в Гурии и Мегрелии. В Гурии повстанцы выступили в мае 1841 г. против введения денежной системы налогообложения. Отказываясь от уплаты податей, 7 тыс. повстанцев разбили посланные против них войска, изгнав из края помещиков и чиновников. Но к концу сентября 1841 г. восстание все же было подавлено регулярными войсками царской армии при содействии местных дворянских ополчений. В Мегрелии повстанцы во главе с кузнецом Уту Микава захватили в конце 1856 г. ряд сел, а к маю 1857 г. — почти все княжество с его центром Зугдиди. Они отказывались нести феодальные повинности, организовали новое управление и суд, устанавливали собственные цены на товары и т. п. Царские войска и отряды местных помещиков подавили восстание, несмотря на ожесточенное сопротивление крестьян. 38 руководителей восстания были сосланы в отдаленные районы империи. Наместник Кавказа князь Барятинский ввел в Мегрелии непосредственное управление царской администрации, что было еще одним шагом к юридической ликвидации Мегрельского княжества, которая и произошла через десять лет.

Отмена в Грузии крепостного права (постепенно, с 1864 по 1871 г.) дала новый толчок хозяйственным и общественным процессам. К 1865 г. 10% жителей Грузии проживали в городах, а в Восточной Грузии (включившейся раньше в общероссийскую жизнь) — 18,8%. Развитие капитализма сопровождалось строительством железных дорог, начатым еще в 60-е годы, но особенно развернувшимся после присоединения к Грузии в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Аджарии с крупным портом Батуми. С завершением строительства железной дороги Батуми—Тбилиси—Баку в 1883 г. Грузия была связана со всем Закавказьем. В главных мастерских Закавказской железной дороги работало свыше 3 тыс. рабочих. К концу XIX в. в Грузии насчитывалось до 120 тыс. лиц наемного труда, в том числе — 36 тыс. промышленных рабочих. Повсюду в стране, ставшей наиболее развитой и модернизированной частью Кавказа, работали крупные предприятия — текстильные, металлообрабатывающие, кожевенные, табачные и другие. В 90-е годы XIX в. Грузия

давала до 50% мирового экспорта марганца. Росла концентрация производства, образовывались акционерные компании с участием местных, российских и зарубежных капиталистов. Состав лиц наемного труда был еще более интернационален. Среди них были грузины, армяне, русские, украинцы, азербайджанцы, курды, евреи, иранцы, греки, татары, осетины, выходцы с Северного Кавказа и другие.

Идеи освободительного движения в России усваивались и передовыми общественными деятелями Грузии. Среди грузинских просветителей второй половины XIX в. выделялись получившие образование в России и приобщившиеся к идеям В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского революционеры демократы Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели и другие. Вместе с тем грузинские «шестидесятники» («Тергдалеулеби») вовсе не ограничивались подражанием русским собратьям. Они боролись прежде всего против национального и социального угнетения грузинского народа, тем более, что с середины XIX в. быстро развивались национальная культура Грузии, ее художественная литература, театр, живопись и музыкальная культура. Важную роль стала играть периодическая печать.

Под влиянием русского народничества зарождается также народническое движение в Грузии, а чуть позже и рабочее движение. С конца 60-х годов в Грузии проходят первые забастовки, в конце 70-х годов возникают рабочие кружки. В 1887 г. в Тбилиси возник «Рабочий союз». Однако рабочее движение долгое время было идейно пестрым, одинаково легко воспринимавшим идеи анархизма, национализма (причем всякого, далеко не только грузинского), реформизма, социализма всех видов. Но постепенно верх стали брать марксисты, каковые преобладали среди высланных в Грузию рабочих революционеров из других областей империи. Среди них наиболее известны Ф.А. Гузенко, Ф.Е. Афанасьев, С.Я. Аллилуев и другие. Примером тесной связи Грузии и России в то время является пребывание тогда в Тбилиси А.М. Горького и Ф.И. Шаляпина. Первый работал с осени 1891 г. учетчиком в главных мастерских Закавказской железной дороги, а второй именно здесь учился петь.

С конца 1892 г. рабочее движение Грузии все более революционизируется. Возникает основанная Михой Цхакая социал-демократическая организация «Месаме-даси», в ней

быстро оформляется левое крыло, ядро которого составили М. Цхакая, Ладо Кецховели, Филипп Махарадзе, Иосиф Джугашвили (Сталин) и ряд других. Тогда же выделилось и реформистское крыло социал-демократии, наиболее известными лидерами которого были Ной Жордания, Карло Чхеидзе, Ираклий Церетели.

В 1898—1900 гг. проходили первые маевки рабочих Тбилиси, в 1900—1902 гг. — крупные стачки в Тбилиси, Батуми и Чиатурском промышленном районе. Грузия, став индустриальным сердцем Кавказа, сконцентрировала в своей социальной жизни и все многообразные противоречия, раздиравшие кавказское общество. Здесь не возникло и не могло возникнуть сильного националистического движения в то время, так как деревня была еще отсталой, не свободной от феодальных пережитков и предрассудков, от регионалистских и земляческих предубеждений, а город был многонационален и пестр в этнокультурном отношении. Грузинская аристократия была консервативна и привязана к царскому режиму, а грузинская буржуазия — слаба и нерешительна, ибо не обладала большей частью богатства страны, опасалась как властей, так и народа, и особенно национально неоднородных горожан. Тем более далеки от этих горожан были иностранные капиталисты и предприниматели негрузинского происхождения. Ввиду всего этого преобладающей общественно-политической силой в Грузии стало рабочее движение, хотя и неоднородное, разных оттенков, ибо среди грузинских, как и среди русских марксистов и демократов народнического (эсеровского) направления с самого начала выявилось множество тенденций, разногласия между которыми часто приводили к прямой вражде. Но в целом в рабочем движении над анархистами и националистами доминировали марксисты, лучше других сил чувствовавшие и выражавшие интернациональный характер как пролетариата, так и прочих трудовых слоев Грузии, включая интеллигенцию.

Первым крупным политическим потрясением XX в. в Грузии была стачка рабочих Батуми в феврале—марте 1902 г., возглавлявшаяся социал-демократами. Поводом для нее явилось увольнение с завода Ротшильда 400 человек, подозревавшихся в революционной деятельности. В ответ на требования бастующих 32 из них были арестованы. Тогда состоялась массовая демонстрация, 348 участников которой

подверглись аресту. Новая 6-тысячная демонстрация столкнулась с войсками и полицией, 15 человек при этом погибли, 54 были ранены, 500 — арестованы. В похоронах убитых участвовали 5 тыс. человек, среди которых также были произведены аресты. Несколько сот участников событий выслали из Батуми. Это было своего рода предупреждением властям о грядущем революционном подъеме, который вскоре и разразился, когда пролетариат Грузии принял участие во всеобщей стачке на юге России в июле—августе 1903 г., а затем — в событиях революции 1905—1907 гг., охвативших всю империю.

Эти события начались в январе 1905 г. забастовкой железнодорожников Тбилиси, а затем продолжились столкновениями крестьян Кахети, Мегрелии и Горийского района с полицией и войсками. Особый размах эти события приняли в Гурии, где Гурийский комитет сельских рабочих, связанный с социал-демократами Батуми, подготовил в конце 1904 г. вооруженные «красные сотни» из местных крестьян. Под руководством революционных комитетов они стали захватывать власть, земли и инвентарь помещиков, требуя их безвозмездной передачи крестьянам. Кроме того, были выдвинуты и другие требования, прежде всего — амнистии заключенным и уважения демократических свобод. С марта 1905 г. власти вели переговоры с повстанцами и даже ввели войска, но снова их вывели, опасаясь их разложения после контактов с восставшими. Повстанцы контролировали весь край, разоружив полицию, заняв почту и телеграф, разрушив железную дорогу, использовавшуюся для подвоза войск. В декабре 1905 г. они овладели центром края — городом Озургети. Но в январе 1906 г. восстание было жестоко подавлено. Оно длилось свыше года. Менее длительные выступления повстанцев и забастовки наблюдались тогда по всей Грузии.

Примерно пятилетнее затишье, следовавшее за событиями 1905—1907 гг., было в 1912 г. взорвано новой волной забастовок. Летом 1913 г. свыше 10 тыс. горняков и грузчиков марганца бастовали в Чиатуре, Зестафони, Поти и Батуми. Массовый характер носили и рабочие демонстрации в мае 1913 г. и 1914 г. В дальнейшем, после вступления России в Первую мировую войну, накал забастовочной борьбы в Грузии не спадал, несмотря на близость страны к Кавказскому фронту и в целом антиосманские настроения грузин, как

и других христиан, безусловно желавших победы российской армии. Тем не менее, за годы войны в Грузии прошло до 40 крупных забастовок.

Подводя итоги истории Грузии за XVI—XIX вв. и заглянув в будущее, в то, как она развивалась в начале XX в., можно сказать, что эта страна прошла, пожалуй, наиболее противоречивый и трудный, но и наиболее результативный путь развития за это время. Грузия за эти столетия поднялась от феодально-племенной раздробленности и незавидного положения нещадно эксплуатируемой периферии мощных государств иноземных и иноконфессиональных завоевателей к статусу во многом (хотя и не во всем) равноправной части Российской империи, пребывание в составе которой способствовало быстрому экономическому и социальному прогрессу, ликвидации устаревших феодальных и патриархальных институтов, модернизации народного хозяйства и культуры, изменению социального облика страны. Конечно, весь этот процесс шел нередко с тяжелыми потерями, но в целом содействовал консолидации грузинской нации, непросто преодолевшей свою этническую неоднородность. И чрезвычайно важно, что все это произошло в Грузии, являющейся своего рода центром Кавказа, носительницей почти всех его особенностей и главным двигателем его эволюции.

§ 1

Турция¹ в XVI в.Становление империи

В позднее Средневековье после взятия Константинополя войсками султана Мехмеда II Завоевателя (1453 г.) Османское государство стало формироваться в мировую державу. Византийская империя пала. Император был убит, Мехмед II переименовал Константинополь в Стамбул и перенес в него свою резиденцию. Взятие Константинополя значительно увеличило могущество Османского государства и обрекло на поражение и потерю независимости другие балканские народы. Вначале были ликвидированы все остатки византийских владений. Затем наступила очередь Сербии (1459), Морей (1460) и Боснии (1464). К концу 1470-х годов была покорена Албания, а затем началось подчинение княжеств Молдавии и Валахии, уже за пределами Балкан.

Окончательно утвердившись на Балканах, Мехмед II приступил к новым завоеваниям в Малой Азии и вытеснению генуэзцев и венецианцев из Черного моря. Прежде всего, турки захватили Трапезунд, а затем, разгромив Караман и его союзников (1473 г.), включили в состав Османского государства всю Малую Азию.

В то же время турки развернули военные действия против Венеции и Генуи, владевших в то время бассейном Черного моря и в восточной частью Средиземноморья. После упорной борьбы на суше и на море в 1460—1470-х годах Венецианская республика не смогла удержать за собой острова Архипелага в Эгейском море, удержав за собой лишь о. Крит и Ионические

¹ Слово «Турция» было впервые употреблено автором одной хроники крестоносцев в 1190 г. в применении к землям, захваченным тюркскими племенами в Малой Азии. Впоследствии на Западе часто Османскую империю именовали Турцией, а ее правящий этнос — турками. Сами они называли себя «османами».

острова. Генуя также потерпела ряд поражений, отдав туркам острова Хиос и Лесбос. Однако самой крупной победой османов было завоевание колоний Генуи в Крыму (1475 г.). С этого времени Крымское ханство (осколок когда-то могущественной Золотой Орды) стало вассалом Османской империи.

В начале нового времени (первой половине XVI в.) османское могущество достигло своего апогея. В какой-то степени этому способствовала благоприятная для османов международная обстановка. В Германии не прекращались междоусобные войны, в Венгрии вспыхнуло крестьянское восстание (1514 г.). Эти обстоятельства на годы обеспечили тыл османской армии на Западе, и позволили султану Селиму I Грозному (правил в 1512—1520 гг.) разгромить своих восточных соперников. Прежде всего, был нанесен удар по враждебному шиитскому Ирану: 23 августа 1514 г. в битве на Чалдыранском поле были наголову разгромлены войска шаха Исмаила. Сам шах с остальными войсками бежал вглубь Иранского нагорья, а османы распространили свою власть на Курдистан, богатую и изобильную Верхнюю Месопотамию с крупными городами (Мосул, Урфа, Мардин, Кара-Амид).

В то же время соседний Египет, давний противник и соперник Османской империи, вступил в пору кризиса. Следует отметить, что в рассматриваемый период (с позднего Средневековья и в Новое время) кризис феодальных структур был характерен для всех государств Востока. В некоторых из них эти процессы начинались раньше, в некоторых позже. Османская империя еще находилась на пути к вершине своего могущества, но и ей было суждено разделить общую судьбу восточных государств. Но пока турки эффективнейшим образом использовали затруднения мамлюкского султаната, развязав войну. В первом же сражении 24 августа 1516 г. они одержали полную победу. Мамлюки были разгромлены, их султан Кансух аль-Гури погиб. Во второй битве 22 января 1517 г. при Риданийи в Египте мамлюки вновь потерпели сокрушительное поражение. 25 тыс. египетских воинов остались на поле боя. Последний мамлюкский султан Туманбай был схвачен и повешен. Вместе с Египтом под власть султана Селима I попали территории Сирии, Ливана, Палестины и Аравийского полуострова.

Это обстоятельство имело еще и важное религиозно-политическое значение. По исламской традиции тот, кто

контролирует священные города Мекку и Медину, имеет право на религиозную власть в мусульманском мире. Это обстоятельство позволило Селиму I (как и последующим султанам) называть себя халифами, т. е. религиозным главой всего исламо-суннитского мира. Таким образом, произошло объединение светской (*султанат*) и религиозной (*халифат*) власти.

После падения мамлюкской империи главным врагом османов на Востоке оставалась держава Сефевидов, где государственной идеологией был ислам шиитского толка. В персидских войнах 1533—1555 гг. преемник Селима I Сулейман I Законодатель (на Западе прозванный Великолепным) захватил Ирак, западные районы Грузии и Армении. Ненадолго эти территории удалось вернуть в состав Ирана шаху Аббасу I (1623 г.), но с 1638 г. они вновь отошли Османской империи.

Османская империя вместе с вассальным Крымским ханством планировала также осуществить широкую экспансию в Восточной Европе. Предполагалось объединение всех бывших территорий Золотой Орды и разгром России. Но на этом направлении османы не имели успеха. Взятие Казани Иваном Грозным в 1552 г., гибель турецкой армии под Астраханью в 1569 г. (из участвовавших в походе 30 тыс. воинов вернулось лишь около 7 тыс.) и разгром крымской орды под Москвой в 1572 г. остановили османскую экспансию на этом направлении. Однако туркам удалось «замкнуть» своими территориями Черное море.

В результате завоеваний на Востоке Османская империя включила в свой состав огромные территории с преимущественно мусульманским населением. В середине XVI в. оно составляло 75% всех жителей империи.

Победы Селима I предоставили османам возможность продолжить завоевания на Западе. В 1521 г. Сулейман I взял Белград, открывший османам путь в Венгрию и дальше в Центральную Европу. В Европе главной силой, противостоящей империи, являлась в то время еще могущественная Испания. Кроме Испании туркам противостояли Габсбурги, правители Венгрии и Польши, орден госпитальеров (или иоаннитов) на о. Родос и Венеция. Главным организатором и вдохновителем борьбы креста с полумесяцем был папский престол.

В 1522 г. Сулейман I захватил о. Родос и рыцари-госпитальеры перенесли свою ставку на о. Мальту. В 1529 г. знаменитые пираты брата Барбаросса захватили Алжир и объявили

себя вассалами Османской империи. Это на время позволило османам установить свою гегемонию в Средиземном море. В Европе турецкие войска в битве у Мохача (19 августа 1526 г.) разгромили венгерские, хорватские и чешские армии Лайоша II, короля Венгрии и Чехии. Король и знатные рыцари пали на поле боя. На венгерский престол был посажен ставленник турок Янош Запойи, признавший себя вассалом османов.

Однако в 1571 г. империи был нанесен жестокий удар на море. В знаменитой битве при Лепанто (самой крупной в истории парусного флота) испанский флот при поддержке эскадры итальянских городов полностью уничтожил турецкие военно-морские силы. Разгром при Лепанто остановила джихад (священную войну) на Западе и расширение империи. А последующие внутренние трудности и начавшийся кризис османской государственности парализовали наступательный порыв турок. Начался период остановки — Теваккуф деври 1579—1683 гг., как называется в турецкой историографии период застоя и разложения османского общества.

В последующие годы турки смогли одержать ряд побед, в частности, взять Триполи, присоединив к империи новые территории в Северной Африке.

§ 2

Общественный строй

Формы землевладения — землепользования

К концу XVI в. Османская империя вступила в период затяжного кризиса своей феодальной системы. Ярким проявлением этого кризиса стали народные восстания, охватившие державу.

Владея огромной территорией в Европе (Балканы, Юго-Восточная Европа, Крым с прилегающими землями Приазовья и Причерноморья), в Африке (Северная Африка, кроме Марокко) и Азии (Малая Азия, Аравия, Сирия, Палестина, Ирак, Западная и Юго-Западная Армения, включая Киликию и часть грузинских земель), Османская империя представляла собой конгломерат различных стран, племен и народов.

По уровню своего социально-экономического развития турки далеко отстали от многих подвластных народов, особенно греков, славян Балканского полуострова, грузин и армян. Власть султана и феодалов над подчиненными странами держалась исключительно на военной силе. Они установили в завоеванных странах деспотическое правление, сосредоточив в своих руках сбор налогов и все общественные функции, как военные, так и гражданские.

В XVII в. Османская империя продолжала оставаться непрочным военно-административным объединением. Входящие в состав этой империи народы и народности находились на различных ступенях экономического, политического и культурного развития. Занимая свои исконные земли, они жили обособленной жизнью, имели свои экономические интересы и культурные традиции. Турецкая власть была ненавистна покоренным народам, но внутренняя феодальная раздробленность крайне затрудняла их совместную борьбу. В то же время феодальная верхушка многих подвластных

народов сумела приспособиться к турецкому режиму, приняла в ряде случаев ислам, приобрела доверие султанской власти и сохранила права на эксплуатацию крестьян и многие привилегии.

Общественный строй Османской империи характеризовался наличием различных социально-экономических укладов, включая родоплеменной и рабовладельческий. Однако господствующим был феодальный способ производства. Он характеризовался преобладанием натурального хозяйства, исключительной экономической раздробленностью, что в свою очередь обуславливало политическую раздробленность государства. Едва ли не каждая провинция Османской империи жила своей обособленной жизнью, имела специфические отличия как в номенклатуре налогов и повинностей, так и в системе закрепощения крестьян. Стоявшие во главе провинций наместники-паши стремились превратиться в полунезависимых правителей, подражая порядкам и нравам султанского двора. Рост независимости пашей и феодалов приводил к умалению прав султанской власти.

Официально все земли делились на *государственные*, принадлежащие частным лицам на тех или иных условиях, и *земли религиозных учреждений (вакф)*, при том, что формально султан являлся верховным собственником всех земель империи. Часть государственных земель находилась в личном владении султана и членов султанского дома; часть же земель жаловалась в ленное владение воинам-сипахам и сановникам на время несения их службы. Большая же часть государственных земель на основной территории расселения турок в Малой Азии отдавалась формально в пожизненное, а фактически в наследственное, владение феодалам, обязанным отбывать за это воинскую повинность и содержать, вооружать, обучать воинские отряды соответственно доходам с их ленных владений. Данная система называлась чаще всего *«тимарной»*, и условные держания различались прежде всего по размерам их доходов. Собственно *тимарами* считались владения, приносящие от 3 до 20 тыс. акче в год (турецкая серебряная монета). Получавшие их сипахи назывались *тимариотами*. Более крупные земельные пожалования — *«зеаметы»*, приносили держателям-займам доход от 20 до 100 тыс. акче. *Хассы* давались лицам, занимавшим высокие государственные посты, на время их службы.

Тимарная система должна была обеспечивать воспроизводство основной массы *сипахи* — наиболее многочисленной прослойки феодального класса. Они были обязаны нести военную службу в рядах конного ополчения, а также отвечать за поддержание порядка на местах и надзор за крестьянством.

Займы и тимариоты (как и владельцы хассов) собирали в свою пользу налог с подвластных им крестьян. За это они обязаны были лично отбывать султанскую службу и выставлять определенное (в зависимости от доходов лена) число вооруженных воинов. По данным источников XVII — начала XVIII в. во всей Османской империи было займов — 3 192, тимариотов — 50 160. Они должны были выставлять в целом 126 тысяч воинов. Но это обязательство не выполнялось.

Земли, называвшиеся частными (*мульк*), в условиях верховной собственности на землю и отсутствия законов о частной собственности принадлежали крупным и средним феодалам-помещикам, сдававшим их в пользование крестьянам. Большая часть мульков появилась еще в начальный период завоеваний в Юго-Восточной Европе и во время присоединения анатолийских бейликов. Они принадлежали представителям влиятельных феодальных родов на Балканах и в Малой Азии.

Церковные земли вместе с поселениями крестьян либо принадлежали непосредственно религиозным учреждениям, либо находились под их контролем. Вакфы формировались из земель, пожалованных султаном, а также из частновладельческих земель, завещанных мечетям, университетам, медресе, мавзолеям святых и т. п. Именно эти религиозные учреждения считались формальными собственниками земель и приписанных к ним крестьян. Фактически же доходами от этих земель распоряжалась верхушка мусульманских священнослужителей.

Положение крестьянства

Основную массу населения Османской империи, независимо от национальной принадлежности, составляли крестьяне. Они были закрепощены и испытывали двойной гнет: своих собственных феодалов (светских и духовных) и турецких.

Крестьяне были обязаны платить в пользу феодала или в государственную казну земельный налог: либо десятину —

ашар, либо *харадж*, который достигал в некоторых местах половины урожая. Кроме того, крестьяне выплачивали налоги на скот, на летние и зимние пастбища, на различные промыслы, например, на ульи, мельницы и пр. Особыми налогами облагались различные церемонии. Еще более тяжелым было положение крестьян и вообще населения, принадлежащего к категории подвластных народов и не исповедующих господствующей религии — ислама. Сверх многочисленных особых повинностей они были обязаны выплачивать подушную подать (*джизья*). Не мусульмане — *райя* (стадо) не имели права служить на государственной службе, искать защиты в суде, действовавшем на основе шариата. Одежда их должна была отличаться от одежды мусульман, им запрещалось носить оружие.

Крестьяне были прикреплены к земле и были обязаны обрабатывать ее, но сами (без наделов) не могли быть предметом купли-продажи. Без разрешения феодала крестьянин не мог уйти от него. Положение крестьян, не проживавших в имении феодалов, было не менее тяжелым; право сбора с них налогов обычно отдавалось на откуп (*ильтизам*).

Откупщик вносил в султанскую казну сумму, причитавшуюся с той или иной области, взамен чего получал право на сбор налогов и грабил крестьян, не считаясь ни с какими нормами. Налоговые откупа в значительной мере сосредотачивались в руках крупных ростовщиков и торговцев.

Кроме того, крестьяне были обязаны выполнять самые различные повинности, как в пользу государства, так и своего феодала. Постройка дорог, мостов, крепостей, мечетей, дворцов, поставка вьючных животных и продовольствия для проходящих султанских войск, султанской почты, курьеров — все это ложилось дополнительным бременем на плечи турецкого крестьянина, разоряло его хозяйство.

Прочной опорой османского феодального общественного строя служила турецкая крестьянская община и древний общинный быт. Круговая порука, практиковавшаяся в общине, облегчала задачу откупщика-сборщика налогов. Бесправие крестьян и их сословная приниженность являлись средством внеэкономического принуждения со стороны феодалов.

Натурально-патриархальный характер крестьянского хозяйства, низкий уровень общественного разделения труда и соединение земледелия с домашней промышленностью;

взаимная изолированность общин, огромная продуктовая рента, поглощавшая весь прибавочный продукт, а иногда и часть необходимого продукта; примитивная техника — все это создавало условия для воспроизводства в неизменном виде существующих отсталых производственных отношений, что в свою очередь препятствовало быстрому развитию простого товарного хозяйства и переходу его к более высоким формам производства.

Города

Облик османских городов был типичен для восточного общества этого времени. Они являлись административными и экономическими центрами для своего района. На базаре сосредотачивалась местная торговля, тут же находились и ремесленники. Они объединялись в *цехи*, державшие в своих руках всю мелкую промышленность в городах. Цехи строго регламентировали приемы трудовой деятельности, размер производства, распределение заказов. Все производство строилось на ручном труде с использованием простейших орудий. Ремесленники работали преимущественно на заказчиков-феодалов. По мере роста торговли они стали сбывать свою продукцию скупщикам-купцам, изготавливая ее не только для личного потребления заказчика, но и на рынок, и на вывоз. Торговый капитал постепенно подчинял себе ремесленное производство. Но средневековая цеховая регламентация мешала росту промышленного производства и переходу его к более высоким формам организации.

Размеры внутренней торговли в Османской империи были невелики. В стране преобладало натуральное хозяйство, и еще не сложился внутренний рынок.

Внешняя торговля находилась целиком в руках иностранных компаний, которые пользовались в силу режима капитуляций рядом привилегий, в то время как местные торговцы были их лишены. Иностранные купцы платили таможенную пошлину, согласно неравноправным договорам, в размере лишь 5%, а затем 3% стоимости товара и притом только один раз — при ввозе товара в страну. Турецкие подданные должны были платить таможенные сборы в размере 10 или 12%, причем с одного и того же товара пошлина взималась по

несколько раз на многочисленных внутренних таможах, существовавших в каждой области.

На основе капитуляций данных в XVII—XVIII вв. жизнь и имущество иностранных купцов были неприкосновенны. В то же время жизнь и имущество местных купцов зависели от произвола феодальных властей, от пашей, часто присваивавших себе их собственность. При таком положении местные купцы не могли конкурировать с иностранцами.

§ 3

Государственно-административная система. Армия.

Упадок Османской империи

В XVII—XVIII вв. Османская империя представляла собой феодальную деспотию во главе с *султаном-халифом*. Среди государственных институтов особый вес имели военное ведомство, налоговое (оно же финансовое) и по делам религии, во главе которого стоял *шейх уль-ислам*. Турецкое правительство, состоящее из *великого везира*, руководителей ведомств и приближенных к султану лиц, а также дворец, в котором оно помещалось, носило официальное название «*Баб-и-Али*» («Высокие врата»). С легкой руки французов за Османской империей в Европе укрепилось название «*Блистательная*» или «*Высокая порта*», или просто «*Порта*» (врата).

Большую роль в управлении империей играло высшее мусульманское богословие (*улемы*). Владея обширными фондами вакуфных земель с прикрепленными к ним крестьянами, оно не только обслуживало интересы господствующего феодального класса, но и являлось его влиятельной прослойкой. В руках улемов находились все судебные органы, а также просвещение, имевшее исключительно богословский характер. Вся культурная жизнь страны находилась под жесткой опекой богословия, преследовавшего малейшее проявление свободомыслия.

В административном отношении Османская империя делилась на области (*вилайеты*) и вассальные земли — *пашалыки* — в Африке и Аравии. Наместники провинций и областей, эмиры и паша, объединяли в своих руках военную и гражданскую власть; они держали себя как полунезависимые властители, имели свой двор, свое войско, вводили особые местные налоги, взимали таможенные сборы и даже иногда чеканили монету. Жили они и управляли по принципу «сам себе падишах». Гнет пашей часто вызывал крестьянские восстания, подавляемые с большой жестокостью.

Османская империя вела постоянно захватнические войны и вооруженную борьбу с народными движениями внутри страны. Поэтому армия играла большую роль в государственной жизни. «Могущество и сила в государстве и в войске» — таков был девиз турецких феодалов.

Вооруженные силы Османской империи состояли из рыцарской конницы (сипахи), янычарской пехоты и флота, к которым присоединялись войска военно-ленных феодалов.

Однако в XVII—XVIII вв., в то время, когда европейские страны и их армии быстро развивались, армия экономически отсталой Турции не могла в полной мере сохранить свою боеготовность и начала терпеть поражения. Не отдавая себе отчета в подлинной причине неудач, правящие круги Турции пытались преодолеть военные трудности численным увеличением армии и, прежде всего, янычар. Они встали на опасный путь наделения янычар различными привилегиями, что лишь содействовало упадку воинской дисциплины, увеличивало их претензии и привело к их постоянному и пагубному вмешательству в государственные дела. Все это подорвало боеготовность янычарского войска.

Турция в XVII—XVIII вв. неуклонно превращалась в отсталое военно-феодальное государство, внутренняя организация которого вступила в процессе разложения. Но и в этот период Турция продолжала вести захватнические войны. Однако теперь возможности внешнего грабежа значительно сократились, а народы, которым империя угрожала, оказывали ей решительное сопротивление. Захватнические войны больше не давали турецким феодалам новых обширных территорий и новых данников. Войны истощали Турцию и обостряли процесс внутреннего разложения.

Поскольку войны больше не приносили крупной добычи турецким феодалам, они стали с гораздо меньшей охотой исполнять военную службу и старались под всяким предлогом откупиться от нее. Официальные документы конца XVII — начала XVIII в. свидетельствуют, что заимы и тимариоты стали выставлять не больше 10 тыс. ополченцев, да и то в основном из пленных и рабов, тогда как раньше феодальное ополчение достигало 120—150 тыс. воинов. Все это служило одной из важнейших причин обострения борьбы между султанской властью и феодалами за передел ленных владений.

В XVII — начале XVIII в. передовые страны Европы вступили на новый путь развития, а в империи сохранились средневековые формы производства, примитивная, рутинная техника сельского хозяйства и ремесла. В то же время увеличивающийся ввоз иностранных товаров, а также предметов роскоши привел к тому, что феодалы, ощущая нужду в деньгах для приобретения этих товаров, повышали ренту и усиливали эксплуатацию крестьянства.

Если раньше феодалы присваивали весь прибавочный продукт крестьянского труда, то теперь они захватывали и значительную часть необходимого продукта, вследствие чего разорение крестьянского хозяйства приняло катастрофические размеры.

В XVII—XVIII вв. натуральная форма налогов все в большей степени замещалась денежной. В поисках денег на выплаты налогов крестьяне чаще были вынуждены обращаться к ростовщикам, что еще больше способствовало разорению и закабалению крестьянского хозяйства и росту ростовщичества.

Чтобы увеличить свои доходы, феодалы стремились расширить размеры своих поместий. Отсюда ожесточенная борьба между турецкими феодалами и крестьянами, так как первые захватывали земли последних. Острая борьба шла и между феодалами за передел ленов.

Наряду с крестьянским хозяйством приходило в упадок и местное ремесло. Некоторые отрасли турецкого ремесла не могли больше конкурировать с европейским мануфактурным производством. С большим трудом в XVII и особенно в XVIII в. удерживалась сильно распатанная цеховая организация.

Упадок коснулся даже таких важных отраслей, как рудное дело, изготовление вооружения (ружья, пушки, ядра), постройка военных судов и чеканка монет.

Разорение крестьянского и ремесленного хозяйства вызывало рост народного недовольства, и восстания крестьян систематически происходили во всех частях империи, часто сливаясь с народно-освободительными движениями, также развернувшимися повсеместно. Гнет турецких феодалов вызывал особо острое противодействие в наиболее развитых частях империи, а именно в странах, населенных славянами, греками, грузинами и армянами, где под влиянием более тесных экономических связей с соседними европейскими странами

хозяйственный и культурный уровень населения был выше, чем в большинстве других османских владений. Мощные освободительные движения против османского гнета здесь начали принимать к концу XVIII в. национально-освободительный характер.

Усилилась и борьба арабских народов против турецкого гнета. Еще в 1628 г. Йемен фактически отделился от Османской империи. Борьба развертывалась во всех африканских владениях империи. Не прекращалась борьба против турецких властей и в Ираке. Общая картина распада дополнялась взаимной борьбой феодальных кланов и непрерывными янычарскими мятежами.

Правящие феодальные круги были твердо уверены, что предотвратить распад государства, укрепить султанскую власть и ликвидировать народные восстания можно только путем возрождения былого военного могущества империи и возобновления захватнических войн.

В частности, эту политику стали проводить верховные везиры из семьи Кепрюлю, приблизившиеся к власти во второй половине XVII в. История Турции этого времени заполнена непрерывными войнами и подавлением восстаний. Турция вела войны с Венецией (1645—1669 гг.) за захват о. Крит; с Австрией (1663—1664 гг.); с Польшей (1672 г.); с Россией (1677—1678 гг.) за Украину и с коалицией держав (1683—1698 гг.). Новым в этих войнах было то, что теперь основное внимание уделялось странам Восточной Европы, включая Россию (против которой также активно вовлекали в борьбу вассальное Крымское ханство). В то же время Турция умело пользовалась поддержкой Англии и Франции, которые поощряли ее агрессию в Восточной Европе.

Эти войны уже не приносили побед ослабевшей империи. Наоборот, она терпела и сокрушительные поражения, самое страшное из которых произошло под стенами Вены. В 1682 г. турки вмешались в австро-венгерский конфликт, поддержав Эмериха Текелли, восставшего против Австрии. Это послужило поводом к австро-турецкой войне, в которой на стороне Австрии выступила Польша.

В 1683 г. турки под предводительством верховного везира Кара-Мустафы Кепрелю разбили австрийцев на территории Венгрии и вопреки советам Текелли вторглись в пределы Австрии и осадили Вену. Вена была в отчаянном положении,

потому что городские стены из-за ветхости не могли выдержать длительной осады, а гарнизон в 20 тыс. солдат вряд ли мог устоять против превосходивших сил противника. Но польский король Ян Собесский сумел скрытно подвести к австрийской столице саксонскую пехоту и польскую конницу и обрушился на турок с тыла. В результате разгром был сокрушительный: турки потеряли 20 тыс. убитыми. Разгневанный султан приказал доставить ему голову везира.

Разгром турецких вооруженных сил под стенами Вены не был случайностью в истории Турции. Это был неизбежный результат длительного и далеко зашедшего упадка турецкого военно-феодального государства. Военные неудачи немедленно отразились на внутреннем положении Турции. Балканские народы (особенно после поражения турок от войск Евгения Савойского при р. Тисса) открыто взялись за оружие. Османские войска были изгнаны из Венгрии и Трансильвании, Подолии, части Долмации и Мореи. Россия получила в результате этих событий Азов.

§ 4

Турция и Россия в начале XVIII в. «Генеральные Капитуляции» 1740 г.

Россия не смогла в конце XVII в. обеспечить себе жизненно важное для нее право торгового судоходства по Черному морю. В свою очередь Турция не пожелала примириться с потерей Азова в 1696 г. Новый султан Ахмед III (1703—1730) в течение всего своего царствования был ревностным продолжателем активной военной политики. Прежде всего, он стремился осуществить реваншистские планы в отношении России, поддерживающей антитурецкие восстания христианских народов и стремящейся к своей гегемонии на Черном море. На основе борьбы против России строился союз Турции с Францией и Англией, на такой же основе произошло сближение с шведским королем Карлом XII, завоевательные планы которого простирались не только на Прибалтику и Польшу, но и на Украину и Россию.

Хотя Англия и Голландия находились во враждебном Франции лагере, однако рост русского могущества страшил эти морские державы, и они были заинтересованы в выступлении Турции и Швеции против России.

После разгрома Карла под Полтавой он бежал к турецкому султану, а тот в 1710 г. объявил войну России. Эта война окончилась для России неудачно. Главный русский корпус вместе с Петром I был прижат к р. Прут. Петр был вынужден пойти на переговоры, закончившиеся Прутским миром 1711 г. По этому договору туркам был возвращен Азов, и на долгие годы установилась напряженная обстановка между двумя империями. Южные пределы России подвергались беспрерывным нападениям и грабежам турок и Крымского хана. В конце 1720-х годов Турция вмешалась также в польские дела, поддержав в противовес России кандидатуру на польский трон Станислава Лещинского, ставленника Франции и Швеции.

Однако турецкая активность в русских и польских делах была неожиданно парализована грозным восстанием, вспыхнувшим в Стамбуле в 1730 г.

Это восстание 1730—1731 гг., возглавленное бывшим матросом Патрона-Халилом, охватило весь Стамбул и близлежащие города. От прежних бунтов и волнений в столице оно отличалось тем, что если в прежние времена участниками таких событий преимущественно являлись янычары, служившие орудием в руках борющихся за власть феодальных группировок, то на этот раз на сцену выступил народ. Русский посол Неплюев доносил правительству, что восставших было до 200 тыс. человек. «Понеже весь подлый народ был в собрании оном», — писал он в донесении.

Восстание 1730—1731 гг. еще сильнее распатало и без того непрочное здание Османской империи. Порта обвинила в подстрекательстве к нему Россию. Этими настроениями умело воспользовался французский посол Вильнев, открыто подталкивавший Османскую империю к очередной войне с Россией.

Русско-турецкая война 1735—1739 гг. также закончилась невыгодным для России Белградским миром 1739 г. Этот мир был заключен от имени России все тем же Вильневым, выступавшим в роли посредника. По договору 1739 г. Россия не имела права держать и строить флот в Азовском и Черном морях, а Кабарда, находившаяся с XVI в. в подданстве России, признавалась вольной и объявлялась барьером между двумя империями; Азов возвращался России, но его укрепления подлежало срыть.

За выгодно заключенный Вильневым Белградский договор Турции пришлось заплатить Франции новыми так называемыми «генеральными капитуляциями» (1740 г.), которые возобновляли, подтверждали и дополняли все старые капитуляции, предоставленные Франции. Французские компании получали, помимо права экстерриториальности и льготных условий торговли, право торговать с Россией на суше и на море через территорию Турции.

Франция получала право покровительствовать не только своим дипломатам и купцам, находившимся в Турции, но и морякам, ремесленникам и духовенству (миссионерам). Султан признавал бессрочное действие капитуляций и давал обязательство от своего имени и от имени всех своих преемников

и государственных служащих не допускать ничего противоречащего им.

Примеру Франции последовали почти все европейские государства, в том числе и такие, которые до XVIII в. не имели еще капитуляций. Таким образом, капитуляции были превращены в одну из форм колониального закабаления Турции со стороны европейских держав. Фактически они действовали до 1923 г.

§ 5

Османская империя в конце XVIII в. Зарождение «Восточного вопроса»

В конце XVIII в. в некоторых частях Османской империи наметились определенные экономические изменения: появились крупные мастерские и первые мануфактуры. В Балканских странах, населенных греками и славянами, возникали в недрах феодального общества первые зачатки капитализма. Что же касается внутренних частей империи и восточных окраин, то там сохранялся средневековый феодальный строй, отягощенный пережитками рабовладения и патриархальных отношений.

В аграрных отношениях в Османской империи также наблюдались некоторые сдвиги. Вырос удельный вес помещичьего (не военно-ленного) землевладения и вакфов. При этом владельцы этих земель применяли новые формы эксплуатации, сгоняя крестьян с веками обрабатываемых наделов и превращая их в бесправных издольщиков и батраков. В то же время значительные изменения происходили в формах феодального землевладения. Условное и пожизненное ленное землевладение все больше уступало место безусловному и наследственному землевладению, не связанному с военной службой.

По существу способ производства не изменился: по-прежнему в его основе лежало мелкое хозяйство крепостного или полукрепостного типа, прибавочный (а зачастую и необходимый) продукт которого присваивался феодалом. Но вытеснение старого военно-ленного землевладения новым, феодально-помещичьим, тесно связанным с торгово-ростовщическим капиталом, вело к усилению эксплуатации и усугубляло кризис османского феодализма в целом.

Массовое обезземеливание крестьян сопровождалось усилением голода и нужды. В то же время не могло возникнуть массового отхода на заработки в города вследствие слабого развития в них промышленного производства.

Турецкие мануфактуры, существовавшие в самых развитых областях империи, не пользовались покровительством государственной власти, не выдерживали налогового произвола и иностранной конкуренции, разорялись и приходили в упадок.

Препятствуя накоплению в частных руках свободных денежных средств, мешая развитию новых форм производства, феодальная власть Османской империи приходила в столкновение с экономическими интересами покоренных народов. Следствием этого были восстания и бунты, начинавшиеся с партизанской войны против янычар и турецкой администрации. Балканские народы формировали вооруженные партизанские отряды, которые назывались: у болгар — «хайдуки», у греков — «клефты», у сербов — «усоки». Сельские общины во главе с местным духовенством активно помогали партизанской борьбе.

Одновременно усилилась борьба в арабских странах (религиозное движение ваххабитов в Аравии, восстание в Египте Али-бея в 1769 г.), в Армении и на Кавказе. В конце XVIII в. многие африканские и азиатские владения только номинально числились в составе Османской империи, задерживая, а иногда и вовсе отказываясь высылать причитавшуюся с них дань.

Турецкие султаны упорно пытались найти выход из сложившейся обстановки в войнах с соседями и легко давали повод европейским государствам вовлекать Турцию во всевозможные коалиции и военные союзы.

Одним из таких примеров стала русско-турецкая война 1768—1774 гг. Султанское правительство мобилизовало более 100 тыс. человек, но не сумело обеспечить их провиантом и обмундированием, и даже хорошо вооружить. В этой войне русские войска одержали на суше под руководством фельдмаршала Румянцева и генерала Суворова и на море под руководством Алексея Орлова и адмирала Спиридова ряд блестящих побед. Флот, действовавший в Средиземном море, не только разгромил турок при Чесме, но и оказал помощь восставшим против турок грекам, а также арабам Сирии и Египта.

По Кючук-Кайнарджийскому миру, заключенному в 1774 г., Россия получила право торгового судоходства по Черному морю и торговые льготы — капитуляции. Крым был объявлен

независимым от Турции, а Кинбурнская коса и Азов отошли к России.

К концу XVIII в. слабость Турции была очевидна уже для всех. Ее армия пришла в полный упадок. Янычары превратились в разнузданную вольницу. Военное дело замерло на уровне XVI в. Все еще употреблялись, как во времена султана Сулеймана Великолепного, мраморные ядра. Турецкий флот после разгрома в Чесменском бою фактически перестал существовать. Внешняя политика Турции утратила всякую самостоятельность. В 1787 г. Турция поддалась влиянию английской дипломатии и вступила в новую войну против России. В этой войне, ознаменовавшейся новыми победами Суворова при Фокшанах, Рымнике и Измаиле, турецкие войска потерпели сокрушительный разгром. По Ясскому миру 1792 г. с Россией Турция должна была очистить территорию между Бугом и Днестром. Этим договором Россия окончательно оформила освобождение Причерноморья от Кубани до Днестра от турецкого владычества. Народы Балканского полуострова (за исключением Черногории), Валахия, Молдавия и Бессарабия продолжали находиться под властью турок.

Зарождение «Восточного вопроса»

Таким образом, внутренний распад Османской империи и ее военные поражения поставили в конце XVIII в. проблему раздела турецких владений в Европе между так называемыми «великими» европейскими державами. Каждая из крупных европейских держав выдвигала свои претензии на «Османское наследство». Ни одна из них не желала допустить другую к политическому или экономическому преобладанию в Османской империи. Наиболее острые противоречия вызывал вопрос о европейских владениях Турции. Россия стремилась овладеть Константинополем и проливами и обеспечить себе выход из Черного моря. Против России выступали в первую очередь Англия и Франция, которые сами имели захватнические планы в отношении проливов. Интересы России и западноевропейских держав сталкивались также в вопросах о балканских провинциях Турции. Россия поддерживала стремление славянского и греческого населения к освобождению от турецкого господства. Англия и Франция, напротив,

поддерживали султанское правительство в его борьбе с национально-освободительными движениями на Балканах. Помимо антирусской направленности, эта политика Англии и Франции имела также экономические причины. Английские и французские колонизаторы рассматривали турецкое господство на Балканах как лучший залог неограниченной торговой эксплуатации местного населения: капитуляционный режим и низкие таможенные пошлины, закрепленные в неравноправных договорах с Турцией, обеспечивали европейскому капиталу наиболее выгодные условия наживы. Создание на Балканах независимых государств или переход этих провинций к России повлек бы за собой отмену этих привилегий. Отсюда и проистекал выдвинутый Англией и Францией лицемерный лозунг «целостности и неприкосновенности Османской империи». Лозунг отражал на деле стремление этих держав поставить Турцию в полную экономическую и политическую зависимость от европейского капитала, сохранить в ней отсталый феодальный строй, помешать освобождению балканских народов и вместе с тем воспрепятствовать продвижению России к Константинополю.

Используя освободительные движения народов Балканского полуострова против турок, русское правительство стремилось либо присоединить балканские территории к России, либо создать государство со столицей в Константинополе, но под русским протекторатом. Разница в русском и западноевропейском подходе заключалась в том, что Россия хотела распада Османской империи, а так называемый «европейский концерт» (Англия, Франция, Австрия и Пруссия) ее сохранения, с тем, чтобы эксплуатировать ее со всеми владениями посредством режима капитуляций. Однако объективно конечным результатом русско-турецких войн стало ослабление турецкого господства над Балканским полуостровом, что имело огромное прогрессивное значение для всего дальнейшего развития освободительной борьбы греческого, сербского и других балканских народов.

Так возник «Восточный вопрос».

Это иностранное вмешательство, сопряженное с непримиримым соперничеством, абсолютно запутало Восточный вопрос и сделало его для капиталистической Европы неразрешимым.

§ 6

Реформы Селима III

Конец XVIII столетия еще более усложнил политическую жизнь Османской империи. Идеи французской революции проникли на Балканы и на греческие острова Эгейского моря и дали дополнительный стимул освободительной борьбе покоренных народов. Складывавшаяся буржуазия встала во главе стихийных крестьянских восстаний, что придало им организованность.

Одновременно в стране разгоралась ожесточенная феодальная смута, охватившая обширные области империи. Так, например, Видимский паша Осман Пазванд-оглу, начав с разбоев и грабежа Сербии и Валахии, вышел из повиновения султану и даже стал чеканить монету от своего имени. Али-паша обосновался в Янине, подчинив своей власти Эпир, Южную Албанию и часть Морей. Паша скутарийский (северная Албания) и паша боснийский, начальники округов (аяны) руцукский, серееский и другие тоже превратились в полунезависимых правителей. В Курдистане, Ираке, Сирии, Палестине, а тем более в Аравии, Египте и Магрибе власть султана была призрачной.

Султаны и везири не могли понять подлинных причин государственного развала. Но они явственно ощущали внешние проявления кризиса: опустошение казны, военные поражения, янычарские восстания, самоуправство пашей и аянов, взяточничество, отпадение целых областей, освободительные движения угнетенных народов. Поэтому наиболее дальновидные из турецких государственных деятелей, пытаясь сохранить основы турецкого феодального господства, стали искать путей к централизации и укреплению центральной власти.

В конце XVIII в. возник план реформ, направленных прежде всего на преодоление раздробленности Османской империи. Реформы эти сводились в основном к мерам военно-технического характера, к укреплению армии, администрации

и финансов. Эта была запоздалая попытка господствующего класса спасти разваливающуюся империю. Реформы были связаны с именем вступившего в 1789 г. на престол султана Селима III. Впрочем, личная роль Селима III была невелика. Фактически его именем действовали несколько сановников. В 1792—1796 гг. были опубликованы указы султана об отобрании тимаров и зеаметов у тех ленников, которые не выполняют своих воинских обязательств перед государством, об учреждении отдельного казначейства для финансирования новых установлений, об открытии военно-инженерного училища, о преобразованиях во флоте и о создании нового корпуса регулярных войск, обученных и дисциплинированных по-европейски.

Совокупность мероприятий Селима III, а также созданное им регулярное войско, предназначенное в дальнейшем заменить войско янычар, назывались «низам-и-джадид» (новая система). Эти вооруженные силы, хотя и малочисленные, выгодно отличались от янычар своей дисциплинированностью и военной подготовкой. При помощи иностранных инструкторов был заново построен значительный военный флот, насчитывавший к концу XVIII в. 23 линейных корабля и ряд более мелких судов. Селим III пытался реформировать и гражданское управление: подчинил деятельность великого везира контролю неофициального «совета двенадцати», составленных из приближенных к султану лиц, учредил постоянные посольства за границей.

Однако социальная опора султана была узка и ненадежна. Сторонники султана — образованные столичные вельможи и небольшая часть провинциальных феодалов — были малочисленны и нерешительны. Подавляющее же большинство светских и, в особенности, духовных феодалов активно противились реформам, усматривая в них покушение на старинные привилегии. Поэтому султан и не смог провести сколько-нибудь существенные реформы в области экономики. Экономическая, материальная база центрального правительства не только не была укреплена, но, наоборот, ослаблена безуспешной борьбой с противниками реформ. Особенно были обеспокоены янычары, опасавшиеся, что их корпус будет ликвидирован и заменен войсками низам-и-джадид. А янычары были не только воинским подразделением, но и привилегированной сословной группой.

Селим III не имел возможности опереться на буржуазию. Турецкая национальная буржуазия еще просто не сформировалась. Для более же развитой в социально-экономическом отношении инациональной буржуазии (в частности, греческой и славянской), хотя она и была заинтересована в обеспечении порядка и безопасности, было неприемлемо само турецкое господство.

Реформы легли тяжелым бременем на народные массы, и прежде всего на крестьянство. Введение новых тяжелых налогов и поборов обострило недовольство народных масс.

В итоге Селим III оказался перед непреодолимыми препятствиями. К тому же возникли внешнеполитические осложнения, еще больше ослабившие сторонников реформ.

§ 7

Вторжение французских войск в Египет. Свержение Селима III. Греческое восстание и его последствия

В июле 1798 г. произошло событие, имевшее огромное значение для Османской империи: в ее богатейшей провинции — Египте — высадилась французская армия во главе с Наполеоном Бонапартом. Вначале французам удалось разгромить мамлюкские войска и установить в стране свою власть. Но вскоре начались восстания, партизанская война и оказалось, что французская армия фактически прикована к Египту.

Позиция Селима сначала была выжидательной, тем более что Бонапарт демагогически заявлял, что цель его вторжения в Египет — наказать мамлюкских беев за неповиновение султану. Но в конце 1798 г., когда определился большой размах антифранцузского движения, объявил Франции войну и направил на помощь мамлюкам и египтянам отряд войск во главе с албанским командиром по имени Мухаммед Али. Наполеон выступил навстречу турецким войскам, но не смог продвинуться дальше крепости Акка (Палестина) и отступил назад в Египет.

С трудом французские войска отбивались от мамлюков, турок и их английских союзников. В 1801 г. Египет был занят англичанами, но в этот раз им не удалось там закрепиться, так же как безуспешными были попытки Селима вернуть в стране свою власть. В 1805 г. в Каире произошло новое восстание, в результате которого правителем страны был провозглашен Мухаммед Али. И хотя султан, сохраняя престиж, присвоил ему титул паши, Турция фактически утратила свою власть над Египтом.

Отсталость и внутренняя слабость Турции облегчали задачу западноевропейских держав, стремившихся использовать

Порту в своих целях, в том числе и в их антирусской политике. В 1806 г. посол Наполеона Себастиани угрозами и посулами побудил Порту к конфликту с Россией и спровоцировал русско-турецкую войну.

Зимой 1806—1807 гг. русская армия вступила в Молдавию и Валахию, а когда весной 1807 г. турецкая армия выступила навстречу русской, в Стамбуле произошел переворот. Согласно старинным обычаям, армию возглавил великий везирь, и с ним отправилось большинство министров. Этим воспользовались противники реформ, давно дожидавшиеся подходящего момента, чтобы свести счеты с Селимом III. Под тайным руководством заместителя великого везира (*каймакам-паши*) и шейх уль-ислам был составлен заговор. Гарнизон босфорских портов поднял восстание. К нему примкнули оставшиеся в Стамбуле янычары и Селим III был свергнут с престола. Новый султан **Мустафа IV** был послушным исполнителем воли янычар и улемов. Впоследствии (8 июля 1808 г.) сторонники реформ попытались взять реванш. Они совершили новый переворот, посадив на престол султана Махмуда II. Однако в ноябре 1808 г. в результате нового янычарского мятежа они были перебиты. Махмуд II уцелел лишь потому, что он оказался последним потомком Османа, но реформаторскую деятельность ему пришлось свернуть на долгие 20 лет.

Такой нестабильной обстановкой попыталась воспользоваться Англия. В марте 1807 г. был высажен семитысячный десант в Александрии, но Мухаммед Али разгромил англичан и изгнал их из Египта. Тем не менее в 1809 г. Англия сумела навязать султану договор, по которому получила подтверждение прежних капитуляций и обязательство султана держать Дарданеллы и Босфор закрытыми для всех иностранных военных кораблей.

Как уже упоминалось, Англия, Франция и Австрия, опасаясь, что образование независимых славянских государств на Балканах пойдет на пользу России, прикрывали свои собственные захватнические планы формулами «неприкосновенности Османской империи» и «сохранения статус-кво». На деле ни одна из держав не соблюдала этих принципов. Да это было и невозможно.

Политика русского правительства в отношении Османской империи носила двойственный характер. С одной стороны, на империю по инициативе Меттерниха была распространена

доктрина Священного союза об охране легитимных (законных) монархов от революционных покушений — в данном случае от национально-освободительных движений греков и славян. И Александр I и Николай I не раз выступали с осуждением этих «бунтовщиков», вопреки тем симпатиям, которые существовали в России к угнетенным славянским народам и православной Греции. С другой стороны, реальные интересы России требовали поддержки национально-освободительных движений против турок, с целью усиления русских позиций на Балканах в противовес возрастающему влиянию западных держав.

В 1821 г. вспыхнуло греческое восстание. Охватив Морею и острова Эгейского моря, оно вылилось во всенародную борьбу за независимость. Движущими силами этой борьбы были греческое крестьянство и городская торговая буржуазия, достигшая относительно высокого уровня развития. В 1822 г. было образовано греческое национальное правительство.

Султан Махмуд II своими силами не мог подавить восстание. Малоазийские и румелийские феодалы отказывались подчиняться и давать свои войска, и он вынужден был обратиться за помощью к египетскому паше Мухаммеду Али.

В предшествующие годы Мухаммед Али провел в Египте ряд реформ: вырезал мамлюков (1811 г.) и вместо них создал регулярную армию по европейскому образцу, ввел монополию внешней торговли, ликвидировав на подвластных ему землях все капитуляции, упорядочил финансы и т. д.

В 1811 г. Мухаммед Али по просьбе султана отправил свою армию в Аравию и к 1818 г. в ходе жестокой войны разгромил государство ваххабитов. При этом он преследовал собственные цели: установить свое господство над Аравией с ее священными городами, а также укрепиться на торговых и стратегических путях побережья Красного моря.

Мухаммед Али, кроме того, завоевал Верхний Египет и Восточный Судан. К началу 1820-х годов он располагал значительной регулярной армией, намного превосходившей силы султана, и мечтал уже об образовании самостоятельной арабской империи. Поэтому он охотно принял предложение Порты об участии в подавлении греческого восстания, взамен на передачу в его управление Сирии и о. Крит (Кандия).

В 1824 г. Мухаммед Али снарядил значительную армию и флот под командованием Ибрагима паши. Египетские

войска высадились на Крите и в Мореи и устроили жестокую расправу над греками. К весне 1826 г. почти вся Морея была захвачена египетскими войсками и султан, казалось, мог торжествовать победу.

Однако надежды султана на подавление греческого восстания и удержание Греции в империи не сбылись. В 1826 г. в Петербурге был подписан англо-русский протокол с требованием к Порте прекратить вооруженные действия против греков, а 6 июля 1827 г. в Лондоне было подписано англо-франко-русское соглашение, предусматривавшее, что Греция должна получить автономию. Каждая из держав рассчитывала под видом помощи грекам обеспечить свои политические и экономические интересы в освобождаемых от турецкого господства областях.

Пока Ибрагим-паша с египетскими войсками по прежнему предавал Грецию огню и мечу и в июне 1827 г. взял последний оплот сопротивления греков — Афины, объединенные эскадры трех держав уничтожили египетский флот в Наваринской бухте (в октябре 1827 г.). Весной 1828 г. Россия, стремясь максимально использовать благоприятную ситуацию, объявила войну Турции, а Франция осенью этого же года высадил десант в Морею.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. закончилась полным поражением турецких войск. В Азии генерал Паскевич продвинулся далеко вглубь Турции, взяв крепость Эрзерум. В Европе генерал Дибич, прорвавшись с 20-тысячной армией на Балканы, овладел Адрианополем и оказался всего в нескольких переходах от Стамбула. Столицу охватила паника. Послы европейских держав активно способствовали заключению мира с Россией, чтобы не допустить вступления русских войск в Стамбул.

14 сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мир. В это время царское правительство считало несвоевременным уничтожение Османской империи, а предпочитало обеспечить преобладающее влияние России на политику Порты. Поэтому Адрианопольский договор лишь незначительно изменил существовавшую до войны русско-турецкую границу. За Россией были окончательно закреплены освобожденные из-под власти Турции части Грузии и Армении, а также северо-восточное побережье Черного моря. Самыми важными были не территориальные, а политические статьи договора. Порты

обязалась предоставить автономию Сербии и Греции (Греция была признана независимым королевством). Было также подтверждено особое положение Молдавии и Валахии с сохранением за Россией права участвовать в выработке статуса этих княжеств и покровительствовать их господарям. Порта, кроме этого, обязалась не препятствовать торговому мореплаванию России и других государств в Черном море и проливах¹. На Турцию была наложена контрибуция, до выплаты которой сохранялась оккупация дунайских крепостей русскими войсками.

Важнейшим следствием этих событий стало обострение борьбы за «османское наследство».

Вскоре после окончания войны с Россией Турция утратила сюзеренитет над вассальным Алжиром. В 1830 г. Франция отправила туда свою экспедицию и Алжир превратился во французскую колонию. Вслед за тем против султана открыто выступил Мухаммед Али, посчитав сложившуюся ситуацию подходящей для осуществления своих планов. Он пользовался определенной поддержкой Франции, которая пыталась разыграть «египетскую карту» для того, чтобы утвердить свое влияние в регионе.

Осенью египетские войска под командованием Ибрагим-паши выступили в поход. Крепость Акка, устоявшая в свое время перед Наполеоном, теперь не выдержала комбинированной атаки египтян с суши и с моря. Затем Ибрагим стал продвигаться в глубь Сирии. Местное арабское население сочувствовало египтянам, видя в них единоплеменников и освободителей. Во многих породах Сирии происходили восстания против турок, облегчавшие победу Мухаммеду Али. Султанские войска терпели поражение за поражением. За весну и лето 1832 г. Ибрагим-паша занял всю Сирию (включая Палестину), Киликию и, перейдя Тавр, вступил в Анатолию. В декабре 1832 г. сражение у Коньи решило судьбу кампании: султанская армия была наголову разбита, великий везирь был взят в плен. Путь к Стамбулу был открыт.

Султана спасло вмешательство России. Утверждение Мухаммеда Али в Стамбуле было бы, с точки зрения Николая I, равносильно установлению французского приоритета в Османской империи. Да и вообще Николай I предпочитал видеть на берегах Босфора слабую султанскую власть, а не обновленную империю во главе с таким выдающимся правителем, как Мухаммед Али. Поэтому Россия предложила султану помощь, и тот, не имея другой поддержки, принял ее.

В феврале 1833 г. русская эскадра вошла в Босфор. Вслед за нею высадились русские десантные части. Они расположились лагерем в Ункяр-Искеlesi (местность на азиатском берегу Босфора), преградив, таким образом, египетским войскам путь к столице. Мухаммед Али отдал Ибрагиму-паше приказ приостановить наступление, но при этом не собирался просто отдавать плоды победы. В этой ситуации главным инициатором переговоров выступила Англия. Правда, английское правительство занимало по отношению к Мухаммеду Али враждебную позицию в виду его самостоятельной политики (в том числе и в отношении капитуляций) и из-за его профранцузских симпатий. Кроме того, Англия стремилась к захвату арабских областей в Азии, как и самого Египта. Но в сложившейся обстановке и Англия стала деятельно добиваться скорейшего соглашения между султаном и его вассалом, чтобы устранить повод для пребывания русских войск на Босфоре. Под давлением этих двух держав султан пошел на большие уступки Мухаммеду Али. Заключенное в мае 1833 г. в Кютахье соглашение предусматривало, что Мухаммед Али сохранит в своем управлении Египет, Сирию с Палестиной и Киликию, включая горные проходы Тавра. За это Мухаммед Али обязался увести свои войска из Анатолии и формально признать сюзеренитет султана.

За несколько дней до того как русские десантные части отплыли из Турции обратно в Россию, 8 июля 1833 г. был подписан русско-турецкий союзный договор, получивший название Ункяр-искелесийского. По его условиям «в случае если бы представились обстоятельства, могущие снова побудить Блистательную Порту требовать от России воинской и морской помощи», русское правительство должно было предоставить в распоряжение султана необходимые вооруженные силы. Со своей стороны, султан, по секретной статье договора, обязался закрыть Дарданелы для прохода иностранных военных кораблей.

Ункяр-искелесийский договор возбудил недовольство европейских держав, расценивших его как начало чрезмерного усиления России. Англия и Франция заявили резкие протесты против договора, сопроводив их военно-морскими демонстрациями у турецких берегов. Австрия тоже была обеспокоена. Но, несмотря на противодействие держав, русско-турецкий союз тогда не был разорван.

§ 9

Реформы Махмуда II (1826—1839).

Усиление экспансии иностранного капитала

За тридцать с лишним лет, прошедших от реформ Селима до реформ Махмуда, в экономической жизни Османской империи произошли некоторые изменения. Экономика империи сохраняла феодальный характер. Однако ускорилось развитие товарно-денежных отношений на Балканах, в Сирии, Египте и западной Анатолии.

В Румелии и западной Анатолии турецкие помещики в среду которых все чаще проникали выходцы из торгово-ростовщического сословия, эксплуатировали своих крестьян на основе барщины или полуфеодальной издольщины. Все теснее связываясь с рынком, они были прямо заинтересованы в прекращении феодальной усабицы и укреплении центральной власти. Эти помещики стали основной опорой султана Махмуда II в его преобразованиях, начавшихся с военной реформы.

В мае 1826 г. Махмуд издал указ о формировании новой войска при помощи иностранных офицеров. Как и следовало ожидать, уже через месяц в июне 1826 г. вспыхнул мятеж янычар. Махмуд не был застигнут врасплох, отчасти он сам вынудил янычар пойти на мятежные действия, чтобы покончить с ними. Расправа была быстрой и кровавой. Янычары собрались в местах своих традиционных сборов — на площади Ипподрома и на площади Эт-мейдан, и, перевернув в знак мятежа котлы, потребовали отмены указа о формировании новых войск. Тотчас же из ворот султанского дворца выступили с развернутым «знаменем пророка» (священное знамя османов) артиллерийские и другие регулярные части. Прямой наводкой пушки били по столпившимся янычарам, бежавших настигали в их домах и казармах. Несколько дней

продолжалось побоище; десятки тысяч трупов были сброшены в мраморное море и Босфор. Расправа над янычарами произошла и в провинциях.

Последующие реформы сводились главным образом к следующему: отмена военно-ленной системы (1834 г.), ликвидация наиболее стеснительных внутренних таможен и новое административное устройство, поставившее правителей областей в прямую зависимость от султана. Впрочем, это касалось лишь тех областей, где султанская власть имела поддержку турецких помещиков и располагала достаточной силой военного принуждения. Окраины по-прежнему оставались во власти фактически самостоятельных правителей и наместников.

В правительстве вместо старинных должностей были в 1836—1838 гг. учреждены по европейскому образцу посты министров внутренних дел, иностранных дел, финансов. В Стамбуле в 1826 г. было открыто военно-медицинское училище, а с 1832 г. стала издаваться первая газета на турецком языке («Дневник происшествий»).

Самым важным из преобразований была отмена военно-ленной системы. *Тимары* и *зеаметы* превратились в обычные землевладения, не связанные с военной службой и облагаемые земельным налогом. Но реформа не была проведена до конца. В ряде областей *тимариоты* и *заимы*, лишившись права на барщину, сохранили другие феодальные привилегии, в том числе права на третью часть урожая. По-прежнему сохранялось одно из важнейших препятствий на пути к буржуазно-капиталистическому развитию — необеспеченность частной собственности. Это имело отношение и к буржуазии. Махмуд II формально отменил систему конфискаций имущества, но на деле продолжался произвол. Турецкая и ионациональная (греческая, армянская) торгово-ростовщическая буржуазия, располагавшая накопленными деньгами, не могла вложить их в промышленность.

Не менее важной преградой для развития своего капитализма в Турции было все усиливавшееся проникновение иностранного капитала. Махмуд II не только не препятствовал этому проникновению, но и поощрял его. Реформы очень мало дали в деле укрепления Османской империи, но в то же время способствовали приспособлению турецкого феодального строя к проникновению иностранного капитала и дальнейшему вовлечению Турции в орбиту мирового рынка.

В 1830-х годах началось широкое наступление капиталистических держав на азиатские рынки. Между тем, Турция, связанная режимом капитуляций, не имела права ни увеличить пошлины, ни привлечь иностранцев к суду, будь то тяжбы с турецкими подданными или даже преступления. В 1838 г. Англия вынудила Порту подписать торговую конвенцию, по которой закреплялась низкая таможенная пошлина на ввозимые в Турцию товары (5% от стоимости), воспрещалось установление каких бы то ни было монополий, и разрешалась внутренняя торговля иностранцам в империи. В конвенции особо оговаривалось, что ее действие распространяется на всю Османскую империю, включая Египет, где Мухаммед Али ввел государственные монополии, ограждая страну от капитуляций. В том же 1838 г. была подписана аналогичная франко-турецкая конвенция.

Результаты не замедлили сказаться. Турецкая кустарная промышленность утратила последнюю возможность конкуренции с иностранными товарами, ввозимыми по дешевым ценам.

§ 10

Второй этап «египетского кризиса». Начало танзимата. Лондонская конвенция 1840 г.

Усиление зависимости Турции от западноевропейских держав проявилось не только в экономической, но и в политической области. Заключая торговую конвенцию, англичане помимо дальнейшего экономического подчинения турецкого рынка преследовали и другие цели: обострить конфликт между Портой и египетским пашой, который, естественно, отказался признать конвенцию и, натравив султана на Мухаммеда Али, подчинить Египет и арабские страны Азии, а заодно оторвать Турцию от союза с Россией. Поэтому Англия стала подстрекать султана свести счеты с непокорным вассалом.

В мае 1839 г. султан приказал своим войскам выступить против Мухаммеда Али. Результат, однако, оказался катастрофическим для Порты. 24 июня у Низиба (в северной Сирии) произошло первое и последнее сражение этой войны. Султанские войска были разбиты наголову. Спустя несколько дней умер Махмуд II. Вслед за тем турецкий флот, отправленный против Египта, перешел на сторону Мухаммеда Али. Таким образом, Турция сразу лишилась армии, флота и султана. Вступивший на престол 16-летний Абдул-Меджид не только по возрасту, но также из-за врожденного слабоумия не мог претендовать на реальное управление империей. Мухаммед Али, поддержанный Францией, уже претендовал на роль регента, надеясь подчинить своей власти Османскую империю. В противовес этому Англия и Австрия объявили о поддержке нового султана. Стремясь воспрепятствовать сепаратному выступлению России, Пальмерстон и Меттерних выдвинули предложение о коллективном вмешательстве европейских стран в дела Турции. Николай I принял это предложение. В это время он считал своей главной задачей борьбу с «королем баррикад» Луи Филиппом и поэтому, надеясь

использовать и углубить англо-французские противоречия, решил отказаться от выгод Ункяр-искелесийского договора. В результате Порты получила (в июле 1839 г.) коллективную ноту держав с требованием воздержаться от переговоров с Мухаммедом Али и вообще не предпринимать никаких самостоятельных шагов, пока державы не вынесут своего решения. Это было двойной победой Пальмерстона: Ункяр-искелесийский договор прекратил свое существование, а Турция открыто была поставлена под опеку западноевропейских держав.

В такой критической обстановке правящий класс Турции сделал новую, на этот раз наиболее серьезную попытку предотвратить путем реформ гибель империи. Без реформ нельзя было подавить освободительные движения нетурецких народов, справиться с недовольством народных масс и сохранить целостность Османской империи. Выразителем этих стремлений была небольшая, но влиятельная прослойка европейски образованной турецкой феодальной бюрократии во главе с Мустафой Рашид-пашой. Он подготовил меморандум, который открыл новый этап преобразований, известный под названием «*танзимата*» (преобразование, реформация). Получив от султана санкцию в виде *хатт-и-шерифа* (рескрипта), Рашид-паша 3 ноября 1839 г. торжественно огласил составленный им документ в парке султанского дворца, называемом Гюльхане, в присутствии министров, улемов, дипломатического корпуса, а также глав немусульманских религиозных общин.

Гюльханейский *хатт-и-шериф* констатировал, что «в последние полтора столетия ряд происшествий и разные причины привели к тому, что священные законы и проистекающие из них правила перестали применяться по-прежнему, сила же и внутреннее благосостояние превратились в слабость и оскудение».

Ввиду этого рескрипт обещал «посредством новых установлений доставить областям, составляющим Османскую империю, выгоды хорошего управления». Главным образом новые установления должны были состоять в следующем: 1) обеспечить всем подданным империи, какова бы ни была их религия, неприкосновенность жизни, чести и имущества; 2) регулярное распределение и взимание податей и отмена откупной системы; 3) правильный призыв на военную службу и установление определенного срока ее продолжительности.

По сути, это были (хотя и очень робкие) буржуазные требования. В гарантиях жизни и имущества нуждалась, прежде всего, торговая буржуазия. В неприкосновенности своих земель от произвола властей и закрепления их за владельцами на основе частной собственности был особенно заинтересован слой турецких помещиков, связанных с торговым земледелием.

Этот первый акт танзимата был призван служить как бы прологом к серии реформ в области юстиции, административного устройства, просвещения, финансов, военного дела и т. д. Некоторые мероприятия действительно последовали за рескриптом. Но танзимат не преодолел, да и не мог преодолеть, внешних и внутренних затруднений глубоко отсталой империи. Танзимат не имел под собой прочной социальной базы. Турецкие помещики, стремившиеся к реформам, являлись лишь прослойкой феодального класса, а турецкое купечество не представляло собой самостоятельной политической силы. Реформы, оставшиеся, вдобавок, большей частью на бумаге, были слишком ничтожны, чтобы удовлетворить национальные и демократические требования нетурецких народов. К тому же танзимат не способствовал укреплению независимой политики Турции.

Порте не удалось разрешить самостоятельно свой конфликт с Мухаммедом Али. 15 июля 1840 г. турецкий посол в Лондоне подписал с представителями России, Англии, Австрии и Пруссии конвенцию, которая объявила о намерении этих держав «наблюдать за поддержанием целостности и независимости империи Оттоманской», т. е., иными словами, открыто ставила Турцию в зависимое положение по отношению к упомянутым четырем странам. Основное положение конвенции сводилось к ультимативным требованиям, которые должны были быть предъявлены Мухаммеду Али с тем, что если он не примет их, державы окажут султану вооруженную помощь.

В действительности здесь учитывались не интересы Турции, а интересы западных держав и, в первую очередь, Англии, которая сумела ловким дипломатическим маневром разрешить к своей выгоде сложную задачу: изолировать Францию, получить за это от Николая I согласие на коллективные вооруженные действия против Мухаммеда Али и добиться закрытия проливов для русских военных кораблей; далее

с помощью России и Австрии ликвидировать независимость Египта и самой обосноваться на стратегических путях восточного Средиземноморья (начало этому положил захват англичанами в 1839 г. Адена), а затем, используя отказ Николая I от Ункяр-искелийского договора и учреждение европейской опеки над Турцией, уничтожить русское влияние в Стамбуле и поставить Порту под свое безраздельное господство. В итоге проиграли и Мухаммед Али, и Порта, и Франция, и Россия, а выиграла одна Англия. Надо отметить, что Англия не в меньшей степени, чем Россия, вела наступательную политику в восточном вопросе. Разница была лишь в методах. Николай I отказался от Ункяр-искелийского договора и намеревался разрешить восточный вопрос путем раздела Османской империи между европейскими державами. Англия, напротив, надеялась захватить Турцию целиком, поставив ее под свой протекторат. В этом заключалось основное противоречие на Ближнем Востоке в рассматриваемый период.

После отказа Мухаммеда Али принять лондонский ультиматум объединенный англо-австрийский флот осенью 1840 г. бомбардировал Бейрут, сирийские порты, а затем Александрию. Египет капитулировал. Мухаммед Али сохранил наследственное владение Египтом и Суданом, но потерял Крит, Аравию, Сирию, Палестину и Киликию, обязался возвратить султану флот, сократить численность армии до 18 тысяч человек, уничтожить верфи, арсенал, распространить на Египет действия англо-турецкой конвенции 1838 г., открыв таким образом английским товарам беспрепятственный доступ в страну, платить султану дань. Это было крушением всех планов Мухаммеда Али, по сути дела крахом всей его жизни.

Важным последствием египетского кризиса было заключение 13 июля 1841 г. в Лондоне международной конвенции о проливах. Европейские державы — Россия, Англия, Франция, Австрия и Пруссия, с одной стороны, и Турция — с другой, подписали конвенцию о том, что проход через проливы Дарданеллы и Босфор «постоянно остается закрытым для военных иностранных судов, пока Порта находится в мире». Этим постановлением Англия закрепила свою дипломатическую победу над Россией: режим проливов устанавливался теперь не двусторонними соглашениями черноморских держав (Турции и России), а многосторонними конвенциями государств, не имеющих владений на Черном море. Франция,

вернувшаяся в «европейский концерт» стала содействовать антирусской политике Англии и Турции.

Как только ликвидация египетского кризиса устранила непосредственную угрозу трону, интерес турецких правящих кругов к реформам снизился. Конечно, реформы внесли некоторое оживление в общественную жизнь страны, несколько улучшили дело народного образования: наиболее важным мероприятием в этом отношении было создание наряду с религиозными, также светских школ, и учреждение министерства просвещения в 1847 г. Однако танзимат, затронув лишь поверхностную сферу законодательства, не ликвидировал ни одного из глубоких пороков государственного и общественного строя. Произвол властей царил по-прежнему. Законы провозглашались и тут же отменялись. Откупная система так и не была отменена, гарантии жизни и имущества существовали лишь на бумаге, правовое неравенство немусульман сохранялось. Поэтому данные реформы не могли найти широкой поддержки. К тому же танзимат встретил противодействие европейских держав. Несмотря на разногласия, разъединившие их, все они были заинтересованы в дальнейшем ослаблении Турции.

К тому же танзимат не сумел улучшить положение покоренных народов. В конце 40-х годов XIX в. национально-освободительная борьба балканских народов приобрела особый накал. Усилилась освободительная борьба и других народов: армян, арабов, населения Молдавии и Валахии. Как и реформы Махмуда II, танзимат только формально ограничивал права пашей. Фактически их произвол продолжался.

§ 11

Крымская война (1853—1856)

и ее последствия для Турции.

Второй период Танзимата

В этих условиях Николай I счел момент подходящим для того, чтобы получить свою долю Османского наследства. В мае 1853 г. Порте был предъявлен ультиматум о признании за русским царем права покровительствовать всем православным христианам в Турции. Николай I рассчитывал на полюбовное соглашение с западными державами, недооценив, что ни одна из них не допустит раздела Османской империи и усиления России. Порта отклонила ультиматум и осенью 1853 г. началась война. Турецкий флот был разгромлен адмиралом Нахимовым в Синопском бою. Тогда в войну вступили Англия и Франция и ввели свои эскадры в Черное море. Так русско-турецкая война переросла в европейскую.

В этой войне Турция играла подчиненную роль. В 1854 г. Порта получила первый заем от английских банкиров на грабительских условиях. За первым последовали другие, ставшие инструментом окончательного закабаления Турции. В том же году был подписан англо-франко-турецкий союзный договор, который запрещал Турции сепаратные переговоры с Россией. Между тем уже осенью 1854 г., когда русская армия покинула дунайские княжества, война утратила всякий смысл для Турции. Но в империи уже полноправно распоряжались английские и французские эмиссары. Тогда же у турок появилась поговорка: «Если союзники не могут захватить Севастополь, так они взамен захватили Константинополь».

Парижский мир, подписанный 30 марта 1856 г., еще больше ухудшил положение Турции. С внешней стороны турки выглядели как будто победителями. По Парижскому трактату Россия потеряла южную Бессарабию, была лишена права содержать военный флот и иметь укрепления на Черном море, султан сохранил сюзеренитет над Сербией, Молдавией

и Валахией. Кроме того, Англия, Франция и Австрия заключили между собой отдельный договор, в котором обязались рассматривать всякую попытку нарушения целостности Османской империи как повод к войне.

Однако поражение России вовсе не означало победу Турции. Даже с формальной стороны Парижский трактат, установив «нейтрализацию Черного моря», возложил на Турцию те же ограничения, какие были навязаны России. Принцип «целостности и независимости» был направлен против России и освободительной борьбы нетурецких народов, но не препятствовал западноевропейским державам вмешиваться во внутренние дела Турции. Так, в 1859 г. английские и французские эскадры бомбардировали хиджазский порт Джидду, в 1860 г. французы осуществили военную интервенцию в Ливане, в Боснии и Герцеговине, 1866—1868 гг. на Крите и т. д.

Хатт-и хумаюн 1856 г.

Самое, казалось бы, почетное для Турции постановление Парижского трактата о включении ее в «концерт» европейских держав привело на деле к губительным для нее последствиям. Капиталистические державы имели в виду собственные интересы: облегчить проникновение иностранного капитала в Турцию и поставить в более выгодные условия свою агентуру — христианскую инациональную буржуазию Стамбула и других портовых городов. Именно этому в полной мере способствовал новый султанский рескрипт (*хатт-и хумаюн*).

Он был обнародован 18 февраля 1856 г., т. е. еще до подписания Парижского трактата, и исходил якобы от суверенной воли султана. В действительности рескрипт был полностью инспирирован европейскими державами, а упоминание о нем было внесено в Парижский трактат, чтобы связать Турцию договорными обязательствами.

По форме рескрипт 1856 г. являлся продолжением и развитием Гюльханейского хатт-и шерифа. Однако подлинная его цель была иная. Тогда, в 1839 г., провозглашение реформ должно было предотвратить вмешательство держав во внутренние дела Османской империи. Теперь, в 1856 г., новый акт танзимата появился уже в результате этого вмешательства и закреплял иностранную опеку над Турцией.

Перечисляя льготы, которые султан намерен предоставить своим подданным, хатт-и хумаюн уделял основное внимание привилегиям христианских и других немусульманских общин, а также правам инациональной компрадорской буржуазии: создание смешанных судов, допуск представителей религиозных общин в Высший совет юстиции и пр. Нашли отражение и непосредственные интересы иностранных капиталистов. Рескрипт предоставлял иностранцам право владения недвижимостью, что открывало иностранному капиталу доступ в сельское хозяйство Турции. Отдельный пункт рескрипта предусматривал, что будут предприняты шаги к устройству банков, строительству дорог и каналов, развитию торговли и что «для достижения сей цели изыщутся меры к воспользованию капиталами Европы и применению их к делу».

В 1856 г. был опубликован закон об учреждении Османского банка, капитал которого принадлежал англичанам и французам. Его привилегии были огромны: банк получил право эмиссии банкнот, не платил никаких налогов и сборов, опутал всю страну сетью своих филиалов и пользуясь своим монопольным положением поставил не только внешнюю, но и значительную часть внутренней торговли Турции под свой контроль.

Другими важнейшими законами, принятыми за этот период танзимата (1856—1870 гг.), были земельный кодекс, расширивший круг землевладений, не связанных с военно-ленной системой, а также закон о предоставлении иностранцам права владения землей. За этот же период Порты предоставила иностранным капиталистам концессии на строительство железных дорог: Измир-Айдын, Измир-Касаба, Стамбул-Эдирне и далее на соединение с европейской железнодорожной сетью. Все эти железные дороги предназначались преимущественно для обслуживания иностранной торговли и стратегических интересов западноевропейских держав, являясь по большей части лишь подъездными путями к морским путям. Условия железнодорожных концессий были чрезвычайно обременительными для Турции.

Неуклонно увеличивался внешний долг Османской империи. Начав в 1854 г. с займа в 75 млн франков, Порты к 1870 г. задолжала иностранцам около 2,5 млрд, хотя она фактически получила наличными лишь 1,5 млрд франков —

остальные набежали по грабительским процентам. Турция отдавала своим кредиторам в залог таможенные и другие доходы, которые тоже переходили под контроль иностранцев.

Таким образом реформы второго периода танзимата не смогли существенно изменить экономическую и социально-политическую ситуацию в Османской империи. Танзимат не создал предпосылок для промышленного развития страны, а некоторое усиление компрадорской буржуазии лишь отражало усиление зависимости Османской империи от западного капитала.

§ 12

Возникновение просветительского и конституционного движения. «Новые османы»

Иностранный капитал консервировал феодальные отношения в стране, но все же буржуазные отношения начинали развиваться. Ликвидация ленной системы еще не означала введения частной собственности на землю, но де-факто открыла возможности для купли-продажи земельных владений. Среди аграрного населения усилилось социальное расслоение, росла специализация сельского хозяйства. Крупные и мелкие помещики, верхушка крестьян все более втягивались в рыночные отношения. Они открывали лавки, приобщались к разнообразным финансовым операциям. В городах также существовала многочисленная прослойка купцов и мелких предпринимателей, отдававших себе отчет в том, что феодальные пережитки и засилье иностранного капитала сдерживает развитие. Таким образом, начавшиеся развиваться в турецком обществе буржуазные элементы с первых своих шагов наткнулись на препятствие в виде самодержавия, доминирующего в стране иностранного капитала, инациональной компрадорской буржуазии, капитуляций. В 1870-е годы в передовых слоях общества стал оформляться пусть еще смутный, но все же протест против сложившегося положения. Выразителем этого недовольства являлась складывающаяся интеллигенция, по происхождению в основном феодальная, но по идеологии уже буржуазная. Реформы Махмуда II и танзимат все же открыли дорогу светскому образованию, способствовали развитию политической и культурной жизни, появлению в 1860-х годах турецкой литературы и публицистики.

Ее виднейшими представителями были первые турецкие просветители. Ибрагим Шинаси, Намык Кемаль, Зия-бей и другие. Они основали «Османское общество просвещения»

и «Книжное общество». Деятельность этих просветительских организаций, так же как и основанная Ибрагимом Шинаси газета «Тасвар изфкяр» («Выразитель идей»), знакомили общество с новыми идеями и понятиями. Это нашло отражение в том числе и в появлении новых слов в литературном турецком языке: «отечество», «нация», «патриотизм», «революция» и др. В целом это свидетельствовало о начале процесса складывания турецкого населения в буржуазную нацию, а также о росте национального самосознания.

В 1865 г. в Стамбуле была создана тайная политическая организация, поставившая своей целью добиться введения конституционного строя в Турции. Организация насчитывала около 250 человек. Среди них был драматург **Намык Кемаль** и другие представители писателей и журналистов, но были также представители бюрократии, офицерства, торговой буржуазии. Члены организации называли себя «новыми османами». В Европе это движение получило название «Молодой Турции», а его участников стали называть *младотурками*.

«Новые османы» надеялись, что им удастся убедить или заставить султана Абдул-Азиза (вступил на престол в 1861 г.) принять конституцию. В 1865 г. они организовали заговор, который очень быстро был раскрыт. Часть «новых османов» была арестована, другие бежали за границу. На заподозренных в сочувствии к «новым османам» обрушились репрессии.

Балканский кризис 1875—1876 гг.

К 1870-м годам стало очевидным, что очередной реформаторский курс османских властей в целом обнаружил свою несостоятельность. Еще в предшествующий период западный капитал захватил важнейшие экономические и политические позиции в Турции. Ожесточенная борьба за «османское наследство» между державами уберегла империю от судьбы колонии, тем не менее в последней трети XIX в. Турция превратилась в страну зависимую, полуколонию иностранного капитала. При этом политика капиталистических держав Запада поддерживала и консервировала феодальные пережитки, что в свою очередь способствовало сохранению их колонизаторских планов.

Формально поддерживалась «целостность» империи, но фактически над многими ее территориями был установлен полный контроль отдельных западных стран. Англичане захватили важные районы Южной Аравии, французы — Алжир, Египет также контролировался французскими и английскими колонизаторами. Еще более осложнилось международное положение Турции после франко-прусской войны. В борьбу за турецкие владения (и прежде всего на Балканах) включились Германия и Австро-Венгрия. Вновь активизировалась Россия, которая в 1870 г. получила возможность объявить недействительными статьи Парижского трактата, ущемлявшие ее права на Черное море. Таким образом, угроза колониального порабощения ослабевшей империи еще более увеличивалась.

Особенно остро кризис проявлялся на Балканском полуострове, в тех его областях, которые еще находились под властью турок. Здесь усиливалось национально-освободительное движение. Летом 1875 г. вспыхнуло народное восстание в Герцеговине, распространившееся вслед за тем и на Боснию. В ответ турецкое правительство двинуло в эти области карательные войска, устроившие массовую резню. Дополнительные расходы на подавление восстания привели к финансовому кризису: в октябре 1875 г. правительство объявило о финансовом банкротстве. Растущее в стране недовольство османские власти по старой традиции постарались направить в русло мусульманского фанатизма и спровоцировали погромы христианского населения. Во время беспорядков в Салониках были убиты французский и немецкий консулы.

Восстание, погромы и события в Салониках были использованы державами как повод для очередного нажима на Османскую империю. В январе 1876 г. страны, подписавшие Парижский трактат 1856 г., потребовали от Турции немедленного проведения реформ в Боснии и Герцеговине. Султанское правительство согласилось выполнить эти требования. Но претензии держав простирались значительно дальше. Все это вместе взятое вызвало не только очередное обострение внутривосточной ситуации в Османской империи, но и новый международный кризис.

§ 13 Переворот «новых османов» и «Конституция Мидхата»

Еще в 1871 г. великий везир при султানে Абдул-Азизе Махмуд Недим-паша добился амнистии для «новых османов». В основном это был отвлекающий и даже провокационный маневр, рассчитанный на возвращение «новых османов» из эмиграции и установление над ними более действенного контроля. Очень скоро (в 1873 г.) после выхода общества из подполья оно вновь было разгромлено, а многие его члены (включая Намык Кемалю) арестованы.

Однако в начале мая 1876 г. новые османы вновь активизировали свою деятельность. Они опубликовали воззвания, призывавшие собрать палату представителей и заменить Абдул-Азиза другим султаном. Впрочем, деятельностью султана были недовольны многие представители феодальных и богословских кругов, считая его ответственным за внешнеполитические неудачи. Примерно в это же время им удалось привлечь на свою сторону известного турецкого государственного деятеля Мидхата-пашу. Мидхат-паша представлял интересы либеральных помещиков и зарождающейся турецкой буржуазии. Он признавал необходимость более глубоких реформ во имя сохранения Османской империи, но и готов был широко использовать террор против народных масс.

22 мая 1876 г. в Стамбуле разразилась огромная по размаху демонстрация. В ней участвовали учащиеся мусульманских религиозных школ (софты), торговцы, ремесленники, городская беднота. У дворца султана собралось около 40 тыс. демонстрантов, под давлением которых султан вынужден был сменить великого везира Недим-пашу и многих членов правительства. В состав нового кабинета вошел и Мидхат-паша.

Разгул народной стихии испугал не только султана, но и самих «новых османов». Стремясь предотвратить новые

революционные выступления масс, они избрали тактику дворцового переворота. Во временном союзе выступили Мидхат и «новые османы» с той частью феодалов и богословов, которая считала султана ответственным за сложившееся катастрофическое положение.

В ночь на 30 мая 1876 г. Абдул-Азиз был свергнут с престола, а затем было объявлено, что он покончил самоубийством. Недолгое время престол занимал душевнобольной Мурад V, которого считали ставленником Мидхат-паши. Затем был достигнут новый компромисс: 31 августа на престол был возведен угодный верхушке феодалов и богословов Абдул-Хамид II, но и Мидхат-паша получал титул великого везира вместе с разрешением составить проект будущей конституции.

Во многом такая уступка нового султана и его феодально-клерикального окружения была продиктована чрезвычайными обстоятельствами. Положение на Балканах продолжало накаляться. Вспыхнуло восстание в Болгарии, затем войну против Турции начали Сербия и Черногория. Обострились отношения с Россией и другими державами. В декабре в Стамбуле должна была открыться конференция европейских стран для выработки проекта реформ на Балканах.

В этой обстановке Абдул-Хамид согласился принять проект конституции. Ему приходилось считаться с общим недовольством в стране, с угрозой бунтов. Кроме того, он надеялся использовать провозглашение конституции для того, чтобы сорвать конференцию держав.

Принятая 23 декабря 1876 г. «конституция Мидхата» провозглашала Турцию конституционной монархией. Она предусматривала создание двухпалатного парламента. Палата депутатов избиралась на основе высокого имущественного ценза для избирателей. Члены сената назначались султаном пожизненно. Все подданные империи, включая христианское население на Балканах, объявлялись османами и считались равными перед законом. Но при этом государственным языком объявлялся турецкий язык, а государственной религией — ислам, что на практике закрепляло неравенство нетурецких народов перед законом. Конституция сохраняла за султаном почти всю полноту власти. Он по-прежнему имел право назначать и смещать министров, объявлять войну, заключать мир, вводить военное положение и прекращать действие гражданских законов.

Данная конституция, несмотря на всю ее ограниченность, могла бы стать для Турции того времени прогрессивным явлением, если бы она проводилась в жизнь. День объявления «конституции Мидхата» был приурочен к открытию упоминавшейся выше конференции европейских держав. Султан рассчитывал, что введение конституции сорвет конференцию, но этого не произошло. Конференция продолжала свою работу, однако по истечении короткого времени выяснилось, что соглашение между Турцией и державами невозможно. Турецкое правительство, тайно поощряемое Англией, отказалось принять выработанные представителями европейских держав предложения о реформах на Балканах. Это привело к дальнейшему обострению русско-турецких отношений. В начале 1877 г. конференция закрылась. Россия стала готовиться к войне с Турцией.

Пока шла конференция, Абдул-Хамид поощрял конституционное движение. Но так как конференция не привела к соглашению, то султану стала не нужна конституция и ее автор. По приказу султана Мидхат-паша был сначала приговорен к смерти, а затем по настоянию Аравии выслан за границу. Намык Кемаль и другие руководители новых османов были вновь сосланы в отдаленные части империи.

Русско-турецкая война (1877—1878)

и разгон парламента.

§ 14

Сан-Стефанский и Берлинский трактаты 1878 г.

Империя накануне XX в.

Война началась весной 1877 г. Вскоре после начала военных действий румынский парламент объявил независимость своей страны (9 мая 1877 г.) и Румыния вступила в войну на стороне России. Порта надеялась на помощь Англии, по сути спровоцировавшей эту войну, но никакой помощи не последовало. Русские войска перешли Дунай, а в Азии вступили в пределы Армении. В начале 1878 г. военное положение Турции стало критическим. Армия была разгромлена, русские войска подходили к столице империи. А султан Абдул-Хамид использовал катастрофическую ситуацию для разгона парламента и фактической ликвидации «конституции Мидхата». Он арестовал и выслал часть депутатов парламента и объявил, что отныне будет управлять страной самодержавно.

Таким образом, и эта попытка прогрессивных турецких кругов повести страну по пути конституционного буржуазного развития оказалась несостоятельной. Крушение «конституции Мидхата» было вызвано, прежде всего, политической слабостью турецкой буржуазии и буржуазной интеллигенции, не сумевшим противостоять феодальной реакции и опереться в борьбе против нее на народные массы.

В начале марта 1878 г. в ставке русского командования в местечке Сан-Стефано (близ Стамбула), был подписан мирный договор. Его главным условием было создание независимой Болгарии. Англия и другие западные державы, опасавшиеся усиления позиций России, добились созыва Берлинского конгресса для пересмотра условий Сан-Стефанского

договора. Но, учитывая победы России, пришлось искать компромисс.

По решению Берлинского конгресса (в условиях так называемого Берлинского трактата) Северная Болгария стала вассальным (фактически, независимым) княжеством, а Южная — получила автономию. Султан признал полную независимость Сербии, Черногории и Румынии. В Российскую империю вошли районы Батума, Карса и Ардагана, а также была возвращена южная часть Бессарабии, утраченная в результате Крымской войны.

Территориальные захваты держав. Усиление экономической зависимости Турции

После Берлинского конгресса Османская империя окончательно превратилась в полуконию европейских держав. Еще накануне конгресса Англия оккупировала о. Крит. Конгресс санкционировал австрийскую оккупацию Боснии и Герцеговины. В 1881 г. Франция захватила Тунис (соседний Алжир был оккупирован за полстолетия до этого). В 1892 г. Англия утвердила свою власть в Египте.

После Берлинского конгресса значительно ускорился процесс экономического закабаления Турции. Возросло значение Османской империи как рынка сбыта и поставщика сырья для капиталистических стран. С 1880 по 1990 г. турецкий экспорт в европейские страны увеличился более чем в 1,5 раза, причем теперь уже весь ее экспорт состоял из сырья. В то же время Турция превращалась в одну из сфер приложения капитала западных держав.

Завершилось финансовое закабаление империи. Берлинский трактат обязывал Турцию выплатить контрибуцию в сумме 800 млн франков. В 1879 г. султанское правительство объявило об очередном банкротстве. В результате продолжительных переговоров со странами кредиторами было достигнуто новое соглашение. Кредиторы согласились снизить номинальную сумму османского долга с 5,3 млрд до 2,4 млрд франков. Но и эта сниженная сумма долга превышала фактическую задолженность Турции, которая, если учесть огромные суммы, выплаченные по процентам ранее, составляла не больше 2,1 млрд франков. В обмен на эту весьма сомнительную

уступку турецкое правительство согласилось на установление фактического иностранного контроля над финансами страны. Султанский декрет 1881 г. (так называемый Мухарремский) санкционировал создание кредиторами Управления османского государственного долга, которое получили исключительные права и привилегии. В его ведение переходили доходы от табачной и соляной монополии, сбор со спирта, гербовый сбор, налог на рыболовство в Мраморном море и Босфоре, *ашар* (десятина) с шелка в Стамбуле, Адрианополе, Бурсе и многие другие поступления.

Конечно, все это лишь ухудшило финансовое положение Турции, которая после 1890 г. вынуждена была брать новые кабальные займы. Помимо «Османского» стали возникать новые иностранные банки: в Стамбуле открылся филиал крупнейшего французского банка «Лионский кредит», в 1888 г. несколько западноевропейских банков совместно основали Салоникский банк, в 1899 г. был создан Немецкий палестинский банк и т. д. Турецкому капиталу во всей империи принадлежал лишь один банк («сельскохозяйственный») и он был крайне слаб.

Пользуясь финансовой зависимостью Турции, иностранные державы получили выгодные концессии на строительство железных дорог. Французы владели железными дорогами в Сирии, англичанам и французам принадлежали железные дороги в районе Смирны. Самую крупную концессию — на строительство Багдадской железной дороги — получил немецкий капитал. Железные концессии предоставлялись на кабальных для Турции условиях. Применялась система «километрических гарантий», которая должна была гарантировать высокий доход за каждый километр дороги за счет турецкого бюджета.

Иностранные фирмы получили также концессии на эксплуатацию природных богатств. В крупнейшую концессию была преобразована табачная монополия (1883 г.). Владевшие ей французские капиталисты пользовались монопольным правом на закупку и вывоз табака из всей Османской империи. В целом, иностранный капитал (английский, французский, германский, австрийский, бельгийский, итальянский, а с конца XIX в. и американский) захватил в свои руки все важнейшие нити турецкой экономики и финансов: внешнюю торговлю, железные дороги, рудники, коммунальные предприятия, банки, средства связи.

Буржуазно-революционное движение в Турции. Комитет «Единение и прогресс»

Подобные условия развития промышленности и торговли ставили в очень тяжелое положение турецкую буржуазию, жестко ограничивали возможности ее развития. Поэтому несмотря на поражение «новых османов», несмотря на жестокий режим Абдул-Хамида II, значительная часть буржуазной интеллигенции не теряла надежд на восстановление конституции. В конце XIX в. снова возродилось движение, направленное на ограничение султанской власти. Его возглавила получившая впоследствии большую известность подпольная организация «Единение и прогресс». Первый комитет под этим названием был основан в 1889 г. в Стамбуле студентами военно-медицинского училища.

Первый комитет вскоре был разгромлен властями, но в 1894 г. был основан новый, объединивший видных представителей турецкой интеллигенции (в их числе доктор Назым, видный деятель народного образования Ахмед Риза и др.). Сторонники комитета (так же как их предшественники называвшиеся младотурками) ратовали за превращение султаната в буржуазно-демократическое государство. Они стремились усилить позиции турецкой буржуазии в экономике страны и приобщить ее к политической жизни. Основные кадры младотурок составляло чиновничество, офицерство и учащаяся военная молодежь.

Комитет «Единение и прогресс» развил агитационно-пропагандистскую работу, как среди турецкого населения империи, так и среди мусульманских меньшинств. В Стамбуле была организована подпольная типография, печатающая революционные листовки. Кроме этого антиправительственные газеты издавались за границей силами революционной эмиграции: в Париже, Женеве, Египте. В 1897 г. младотурки устроили свою первую политическую демонстрацию перед султанским дворцом. Вслед за этим последовали репрессии: 13 человек были казнены, около 70 — сосланы на каторжные работы. В 1899 г. состоялся новый судебный процесс. К концу столетия организация была разгромлена. К этому времени в тюрьмах пребывало 50 тыс. политических заключенных и 80 тыс. находились за границей. Но само движение не было уничтожено, общий кризис Османской империи конца XIX в. открывал широкое поле для будущих политических катаклизмов.

Глава **Арабские страны Азии** в XVI—XIX вв.

VII

Османская Сирия **(Сирия, Ливан и Палестина)** в XVI—XIX вв.

§ 1

Сирийские провинции Османской империи до начала эпохи реформ (XVI — начало XIX в.)

Географическое положение и демографическая ситуация

Территория нынешних Сирии, Ливана, Иордании, Палестины и Израиля исторически представляла собой одну географическую область (или страну), известную в средневековых арабских источниках как *Сирия (Сурийя, аш-Шам)*. Естественными рубежами Сирии служили на севере — южные отроги Таврских гор, на юге — Синайский полуостров, на западе — побережье Средиземного моря, на востоке — Великая Сирийская пустыня. Естественные природные границы веками формировали условия для самобытности экономических и социальных укладов. В политическом плане Сирия не являлась самостоятельным государством, и ее территория в различные периоды входила в состав разных государственных образований, а к началу рассматриваемого периода являлась частью владений мамлюкских султанов Египта. Вместе с тем ряд внутренних областей Сирии обладал своей местной спецификой. Она определялась, главным образом, природными и климатическими условиями. К подобным обособленным районам следует отнести Горный Ливан, горные районы Джэбэль эд-Друз и Джэбэль-Ансарийя (соответственно, на юге и западе нынешней Сирийской Арабской Республики), горы в окрестностях Наблуса и Иерусалима, а также полупустынную периферию на востоке и юго-востоке Сирии. Несмотря

на значительную неоднородность и многообразие местных укладов, внутренние связи в Сирии преобладали над внешними.

К началу XVI в. население Сирии едва ли превышало два миллиона человек, значительная часть которых проживала в крупных городах (Дамаск — около 100 тыс. жителей, Халеб (Алеппо) — около 150 тыс.).

Среди стран Арабского Востока Сирия издавна выделялась благодаря своеобразной этно-конфессиональной ситуации. К началу XVI в. в Сирии уже сформировалась сравнительно однородная арабоязычная этническая среда. Различия между потомками древнего арамейского и финикийского населения и потомками арабов — выходцев из Аравии полностью стерлись. Неарабское население (курды и туркмены, компактно проживавшие в некоторых районах на севере Сирии, а также турки, армяне, евреи и цыгане) составляли незначительное меньшинство в общей массе населения.

Религиозные принципы самоидентификации в сознании жителей Сирии (как и других областей мусульманского мира того времени) доминировали над этническими, а национальное сознание не было еще сформировано (первые его ростки начнут возникать лишь во второй половине XIX в.). Человек воспринимал себя прежде всего в качестве представителя той или иной религиозной общины, затем — в качестве жителя той или иной местности (города), а этническому происхождению не придавалось особого значения. В частности, вплоть до конца XIX в. слово «арабы» не играло роли общего этнонима для обозначения людей, говоривших на том или ином диалекте арабского языка, а, скорее, являлось собирательным обозначением кочевников-бедуинов, сохранявших племенное деление. Конфессиональный состав населения Сирии был довольно пестрым. Мусульмане составляли явное большинство (около 85%). Среди мусульман большинство составляли *сунниты* (вероятно, около 80%), меньшинство — *шииты* (в том числе представители ряда крайних шиитских течений — *дрозы*, *алавиты* (*ансарии*) и *исмаилиты*). Впрочем, все мусульманское население подчинялось юрисдикции суннитских судей (*кади*), поэтому даже в конце XIX в. в ходе переписей как суннитов, так и шиитов относили к общему разряду «мусульмане». Значительная часть арабоязычных жителей Сирии (около 15%) исповедовала христианство. Наиболее многочисленными среди них были *православные* и *марониты*

(последователи одной из древних ближневосточных церквей, заключившей в эпоху Крестовых походов унию с римской католической церковью). Кроме того, имелись общины *сиро-яковитов* (монофизитского толка), *несториан*, *армяно-григориан* и др. Численность *иудеев* вплоть до конца XIX в. не превышала 1% от общей численности населения Сирии.

Османское завоевание Сирии

К началу XVI в. Сирия являлась частью обширного мамлюкского султаната (со столицей в Каире), в состав которого, помимо Египта и Сирии, входили также и западные районы Аравийского полуострова (Хиджаз). К началу XVI в. мамлюкская военная система и государство в целом находились в состоянии упадка. Вместе с тем, укреплялись позиции другого крупного мусульманского государства имперского типа — **Османской империи**, также претендовавшей на роль лидера в мусульманском мире (*дар уль-ислам*) и идентифицировавшего себя с ним. Претензии османских правителей на лидерство не только в малой Азии и на Балканах, но и на мусульманском Ближнем Востоке неминуемо привели их к военному конфликту с Ираном и мамлюкским султанатом. В 1516 г. многочисленное османское войско под командованием султана Селима I (1512—1520) вторглось из Анатолии в Сирию — на территорию мамлюкского султаната. 24 августа 1516 г. в битве на Мардж-дабикском поле к северу от Халеба (Алеппо) мамлюкская армия была наголову разбита, а предводительствовавший мамлюками султан Кансух аль-Гури погиб. Османские войска без боя заняли Халеб, затем Дамаск и Иерусалим, после чего перешли границу Египта и в следующем, 1517 г., разгромили остатки мамлюкских войск, заняв Каир. Мамлюкский султанат прекратил свое существование, а его владения, в том числе и Сирия, были включены в состав Османской империи. Жители Сирии восторженно встречали османские войска и самого султана Селима I, видя в турках-османах освободителей от гнета мамлюков. Уже после вступления в Халеб Селим I был провозглашен в пятничной проповеди «*служителем обоих священных городов*» (т. е., Мекки и Медины). Тем самым при полном одобрении местного мусульманского населения и *улама* (представителей высшего

мусульманского духовенства) он принял титул, который еще со времен Салах ад-Дина (Саладина) носили правители Египта. После занятия турками-османами Дамаска к султану стали прибывать делегации жителей других сирийских городов с выражением приветствия и покорности. Таким образом, в результате разгрома мамлюков, османский султан утвердился в качестве духовного и светского главы мусульманского мира.

Османское завоевание не было разрушительным для производительных сил Сирии. Желая поражения ненавистным мамлюкам, жители Сирии оказывали помощь османам, еще до прихода османской армии самостоятельно восставали и прогоняли мамлюкские гарнизоны. Арабоязычные жители страны (в большинстве своем мусульмане) воспринимали османского султана как своего нового законного государя, сильного и справедливого мусульманского правителя, способного навести устранить многочисленные злоупотребления и гнет мамлюков, установить шариатскую законность и государственный порядок.

Социально-экономические отношения в сирийских провинциях Османской империи (XVI — начало XIX в.)

В указанный период в Сирии господствовали феодальные отношения, характерные для Османской империи в целом. В качестве верховного феодального собственника выступало само государство. Как и в других областях Османской империи, основу экономической жизни Сирии составляло сельское хозяйство. После османского завоевания государственные земли уничтоженного турками мамлюкского султаната были объявлены собственностью османского государства. Часть государственных земель в Сирии была роздана в качестве условных военных пожалований (*тимаров* и *зеаметов*) *феодалам-сипахи*. Сипахи собирали подати с крестьян и, оставив себе установленную государством долю, отдавали остальное в казну. На тех землях, где не была распространена система военно-ленного землевладения, налог собирали государственные чиновники при посредничестве местных старейшин (*шейхов*). Ополчения сипахи из сирийских провинций несли военную службу в самой Сирии, а также участвовали в военных

походах Османской империи за пределами сирийских провинций. В XVI в. сирийские провинции обязаны были выставить около 15 тыс. воинов.

Государственными налогами были обложены все обрабатываемые государственные земли. При этом османские власти учитывали не только площадь возделанной земли, но и ее урожайность. Для каждой провинции (*эйалета*) Османской империи были приняты специальные законодательные положения. Они определяли систему раскладки и сбора налогов с учетом местной специфики. Как известно, в Османской империи не существовало института крепостного права. Крестьяне считались лично свободными и могли свободно менять место жительства в том случае, если за ними не числилось недоимок. Крестьяне, трудившиеся на государственной земле, были обязаны платить поземельный налог. Крестьянин имел право распоряжаться своей долей урожая только после того, как уплатил государству налог. Помимо поземельного налога с пахотных земель, особым налогом облагались плодовые деревья. Даже кочевники не были избавлены от налогообложения — существовали особые налоги с поголовья скота и пастбищ. Немусульмане, помимо прочих налогов, платили особую подушную подать — *джизью*.

Особую категорию земель составляли *вакфы* — неотчуждаемые земли, доходы с которых шли на благотворительные нужды в интересах мусульманской общины и на содержание мусульманских религиозных учреждений (мечетей, школ и т. д.). Вакфы составляли до трети обрабатываемых земель.

Значительную роль в экономике сирийских провинций играли города. Дамаск, Халеб (Алеппо), Иерусалим являлись крупными торгово-ремесленными центрами. Через них проходили важнейшие маршруты караванной торговли, связывавшие Сирию с Месопотамией, Хиджазом, Анатолией, Ираном и другими странами. Немалую роль играла и морская торговля с другими областями Османской империи, а также с европейцами, которая велась через портовые города (Искендерун, Латакия, Триполи, Сайда, Тир, Бейрут, Яффа). В Дамаске и Халебе пересекались маршруты караванной и морской торговли, что способствовало процветанию этих городов. В одном лишь Халебе насчитывалось более трехсот караван-сараев. Продукция сирийских ремесленников пользовалась спросом далеко за пределами Сирии. Знаменитые

сирийские шелка и оружие (дамасская сталь), ювелирные украшения высоко ценились не только в пределах Османской империи, но и в странах Западной Европы. Как и в других арабо-мусульманских странах, ремесленники в Сирии сохраняли четкую цеховую организацию. В каждом городе существовало большое количество торгово-ремесленных корпораций (*эснаф*), причем степень разделения труда и специализации была гораздо выше, чем в Европе. Османское государство облагало всех ремесленников и торговцев налогами и торговыми пошлинами. Городское население неизменно находилось под пристальным вниманием османской провинциальной администрации. Османские чиновники собирали в городах налоги и наблюдали за благонадежностью населения при посредничестве квартальной администрации и руководства торгово-ремесленных корпораций.

Организация провинциального управления в Османской Сирии

В период своего пребывания в Сирии султан Селим I созвал собрание представителей различных сирийских городов и областей. Он лично выслушивал пожелания собравшихся, разбирал жалобы и улаживал конфликты. По распоряжению султана были значительно снижены налоги и торговые пошлины, произведена перерегистрация земель, сняты некоторые наиболее одиозные ограничения с немусульманских общин. Христианам и иудеям османские правители разрешали свободно отправлять свой культ и даже даровали права религиозно-юридической автономии, позволяя христианским епископам и иудейским раввинам самим собирать налоги со своих единоверцев и разбирать свои внутриобщинные дела в своих религиозных судах.

В первые годы после разгрома мамлюков Сирия сохраняла в составе Османской империи значительную долю внутренней автономии. Интеграция Сирии в военно-административные структуры империи происходила постепенно. В 1518 г. правителем Сирии от имени османского султана был назначен **Джанберди аль-Газали** — один из мамлюкских военачальников, перешедший на сторону османов. Поначалу он проявлял по отношению к османскому султану полную лояльность, но

после смерти Селима I в 1520 г. аль-Газали отказался присягнуть новому султану Сулейману I (1520—1566) и поднял мятеж. Его войскам удалось изгнать османские гарнизоны из Дамаска и ряда других городов Сирии, но взять Халеб мятежники не смогли, а затем потерпели сокрушительное поражение от подошедших из Анатолии свежих османских войск. Сам аль-Газали пытался спастись бегством, но был схвачен и казнен, а автономия Сирии упразднена. Страна была разделена на три провинции (*эйалета*) — Дамаск, Халеб и Триполи (Тараблус — город на побережье нынешнего Ливана). Позднее, в XVII в. из прибрежных округов эйалетов Дамаск и Триполи была создана еще одна провинция — Сайда. В целом, можно сказать, что в XVI в. на Сирию была распространена система османского провинциального управления.

Во главе каждой провинции стоял назначенный Портой губернатор (*вали*). Эйалет делился на более мелкие административно-территориальные единицы — *санджаки*, а те, в свою очередь, — на *казы*, административно-судебные округа. Минимальной судебно-податной единицей в составе каза являлась *нахийя*, объединявшая несколько деревень; иногда каза и нахийя совпадали. В Сирии каза и нахийя управлялись, как правило, представителями местной родовой знати с титулами шейхов. Границы административных единиц всех уровней неоднократно менялись. Так, например, в состав эйалета Халеб (Алеппо) иногда включались некоторые районы южной Анатолии, еще более неопределенными были восточные и юго-восточные границы эйалетов Дамаск и Алеппо. Фактически установить надежный и эффективный контроль над кочевой и полукочевой периферией османским властям вплоть до второй половины XIX в. не удалось.

Горный Ливан обладал особым статусом. Он представлял собой вассальное территориальное образование, пользовавшееся значительными правами автономии и управлявшееся своими собственными правителями — эмирами, хотя формально северные округа Горного Ливана (Джэбэль-Любнан) входили в состав эйалета Триполи, а южные — в состав эйалета Сайда. Особая ситуация сложилась в Палестине, хотя официально ее территория входила в состав Дамасского и Сайдского эйалетов. Округ Иерусалим (аль-Кудс) иногда состоял под управлением *мутасаррифа* — чиновника в ранге паши, подчинявшегося непосредственно Порте, а не

губернатора (вали) Дамаска, хотя официально территория округа продолжала оставаться в составе Дамасского эйалета.

Каждый губернатор провинции (вали) являлся полномочным представителем Порты (так европейцы именовали центральное правительство Османской империи). Вали в сирийских провинциях носили, как правило, титул *паши* и приравнивались по рангу к *везирю* — министру султанского правительства. Срок полномочий вали формально ограничивался одним годом, по истечении которого поступало распоряжение о продлении срока пребывания в должности, либо же паша оставлял свой пост. Прерогативы вали были весьма обширны. Высокопоставленный чиновник, занимавший этот пост, руководил провинциальной администрацией, обеспечивал регулярный сбор налогов и отправку податных сумм в султанскую казну. Кроме того, в качестве главнокомандующего войсками на территории вверенной ему провинции, вали отвечал за поддержание общественного порядка на территории эйалета и оборону границ от внешней опасности. Кроме того, вали осуществлял ряд судебных функций: рассматривал дела по наиболее важным уголовным и государственным преступлениям и выносил по ним приговоры в соответствии с султанскими *канунами* (законодательными установлениями). Вали провинции Дамаск помимо этого отвечал за организацию и проведение ежегодного паломничества мусульман к святым местам Мекки и Медины (*хадж*), носившего статус общегосударственного мероприятия.

Вторым человеком после вали в иерархии провинциальной администрации являлся *кади* (мусульманский судья), осуществлявший функции судьи и арбитра по уголовным и гражданским делам в соответствии с мусульманским правом. Помимо судебных функций, кади осуществлял также контроль над деятельностью различных религиозных учреждений и учебных заведений.

На одну ступень ниже кади по степени влияния стоял *муфтий* административного центра провинции, выносивший официальное религиозно-правовое заключение по поводу принимаемых администрацией провинции (в первую очередь губернатором) решений. Муфтий «по совместительству» нередко возглавлял *диван* — временный консультативный совет, куда, помимо кади и муфтия, входили также *дефтердар* (глава провинциального финансового ведомства), *накыб аль-ашраф* —

глава объединения потомков Пророка, *сирдар* — командир янычарского гарнизона, *субаши* — начальник нерегулярных полицейских формирований, а также ряд других лиц — представителей провинциальной знати (*аянов*). Диван не был постоянно действующим органом и обладал лишь совещательными правами. При особе вали состоял личный советник в помощник — *кетхуда*, а также *мутасаллим*, выполнявший все функции вали во время его отсутствия в административном центре эялета.

Сирийские провинции в период общего структурного кризиса Османской государственности (XVII — начало XIX в.)

Система военно-ленного землевладения (тимарная или сипахийская система) была распространена в сирийских провинциях Османской империи лишь частично. Однако кризис этой системы в общегосударственном масштабе, явно обострившийся с конца XVI в., в полной мере отразился на Сирии. В качестве официального представителя Порты вали должен был пользоваться необходимой финансовой и военной поддержкой со стороны имперского центра. На деле же, с ослаблением роли *сипахи* (держателей условных земельных пожалований), центральная власть была вынуждена переложить бремя сбора налогов и поставки военной силы на губернаторов провинций. Вали нес перед Портой всю полноту ответственности за исправное поступление налогов, подчас выступая в роли фактического генерального откупщика всех податей, налагаемых на податное население вверенной ему провинции. По мере нарастания финансового кризиса и коррупции в Османской империи в XVII—XVIII вв. османской администрации в провинциях неизбежно приходилось опираться в своей деятельности на традиционную местную знать.

Для Сирии XVII—XVIII вв. был характерен тот же процесс, что и для Османской империи в целом — процесс складывания новой социальной общности — *аянства*, т. е. крупной провинциальной знати, сочетавшей контроль над крупными земельными владениями и занятие постов в провинциальной администрации. По отношению к государству аяны выступали, прежде всего, в качестве откупщиков права сбора налогов

с государственных земель. Земельные откупа — *ильтизамы* — приобрели в Сирии, как и в других областях Османской империи, широчайшее распространение. Откупщик-*мультазим* авансом выплачивал государству сумму поземельного налога, причитающуюся с того или иного участка земли, а затем обогащался за счет крестьян. Государство «закрывало глаза» на злоупотребления мультазимов, облагавших крестьян непомерными податями. Постепенно мультазимы стали все больше стремиться к тому, чтобы сохранить за собой контроль над вверенными им землями на пожизненной или даже наследственной основе. Ежегодные аукционы откупов превратились в фикцию. Порой сам губернатор выступал в качестве генерального откупщика податей во вверенной ему провинции. К концу XVIII в. многие землевладельческие кланы в Сирии уже из поколения в поколение распоряжались своими земельными владениями, в то время как занятие официальных государственных должностей не являлось для представителей того или иного клана непременным условием сохранения своих владений. После османского завоевания местная земельная знать — многочисленные арабские эмиры и шейхи, лояльно относившиеся к османам, в большинстве своем сохранили свои земельные владения на прежних условиях, став вассалами и данниками Порты. В основном землевладельцы принадлежали к числу местной клановой и племенной знати. В Горном Ливане сложилась довольно строгая феодальная иерархия, во главе которой стояли эмиры из рода Маанидов, а с конца XVII в. — династия Шихаб. Представители менее знатных родов эмиров и шейхов Ливана управляли своими округами — *мукатаа* с правом наследования при условии несения военной службы под руководством ливанского эмира. Младшая ветвь клана Шихаб управляла Антиливаном. Шиитские эмиры из рода Харфуш являлись наследственными правителями Баальбека и части долины Бекаа. Земли, населенные ансариями (алавитами) — Джэбэль-Ансарийя, были разделены между несколькими местными вождями — *мукаддамун*, платившими дань паше Тараблуса. В Палестине также утвердился ряд влиятельных кланов местных землевладельцев — Джаррар, Абд эль-Хади, Раййан, Абу Гош, Токан и Нимр. В условиях формального господства государственной собственности на землю все эти многочисленные землевладельцы выступали по отношению к государству

в качестве откупщиков налогов с государственных земель на временной — *ильтизам*, или пожизненной — *маликяне* — основе. Официально государство делегировало *мультазиму* (держателю ильтизама) права публичной власти для управления податным населением территории, переданной в ильтизам. Политические права мультазимов в отношении податного населения их владений действительно были весьма значительны. Землевладельцы располагали вооруженными отрядами, осуществляли судебные функции на основе, как правило, обычного права, контролировали производственно-хозяйственную и торговую деятельность, организовывали общественные работы и т. п.

Представители традиционной землевладельческой и племенной знати составляли значительный по численности, но не единственный компонент в среде сирийской провинциальной знати. В XVII в. значительную роль начинают играть выходцы из военно-служилой среды, командиры различного рода военных формирований. В сирийских источниках того времени они обозначаются, как правило, собирательным термином *агават*. Прежде всего, речь идет о командном составе провинциальных формирований янычарского корпуса. Янычарские гарнизоны в крупных городах Сирии, прежде всего в Дамаске и Халебе, постепенно теряли свою обособленность от местной среды и, одновременно, свою некогда строгую военную организацию и корпоративную замкнутость. Часть янычарских командиров в сирийских провинциях, ряды которых постепенно пополнялись представителями местного населения, в XVII—XVIII вв. приблизились по уровню своих доходов и характеру их происхождения к основной массе земельной знати. Источником первоначального накопления богатства для сирийских агават служило присвоение налоговых средств, предназначенных на содержание янычарских гарнизонов, а также выгоды, извлекавшиеся из разветвленной неофициальной системы протекционизма в отношении ремесленников и купцов. Другим важным составным элементом сирийской знати — аянства — становятся местные улама, т. е. верхушка образованных служителей ислама. Обогащаясь за счет подконтрольных им *вакфов* (неотчуждаемой земли и другой недвижимости, доходы с которой призваны были идти на нужды мусульманских религиозных учреждений), улама приобретали значительные средства,

используя их для приобретения государственных земель в форме ильтизама. В результате типичной становится ситуация, когда та или иная влиятельная семья улама из поколения в поколение контролирует ту или иную доходную должность (например, имама-настоятеля крупной мечети) и, одновременно, значительные земельные владения.

На смену четкой иерархии государственных служащих и законности как таковой постепенно приходил протекционизм, семейно-клановые связи, а также интриги и взятки.

§ 2

Общественно-политическая борьба в провинциях «Османской Сирии» в XVIII — начале XIX в.

В непрерывной борьбе за раздел и передел сфер влияния, а также за выгодные должности в провинциальной администрации сирийские аяны использовали любые средства — от тайных интриг через свои покровителей в Стамбуле до прямых вооруженных столкновений. Особенно активно эта борьба велась в крупных сирийских городах в XVIII в. Ярким примером вовлечения местного аянства в провинциальное управление в Сирии XVIII в. служит история возвышения представителей рода аль-Азм — выходцев из района города Хама. В одном только Дамаске на протяжении XVIII в. представители рода аль-Азм занимали пост губернатора (вали) 9 раз, а в 1730 и 1756—1757 гг. они занимали посты губернаторов одновременно во всех сирийских эйалетах. Стремясь укрепить свое влияние на местах, представители клана аль-Азм придерживались в целом проосманской ориентации, сохраняя лояльность по отношению к Порте — центральному правительству Османской империи. Даже наиболее могущественный губернатор из клана аль-Азм — Асад-паша аль-Азм, правивший в Дамаске с 1743 по 1757 г., беспрекословно подчинился решению Порты о его смещении с должности.

В некоторых случаях, особенно в небольших городах, различным аянским кланам удавалось сравнительно мирно делить «сферы влияния». Однако в целом для Сирии XVIII — начала XIX в. гораздо более типичной была иная ситуация, выражавшаяся в остром противоборстве соперничающих аянских кланов, сопровождавшемся эскалацией насилия. Известны также случаи соперничества и кровопролитной борьбы внутри одного и того же влиятельного клана, например, многолетняя, полная драматизма братоубийственная распря между представителями рода Шихаб за право утверждения на посту эмира автономного

Ливанского эмирата в конце XVIII — начале XIX в. Образовавшиеся в ходе междоусобной борьбы политические группировки и блоки легко распадались при изменении политической конъюнктуры. Так, например, представители могущественного клана аль-Азм, занимая пост вали Дамаска, блокировались с видными городскими аянами из числа улама, пользовавшимися особым влиянием в центральных кварталах города, в частности, с кланом аль-Муради, против местных янычарских агават, контролировавших южные кварталы, особенно пригород аль-Мейдан. Практически все кланы городских аянов Дамаска в разное время так или иначе принимали участие в борьбе на стороне различных коалиций.

В борьбу аянских кланов и группировок за источники доходов (прежде всего, право сбора податей с той или иной области или части города) втягивались массовые слои городского населения. Например, в XVIII в. в Халебе чуть ли не все взрослое мусульманское населения было разделено на две соперничающие «партии». Одну из них возглавляли местные янычарские командиры, а другую — *шерифы*, т. е. представители родов, возводивших свою родословную к пророку Мухаммаду и пользовавшиеся, в силу этого, особым авторитетом и влиянием среди горожан. На деле борьба между этими группировками являлась отражением соперничества между влиятельными аянскими кланами, одни из которых отождествляли себя с янычарами, а другие — с шерифами. Главное содержание политической борьбы в крупных городских центрах Сирии в то время составляла борьба именно между местными группировками знати, а не противостояние их османским властям. В то же время, практически каждому губернатору, не имевшему поддержки со стороны какого-либо влиятельного местного клана или группировки кланов, все равно приходилось сразу же после назначения на должность включаться в активную политическую борьбу на местном уровне. Рассчитывать на помощь со стороны центрального правительства в кризисных ситуациях едва ли было возможно.

Ситуация в Горном Ливане

Еще более сложной была ситуация в Горном Ливане и в гористых округах Палестины. Местные аяны, наследственно управлявшие сельскими округами, в большинстве своем жили

не в административных центрах эйалетов и санджаков (Сайда, Триполи, Иерусалим, Наблус), а в укрепленных поселениях-замках, расположенных в сельской местности, как правило, в труднодоступных горных районах. Как справедливо отмечал видный российский дипломат XIX в. К.М. Базили, «гористые округа, (...) оставались во владении наследственных своих эмиров и шейхов, которые по-прежнему заключали конфедерации между собой, выступали в поход со своими ополчениями, вели друг с другом войну, не спрашиваясь у пашей или даже по навету пашей». Особыми правами обладали эмиры Горного Ливана — княжества, пользовавшегося значительной автономией в рамках Османской империи. Платя небольшую фиксированную дань Порте, правящий эмир Горного Ливана распределял земли среди местных феодалов — других эмиров и шейхов. Те, в свою очередь, управляли вверенными им округами на основе обычного права и по призыву эмира были обязаны нести военную службу во главе собранных ими ополчений крестьян. Правящий эмир не мог передать свою власть по наследству. Новый эмир каждый раз избирался феодалами, как правило, из числа представителей одного и того же рода (до конца XVII в. — из рода Маанидов, затем — из рода Шихаб).

В Горном Ливане практически не действовало общеоосманское законодательство, там не было ни османских чиновников, ни шариатских судов. Эмиры и шейхи сами творили суд и расправу над подвластными им крестьянами. Однако крестьяне Горного Ливана, практически поголовно вооруженные, иногда восставали против того или иного феодала в случае чрезмерных злоупотреблений с его стороны. Патриархальные феодальные порядки в Горном Ливане существовали веками. При этом, в отличие от других районов Сирии, религиозная принадлежность в Горном Ливане вплоть до XIX в. не играла существенной роли для определения социального статуса человека. Большую часть населения Горного Ливана составляли христиане-марониты и представители некоторых других христианских церквей, меньшую — друзы, а также представители ряда других шиитских общин. Правящие эмиры вплоть до начала XIX в. считались мусульманами-суннитами, большинство шейхов принадлежали к друзской общине, меньшая часть — к маронитской. В целом представители той или иной религиозной общины встречались как среди феодалов,

так и среди крестьян. Принадлежность к той или иной сословной группе определялась исключительно по наследственному принципу.

Начало XVII в. было ознаменовано в Горном Ливане возвышением честолюбивого эмира Фахр ад-Дина из рода Маанидов. Собрав значительное по численности войско из числа горцев, он бросил вызов османским властям в Сирии, отказавшись платить дань Османской империи. В ходе военных действий Фахр ад-Дину удалось нанести ряд серьезных поражений османским пашам и даже захватить некоторые округа за пределами своего эмирата. Особую опасность для османских властей несла угроза утверждения власти эмира в прибрежной полосе (не относящейся к Горному Ливану). Намереваясь создать независимое сильное государство, Фахр ад-Дин даже искал военной помощи у европейских государств, пытаясь установить с ними дипломатические отношения в обход Стамбула. Однако чрезмерное усиление власти амбициозного эмира встревожило многих ливанских феодалов — эмиров и шейхов. В стане сторонников эмира усилились разногласия, кроме того, крестьяне, призванные эмиром для несения военной службы, не желали надолго покидать родные места и противились увеличению налогов. Наемники были малочисленны и могли обеспечивать лишь гарнизонную службу в крепостях. В результате длительной борьбы в 1635 г. османские войска нанесли Фахр ад-Дину решительное поражение. С гибелью честолюбивого эмира Горный Ливан был возвращен в состав Османской империи, а силы династии Маанидов были подорваны. В 1697 г. этот род прекратил свое существование, в связи с чем друзские шейхи избрали новым правящим эмиром представителя рода Шихаб. Однако среди самих друзских шейхов обострилась феодальная борьба между двумя группировками — *кайситами* и *йеменитами*, каждая из которых возводила свою генеалогию к определенной исторической группе арабских племен. После того, как эмир Хайдар I (1707—1732) нанес поражение йеменитам в битве при Айн-даре (1711 г.), они были вынуждены бежать из Горного Ливана и обосновались в горной области к югу от Дамаска, получившей название Джэбаль ад-Друз (горы друзов). Победа кайситов привела к утверждению власти рода Шихаб в Горном Ливане.

Бегство значительной части друзов из Горного Ливана в результате междоусобной войны привело к возрастанию доли маронитского населения. Часть маронитов переселилась

из северных округов эмирата в центральные и южные районы, т. е., на земли, освободившиеся после бегства побежденных друзов-йеменитов. Возрастает влияние маронитской церкви, укрепляется ее идеологическое и политическое влияние среди маронитского крестьянства. В 1759 г. марониты изгнали из северных районов Горного Ливана местных шиитов. Те были вынуждены переселиться в южные районы, в том числе и за пределы автономного эмирата. Рост маронитской общины и заселение маронитами все новых территорий способствовал оживлению сельского хозяйства и укреплению влияния маронитской церкви, постепенно превращавшейся во влиятельную политическую силу. С середины XVIII в. маронитское духовенство активизирует свои контакты с Римской католической церковью. В свою очередь, в Горном Ливане укрепляют свои позиции эмиссары католического ордена иезуитов.

Шейх Дагир аль-Умар и русско-турецкая война 1768—1774 гг.

Шейх Дагир аль-Умар (1690—1775) из рода Абу Зейдан был типичным сирийским *аяном* — крупным землевладельцем, представителем местной традиционной клановой знати области Галилея (северные районы Палестины). До конца своей жизни он официально считался всего лишь мультазимом. Однако «галилейскому шейху» удалось то, что не удавалось большинству его современников. Захватив небольшой прибрежный городок Акка (Акра или Сен-Жан д'Акр, как именовали его французы со времен крестовых походов), он превратил его в мощную крепость и установил контроль над торговлей с европейскими, в основном с французскими, купцами. Шейх Дагир ввел монополию на торговлю основным экспортным товаром Палестины того времени — хлопком, скупая его у подвластных крестьян по принудительно низким ценам, а затем перепродавая европейцам по фиксированным высоким ценам. Подобная практика, впрочем, была обычной для многих сирийских аянов того времени. Дагир аль-Умар создал свой политический блок, заключив союз с рядом бедуинских племен, обитавших к востоку от реки Иордан, а также с ведущим кланом шиитов, обитавших в южном Ливане.

Превратив Акку в неприступную крепость с многочисленной артиллерией, купленной у европейцев, шейх Дагир вознамерился добиться у османского правительства назначения на высокий пост в провинциальной администрации, однако это ему не удалось. Тогда честолюбивый шейх вступил в открытую конфронтацию с Портой, заключив союз с мамлюкским правителем Египта Али-беем.

Союз между Дагиром и Али-беем стал особенно опасен для Стамбула в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. После того, как русская эскадра под командованием графа Алексея Орлова разгромила турецкий флот в Чесменском сражении (июль 1770 г.), а русский десант овладел Бейрутом, Али-бей вступил в тайный союз с русским командованием. В 1771 г. Али-бей направил в Сирию крупное войско под командованием своего военачальника Мухаммеда бея Абу-з-Захаба. В качестве союзника Али-бея, шейх Дагир аль-Умар занял прибрежную полосу Сирии вплоть до Сайды и Бейрута. Однако в 1772 г. Али-бей стал жертвой заговора, организованного Мухаммед беем Абу-з-Захабом. Он бежал в Палестину к шейху Дагиру, но вскоре погиб при попытке вернуть себе власть в Египте. В 1773 г. Шейх Дагир аль-Умар заключил тайное соглашение с представителем графа А.Г. Орлова. Он надеялся на покровительство со стороны России в случае поражения Османской империи. К этому союзу готов был присоединиться ливанский эмир Юсеф Шихаб. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. В 1774 г. русский флот покинул побережье Сирии, между Россией и Османской империей был заключен Кючук-Кайнарджийский мирный договор. Шейх Дагир аль-Умар добился официального прощения со стороны Порты, но для османских властей это была лишь уловка. В 1775 г. в Палестину вторглось мамлюкское войско Мухаммад бея Абу-з-Захаба, вынужденное, впрочем, вскоре вернуться во свояси ввиду смерти своего предводителя. В августе 1775 г. к Акке подошли крупные силы османского флота, твердыня Дагира аль-Умара была осаждена османскими войсками с моря и с суши. Большинство подданных и союзников «галилейского шейха», видя безнадежность сопротивления, изменили ему и перешли на сторону турок. Сам шейх Дагир погиб при осаде Акки при загадочных обстоятельствах. Скорее всего, он был убит своими же собственными подчиненными.

Ахмад-паша аль-Джеззар

Вмешательство внешних сил во внутренние дела сирийских провинций во время мятежа Дагира аль-Умара не привело к сколько-нибудь значительным политическим переменам в масштабе всей Сирии. После гибели Дагира аль-Умара в 1775 г. его политическое наследие перешло в руки нового вали Сайды Ахмада-паши по прозвищу аль-Джеззар (букв. «мясник»). Босниец по происхождению, он ранее был одним из мамлюков Али бея, но затем перешел на османскую службу и командовал турецким гарнизоном в Бейруте, пытаясь оборонять этот город от русского десанта. После окончания русско-турецкой войны по протекции османского адмирала Хасана-паши Джеззар был назначен вали Сайды и сделал крепость Акку своей главной резиденцией. Джеззар создал свое собственное войско из наемников и личных мамлюков. Занимая официальный высокий пост вали в ранге трехбунчужного паши (везира), он опирался на покорных выдвиненцев из своей собственной свиты, подавляя в зародыше любые попытки недовольства и оппозиции. Кроме того, Джеззар имел влиятельных покровителей в Стамбуле. Джеззар заключал альянсы с местными аянскими кланами с целью создания своей собственной сильной политической группировки. С помощью беспощадного террора он захватывал наиболее выгодные земли во вверенной ему провинции и обогащался за счет торговых монополий и вымогательств денег у местных купцов. Укрепив свои позиции в эйялетах Сайда и Триполи, аль-Джеззар вознамерился подчинить своему влиянию также и Дамаск. В результате этого в конце XVIII — начале XIX в. дамаскский эйалет превратился в арену столкновения интересов с одной стороны Ахмад-паши аль-Джеззара и возглавляемой им группировки, а с другой стороны — политического альянса во главе с кланами аль-Азм и аль-Муради — традиционными претендентами на влияние в Дамаске. Джеззару, занимавшему пост вали Сайды и Триполи, четыре раза удавалось добиться назначения на заветную должность вали Дамаска (в 1785, 1790, 1798 и 1803 гг.) и трижды ему приходилось оставлять пост губернатора Дамаска по приказу Порты, что являлось результатом интриг его противников как в самой Сирии, так и при султанском дворе. Ненависть к аль-Джеззару возбуждали проводившиеся им репрессии,

в частности, убийство нескольких представителей влиятельного рода дамаских улама-аль-Муради, пользовавшихся большим духовным авторитетом среди жителей Дамаска и за пределами города. Кроме того, Джебзар активно включился в интриги между различными претендентами на власть в Горном Ливане. Он уничтожил ливанского эмира Юсефа Шихаба и помог прийти к власти его племяннику — эмиру **Беширу II** (1788—1840). Тысячи жителей Сирии и Горного Ливана стали жертвами террора беспощадного тирана аль-Джебзара. Его собственное войско боялось его и верно служило своему господину. Жесткая дисциплина среди его наемников и мамлюков позволила Джебзару в 1799 г. отстоять Акку от атак французской армии, вторгшейся в Сирию из Египта под командованием самого Бонапарта. После ухода французов из Сирии власть Джебзара еще более укрепилась, а террор в отношении заподозренных в нелояльности стал еще более жестоким. Неудивительно, что смерть аль-Джебзара в 1804 г. была воспринята многими жителями Дамаска с радостью. В городе разразилась вакханалия убийств сторонников вали, в том числе, представителей курдской общины, считавшихся его союзниками.

После смерти Джебзара власть в Акке перешла в руки одного из его сподвижников — **Сулейман-паши** (с 1804 по 1819 г.), а затем — **Абдаллах-паши** (с 1819 по 1832 г.). Методы и приемы деятельности Джебзара на территориях эйалетов Сайда и Триполи были продолжены его преемниками, выходцами из числа его приближенных. Так же, как и аль-Джебзар, Сулейман-паша и Абдаллах-паша стремились к укреплению своей единоличной власти, подавляя или подчиняя своему влиянию местные аянские кланы, а также расставляя на ключевые посты своих выдвиненцев.

Европейская левантийская торговля в Сирии в XVI—XVIII вв. и активизация европейского проникновения

В период османского господства Левант (так европейцы именовали в то время все Восточное Средиземноморье, в том числе и Сирию) становится объектом растущего экономического проникновения европейских купцов. С конца XVI в.,

по мере ослабления позиций Венеции и Генуи в торговле с Османской империей на первые позиции выходят французские купцы. За ними следуют англичане и голландцы. Система так называемых **капитуляционных соглашений** (от латинского слова «*капитул*» — статья, параграф) давала подданным ряда европейских стран особые привилегии во владениях османских султанов. Первое такое соглашение было заключено в 1569 г., когда султан даровал французским купцам право свободной торговли на территории Османской империи. Французские купцы и вообще любые французские подданные пользовались во владениях султана правами экстерриториальности. Они не могли быть арестованы местными властями, а их имущество не подлежало конфискации. Позднее аналогичные права получили англичане (они действовали под эгидой британской Левантийской торговой компании), голландцы и представители ряда других европейских государств. Находясь на территории Османской империи, подданные европейских государств, получивших соответствующие привилегии по воле султана, находились под юрисдикцией особых торгово-дипломатических представителей — консулов. В османской Сирии главным центром левантийской торговли становится Халеб (Алеппо). Этот город издавна был важнейшим перекрестком путей караванной и морской торговли. В XVI—XVIII вв. европейские купцы, обосновавшиеся в Халебе, преимущественно закупают местные и привозные восточные товары (шерсть, хлопок, кожи, пряности, благовония, кофе, ювелирные изделия и т. д.), вывозя их через близлежащие морские порты. На службе у европейских консулов числились многие местные купцы (в основном христиане и иудеи). Они получали от консула соответствующую грамоту (*берат*) и пользовались такими же привилегиями, как и сами европейцы. Со временем число таких людей (*бератлы* или *протезе*) росло, так что к концу XVIII в. в Халебе и ряде других городов Сирии под протекцией иностранцев состояли уже в общей сложности тысячи местных жителей. Для европейских купцов они играли роль торговых партнеров, переводчиков и осведомителей.

Наряду с французскими купцами в XVII в. в Сирии активизировали свою деятельность и католические французские миссионеры, преимущественно иезуиты. Они вели успешную религиозную пропаганду и интриги среди духовенства

местных восточных церквей (православной, сиро-яковитской и других). В результате в XVII в. часть местного духовенства вышла из подчинения своих патриархов и заявила о принятии католических догматов. В результате в Сирии возник ряд новых униатских церквей (греко-католическая, сиро-католическая и др.). Духовенство этих церквей находилось под протекцией французских консулов. Фактический религиозный раскол среди восточных церквей и рост числа униатов стали результатом деятельности католических миссионеров, действовавших при поддержке Франции и папского престола.

Политическая ситуация в османской Сирии в первые десятилетия XIX в.

Вплоть до начала 30-х годов XIX в. в сирийских провинциях Османской империи не утихали междоусобицы среди пашей и аянов. В прибрежной провинции Сайда (фактическим административным центром которой являлся город-крепость Акка) власть переходила от одного преемника Джебзара-паши к другому. В Дамаске клан аль-Азм после смерти Джебзара-паши вновь пытался вернуть себе власть, но его влияние в масштабах Сирии все же серьезно ослабело. В Горном Ливане продолжалось противоборство двух группировок среди друзской знати (Езбеки и Джумблати), соперничество между которыми, то вспыхивая, то затихая, в XVIII — первой трети XIX в. носило уже традиционный характер, несмотря на аморфность обеих группировок. В то же время набирал силу эмир Бешир II (1788—1840), вознамерившийся покончить с феодальными распрями друзских шейхов и утвердить свою единоличную власть. В Алеппо то и дело вспыхивали новые столкновения между аянскими кланами «янычар» и «шерифов». Вдобавок ко всему участились набеги аравийских бедуинов на восточные и южные районы Сирии. Значительные массы аравийских племен еще с середины XVIII в. мигрировали в северо-западном направлении, оказывая все большее давление на земледельческие области Сирии. Покидая из-за засухи традиционные кочевья, бедуины нападали на земледельческие поселения, захватывали земли и пастбища сирийских крестьян и облагали оседлое население данью. Порой они просто грабили находившиеся под их же «защитой»

селения, нарушали, а то и полностью прерывали сообщения между городами. Османские паши использовали различные средства для сдерживания натиска бедуинов — от прямого использования военной силы, в частности наемных формирований, до уплаты своеобразной дани шейхам племен в обмен на обещания воздерживаться от грабежа земледельческих округов. В результате в восточных и южных областях Сирии сталкивались и переплетались интересы местных аянских кланов, шейхов бедуинских племен и османской провинциальной администрации.

Междоусобная борьба в сирийских провинциях вызывала немалое удивление у европейцев, посетивших Сирию в то время. Недаром Али Бей (псевдоним испанского путешественника Доминго Бадиа-и-Леблиха), совершивший путешествие по Сирии в 1807 г., с изумлением описывал увиденное им при переходе через мост на реке Иордан к северу от Тивериадского озера, на границе между дамаскским и сайдским эялетами: «Мост охранялся небольшим отрядом солдат дамаскского паши, занимавших укрепление рядом с мостом. Буквально в 60 шагах от него, на правом берегу реки находилось другое укрепление, занятое солдатами паши Сайды. Хотя и те и другие были турками, они так враждебно относились друг к другу, как если бы принадлежали разным нациям и государям».

В начале XIX в. османским властям в Сирии пришлось столкнуться с серьезной угрозой, исходившей из глубин арабийских пустынь, а именно с военной экспансией *ваххабитов*. Эта угроза на протяжении всего первого десятилетия XIX в. являлась важным фактором в общественно-политической жизни Сирии. Захватив Мекку в 1806 г., ваххабиты систематически препятствовали прохождению священных караванов с мусульманскими паломниками из Сирии и Египта. Тем самым подрывался авторитет османских султанов как покровителей священных мест Мекки и Медины в глазах мусульман всего мира. В 1807 г. ваххабитские войска преградили к северу от Медины путь священному каравану, которым лично руководил вали Дамаска Абдалла-паша аль-Азм. Каравану в полном составе пришлось вернуться. Неудачливый Абдалла-паша был немедленно смещен, а на его место назначен энергичный Гендж Юсеф-паша. Новый губернатор надеялся примириться с ваххабитским эмиром. Он предпринял

ряд мер, направленных на ужесточение контроля за соблюдением исламских установлений. По приказу Гендж Юсефа-паши на время молитвы в Дамаске закрывались все базары и лавки. Были введены строгие наказания за употребление спиртного. Власти стали строго следить за тем, чтобы христиане и иудеи носили одежду положенных цветов и уступали на улицах дорогу мусульманам. Впрочем, в результате введения всех этих жестких мер в Дамаске возникло всеобщее недовольство, и в конце концов под давлением городских аянов и улама вали пришлось смягчить свою политику. Однако политическое примирение между османскими властями Сирии и аравийскими ваххабитами было невозможно в силу того, что ваххабиты категорически отрицали законность власти и духовный авторитет османского султана. Прекращение организованного хаджа имело тяжелые экономические последствия для многих сирийских горожан — ремесленников, купцов, а также и для некоторых бедуинских племен, традиционно снабжавших паломников всем необходимым.

Противостояние достигло своей кульминации в 1810 г., когда ваххабитское войско под командованием самого эмира Сауда проникло в пределы сирийской области Хауран, угрожая Дамаску. Десятки селений подверглись разрушениям, пожарам и грабежам. Гендж Юсеф-паша во главе армии выступил в поход из Дамаска, надеясь нанести ваххабитам решительное поражение в открытом бою. Однако ваххабитский эмир Сауд, оценив значительное численное превосходство армии Юсеф-паши, решил отступить восвояси, так что вооруженного столкновения не произошло. В дальнейшем ваххабитская угроза для Сирии потеряла свою актуальность после того, как правитель Египта Мухаммад Али по приказу султана вторгся в Хиджаз с большим войском и нанес ваххабитам решительное поражение.

Ни в XVIII, ни в первые десятилетия XIX в. Порта не предпринимала шагов по совершенствованию административного управления в сирийских эялетах. Это являлось одним из показателей затяжного кризиса османской государственной системы. Османская правящая верхушка все еще верила в возможность восстановления традиционных устоев османского государства. Вместе с тем, внутри сирийских провинций практически отсутствовали силы, способные стать союзником государства в деле осуществления реформ, будь то в военной

или же административной сфере. Местная знать не отождествляла свои интересы с общегосударственными.

Указ султана Махмуда II о ликвидации янычарского корпуса (1826 г.) не вызвал в Сирии открытого противодействия, однако фактически он выполнен не был. Хотя янычары Алеппо и Дамаска и перестали считаться таковыми юридически, реальное влияние янычарских командиров в городской среде не было подорвано. Уже в течение длительного времени они выступали в качестве держателей земельных откупов-ильтизамов и поддерживали тесную связь с торгово-ремесленными корпорациями. В 1831 г. в ответ на распоряжение вали Дамаска Мехмеда Селим-паши о сборе нового чрезвычайного налога в городе вспыхнуло восстание под руководством бывших янычарских офицеров. Губернатор был убит, а его войска с позором изгнаны из города. В то же время восставшие направили покаянную грамоту в Стамбул, прося султана помиловать их и заверяя его в своей преданности. Не имея сил для подавления восстания, центральному правительству пришлось простить участников восстания и отказаться от попыток собрать новый налог в Дамаске.

§ 3

Традиционное общественное сознание в «Османской Сирии» к началу XIX в.

При сравнительной этнической однородности сирийское общество, по сути дела, являлось поликонфессиональным. Существование многочисленных христианских общин наряду с общинами друзов, шиитов и алавитов в сравнительно мирном соседстве с представителями мусульманского суннитского большинства, а также значительные различия между образом жизни горожан и сельских жителей, кочевников и горцев поражаало многих западноевропейских и российских современников. «Едва ли есть страна, которая на столь тесном объеме соединяла бы столько разнородных поколений и различных вероисповеданий, отличающих жителей Сирии», — писал офицер российского генерального штаба П.П. Львов, посетивший Сирию в 30-х годах XIX в. Религиозные различия являлись серьезным препятствием на пути формирования основ национального самосознания. Среди жителей Сирии в целом долгое время отсутствовало четкое ощущение своей территориальной и политической общности. В то же время существовало этническое самосознание, а также осознание принадлежности к таким социальным структурам, как род, племя, сельская или квартальная община, наконец, религиозная община. В целом же в сирийском обществе отсутствовали такие духовные и политические ориентиры, которые были бы способны объединить всех жителей страны без различия вероисповедания и социального положения. Являясь подданными Османской империи, жители Сирии к середине XIX в. в своем большинстве не воспринимали себя в качестве общности и, тем более, нации в европейском понимании этого термина. При сохранении лояльности по отношению к османским властям, представители каждой религиозной общины имели свой собственный взгляд в отношении государства

и других общин. Лишь мусульмане-сунниты воспринимали османского султана в качестве бесспорного политического и духовного лидера, в то время как представители других общин ограничивались, в лучшем случае, лояльностью по отношению к центральной власти.

В силу значительных религиозных и социальных различий говорить о культурном единстве Сирии в рассматриваемый период следует с определенной долей осторожности. Индивид ощущал себя в первую очередь членом той или иной религиозной общины, и только потом — представителем той или иной этнической общности. Арабу-мусульманину было гораздо легче найти «общий язык» со своим единоверцем-курдом, чем с арабом-христианином. При этом степень взаимной отчужденности между адептами различных христианских церквей была не меньшей, чем между мусульманами и немусульманами в целом. Залогом сохранения подобной ситуации была система юридически автономных немусульманских религиозных общин (*миллетов*), в значительной степени отечавшая исторически сложившемуся уровню потребностей общества.

Религиозные различия были не единственным фактором, препятствовавшим духовному единению жителей Сирии. Традиционные различия в правовой сфере существовали на практике и среди единоверцев, например, между горожанами (*баладин*) и сельскими жителями (*фалляхин*). В то время, как городские жители не только в теории, но и на практике подчинялись юрисдикции шариатских судов (*махкама*), население сельских районов традиционно регулировало правовые вопросы преимущественно на основании обычного права. Особая ситуация сложилась в Горном Ливане. К началу XIX в. это был, пожалуй, единственный район на территории сирийских провинций, где личный статус определялся, в первую очередь, не столько религиозной принадлежностью, сколько социальным происхождением. Отношения среди представителей правящей элиты — ливанских эмиров и шейхов, также практически не испытывали воздействия мусульманского права, что позволило даже членам правящего дома Шихаб перейти в начале XIX в. из ислама в христианство.

В остальной же Сирии положение мусульманского большинства по отношению к немусульманскому меньшинству вполне соответствовало традиционному представлению об

исламе как господствующей религии. Вне пределов своей религиозной общины — *миллета* немусульманин, как правило, не имел возможности участвовать в административном управлении. Но в целом сложившийся на протяжении веков порядок не только ограничивал права немусульман, но и защищал предоставленный им мусульманским государством правовой статус, не допуская притеснений на религиозной почве. Произвол османской администрации в значительной степени сводил на нет те преимущества, которыми, в соответствии с нормами мусульманского права и светского законодательства, обладали последователи господствующей религии. В XVIII — первой трети XIX в. система патронажа и коррупции пронизывала сирийское общество сверху донизу. Решение практически любого суда можно было «купить», так что главную роль при решении спорных дел подчас играли деньги, а не конфессиональная принадлежность. К началу XIX в. отношения между мусульманами и немусульманами в Сирии соответствовали принципам мусульманского права, требовавшим от представителей господствующей религии терпимости в отношении «людей Писания». Руководители немусульманских религиозных общин в Сирии обладали значительной властью над своими подчиненными-единоверцами. Патриархи, епископы и раввины, выступая перед властями в качестве ответчиков за поведение своих единоверцев, в свою очередь могли применять к подвластным меры принуждения и наказания. Религиозные различия не препятствовали ни повседневному контактам на деловой основе, ни личной дружбе между представителями различных конфессий. Конфессиональные границы были проведены настолько четко, а вопросы вероисповедания настолько закрыты для широкого обсуждения, что люди могли достаточно свободно взаимодействовать в различных сферах деятельности. Мусульмане и немусульмане в Сирии нередко жили бок о бок и часто даже трудились под одной крышей.

Сирия являлась неотъемлемой частью мусульманского мира. Однако религия была далеко не единственным компонентом культуры. Религиозные представления нередко уступали первенство элементам «народной» культуры, т. е. обычаям и традициям, не имевшим непосредственной связи с официальной религиозной доктриной, будь то ислам или христианство. В условиях существования значительных религиозных

различий именно «народная» культура в некоторой степени сближала представителей различных религиозных общин. Сочетание межконфессиональной отчужденности с общностью языка, традиционных представлений и обычаев не ускользнуло из поля зрения некоторых наиболее вдумчивых и внимательных наблюдателей. Например, российский путешественник, автор «Путевых заметок о Сирии и Палестине. 1844—1847», следующим образом характеризовал культурную общность жителей Сирии: «...Все арабы-сирийцы, хотя враги между собой за различие верований и мнений, за славу древности происхождения, за первенство по праву сильного, являют нам пример разительного сходства в нравах, обычаях, силе умственных способностей и увлечений чувственных, а также и замечательные особенности в духе поверий и преданий, в направлении желаний и страстей». Основными характеристиками традиционного духовного мира жителей Сирии были приверженность религиозным нормам и традициям, безусловное преклонение перед опытом прошлого и строгий консерватизм, отсутствие в системе общественных ценностей стремления к новшествам.

Жители Сирии вполне отдавали себе отчет в этническом различии между местными аянами-арабами и представителями османской элиты неарабского происхождения. Несмотря на религиозное единство, турки-османы воспринимались местными жителями в качестве чужаков. И все же этнические различия не могли стать противовесом идее духовного единства мусульман. В то же время весьма сильно было чувство местной обособленности. Средства коммуникации в Сирии вплоть до второй половины XIX в. были весьма слабо развиты. До начала 60-х годов XIX в. в Сирии не существовало ни одной проезжей дороги в современном понимании. Значительное число сельских жителей никогда не покидало в течение своей жизни родной деревни. Узость духовных горизонтов была вполне типична не только для сельских жителей, но и для горожан. Даже в таких крупных торгово-ремесленных центрах как Дамаск и Алеппо, подавляющее большинство населения, как мусульмане, так и немусульмане, имело весьма смутное представление о событиях, происходивших за пределами городских стен. Люди ограничивались в своей повседневной жизни лишь теми знаниями и навыками, которые можно было приобрести, не выходя за пределы родного квартала.

Помимо купцов, специализировавшихся на караванной торговле и проводивших большую часть времени в странствиях, лишь образованная элита (улама, иерархи немусульманских религиозных общин, некоторые чиновники и представители крупной знати) поддерживала регулярные контакты с коллегами в других городах Сирии и за ее пределами.

Сообщения о событиях за пределами города лишь изредка появляются на страницах городских хроник XVIII — начала XIX в., основное же внимание авторов привлекают местные новости. В описаниях местных авторов жизнь представляется непрерывной чередой трагедий и катастроф, сменяемых лишь периодами ожидания прихода новых бедствий. Тем самым проявляется характерная для традиционного восточного сознания неуверенность в завтрашнем дне, ощущение постоянной близости драматических событий. Распри группировок местной знати и неурожай, повышение цен и налогов, злоеющие знамения и эпидемии, землетрясения и нашествия саранчи — таковы основные темы сочинений сирийских хронистов XVIII — начала XIX в., как мусульман, так и христиан. Все эти трагические события воспринимались авторами сирийских хроник как элементы обыденной жизни. Традиционное общество представляло жизнь как непрерывный поток, к которому в равной степени нельзя применить определение ни прогрессивно-поступательного движения, ни четкой целевой направленности. Критические высказывания на страницах сирийских хроник звучали лишь по адресу отдельных личностей, например, «деспотичного» паши. Однако эта критика лишена каких бы то ни было побуждающих оценок. Священная власть султана в сознании людей оставалась незыблемой и символизировала собой устоявшийся общественный порядок.

Интерес к событиям в далекой Европе несколько возрос среди немногочисленной образованной элиты Сирии в период Великой французской революции и наполеоновских войн. Ливанский хронист эмир Хайдар Ахмад аш-Шихаби уделял немалое внимание таким событиям политической истории Европы эпохи наполеоновских войн, как Амьенский мир и кампания 1805 г. Но ни отголоски революционных событий в Европе, ни даже кратковременное присутствие французских войск в Сирии в 1799 г. не смогли сыграть роль того внешнего импульса, который был бы способен оказать действительное влияние на общественное сознание в сирийских провинциях.

Главнокомандующий французской армии, вторгшейся из Египта в Сирию в 1799 г., Бонапарт недооценил политическую ситуацию и настроение местного населения. Ожидания французского полководца, намеревавшегося поднять восстание друзов и маронитов, явно не оправдались. Несмотря на недовольство многих подданных Ахмад-паши аль-Джеззара деспотичной властью своего повелителя, вступление французских войск в пределы Сирии, вопреки ожиданиям Бонапарта, не привело к восстанию местных жителей против османских властей. Большинство недовольных предпочли занять выжидательную позицию и следить за развитием событий, сохраняя вынужденный нейтралитет. Никакого взрыва союзнических чувств по отношению к «единоверным» французам среди христиан Сирии не произошло. Католические миссионеры, работавшие в Ливане, при посредничестве маронитского духовенства убеждали население в том, что французы — это носители идей безбожной французской революции, и, следовательно, оказание им помощи является не только изменой султану, но и изменой христианской религии.

Вплоть до того времени, когда в Сирии стали возникать миссионерские и государственные учебные заведения (30—50-е годы XIX в.), уровень грамотности населения был очень низким. Представители интеллектуальной элиты в Сирии (мусульманские улама и христианское духовенство, а также верхушка чиновничества) были немногочисленны, однако они не уступали по уровню образованности своим коллегам из Каира и Стамбула.

§ 4**Османская Сирия в период
египетской оккупации
и в период Танзимата
(30—70-е годы XIX в.)*****Сирия под властью Мухаммада Али (1831—1840)***

Осенью 1831 г. войска египетского правителя Мухаммада Али под командованием его сына Ибрахим-паши вторглись в Сирию и осадили крепость Акку. После упорного сопротивления гарнизона под командованием вали Сайды Абдаллаха-паши крепость все же была взята. В 1832 г. войска Мухаммада Али, нанеся еще несколько поражений войскам местных пашей, заняли Дамаск, а затем Халеб. В течение девяти лет египетской оккупации (1831—1840 гг.) сирийские провинции были практически полностью исключены из сферы внутренней политики османского правительства.

Присоединение Сирии к египетским владениям Мухаммада Али являлось для него неперенным условием и гарантией независимости созданной им державы. Большинство сирийской знати встретило войска Мухаммада Али со страхом и недоброжелательностью. Аяны справедливо опасались того, что установление в Сирии власти могущественного правителя Египта приведет к ущемлению их интересов. Однако ливанский эмир Бешир II выступил на стороне Мухаммада Али в качестве его верного союзника. Тем самым он надеялся с помощью египтян укрепить свою власть в Горном Ливане и расправиться с оппозицией в лице друзских феодалов-шейхов.

В 1833 г. по условиям Кютахийского соглашения султан Махмуд II был вынужден признать власть Мухаммада Али в качестве вали Сирии. Наиболее значительным шагом в ходе военно-административных реформ, проводившихся Мухаммадом Али и Ибрахимом-пашой в Сирии после ее оккупации,

стала ликвидация деления страны на эялеты. Была создана единая централизованная система административного управления. Формально оставаясь провинцией Османской империи, Сирия на деле составила единое политическое целое с Египтом. Впервые в Сирии гражданская власть была формально отделена от военной. Все гражданское управление было сосредоточено в руках назначенного Мухаммадом Али гражданского генерал-губернатора (*хукумдара*). Эта должность была предоставлена родственнику Мухаммада Али-Шерифу-паше. В каждом административном центре Сирии представителем хукумдара являлся глава администрации — *мутасаллим*, обычно назначавшийся из числа местной знати. Другим важным нововведением египетских властей стало создание административных советов (*маджалис аш-шура*), призванных оказывать содействие хукумдару и мутасаллимам в делах гражданского управления и судопроизводства. На деле, однако, управление Сирией было сконцентрировано в руках египетских оккупационных властей во главе с *сераскиром* (главнокомандующим) Ибрахим-пашой. Впрочем, и сам Ибрахим-паша был всего лишь исполнителем распоряжений Мухаммада Али, без санкции которого не мог быть решен ни один важный вопрос, касавшийся административного устройства и управления.

Египетские власти приступили к постепенной ликвидации ильтизамов, стремясь провести в Сирии преобразование системы землевладения и сбора налогов по египетскому образцу. Подобная реформа означала коренную ломку вековой традиции активного участия местного аянства в провинциальном управлении в сочетании с правами землевладения. Мультизимы лишались своих традиционных прав по управлению землями и податным населением, а улама теряли источники доходов в результате того, что египетские власти установили непосредственный контроль над значительной частью вакфов. Военные формирования местных феодалов уступали место регулярной египетской армии, в лучшем случае сохраняясь в качестве вспомогательных нерегулярных отрядов, несущих полицейскую службу. На смену произволу аянов в отношении податного населения постепенно приходило упорядоченное налогообложение. Ибрахим-паша издал распоряжение об отмене всех незаконных налогов и поборов, сохранив лишь фиксированный поземельный налог (*мири*) и подушную

подать (*джизью*) для немусульман. Однако уже вскоре был введен невиданный ранее подушный налог *ферде*, распространявшийся на все мужское население в возрасте от 15 до 60 лет без различия вероисповедания. Новый налог вызвал возмущение мусульман, так как ранее только немусульмане были обязаны уплачивать государству подушную подать. Введенная египетскими властями система монопольной торговли некоторыми видами товаров еще более усугубляла тяжелое положение крестьян и ремесленников. Офицер российского генерального штаба П.П. Львов, посетивший Сирию в то время, следующим образом оценивал экономическую политику Мухаммада Али в Сирии: «...Земледелец отдает положенную часть урожая Правительству, платит за каждое оливковое дерево и, занимаясь разработкою шелка, не может продавать его по вольным ценам, а отдает Правительству по назначенной им плате; сверх того, каждый ремесленник и каждый купец обязан к известным денежным взносам за права торгова и ремесла. Оклады такого рода чрезвычайно значительны; они изменяются непрерывно, и весьма часто продукты входят в настоящую монополию, ибо Правительство, забирая их, запрещает всякую продажу... действия правительства выражают своеволие безусловной власти, направленное к средствам разорения края».

Другим важным новшеством периода египетской оккупации Сирии стало активное привлечение местных немусульман к государственной службе. Особенно много их было в налоговом ведомстве и в составе меджлисов, наделенных также и судебными полномочиями. Оккупационные власти во главе с Ибрахим-пашой весьма благосклонно относились к представителям немусульманских общин Сирии в целом, зачастую отдавая им предпочтение перед мусульманами при назначении на важные должности. Таким образом, Мухаммад Али стремился создать социальную базу своей власти в Сирии. Попытка привлечения немусульман к провинциальному управлению вызывала негативную реакцию со стороны мусульман. При египетском управлении с христиан и иудеев фактически были сняты социальные ограничения, которые на протяжении веков налагались на членов немусульманских общин (*миллетов*). Немусульмане получили возможность устраивать пышные религиозные процессии и возводить культовые сооружения, выступать на равных с мусульманами в судебных

процессах. Христианские паломники, направлявшиеся к святым местам Палестины, были освобождены от уплаты поборов в пользу местных аянов и провинциальной администрации. Проводившаяся египтянами веротерпимая политика стала важным отправным пунктом духовно-идеологической трансформации сирийского общества в XIX в. Благодаря египетской протекции, в Сирии открылись новые консульства европейских держав (в Дамаске и Иерусалиме они были учреждены впервые). С увеличением числа консульских представителей европейских стран, росло также и число консульских протеже (*бератлы*) из числа местных жителей, преимущественно немусульман.

В целом административная и налоговая политика Мухаммада Али и Ибрахима-паши в Сирии вызывала недовольство в среде мусульманского большинства населения. Особую ненависть местных мусульман вызывали принудительные рекрутские наборы для службы в египетской армии. Принудительный призыв мусульман в армию (христиан и иудеев в армию не призывали) противоречил жизненному укладу и обычаям населения. Вот как описывал процедуру «набора» рекрутов британский консул в Алеппо: «В назначенный день во всех важных населенных пунктах Сирии среди ночи на улицах размещаются войска с тем, чтобы заблокировать все проходы и улицы. Затем обыскивается дом за домом, и всех мужчин вытаскивают из постелей, без различия возраста и положения, затем их препровождают в цитадель, в ожидании прохождения медицинской комиссии». Срок воинской службы в армии Мухаммада Али был неограничен, так что у новобранца фактически не было надежды когда-либо вновь вернуться в родной дом. В глазах родных и близких попавший в армию считался мертвым.

В горных районах, в первую очередь в Палестине, начало воинских наборов привело в 1834 г. к первым значительным массовым выступлениям против египетских властей. Во главе восставших становились традиционные лидеры — главы местных аянских родов. В борьбе против повстанцев египетские войска широко применяли тактику «выжженной земли» — сжигали дотла деревни, вырубали сады, уничтожали колодцы. Восстание в Палестине было потоплено в крови, а его руководители из числа местных аянов схвачены и казнены. Едва египтяне покончили с восстанием на юге Сирии,

как вспыхнули волнения на севере — в районе Триполи, Латакии и в Джэбэль-Ансарийе. Как и выступление в Палестине, это восстание началось с взрыва всеобщего недовольства в результате введения новых налогов и воинских наборов. К концу 1834 г. ценой немалых потерь египтянам под командованием Ибрахим-паши удалось одолеть повстанцев. Повсеместно были проведены воинские наборы и насильственное разоружение населения. За период с 1834 по 1836 г. в египетскую армию было призвано около 36 тыс. сирийских мусульман, т. е. не менее 10% взрослого мужского населения Сирии.

В 1837 г. налоговый гнет и воинские наборы вызвали мощное восстание друзов в области Хауран к югу от Дамаска. Героическое сопротивление повстанцев во главе с их вождем шейхом Шибли аль-Арьяном стало настоящей легендой. Повстанцы засели в вулканическом горном массиве Леджа, откуда египетским войскам под командованием самого Ибрахима-паши длительное время не удавалось их выбить. В результате долгой осады повстанцы, мучимые голодом и жаждой, прорвали кольцо египетских войск и были рассеяны только после ожесточенного сопротивления.

В 1839 г. началась последняя фаза военного конфликта между Мухаммадом Али и султаном. Поначалу египетские войска одержали победу над армией султана у северных границ Сирии. Но в 1840 г. в конфликт вмешалась Англия. По условиям Лондонской конвенции 1840 г. Англия, Россия, Австрия и Пруссия предъявили Мухаммаду Али коллективный ультиматум с требованием немедленного вывода египетских войск из Сирии. После того, как египетский правитель отклонил ультиматум, в районе Бейрута высадился англо-турецкий десант. Крепость Акка сдалась после того, как английский флот подверг ее сильному обстрелу с моря. Попытка Ибрахима-паши сбросить десант в море не увенчалась успехом. С севера, из Анатолии, возобновили наступления султанские войска. Оказавшись в полной политической изоляции, Мухаммад Али согласился принять условия ультиматума, и египетские войска к концу 1840 г. покинули Сирию.

Так же, как и в Египте, деятельность правительства Мухаммада Али создала в Сирии условия для получения знаний о достижениях европейской цивилизации и их более активного применения. В период египетской оккупации страна более, чем прежде, была открыта для западных миссионеров,

дипломатов и купцов. Сквозь призму деятельности египетских властей сирийцы знакомились с такими новыми для них явлениями и институтами, как жестко централизованная администрация, упорядоченное налогообложение, регулярная армия, обученная по европейским образцам, и органы представительного местного управления (*меджлисы*), наконец, равное отношение властей к представителям различных конфессий. Благодаря некоторым мероприятиям египетских властей произошли положительные сдвиги в системе образования: увеличилось число начальных школ различных конфессий, расширилась сеть миссионерских учебных заведений, кроме того, в Дамаске и Алеппо египтяне открыли светские государственные школы для подготовки кадров для военной и гражданской службы из числа мусульман. Учебные пособия по арабскому языку, математике, истории и военному делу для новых учебных заведений доставлялись из Египта. Однако лишь незначительная часть населения в той или иной степени приобщилась к знаниям благодаря деятельности новых учебных заведений. Многие родители опасались отправлять своих сыновей в государственные школы, не желая способствовать поступлению детей на службу в египетскую армию. По данным британского агента Джона Боуринга, в созданных египтянами светских школах в Дамаске и Алеппо обучалось в общей сложности не более 1 тыс. учеников. За пределами учебных заведений спрос на книги оставался настолько низким, что переписчики книг не могли заработать себе на жизнь. Джон Боуринг отмечал в этой связи, что ни в Дамаске, ни в Алеппо ему не удалось найти ни одного книготорговца.

Значительное впечатление на умы и сердца сирийцев произвело равное отношение египетских властей к представителям различных конфессий. Допущение представителей немусульманских общин Сирии к участию в работе созданных египтянами провинциальных меджлисов и фактическая ликвидация ряда традиционных социальных ограничений, веками налагавшихся на членов миллетов, фактическое уравнивание христиан и иудеев в правах с представителями господствующей религиозной общины воспринималось мусульманами как неслыханное попрание норм ислама, несущее в себе угрозу прихода христиан к власти. Между тем, христианские авторы из числа местной интеллектуальной элиты были склонны, напротив, всячески превозносить заслуги

египтян, воздавая им хвалы как справедливым правителям, сумевшим обеспечить подлинное равноправие христиан и не допуская никаких проявлений несправедливых организаций по религиозному признаку.

Господство Мухаммада Али в Сирии оказалось недолговечным. Однако оно нанесло серьезный урон военно-политическому влиянию местной феодальной знати (*аянства*). Тем самым, непроизвольно Мухаммад Али и Ибрахим-паша облегчили своему противнику — центральному правительству Османской империи — проведение в Сирии широкомасштабных преобразований в последующие десятилетия.

Сирийские провинции Османской империи в эпоху реформ Танзимата (1840—1876)

С изгнанием египетских войск открылись возможности для распространения на сирийские провинции политики *танзимата* (от арабского «*танзим*» — буквально: «наведение порядка») — комплекса широкомасштабных реформ, курс на проведение которых был заявлен османскими властями в знаменитом Гюльханейском указе 1839 г. Отказавшись после изгнания египтян от внедренного ими принципа концентрации административной власти в Сирии в руках одного губернатора, Порта восстановила деление страны на провинции (*вилайеты*), по возможности упорядочив также структуру управления в более мелких административных единицах — *санджаках, казах* и *нахийях*. Приморские провинции Сайда и Триполи были объединены в одну, а ее новым административным центром стал быстро растущий город Бейрут. Руководители администраций санджаков — *каймакамы* отныне назначались и смещались по распоряжению Порты, тогда как раньше это входило в прерогативы вали. Военная власть была окончательно отделена от гражданской. Дислоцированные в Сирии части новой османской регулярной армии (*низам*) подчинялись не губернаторам провинций, а исключительно военному командованию. В каждой провинции были созданы консультативные советы из османских чиновников и представителей местной знати. Административные функции *меджлисов* включали контроль над раскладкой и сбором налогов, надзор за деятельностью аппарата провинциальной

администрации, управление вакфами и содержащимися за их счет благотворительными и общественными сооружениями, организацию общественных работ и набор нерегулярных полицейских формирований, наконец, контроль над ремесленным производством и торговлей, а также надзор за деятельностью иностранных подданных. Меджлис в административном центре вилайета контролировал деятельность меджлисов в административных центрах более мелких территориальных единиц. В составе меджлисов были представители не только мусульманской, но и немусульманских общин. Помимо решения административно-финансовых вопросов, меджлис посвящал часть рабочего времени судопроизводству по коммерческим и уголовным искам. Судопроизводство теперь велось на основе новых османских судебных кодексов, в которых было немало заимствований из европейских правовых систем. Меджлисы санджаков играли при этом роль судов первой инстанции, а меджлисы вилайетов — апелляционных судов. Решения шариатского суда, сфера деятельности которого отныне была ограничена делами, касавшимися личного статуса, теперь вступали в силу лишь при условии утверждения их меджлисом вилайета.

Главной целью османских реформаторов эпохи танзимата в сфере провинциального управления была централизация власти султанского правительства и ограничение власти вали, дабы исключить в будущем возможные проявления сепаратизма и предотвратить возвышение сильных губернаторов, подобных Джемззару-паше. В период танзимата губернаторы в сирийских провинциях чаще всего являлись представителями столичной бюрократии и не имели сколько-нибудь значительных связей в местной сирийской среде. На смену самовластным феодалам вроде Джемззара-паши пришли государственные чиновники, готовые покорно выполнять любые распоряжения центрального правительства. По мере того, как регулярная армия наводила в провинциях порядок и разоружала незаконные военные формирования местных феодалов, укреплялся государственный порядок. Незаконные поборы со стороны должностных лиц, а также прямой грабеж населения уходили в прошлое.

Держатели государственных земель заявляли о своей лояльности по отношению к султанским властям, но, в то же время, всячески противились ликвидации системы откупов.

Лишь после введения в действие османского земельного кодекса 1858 г. была произведена индивидуальная регистрация земельных владений, и землевладельцы получили право купли-продажи и передачи своей земли по наследству. Так, на смену откупам постепенно пришли частнособственнические земельные отношения, однако принцип верховной государственной собственности при этом формально был сохранен.

С начала 50-х годов XIX в. султанские власти распространили на мусульманское население Сирии воинскую повинность. Однако, в отличие от армии Мухаммада Али, в эпоху танзимата срок службы в османской армии был ограничен пятью годами, поэтому воинские наборы теперь уже не воспринимались жителями в качестве бедствия. Правда, в 1850 г. в Халебе местная знать из числа бывших янычарских офицеров организовала мятеж, требуя отмены воинских наборов, но он был быстро подавлен регулярными войсками. Влиянию городских военно-политических группировок Халеба, возглавлявшихся аянами из числа шерифов и бывших янычар, был нанесен чувствительный удар. Аянской верхушке в целом удалось сохранить свои позиции в городском и провинциальном управлении за счет участия в меджлисах, зато оппозиция реформам и принимаемым властями мерам уже с тех пор не выливалась в крупномасштабные антиправительственные выступления.

Еще одним важным итогом военно-политических преобразований в сирийских вилайетах в 1840—1870 гг. стало подавление местного сепаратизма в труднодоступных горных районах и успешное сдерживание давления со стороны бедуинов на восточных рубежах Сирии. К 1860 г. в итоге длительной борьбы, протекавшей с переменным успехом, под контроль османских властей были поставлены ранее полуобособленные горные районы Джэбэль-Наблус и Джэбэль-Ансарийя, а также гористые окрестности Иерусалима. Особенно упорное сопротивление оказывали некоторые горные шейхи в районе Наблуса. В тех случаях, когда османские власти не располагали достаточным количеством войск, они прибегали к испытанной политике, действуя по принципу «разделяй и властвуй», т. е. натравливали одни местные кланы на другие, назначая выражавших лояльность аянов на административные должности, и т. д. Особым драматизмом и напряженностью отличалась борьба с непокорными бедуинскими племенами.

Прямого использования вооруженной силы здесь было недостаточно. Помимо карательных экспедиций, османские власти в Сирии прибегали к подкупу вождей племен. С начала 50-х годов XIX в. турки приступили к созданию фортов и целых укрепленных линий на северо-восточных рубежах Сирии с целью охраны важнейших караванных путей, оазисов и источников воды. К началу 60-х годов XIX в. такие линии были созданы в округе Дейр эз-Зор, на пути из Сирии в Ирак. Тем самым был усилен контроль Порты над перекрестком торговых путей, ведущих на восток — в Иран и на юго-восток — вниз по течению Евфрата к Багдаду и Басре. В ходе длительной борьбы с бедуинами граница контролируемой османскими властями территории была отодвинута к восточным рубежам вилайета Алеппо. В целом, военно-административные реформы, проводившиеся османскими властями в сирийских вилайетах, так же, как и в других частях империи, способствовали сближению интересов местной знати и провинциальной администрации в деле стабилизации общественно-политической ситуации и укрепления власти султанского правительства в провинциях. Опыт реформ 40-х и 50-х годов XIX в. получил свое дальнейшее развитие после принятия в 1864 г. закона о вилайетах. В 1864 г., административное деление Сирии претерпело серьезные изменения: вся территория страны разделялась на два больших вилайета: Сирийский (*Сирийе*) и Халебский.

Развитие капиталистических отношений в Сирии в XIX в.

С 30-х годов XIX в. Сирия, как и другие области Османской империи, стала объектом европейской (преимущественно, французской и английской) товарной экспансии, превратившись в периферию мировой капиталистической системы. Наплыв дешевой массовой продукции европейских фабрик привел в разорению местного ремесла. Особенно тяжелым было положение ткацкого производства. Знаменитые сирийские ткани ручного производства не выдерживали конкуренции с европейским импортом. Разорившиеся ремесленники пополняли ряды городских маргиналов. В то же время, богатела узкая прослойка сирийских торговцев (в основном, христиан

и иудеев), специализировавшихся на торговле европейскими товарами. Благодаря значительному росту объемов торговли с европейскими странами активизировалась деловая активность в приморских городах Сирии, в первую очередь в Бейруте. Во второй половине XIX в. Бейрут становится главными «морскими воротами» сирийских провинций. По численности населения он уступал уже только Дамаску и Халебу. Пользуясь консульской протекцией, крупные христианские купцы в Бейруте, Дамаске, Халебе и других городах Сирии обогащались и осваивали новые сферы приложения своего капитала. Они вкладывали деньги в доходную недвижимость, скупали сельскохозяйственные земли, превращая разорившихся местных крестьян в арендаторов. Активно проводились кредитно-финансовые операции. Некоторые местные купцы пытались создавать небольшие предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. Все более активно применялся наемный труд. Однако развитие местной промышленности в целом было крайне затруднено конкуренцией со стороны готовой продукции европейских фабрик. Основным источником формирования сирийской буржуазии становится верхушка купечества (как правило, немусульманского происхождения), а также часть крупных мусульманских землевладельцев. Крупные землевладельцы постепенно начинают вкладывать часть средств, получаемых в виде ренты с крестьян-арендаторов, в торговлю и доходную недвижимость в городах. После введения в действие османского земельного кодекса 1858 г. быстрыми темпами пошел процесс складывания крупных наследственных поместных владений. Если в горных районах (Горный Ливан, северная Палестина, Джэбэль ад-Друз, Джэбэль-Ансарий) сохранилось мелкое крестьянское землевладение, то в равнинных окрестностях Дамаска и Халеба уже доминировало крупное землевладение. Под влиянием растущего европейского спроса на сельскохозяйственное сырье для промышленности, а также на зерно и фрукты повышалась товарность сельскохозяйственного производства. Повышение общественной безопасности и ликвидация угрозы со стороны бедуинов позволяла вновь осваивать многие ранее заброшенные земли. Однако экономическое положение основной массы населения — крестьян, ремесленников и мелких торговцев — оставалось в целом тяжелым.

Обострение межконфессиональных отношений и трагедия 1860 г. в Дамаске

Согласно султанскому манифесту 1856 г., христиане и иудеи в Османской империи были официально уравниены в правах с мусульманами. Подушная подать-джизья была отменена. Немусульманам отныне разрешалось ношение оружия, езда верхом в городах, организация религиозных процессий, строительство храмов и занятие государственных должностей. Отменялось ношение отличительных цветов в одежде. Правда, одно из основных правовых ограничений — запрещение службы в армии — все еще сохранялось. За освобождение от воинской повинности христиане и иудеи обязаны были выплачивать особый налог, но его ставка для немусульман была значительно ниже, чем для мусульман, желавших откупиться от военной службы. Уравняв в целом немусульман в правах с мусульманами, османские реформаторы надеялись избежать роста национальных движений среди христианских народов империи и ослабить растущее вмешательство Англии, Франции и России во внутренние дела Османской империи под предлогом защиты прав христиан. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Вмешательство со стороны европейских держав не только не ослабело, но и усилилось после 1856 г.

Надеясь на покровительство европейских консулов и заступничество османских властей, сирийские христиане зачастую стали вести себя вызывающе по отношению к своим мусульманским соседям. Кроме того, христианские купцы, находившиеся под протекцией консулов и имевшие налаженные деловые связи с европейцами, оказывались в более выгодном положении, нежели купцы-мусульмане. Как отмечал мусульманский современник, «...едва ли не у каждого христианина был родственник или знакомый, который имел иностранную протекцию или подданство... Если он (христианин. — *Авт.*) имел претензии к мусульманину, то всегда обращался к одному из этих “протеже”. Если христианин спорил с мусульманином, то он всегда мог заявить: “Я — подданный такой-то державы”. Часто эти заявления бывали ложными. Тем не менее, христианин, как правило, получал протекцию».

Ломка традиционной системы межконфессиональных отношений привела в Сирии к росту напряженности между

мусульманами и христианами. В 1860 г. в Дамаске христиане отказались платить налог за освобождение от военной службы (призывать христиан в армию османские власти все же не решались). Обстановка в городе все больше накалялась, в том числе и под влиянием известий о друзо-маронитских столкновениях в Горном Ливане. В июле 1860 г. в Дамаске произошел беспрецедентный антихристианский погром, в результате чего погибло около 5 тыс. местных христиан, а также несколько европейцев. Были разграблены ряд консульств европейских держав, в том числе и российское. Консул чудом спасся. Несколько тысяч христиан было спасено героем антиколониальной войны в Алжире эмиром Абд аль-Кадером, жившим в то время в изгнании в Дамаске. Этот благородный поступок стал широко известен в Европе. Представители мусульманской знати Дамаска пытались удержать толпу, но безуспешно. Многие христиане были спасены видными улама и простыми мусульманами. Для наведения порядка и наказания виновных в Сирию с большим отрядом войск был направлен один из видных османских государственных деятелей той эпохи Фуад-паша. Под его руководством османские власти провели расследование и сурово наказали выявленных участников резни в Дамаске. Десятки человек, в том числе представителей некоторых знатных родов города, были казнены, сотни — сосланы. Губернатор Дамаска Ахмад Иззет-паша и ряд офицеров были расстреляны по приговору военного суда за то, что не приняли своевременных мер по предотвращению резни.

Проблема Горного Ливана

К началу 40-х годов XIX в. Горный Ливан оставался автономным вассальным эмиратом в составе Османской империи. Между тем, в социальной структуре Горного Ливана произошли серьезные изменения. В борьбе против непокорных друзских шейхов, составлявших большинство среди ливанских держателей земельных ленов, эмир Бешир II Шихаб в 20-х годах XIX в. сделал ставку на новую силу — маронитскую общину, духовным лидером которой стало покровительствуемое Францией маронитское духовенство. Сам эмир и его родственники обратились в христианство, став маронитами.

Власть эмира, которая теперь основывалась на религиозной принадлежности, вступила в противоречие с традиционной военно-ленной системой, и это способствовало постепенному ее разложению. В период египетской оккупации (30-е годы XIX в.) Бешир II с помощью своего могущественного покровителя Мухаммада Али сумел изгнать из Горного Ливана большинство друзских шейхов. Многие из них были арестованы и сосланы в Египет и Судан. В 1840 г. В Горном Ливане вспыхнуло восстание против египетской оккупации, в котором одновременно приняли участие как марониты, так и друзы. Восставшие надеялись на то, что эмир встанет на их сторону, однако Бешир II сохранил верность египетским властям. Между тем, английские агенты снабжали повстанцев оружием и деньгами. После высадки англо-турецкого десанта в районе Бейрута и ухода египетских войск из Сирии, эмир Бешир II сдался турецким властям. Султанским указом он был смещен с поста эмира Горного Ливана и отправлен в ссылку, где и скончался.

Среди лидеров маронитской общины стала развиваться идея превращения Горного Ливана в христианское маронитское государство. Формировался своего рода «маронитский национализм», отводивший представителям других вероисповеданий, в лучшем случае, место зависимого от маронитов меньшинства. Главную надежду на осуществление этой идеи маронитское духовенство первоначально разлагало на эмира Бешира II Шихаба. Но после его смещения в 1840 г. единственной надеждой маронитов на то, чтобы остаться у власти в Горном Ливане, осталось заступничество традиционного покровителя маронитской общины — Франции. Между тем, друзские шейхи, изгнанные в свое время Беширом II, вернулись в Горный Ливан и попытались восстановить свои феодальные права. Однако маронитские крестьяне южных и центральных районов Горного Ливана не желали больше подчиняться их власти. Ситуация усугублялась ввиду все более активного вмешательства Англии и Франции в ливанские дела. В противовес французской помощи маронитам англичане снабжали деньгами и оружием друзов, во главе которых встали их традиционные лидеры — шейхи из рода Джумблат. По протекции англичан османские власти назначили новым эмиром Горного Ливана Бешира III Касема (родственника Бешира II). Новый эмир готов был служить

интересам Англии, однако не сумел завоевать авторитет ни среди друзов, ни среди маронитского духовенства. В 1841 г. в Горном Ливане вспыхнула друзо-маронитская резня. Ввиду полной неспособности нового эмира контролировать ситуацию он был смещен со своего поста. В Горный Ливан были введены османские войска, которым удалось на время стабилизировать ситуацию и разъединить враждующие стороны. Османское правительство объявило о введении в Горном Ливане прямого управления. Это, однако, не устраивало ни Англию, ни Францию. В итоге длительных переговоров англичан и французов с султанским правительством было принято решение об окончательном упразднении эмирата и создании на территории Горного Ливана двух автономных округов (*каймакаматов*), организованных по конфессиональному признаку. В северном округе должна была быть создана маронитская администрация, а в южном — друзская. Однако, вместо умиротворения, раздел Горного Ливана на маронитский и друзский автономные округа стал прологом новых конфликтов и потрясений, так как проведенные границы не соответствовали территориальному размещению конфессиональных групп. В южном округе, помимо друзов, жило довольно много маронитских крестьян, не желавших возвращаться под власть друзских феодалов. В действительности не было межконфессионального конфликта, а было столкновение политических амбиций лидеров обеих общин. Если среди друзов наибольшим влиянием пользовались шейхи из рода Джумблат, то среди маронитов после крушения власти эмиров из рода Шихаб все большее политическое влияние приобретало маронитское духовенство. Иерархи маронитской церкви мечтали о превращении Горного Ливана в христианское государство. Ради того, чтобы утвердить свою власть, они готовы были даже на установление французского протектората. Маронитский епископ Никола Мурад в 1844 г. доказывал в своих публикациях, что маронитская церковь якобы безраздельно предана Риму и Франции, а в Горном Ливане формируется особая маронитская нация. Другой иерарх маронитской церкви, Жан д'Азар, в 1852 г. утверждал, что единственным средством спасения «преданных Франции и Риму со времен Карла Великого» ливанских маронитов является отторжение Горного Ливана от Османской империи и установление французского протектората. Однако ни друзы, ни православные жители

Горного Ливана, не говоря уже о суннитах и шиитах, вовсе не стремились искать поддержки Франции и, тем более, установления французского протектората. Единство самой маронитской общины было скорее мифом, чем реальностью. Здесь также были сильны противоречия между духовенством и светскими землевладельцами, усугублявшиеся борьбой маронитских крестьян за ликвидацию сословных привилегий ливанской знати.

В 1845 г. в южных районах Горного Ливана произошла новая вспышка друзо-маронитской резни. Османским властям опять пришлось вмешаться и с помощью регулярной армии разъединять и разоружать враждующие стороны. Но противоречия оставались, и обстановка оставалась нестабильной. Борьба крестьян против феодальных землевладельцев велась и на юге, и на севере Ливана. В конце 50-х годов в северном округе вспыхнуло крупное крестьянское восстание под руководством Таннуса Шахина. Восставшие изгнали с контролируемых ими территорий маронитских феодалов и создали собственные органы самоуправления. Маронитская же церковь пыталась использовать восстание в своих интересах, претендуя не только на духовную, но и на светскую власть.

В 1860 г. оторванная от реальности недалёковидная политика некоторых иерархов маронитской церкви завлекла их единоверцев в пучину кровопролития. В июне 1860 г. в Горном Ливане в очередной раз вспыхнула резня между друзами и маронитами. Маронитская церковь, действуя через образованную в Бейруте религиозно-политическую организацию под названием «Местная христианская ассоциация», разжигала пожар войны. Ассоциация не скрывала своих целей — истребление ливанских друзов и превращение Горного Ливана в христианское государство под протекторатом «единоверной» Франции. Раздача оружия христианам на юге Ливана и призывы к насилию сделали свое дело. Однако миф о единстве рядов маронитской общины был развеян, когда после первых поражений, нанесенных христианами юга более сплоченными и организованными друзами, маронитское население юга Ливана было брошено на произвол судьбы своими единоверцами из преимущественно христианского севера. Друзские крестьяне перед лицом опасности со стороны маронитов (значительно превосходивших друзов по численности) сохранили преданность своим традиционным вождям-шейхам.

В результате друзы сумели нанести сокрушительное поражение маронитам в южных районах Горного Ливана. Спасаясь от резни, марониты бежали в прибрежные города под защиту османских властей.

Конфликт в Горном Ливане в 1860 г., в отличие от предшествовавших друзо-маронитских столкновений в 1841—1842 и 1845 гг., вызвал большой политический резонанс во всей Сирии. Кровавые события в Горном Ливане и в Дамаске, жертвами которых стали тысячи местных христиан, побудили Порту и европейские державы к активным действиям во исполнение провозглашенных ими принципов. Император Франции Наполеон III в одностороннем порядке направил в Сирию экспедиционный корпус. Прибытие французских войск в Бейрут поставило султанское правительство в крайне затруднительное положение. Необходимость поддержания престижа своей власти требовала принятия чрезвычайных мер по наказанию виновных. В Сирию были введены крупные контингенты османских войск под командованием Фуад-паши. Ко времени прибытия французских войск спокойствие было уже восстановлено, и Порте удалось убедить Францию не вводить свои войска в Дамаск и внутренние районы Сирии. Розыск и наказание виновных также осуществлялись османскими властями.

По требованию Англии и Франции для решения вопроса об административном устройстве Горного Ливана была создана международная комиссия. В результате ее деятельности в 1861 г. был выработан документ под названием «**Органический статут Горного Ливана**». Согласно ему, разделение Горного Ливана на два округа было ликвидировано, и был создан единый особый автономный ливанский округ (*мутасаррифийя*), система власти в котором должна была основываться на принципе конфессиональной принадлежности. Согласно «Органическому статуту», губернатор Горного Ливана назначался из Стамбула. Он должен был быть христианином, но не ливанского происхождения. Феодалные властные права шейхов отменялись, однако в качестве землевладельцев они могли зарегистрировать наследственные права на свои земли на основе османского земельного кодекса 1858 г. Права мелких землевладельцев-крестьян также были обеспечены. В каждом округе в составе Горного Ливана создавались смешанные административные советы и суды из числа представителей различных религиозных общин. В мирное время на

территории Горного Ливана не должны были находиться османские войска, а безопасность на местах обеспечивалась отныне с помощью полицейских формирований из числа представителей различных местных конфессий. Эта компромиссная система управления в целом устраивала и друзов, и маронитов, уставших от кровопролитной междоусобной борьбы. «Органический статут» действовал вплоть до Первой мировой войны, и в период его действия в Горном Ливане сохранялась стабильная обстановка.

Основным итогом развития общественно-политической ситуации в Горном Ливане к середине XIX в. стал кризис традиционной политической элиты и переход межконфессиональных отношений в политическую сферу.

§ 5

Проникновение западных идей и первые ростки сирийского патриотизма. Российское присутствие в Сирии и Палестине в XIX в.

Западное проникновение в Сирию XIX в. оказало воздействие на политический, экономический и духовно-идеологический аспекты общественной жизни. В период египетской оккупации (30-е годы XIX в.) в прибрежных городах Сирии (прежде всего, в Бейруте) была создана сеть католических и протестантских миссионерских школ. Французские католики-иезуиты и американские протестантские миссионеры соперничали между собой, ведя просветительскую и миссионерскую деятельность среди сирийских христиан. Для маронитов, православных и представителей других христианских конфессий Сирии стало престижно отдавать своих детей на обучение в миссионерские школы. В их стенах можно было выучить европейские языки и получить знания в области современных естественных и гуманитарных наук. Из числа выпускников миссионерских учебных заведений вышло первое поколение новой арабской интеллигенции Сирии. По вероисповеданию все они были христианами. Благодаря просветительской деятельности западных миссионеров и их учеников из числа местных христиан в среде сирийских христиан постепенно росло число людей, стремившихся понять Запад и осознать, вместе с тем, свою собственную роль перед лицом перемен. В их числе были писатель и журналист **Ахмад Фарис аш-Шидьяк** (1804—1887), драматург **Марун ан-Наккаш** (1817—1855), поэт **Насиф аль-Йазиджи** (1800—1871) и другие.

Контакты с европейцами и обучение в стенах религиозно-миссионерских учебных заведений открывали значительному числу христианской молодежи (прежде всего в Горном

Ливане и Бейруте) путь к приобретению новых знаний, формированию нового мировоззрения, выходящего за рамки внутриабшиной замкнутости. Типичным представителем первого поколения новой сирийской интеллигенции был Бутрус аль-Бустани (1819—1883) — просветитель и деятель литературного арабского Возрождения. Перейдя в протестантство под влиянием американских миссионеров, он активно сотрудничал в рамках созданного ими в Бейруте научного общества, получил известность как преподаватель, переводчик, публицист, философ и общественный деятель. В 1860 г., под влиянием трагических событий, Бутрус аль-Бустани основал в Бейруте первое периодическое издание с явно политической направленностью — газету «Нафир Сурийя» («Сирийский горн»). Со страниц газеты он призывал к единению между представителями различных конфессий на основе идей сирийского патриотизма. Никким образом не ставя под сомнение суверенитет Османской империи, Бутрус аль-Бустани, тем не менее, считал необходимым, чтобы все жители Сирии без различия вероисповедания осознали себя в качестве особой нации, поскольку у них есть общая родина и общий язык — арабский.

Сирийский патриотизм Бутруса аль-Бустани, к сожалению, еще довольно долго оставался неизвестной и недоступной идеей для большинства жителей Сирии. Среди мусульман, как в городах, так и в сельских районах, консерватизм в отношении новых явлений в сфере взаимоотношений мусульман и немусульман был весьма велик. Для мусульман Османская империя оставалась прежде всего исламским государством, и терять привилегированный статус адептов истинной веры они вовсе не желали. Влияние западных идей среди мусульманской интеллигентной элиты также было несравненно меньше, чем в христианской среде. Христиане же были весьма далеки от единства ввиду острого соперничества между различными церквями, прежде всего между православными, с одной стороны, и католиками-униатами (включая маронитов) — с другой.

И все же дальнейшее сохранение межконфессиональной отчужденности в ее обычном виде едва ли было возможным. В значительной степени это объяснялось тем, что само османское государство продолжало проводить политику, направленную на уравнивание в правах представителей всех религиозных общин. Процесс реформ в сфере администрации,

судопроизводства и военной службы стал необратимым. В этих условиях ряд представителей христианской интеллектуальной элиты постепенно пришли к выводу о необходимости и возможности сотрудничества различных религиозных общин как единственного средства преодоления межконфессиональных конфликтов.

В конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. первые примеры такого сотрудничества начали проявляться в Бейруте, где оформился интеллектуальный центр арабского литературного и культурного Возрождения в Сирии. Символическое значение в этой связи получило основание в 1857 г. нового «Сирийского научного общества». В числе 150 членов общества были не только христиане, но также мусульмане-сунниты и друзья. Суннитские и друзские представители заявляли, что согласны участвовать в работе общества вместе в арабами-христианами при том условии, что новая организация не будет находиться под опекой и контролем западных миссионеров, как это было прежде. Тем самым впервые в истории Сирии представители разных конфессий заявили о готовности вести совместную работу ради общего дела — развития просвещения и научных знаний, родного языка и литературы. Успешная деятельность общества стала одним из первых проявлений коллективного самосознания нового типа, основанного не на религиозной принадлежности, а на общности языка и культуры.

Развитие османской государственной системы светского образования, начиная с 60-х годов XIX в., открыло для мусульманской молодежи доступ к светским наукам. В 70—80-е годы XIX в. сформировались кадры новой мусульманской интеллигенции, получившей образование в государственных учебных заведениях. Главным итогом развития общественного сознания в Сирии в 30—70-е годы XIX в. стало появление предпосылок для формирования двух основных патриотических тенденций развития национального самосознания. Первая тенденция, характерная для христианской среды, была ориентирована на укрепление контактов с Западом и создание условий для равноправия представителей различных конфессий. По сути дела, данная тенденция соответствовала по духу и целям деятельности османских реформаторов эпохи Танзимата. Вторая тенденция, характерная для мусульманской среды, являлась результатом недовольства адептов господствующей религии теми реформами Танзимата, которые были

направлены на достижение гражданского равноправия всех конфессий. Суть второй тенденции состояла в стремлении сохранить традиционные устои ислама. И в том и в другом случае все большую роль начинала играть идея национальной самобытности, гордости арабским происхождением и возможности действовать сообща ради достижения общей цели. После 1860 г. некоторые представители мусульманской и немусульманских общин постепенно осознали бесперспективность межконфессиональной конфронтации и начали видеть в своих соплеменниках-иноверцах потенциальных союзников, более близких духовно, чем единоверцы-неарабы (будь то турки или европейцы). Однако в целом население было весьма далеко от восприятия новых идей и, как и много веков тому назад, ставило религиозные принципы самоидентификации на первое место.

Российское присутствие в Сирии и Палестине в XIX в.

К началу XIX в. отношения между Россией и православными церквями в Османской империи, в том числе с иерусалимским и антиохийским патриархатами (на территории Сирии), были традиционно устойчивыми. Продолжало возрастать число россиян, посещавших Святую землю (Палестину) в качестве паломников. В XIX в., помимо паломников, Сирию посещало все большее число российских путешественников и дипломатов. В 1820 г. в сирийских провинциях было учреждено первое российское дипломатическое представительство — вице-консульство в городе Яффа. Целью его деятельности была защита интересов российских подданных, совершавших паломничество к Святым местам. За исключением нескольких военных лет, на протяжении XIX в. между Россией и Османской империей существовали нормальные дипломатические отношения, что давало возможность для постепенного усиления российского присутствия в Палестине. По мере того, как Англия и Франция активизировали свое покровительство ближневосточным христианам, Россия также стремилась проводить аналогичную политику в отношении православных подданных Османской империи. В 1839 г. учреждается российское консульство в Бейруте. Первым российским консулом в этом городе стал выдающийся дипломат

К.М. Базили (1809—1884). Помимо министерства иностранных дел России, в Сирии активизировал свою деятельность и Священный Синод Русской Православной Церкви. В 1847 г. в Иерусалиме была учреждена Русская духовная миссия под руководством архимандрита Порфирия (Успенского). Миссия не только поддерживала тесные контакты с местным православным духовенством, но и вела миссионерскую деятельность, оказывая содействие в обустройстве православных школ и семинарий. После окончания Крымской войны (1853—1856) учреждается российское консульство в Иерусалиме. Российское общество пароходства и торговли налаживает регулярные пароходные рейсы из Одессы в Яффу. В 1882 г. было создано Православное Палестинское общество. В 1889 г. оно было удостоено звания «императорского». С тех пор Императорское Православное Палестинское общество, находившееся под патронажем российской императорской семьи, стало главной российской благотворительной и миссионерской организацией, действовавшей в Сирии. К началу XX в. Общество оказало помощь десяткам тысяч российских паломников, финансировало деятельность десятков школ, училищ и семинарий в Сирии, Палестине и Ливане. Тем самым Общество внесло значительный вклад в дело просвещения местного арабского населения. В отличие от французских, английских и американских миссионерских школ (в которых преподавание велось преимущественно на европейских языках), в учебных заведениях, созданных и финансировавшихся ИППО, преподавание велось на арабском языке. Помимо благотворительности и просветительской деятельности, Общество также вело активную научную работу по изучению истории Святой земли и вообще Ближнего Востока. Результатами этой деятельности стали многие научные публикации, послужившие стимулом к развитию российской арабистики и востоковедения.

§ 6**Сирийские провинции Османской империи в период правления Абдул-Хамида II (1876—1908)**

В период правления Абдул-Хамида II Османская Сирия не отставала по темпам социально-экономического развития от анатолийских и балканских провинций империи. Общая численность населения сирийских провинций за период с 1878 по 1896 г. выросла более, чем на четверть и составила приблизительно 3,2 млн человек. Особенно был заметен рост численности городского населения. За период с 1860 по 1914 г. население Дамаска и Алеппо удвоилось, преодолев рубеж в 200 тыс. человек, а население Бейрута, Хамы, Хомса, Иерусалима, Акры, Газы, Наблуса и Хеврона увеличилось в 2,5—3 раза. Активизировались миграционные процессы. С 1882 г. в Палестину из Российской империи и некоторых европейских государств приезжало все больше еврейских переселенцев. Они основывали на «земле обетованной» земледельческие колонии. Кроме того, в Палестине в районе Яффы, Хайфы и Назарета были созданы общины немецких протестантов. Османское правительство же расселяло в сирийских провинциях тысячи мусульманских переселенцев, приехавших в Османскую империю с Северного Кавказа после подавления восстания Шамиля. В основном это были представители адыгских народов. В Сирии местные жители всех их собирательно именовали черкесами. Черкесские поселения были созданы вдоль восточных пустынных рубежей Сирии. На предоставленных правительством землях поселенцы занимались земледелием и скотоводством. Многие из них несли полицейскую службу, охраняя земледельческие округа от арабских кочевников-бедуинов. В то же время десятки тысяч сирийцев и ливанцев (в подавляющем большинстве христиан) покинули родину и эмигрировали в Европу и Америку. Этот процесс определялся, в основном, экономическими

причинами — заинтересованностью в относительно высоких заработках в странах Нового Света, куда и направлялась основная масса эмигрантов из Османской империи.

Некоторое повышение уровня благосостояния населения сирийских провинций являлось отражением общей экономической ситуации в Османской империи. Оно было связано, прежде всего, с успехами товарного сельскохозяйственного производства и развитием внешнеторговых связей. Решающую роль в процессе экономического роста сыграли освоение многих ранее пустующих земель, ставшее возможным вследствие укрепления общественной безопасности, развития культивации товарных сельскохозяйственных культур, а также рост спроса на мировом рынке. Сыграл свою роль и упоминавшийся выше приток переселенцев.

Проникновение европейского капитала вызывало определенный рост деловой активности. В последней четверти XIX — начале XX в. в сирийских провинциях возникли филиалы иностранных банков. При активном участии иностранного (в основном, французского) капитала формировалась современная инфраструктура: строились шоссе и железные дороги, современные портовые сооружения. Было налажено регулярное паровое сообщение и проведены телеграфные линии. Постепенное втягивание сирийских вилайетов, так же, как и других провинций Османской империи, в систему мирового рынка, активизация товарно-денежных отношений и увеличение объемов торговли способствовали возрастанию потребностей в европейских товарах, повышению интереса к бытовым достижениям европейской цивилизации.

Система управления в сирийских вилайетах в последней четверти XIX — начале XX в. продолжала совершенствоваться. В конце 1887—1888 гг. в Сирии были произведены новые административно-территориальные преобразования: иерусалимскому санджаку был возвращен статус особого округа (*мутасаррифийя*), подчиненного напрямую министерству внутренних дел. Был восстановлен Бейрутский вилайет, в состав которого входила прибрежная полоса Сирии от Латакии на севере до Хайфы на юге, а также северные районы Палестины (Наблус, Дженнин). Таким образом, к началу XX в. Османская Сирия была разделена на три обширных вилайета — Хalebский (Алеппский), Сирийский (Дамасский), Бейрутский, и три отдельных округа — Горный Ливан, Иерусалим

и Дейр эз-Зор. Возросло число вновь организуемых административных единиц низового уровня — *нахий*, тогда как в начале XIX в. не только в нахиях, но и в *казах* практически не было официальной администрации, а вся власть принадлежала местным *аянам*. Административно-территориальные преобразования позволили провинциальной администрации усилить свой контроль практически во всех сферах общественной жизни. Повысилась общественная безопасность, а угроза нападений бедуинов существенно уменьшилась. Укрепились позиции провинциальной администрации и в непокорной горной области Джэбэль ад-Друз. В ходе военной операции против местных друзов в 1878 г. османским властям удалось достичь компромисса с друзскими шейхами — в итоге была создана каза Джэбэль ад-Друз, непосредственно подчиненная Дамаску. Хотя волнения друзов в результате недовольства рекрутскими наборами еще не раз вспыхивали, например, в 1896 и 1899 гг., османская администрация наконец-то, прочно утвердилась и в этом ранее практически неподконтрольном районе.

С 1878 по 1880 г. пост вали Сирийского (Дамаскского) вилайета занимал видный османский государственный деятель Мидхат-паша. Он уделял особое внимание системе общественной безопасности и охраны правопорядка в Сирии. По его инициативе эта система была реорганизована, были созданы новые эффективные подразделения конной и пешей полиции и жандармерии. В период пребывания Мидхат-паши на посту вали Дамаска многое было сделано для совершенствования *системы меджлисов*. Мидхат-паша четко обозначил прерогативы и обязанности всех меджлисов, проверил квалификацию должностных лиц и строго следил за проведением в жизнь решений, принимаемых меджлисами. Энергичный вали неустанно требовал от меджлисов особенно чуткого отношения к интересам представителей низов — феллахам и простым горожанам.

В период правления Абдул-Хамида II на основании закона о муниципалитетах 1877 г. пришел в действие процесс формирования муниципальных советов (*меджлис-баладийе*) в дополнение к уже действовавшим административным и судебным органам. Большинство функций социального обеспечения, осуществлявшихся ранее за счет *вакфов*, были переданы новым коллективным административным органам — городским

муниципалитетам, провинциальному совету народного просвещения, санитарному управлению. В Иерусалимской мутасаррифийе к началу XX в. у городских советов был даже отдельный бюджет, одобрявшийся, правда, провинциальным меджлисом. Повышение общественной безопасности сделало не обрабатывавшиеся ранее земли привлекательным объектом для потенциальных землевладельцев. На основании Османского земельного кодекса 1858 г. продолжалась индивидуальная регистрация земельных владений с правом отчуждения. В тех районах (преимущественно, гористых), где существовала давняя традиция мелкого крестьянского землевладения (Горный Ливан, Джэбэль-эд-Друз, Джэбэль-Ансарийе, некоторые районы Палестины), непосредственные производители смогли закрепить свои права. Там же, где большинство крестьян издавна были лишены владельческих прав на землю, утверждалось крупное землевладение. Кроме того, представители местного аянства и купечества приобретали ранее не обрабатывавшиеся земли и вводили их в хозяйственный оборот. К началу XX в. в Сирии сложилась в целом достаточно пестрая картина землевладения: 25% обрабатываемых земель приходилось на мелкие владения (до 10 га), 15% — на средние владения (10—100 га) и 60% находилось в составе крупных владений (свыше 100 га). Несмотря на преобладание крупного землевладения, мелкое и среднее землевладение не исчезло. Наиболее важным политическим итогом трансформации системы аграрных отношений в сирийских провинциях Османской империи XIX в. к началу XX в. стало упорядочение отношений между османской провинциальной администрацией и местной земельной знатью, выразившееся в укреплении своеобразного политического блока властей с местным аянством при все более явном доминировании централизаторских начал.

Султан Абдул-Хамид II уделял сирийским провинциям особое внимание в своей новой панисламистской политике и всячески стремился завоевать симпатии местной мусульманской знати. Наиболее активными идеологами и проводниками доктрины *панисламизма* на общеимперском уровне стали именно выходцы из Сирии: шейх суфийского братства ар-рифайя Абу-ль-Худа ас-Сайяди и крупный дамаскский землевладелец Ахмад Иззет-паша аль-Абид. В это время были выстроены прямые неформальные связи между султанским

окружением и рядом наиболее влиятельных родов, представлявших традиционную политическую элиту Сирии. Для многих богатых мусульманских семейств Сирии приближение к султанскому двору стало еще одним признаком османизации, наряду с получением образования в государственных учебных заведениях и последующим карьерным продвижением по государственной службе.

Важным средством распространения и пропаганды идей османского единства в Сирии, как и в других частях Османской империи, стала государственная система образования. В правление Абдул-Хамида II государственная образовательная система получила стимул к развитию. К началу XX в. в Сирии практически полностью были проведены в жизнь положения закона об образовании 1869 г., предусматривавшего повсеместное создание сети государственных начальных и средних школ, а также профессиональных училищ (технических, педагогических, военных). На рубеже XIX и XX вв. во всех сирийских вилайетах и отдельных округах насчитывалось в общей сложности свыше полутора тысяч государственных начальных и средних школ, в стенах которых обучалось около 50 тыс. учащихся. Государственные учебные заведения были доступны для всех османских подданных без различия вероисповедания, однако основной контингент учащихся в них составляли мусульмане, в то время как большинство христиан и иудеев все же предпочитали отдавать детей на обучение в свои религиозные школы или же в учебные заведения, созданные западными миссионерами.

В Османской Сирии, как и в других частях Османской империи эпохи Абдул-Хамида II, в конце XIX — начале XX в. действовала жесткая государственная цензура. Любая критика властей была категорически запрещена. Рост уровня грамотности и образования повышал спрос на печатную продукцию. В Сирии возникали все новые периодические издания, создавалось все больше типографий. В то же время сирийские писатели и публицисты, не согласные с политикой правящего султана, вынуждены были эмигрировать в Египет или же на Запад. Некоторые представители сирийской интеллектуальной элиты, чьи идеологические позиции расходились с официальными доктринами, продолжали, однако, жить у себя на родине. К таковым следует отнести представителей кружка сирийских мусульманских реформаторов

(*салафистов*), возглавлявшегося дамасскими алимами Джамаль ад-Дином аль-Касими, Абд ар-Раззаком аль-Битаром и Ахмадом аль-Джазаири. Также в Дамаске возникли своеобразные учебно-просветительские кружки (известные в литературе как «Большой» и «Малый» дамасские кружки), отстаивавшие идеи просвещения и арабского культурного возрождения. В конце XIX в. арабо-сирийский патриотизм все еще оставался уделом незначительной части интеллектуальной элиты, в то время как панисламистские идеи оказывали более сильное воздействие на сирийских мусульман, чем какое-либо региональное или национальное движение. «У арабов нет понятия о нации, лишь о религии и подданстве, отчасти только о языке», — отмечал знаменитый российский востоковед А.Е. Крымский, посетивший Сирию в 1898 г. Вплоть до конца правления Абдул-Хамида II среди населения сирийских провинций Османской империи в значительной степени поддерживалось сознание османской и исламской общности.